ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ:

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ, ЗАДУМЫВАЯСЬ О БУДУЩЕМ

Материалы Третьей международной научной конференции Российской ассоциацией исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

1 – 3 ноября 2010 года, Череповец

Том 2

Москва
2010

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ, ЗАДУМЫВАЯСЬ О БУДУЩЕМ

Материалы Третьей международной научной конференции
Российской ассоциацией исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

1 – 3 ноября 2010 года, Череповец

Том 2

Москва
2010

При поддержке Программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Американской ассоциации женщин-славистов (American Association of Women in Slavic Studies)

Редакционная коллегия:
Н.Л. Пушкарева (отв. редактор),
О.Ю. Солодянкина, М.Г. Муравьева, Н.В. Новикова

«Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец. – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. – 476 с.

ISBN

Издание включает в себя материалы международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), местом проведения которой избран в 2010 году Череповецкий государственный университет (г. Череповец Вологодской обл.). Материалы конференции позволяют составить представление о путях развития и становления актуального научного направления – женских и гендерных исследований в науках о прошлом, сложностях и противоречиях, возникающих в рамках данного научного сообщества, а также женском социальном опыте и женских идентичностях в традиционном и современном контекстах; проблемах политико-правового положения женщин, семье и браке в истории и культуре народов Евразии; о гендере как категории политического и образовательного дискурса, в том числе о дискурсивных практиках его конструирования; истории женского движения. Редколлегия сборника не несет ответственности за содержание текстов, представленных на конференцию в качестве рабочих материалов.

УДК
ББК

© Коллектив авторов, 2010
© ИЭА РАН, 2010
© ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 7. История женских движений и феминизмов.

Новицкая А.Б. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ КАК ФЕМИНИСТ С. 10

Казакова-Апкаримова Е.Ю. ЖЕНСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА С. 14

Трошина Т.И. «ПОДРУГИ ДНЕЙ СУРОВЫХ…» (ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ В МЕСТАХ ССЫЛКИ. НА МАТЕРИАЛАХ МЕЗЕНСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1880 Г.) С. 22

Королева Т.В. ЖЕНСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 60-Х ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. С. 28

Крадецкая С.В. ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА С. 34

Шныpова О.В. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПАЦИФИСТСКОЕ СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ С. 39

Новикова Н.В. ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ XIX – XX ВЕКОВ: ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С. 43

Нагорная Н.Н. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТАНОВЛЕНИЯ С. 49

Кутырова О.В. ПРОПАГАНДА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ С. 54

Ермаков А.М. УНИФИКАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ С. 60

Вершинина Д.Б. КОНЦЕПЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В РАДИКАЛЬНОМ ФЕМИНИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ) С. 66

Шафигуллина Л.Р. ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: С. 72

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
Барандова Т.Л. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ГЕНДЕРНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В КОНТЕКСТЕ «ЭКЗОГЕННЫХ УСЛОВИЙ» СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ С. 78

Раздел 8. История женского образования
Кармальская Е.В. ВКЛАД ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: СОЦИОЛОГИЯ ГАРРИЕТ МАРТИНО С. 85
Фролова С.А. СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ ЧАСТНЫХ УЧЕБНЫХ ПАНСИОНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ШТРИХИ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОРТРЕТУ С. 91
Шабаршина О.В. ЖЕНСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРИ «ДОМЕ АНАТОЛИЯ ДЕМИДОВА» С. 96
Солодянкина О.Ю. ВЯЗАНИЕ В СИСТЕМЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. С. 102
Дашкевич Л.А. «ПРОДОЛЖАТЬ САМОРАЗВИТИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ…»: О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ВОСПИТАНИЮ ВЯТСКИХ ГИМНАЗИСТОК С. 106
Зеткина И.А., Соколова А.В. «ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» ДОМАШНЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В РОССИИ С. 112
Касаткина С.С. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ВОСПИТАННИЦ ИНСТИТУТОВ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ С. 117
Долгова Е.А. «ЭТИ КУРСЫ БЫВАЮТ ЧАСТО ИНТЕРЕСНЫ, НО ВСЕ-ТАКИ ОНИ ПРОСТО КУРСИКИ…»: ОПЫТ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ (ПО ПИСЬМАМ СЛУШАТЕЛЬНИЦ РУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПАРИЖЕ) С. 120
Мамонтова М.А. ПРОФЕССОРСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ИСТОРИКОВ РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ И СЛОЖНОСТИ «ВХОЖДЕНИЯ» В НЕЕ ЖЕНЩИН С. 125
Сидорякина Т.А. РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ ЖЕН УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В «ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ» С. 129
Орлова Н.Х. ЖЕНЩИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ С. 133
Лялина А.Н. ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ) С. 139

Бочан С.А. МЕДИЦИНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МАТЕРЕЙ-КРЕСТЬЯНОК ПЕРИОДА НЭПА С. 144

Раздел 9. Женщины и власть: история и современность.

Якубовская И.В. «ДЕПУТАТ ОТ РОССИИ»: О.А. НОВИКОВА И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА С. 149

Юркина О.А. БЕАТРИС ВЕББ: НАЧАЛО ПУТИ С. 154

Егоров А.Н. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ВЗГЛЯДА НА ПОЛИТИКУ: А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС О ВЫБОРГСКОМ ВОЗЗВАНИИ С. 159

Обрезкова Н.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОЖАНОК В 1920-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА) С. 164

Лабур О.В. ЖЕНЩИНЫ В КОНСТРУКТАХ ВЛАСТИ: ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНОТДЕЛОК КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ С. 168

Моховикова Г.В. «НОВЫЙ КУРС» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ С. 173

Досина Н.В., Смирнов Я.О. ПРОНАТАЛИСТСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД С. 177

Афанасьев Д.В. ЖЕНСКИЙ СУИЦИДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ (ЖСТ): СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН? С. 182

Олийнык Н.Ю. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН УКРАИНЫ: УЧАСТИЕ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ С. 188

Воронова Л.А. ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ И ШВЕДСКИХ СМИ: МИФЫ И АНТИМИФЫ С. 193

Досина Н.В. К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ С. 198

Смирнова О.В., Севелова М.А. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА С. 203

Рождественская Е.Ю. ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ: ХАКАМАДА С. 207

Тотьмянин Н.Д. Х. КЛИНТОН – «ПЕРВАЯ ЛЕДИ» И ПОЛИТИК С. 211

Иванова И.В. ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ В С. 215

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С. 219
Шведова Н.А. ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ С. 224

Раздел 10. Мужская, женская, детская повседневность.
Короткова С.А. «КЕМПФОЛЛОВЕРЫ» (CAMPFOLLOWERS) АРМИИ ДЖ. ВАШИНГТОНА С. 231
Мартианова И.Ю. ЖИЗНЕННЫЙ МИР ДЕВОЧКИ В ПОЛЬСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ XVIII ВЕКА С. 237
Курто О.И. ХИЩНИКИ-ЖЕЛТУГИНЦЫ: К ИСТОРИИ МУЖСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА С. 242
Всеволодов А.В., Котов А.С. МЕЖДУ «ПРЕЖДЕ» И «ТЕПЕРЬ» (ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И ЯВЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО В ШКОЛЬНЫХ ТЕКСТАХ 1920-х ГОДАХ.) С. 247
Копылов Ф.В. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ШКОЛЬНИКА 1930-х ГОДОВ КАК ОБРАЗЕЦ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ (СЛУЧАЙ ЮРИЯ ПИВУШКОВА) С. 252
Островская И.С. ОБРАЗЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДИТЕЛЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АУДИО И ВИДЕОИНТЕРВЬЮ, ЗАПИСАННЫХ В РАМКАХ ПРОГРАММ «СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ» И «ДЕТИ АЛЖИРА» С. 259
Реброва И.В. СЕКС, НАСИЛИЕ И ВОЙНА: ЖЕНЩИНА НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ С. 263
Белова Н.А. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: БЫТ И УСЛОВИЯ ТРУДА КОСТРОМСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ В 1941–1945 ГГ. С.270
Хуснутдинова Ф.А. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) С. 277
Колокольчикова Р.С. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960 – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.) С. 283
Деманов А.А. КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ ВПК: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВВЭР) С. 289
Гагарин А.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА НА С. 296

ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В 1900–1940 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА)
Посохова Т.А. ЖЕНЩИНА-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ) С. 303

Раздел 11. Современный гендерный порядок: становление, эволюция и механизмы (вос)производства.
Козлова Н.Н. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ 8 МАРТА КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ С. 308
Щербина Н.М. ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ С. 317
Липай Т.П. ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ С. 322
Рочева А.Л. ЖЕНСКИЙ ОПЫТ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С. 327
Столярчук Л.И. ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ С. 332
Тулузакова М.В. ПРАКТИКИ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ С. 338
Ключко О.И. ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ С. 341
Окулова Л.П. К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ СОТРУДНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ С. 347
Чижова В.Н. ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ С. 350
Конева Н.Ю. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С. 355
Подшибихина С.В., Радина Н.К. «ГЕНДЕР» КАК ОСНОВА ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ С. 358
Ветер И.В. РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА В ГЕНДЕРНОМ РАЗРЕЗЕ С. 362
Кононова Г.А. ГЕНДЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ) С. 367
Кругликова А.В. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В С. 370

СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ СЕМЬЕ
Золотухина М.В. МАТЕРИНСТВО VS ОТЦОВСТВО: СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ В США С. 374

Раздел 12. Особенности конструирования женской идентичности
Кожикова А.В. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С. 378
Gouri Nilakantan Mehta FEMINIST DIRECTIONS IN INDIAN THEATRE: A STUDY OF FEMALE DIRECTORS OF INDIA С. 382
Павлова О.Н. ИНТРАПСИХИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН С. 386
Алмазова С.Л. ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ С. 391
Вержибок Г.В. ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОСТРОЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ С. 394
Сечко Н.Ф. ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА С. 400
Машихина Т.П. ГЕНДЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ С. 404
Здравомыслова Е.А. ЗАБОТА О ПОЖИЛЫХ ЧЛЕНАХ СЕМЬИ – НЕПРОСТОЙ БАЛАНС ЖЕНСКОЙ РАБОТЫ И ПРИЗВАНИЯ С. 409
Громашева О.А. МАТЕРИ КАК ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ПИТАНИЕ В СЕМЬЕ С. 411
Болохова М.В. ВОСПРИИМЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН К «ГЛЯНЦЕВЫМ» ЭТАЛОНАМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ С. 416

Раздел 13. Дискурсивные практики конструирования гендера.
Николаева Е.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСАЛИИ «РЕБЕНОК» В ЖЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ С. 422
Иликеева Ю.А. ПРИМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА (К ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ ИСТОЧНИКОВ) С. 428
Остренко Е.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ С. 434

ЭЛЕМЕНТОВ КАК ЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Бирюкова Е.О. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОК-ШОУ «ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ») С. 437

Овруцкий А.В. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА С. 443

Брижань Е.Ю. О РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГЕНДЕРА С. 449

Пахолкова Т.В. ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ В ПАРЕ ЯЗЫКОВ НЕМЕЦКИЙ - РУССКИЙ С. 454

Сухарева Н.П. ВЕРБАЛЬНО–НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЖСКОГО ПОВЕДЕНИЯ С ЖЕНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ S. FRÖHLICH, C. KLEIS „DEUTSCH-MANN, MANN-DEUTSCH“) С. 458

Пахолкова Л.М. ГЕНДЕР В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА) С. 463

Большакова О.В. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ РУСИСТИКЕ С. 469

Трофимова Е.И. ГЕНДЕРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ СТЕРЕОТИПОВ С. 475

Раздел 7.
История женских движений и феминизмов.

А.Б. Новицкая,
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ КАК ФЕМИНИСТ

В 1869 г. в Великобритании выходит эссе Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин» (The Subjection of Women), сразу же получившее необыкновенную популярность как на родине автора, так и за ее пределами. В частности, в России первый перевод был опубликован в том же году, что и оригинал, и в дальнейшем последовало еще три перевода, кроме того, эссе Милля о «женском вопросе» вызвало широкую дискуссию в среде русской интеллигенции[1]. Однако сейчас в отечественной историко-философской традиции Милля воспринимают как логика, позитивиста, одного из основателей утилитаристской этики, но никак не одного из первых феминистов. Тогда как вклад Милля в становление и развитие женского движения огромен, так же как и значение его труда «О подчинении женщин», незаслуженно забытого в постреволюционной России. Впрочем, и на Западе к Миллю обратились только в 1970-е гг. на фоне третьей волны феминизма, когда помимо следования конкретным политическим целям равенства и борьбы с дискриминацией феминистская теория обратилась к осмыслению общего исторического и философского наследия с целью обозначить свои истоки и выявить культурные доминанты патриархального дискурса с тем, чтобы в дальнейшем подвергнуть их процедуре деконструкции[2]. Задача этого доклада – возвратить работе Милля

[1] См., напр.: Страхов Н.Н. Женский вопрос: Разбор сочинений Джона Стюарта Милля "О подчинении женщин". СПб., 1871.; Соловьев Н.Н. Милль, Конт и Болль о женском вопросе. М., 1870.
[2] См.: Шенли М.Л. Рабство и дружба в браке: «Подчинение женщин» Джона Стюарта Милля // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Под ред. М.Л. Шенли и К. Пейтмен. М., 2005.

утраченное признание и показать наиболее интересные положения этого классического для западного либерального феминизма труда.

Милль работал над эссе более десяти лет. Известно, что на написание труда на такую тему его побудила жена, Гэрриэт Тейлор-Милль, известная радикальными для того времени взглядами на положение женщины. С одной стороны, Тейлор «заразила» своими идеями Милля, но, с другой, нельзя не брать во внимание факт, что и сам философ был свободен от многих предрассудков – по свидетельству Г. Тейлор, при знакомстве с Миллем она была поражена тем, что он первый и единственный видел в ней не «женщину», а равного себе человека, наделенного разумом и свободной волей[1]. Итак, они вдвоем начали работать над «Подчинением», но из-за смерти Тейлор от туберкулеза закончил Милль его в одиночку. Мнение исследователей по поводу того, чьи же идеи были опубликованы под его фамилией, а так же о роли Тейлор-Милль в написании эссе, до сих пор варьируются от полного отрицания участия супруги философа в создании эссе до, наоборот, утверждения, что Милль только записал ее предложения[2]. В пользу второго утверждения говорит факт, что Милль сам признавался, что был только медиумом великих идей и великой храбрости этой незаурядной женщины.

Теперь обратимся к основным положениям этой работы. Ее главная цель – уравнять женщин в правах с мужчинами и доказать возможность женщины состояться в качестве гражданского и политического субъекта. Конкретной целью было достижение женщинами права голоса. Милль предваряет свое рассуждение фразой о том, что в его сочинении могут увидеть попытку кощунства, так как он якобы покушается на то, что считается «естественным» и «универсальным», то есть на всеобщий порядок сущего[3]. А именно, под естественным и универсальным порядком сущего испокон веков

---

[1] Gopnik A. Right Again – The passions of John Stuart Mill // The New Yorker. October 6. 2008.

[2] Tong R. Feminist Thought: A More Comprehensive Introduction. Westview Press, 2009. P. 17.

[3] Mill J.St. The Subjection of Women. London, 1878. P. 3 [electronic resource]: http://files.libertyfund.org/files/348/0130_Bk.pdf

подразумевалось представление о том, что мужчина создан для того, чтобы править, женщина же – чтобы подчиняться, и это заложено у обоих в их природе[1]. Милль резко критикует понятие «природы», концентрируя внимание на историчности человеческой сущности и обнаруживая за апелляциями к природе традицию и устоявшиеся веками мнения, основывающиеся, в свою очередь, не на разуме, а на аффектах[2]. В книге можно выделить следующие важные моменты:

1) Историчность гендера – можно утверждать, что Милль задолго до феминисток второй волны обнаружил историческую сущность гендера и, следовательно, его конструируемую сущность. Женская сущность сводится к женской роли, созданной общественным мнением, об аффективном характере которого уже было сказано, и навязанной тем, кто не имеет права на выбор. Анализируя положение женщин с древнейших времен до настоящего, он с горечью констатировал, что роль женщины в социальной структуре можно сравнить с ролью раба, а то и хуже. Раб обладает собственным свободным временем, которое может посвящать личным нуждам, женщина же предана дому и семье без выходных и праздников.

2) Женская идентичность как «возможность» – с полным на то правом Милль утверждал, что пока невозможно сказать, каковы женские способности в сфере политики и права, но это незнание не должно означать их предвосхищаемой неспособности. Наоборот, мы пока ничего не можем утверждать о так называемой женской сущности и женской природе, так как еще не видели женщин в действии. Вероятно, из всех занятий они предпочтут брак и семью, но пусть это будет свободный выбор, а не рабская необходимость. То есть бытие женщины представляется пока абсолютной возможностью.

3) Утилитаристский смысл «Подчинения». Если следовать не эмоциям, а логике, то утилитаристский смысл уравнения женщин в правах с мужчинами сразу же станет предельно ясен – как известно, в центре доктрины утилитаризма стоит положение о достижении максимального количества блага для максимального количества членов общества. Как последовательный утилитарист, Милль понимал, что, если примерно половина находящихся в здравии членов

---

[1] Ibid. P. 4.
[2] Ibid. P. 6.

общества попросту исключена из общественной жизни, то больше всего страдает от этого социум как целое. Так что привлечение женщин вместе со всеми теми возможностями, которые они могут привнести в функционирование общества, полезно для обеих сторон.

4) «Феноменологический аспект». Милль определяет события и культуру как то, что конституируется на основе общественного мнения – состоявшимся можно считать то событие, которое было воспринято и отражено публикой. Публика же понимается как единый монолит, производящий общественное мнение. Однако в основе такого понимания лежит патриархальная, по сути, идея единства, и такая публика, создающая одно-единое мнение по тому или иному вопросу, и, следовательно, конституирующая мир социума, исходя лишь из одной перспективы, возможна лишь до тех пор, пока на политическую сцену не выходят новые субъекты, обладающие другим типом способности восприятия и мировоззрения. Мы не можем ничего сказать о женской политической способности, пока женщины не начнут действовать, все, что у нас сейчас имеется, – основанное на догадках предположение о женской «природе», отличной от мужской, способной заниматься несколькими делами одновременно, рассеивающейся, предпочитающей широту глубине. Но даже если это и так (чего мы пока не знаем), женское восприятие изменит сущность публики и общественного мнения, существенно обогатив мир, так как вместо одной картины события и одного миро-представления, мы получим несколько разных, дополняющих друг друга образов, что вполне соответствует утилитарной этике[1].

5) Новые перспективы – равноправие полов может пониматься на нескольких уровнях: это и отход от «варварства», и перспектива обретения большего количества общественных благ, и увеличение разнообразия мира социума, и, самое главное, появление новых гражданско-политических субъектов – женщина, понимаемая как чистая возможность, наконец-то обретет себя в практике и обогатит мир в целом.

Не отрывая теорию от практики, в 1867 г. Милль выступил в пользу поправки в британском законодательстве о получении женщинами

---

[1] Подробнее см.: Tucker I. Picturing utilitarianism: John Stewart Mill and the Invention of a Photographic Public // Critcism. Summer 2008. Vol. 50. P. 411–446.

права голоса. Поправка провалилась, но идеи суфражизма привлекали все большее и большее внимание, и «Подчинение женщин» сыграло в становлении движения существенную роль.

Е.Ю. Казакова-Апкаримова,
Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

ЖЕНСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

В ходе российской модернизации второй половины XIX – начала XX в. важной формой социализации женщин стало их участие в деятельности добровольных самоуправляющихся общественных организаций. Общественная работа женщин в сфере благотворительности и на культурно-просветительском поприще предоставляла женщинам возможность формировать лидерские, управленческие и предпринимательские навыки. Для женщин филантропия была формой самовыражения, возможностью оторваться от домашней рутины и добиться некоторого влияния в обществе. Участие женщин в общественных организациях становилось для них школой гражданственности.

Женщины прогрессивных взглядов, рассматривающие общественное служение как личный моральный долг, были охвачены желанием социальных перемен. «Трудно преувеличить, — пишет известный зарубежный специалист А. Линденмейер, — основную роль, которую женщины играли пореформенной общественной жизни, благотворительности и движении за социальные реформы». Исследователь справедливо указывает, что в пореформенную эпоху женской общественной активности были присущи как традиционные формы проявления благотворительности, религиозных и патриотических чувств, так и новые черты, обусловленные тесным переплетением благотворительности с новыми социальными вопросами, которые после 1856 г. доминировали в пореформенных

дебатах образованной части российского общества (образование, общественное здоровье, женская эмансипация)[1].

Женщины оказались активными членами новых религиозных сообществ, созданных в эпоху Великих реформ Александра II. Так, из 863 членов Общества св. Стефана Пермского к 1887 г. около 10% являлись представителями женского пола (свыше 80 чел.). Общество св. Стефана Пермского действовало с целью распространения в народе религиозного просвещения и поддержки в народе доброй христианской нравственности[2]. В числе 40 действительных членов братства св. Афанасия Великого, действовавшего при Богоявленской церкви г. Соликамска в 1878 г. насчитывалось 7 женщин. Братство ставило задачи: поддерживать благолепие Богоявленской церкви, оказывать пособие бедным ученикам Соликамского духовного училища и помогать бедным прихожанам Богоявленской церкви в крайних нуждах[3]. В составе Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства в 1913 г. было 22 женщины (из 113 членов)[4].

Во главе благотворительных общественных организаций часто оказывались женщины, о чем, например, свидетельствует история Екатеринбургского благотворительного общества. Его первым председателем являлась жена горного инженера О.Б. Строльман, затем М.Ф. Ильина[5]. К.А. Баландина первоначально была действительным членом Екатеринбургского благотворительного

---

[1] Lindenmeyr A. Poverty is not a vice. Princeton, New Jersey, 1996. P. 100–128.

[2] Отчет о деятельности общества св. Стефана Пермского в 1886 году. Пермь, 1887.

[3] Пермские епархиальные ведомости. 1879. 16 мая. № 20. С. 228–231.

[4] Отчет пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1913 год. Пермь, 1914. С. 43–44.

[5] Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества в 1869 году (с 16–го марта по 31–е декабря), читанный в общем собрании гг. членов общества 29–марта 1870 г. Екатеринбург, 1876. С. 20; Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1871 год. Екатеринбург, 1872. С. 5.

общества и затем его председателем[1]. Верхотурское общество вспоможения нуждающимся возглавляла госпожа Гисленг, которую после переезда на постоянное жительство в Санкт-Петербург сменила М.А. Мухлынина[2]. Еще один яркий пример – «девятнадцатилетняя безвозмездная полезная служба» Глафиры Григорьевны Лопатковой на посту председателя Ирбитского попечительного общества о бедных[3].

Пермское дамское попечительство о бедных также находилось под председательством одной из представительниц пермского высшего общества, но не было чисто женской организацией. Общество состояло под непосредственным покровительством императрицы, имело цель, согласно уставу, утвержденному 19 апреля 1862 г, «вспомоществование всем престарелым, больным, сиротам и обремененным большими семействами». Первоначально в нем председательствовала супруга пермского гражданского губернатора А.В. Лашкарева. В 1863 г. попечительство объединяло 33 женщины и 95 мужчин[4]. Для сравнения можно указать, что в составе Екатеринбургского благотворительного общества в 1869 г. насчитывалось 43 женщины, 73 мужчины (всего 116 членов). Велика была доля женщин в составе общества и в последующее время. В 1886 г. в общество входило 94 члена (20 женщин и 74 мужчины). Женщины составляли основу комитета (исполнительного органа) Екатеринбургского благотворительного общества[5].

---

[1] ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 473. Л. 1–1 об.; Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 112.

[2] Пермские губернские ведомости. 1893. 3 ноября. № 88. С.460.

[3] ГАПО. Оп. 2. Д. 1256. Л. 259.

[4] Дашкевич Л.А. Начало деятельности Пермского дамского попечительства о бедных // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 158–161; Отчет о деятельности Пермского Дамского попечительства о бедных. Б.м., б.г. С. 7.

[5] Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества в 1869 году (с 16–го марта по 31–е декабря), читанный в общем собрании гг. членов общества 29–марта 1870 г. Екатеринбург, 1876 (далее – Отчет. 1869). С. 6; Отчет о деятельности Екатерин-

Пермские материалы свидетельствуют об устойчивой семейной склонности к благотворительности пермских губернаторов, вице-губернаторов и их жен. Так, учредительницей и попечительницей приюта для нищих детей обоего пола в Перми, созданного в 1866 г., являлась супруга начальника губернии А.Ф. Струве, которая также стояла во главе Дамского попечительного комитета о бедных в Перми[1]. Еще один яркий пример подвижницы на ниве благотворительности – жена Владимира Ивановича Европеуса, статского советника, пермского вице-губернатора (с 30 июля 1907 г.). Пермский губернатор И.Ф. Кошко в своих воспоминаниях пишет о Вере Арсеньевне Европеус: «Она ужасно любила хлопотать и по устройству всяких благотворительных затей – это было ее сферой. Она до такой степени вся вошла в это дело, что по этому поводу стали даже раздаваться нарекания, что вице-губернаторша своими благотворительными затеями прямо разоряет пермское общество, и я принужден был ее тут ограничить, допуская ее участие в благотворительности не более двух раз в год. Увы! Эта вынужденная сдержанность много раз пыталась прорываться за установленные барьеры, но я старался быть возможно тверже и добился некоторого ослабления. …По доброте она не уступала своему мужу, за всех хлопотала, обивала пороги всех учреждений с ходатайствами за бедноту»[2].

Иногда участие в руководстве общественными организациями со стороны губернаторов или их жен прописывалось в уставах общественных организаций. Это видно на примере Омского благотворительного общества, которое провозглашало цель «помочь крайней нищете и уничтожить нищенство». По уставу общества, измененному 10 декабря 1862 г., звание председательницы общества «предоставлялось принять супруге генерал-губернатора Западной Сибири». В 1863 г. этот пост занимала Юлия Михайловна Дюгамель. Омск был разделен на кварталы во главе с дамами-

---

бургского благотворительного общества за 1886 год. Екатеринбург, 1887 (далее – Отчет. 1886). С. 6.

[1] Пермские епархиальные ведомости. 1868. 4 декабря. № 49. С. 787.

[2] Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора Пермь 1911–1914. Екатеринбург, 2007. С. 41–42.

распорядительницами. Комитет общества назначал пособия на лечение, постоянные пенсии нуждающимся. Общество содержало столовую, где ежедневно раздавалась пища. Организация создала убежище бедных сирот, дирекцию которого возглавила сама Ю.М. Дюгамель. При обществе функционировала богадельня. С 12 декабря 1862 г. открылся дом трудолюбия. Общество успешно действовало, в чем была и личная заслуга его председателя[1].

Материалы Екатеринбурга начала XX в. свидетельствуют, что женщины, в частности, врачи, с готовностью откликались на различные благотворительные акции, например, проведение праздника Белого Цветка (Белый цветок являлся символом борьбы с туберкулезом – Е.К.). 1 мая 1912 г. открылось Екатеринбургское общество борьбы с чахоткой. В 1912 г. в нем насчитывалось 126 человек (в том числе 51 женщина)[2].

Стремление помочь женщинам стать самостоятельными и образованными членами социума было типично не только для феминисток и радикалов. Эти идеи находили свой отклик в российской провинции, поэтому женщины принимали активное участие в деятельности соответствующих культурно-просветительских организаций. При женских учебных заведениях создавались благотворительные общества. Благодаря усилиям Т.Д. Анастасьевой в 1883 г. в Перми открылось «Общество для доставления квартир ученицам Мариинской женской гимназии», приобретшее дом по Петропавловской улице для помещения общежития. В августе 1884 г. открылось общежитие для учениц гимназии в доме, купленном на средства этого общества[3]. С 1905 г. при гимназии действовало «Общество вспомоществования недостаточным ученицам гимназии». Общество ставило цель — помогать учащимся взносом платы за

---

[1] Отчет об управлении делами Омского благотворительного общества за 1863 год // Тобольские губернские ведомости. 1864. С. 70–75; Тобольские губернские ведомости. 1864. № 22. С. 171.

[2] Отчет о деятельности Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой за 1912 год. Екатеринбург, 1913. С. 1–30.

[3] Семченков В. К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет ее существования: (с 1861 по 1886 г.). Пермь, 1886. С. 28,31.

право учения, покупкой учебников, платья, обуви и даже доставлением полного содержания беднейшим ученицам[1].

Довольно массовым было участие женщин в Пермском библиотечном обществе имени Д.Д. Смышляева. По данным на 1 января 1901 г., в нем насчитывалось 212 человек, в том числе 42 женщины, что составляло 20%. В отчете общества подчеркивалось, что среди «подписчиков» библиотеки имени Д.Д. Смышляева мужчины составляли 78%, однако со временем соотношение библиотечных подписчиков мужского и женского пола несколько менялось в сторону увеличения числа последних[2].

Инициатива создания Пермского общества попечения о глухонемых исходила исключительно от женщин. Устав общества разработали и подписали С. Болотова, О. Шереметевская, В. Свентицкая, Н. Свентицкая, З. Кашперова, А. Батманова, К. Кононова, М. Тупицына. В нем формулировалась цель общества: попечение, воспитание, образование и обучение ремеслам глухонемых обоего пола без различия звания и вероисповедания[3].

Женщины были членами благотворительных обществ, которые содействовали развитию не только женского, но и мужского образования. Треть членов Общества содействия начальному образованию при Пермском Кирилло-Мифодиевском мужском училище с 1 октября 1911 г. по 1-е октября 1912 г. составляли женщины (77 из 229 человек)[4].

Воспитание детей традиционно являлось женским делом. Неудивительно, что в обществе «Светлая юность», которое открылось в 1912 г. и провозглашало цель «содействовать умственно-нравственному и физическому воспитанию детей дошкольного и школьного возраста», было много женщин, имеющих склонности к

---

[1] Мариинская женская гимназия в Перми: к пятидесятилетнему юбилею. 1861–1910. Пермь, 1913. С. 67–72.

[2] Отчет о деятельности Пермского библиотечного общества имени Д.Д. Смышляева за 1901 год. Пермь, 1902. С. 12–72.

[3] Устав Пермского общества попечения о глухонемых. Б.м., б.г. С. 1–3.

[4] Отчет правления о деятельности общества содействия начальному образованию при Пермском Кирилло-Мифодиевском мужском училище с 1 октября 1911 г. по 1–е октября 1912 г. Пермь, 1913. С. 3–5.

воспитательной деятельности (45 женщин из 131, что составляло 34%)[1]. Организатором первого детского сада в Перми, который открылся в 1912 г., была учительница Олимпиада Максимовна Варфоломеева, председатель общества «Светлая юность»[2].

Демонстрируя любовь к искусству, женщины принимали живое, деятельное участие в организации городского досуга, например, в жизни музыкальных и музыкально-драматических кружков. Исследователи указывают на семейное членство в Екатеринбургском музыкальном кружке, называя членов семьи Тиме; лаборанта химической лаборатории А.Я. Дрездова и его супругу. «Душой» кружка являлись Софья Александровна Мирославская (пианистка и арфистка), жена начальника химической лаборатории Е.А. Иосса, жена ветеринарного врача Е.Я. Шнейдер (обе пианистки). В театрально-концертной области женщины находили широкие возможности для проявления своих способностей и интересов»[3].

На материалах Южного Урала конца XIX – начала XX в. Р.Н. Сулейманова делает справедливый вывод: «Население края, как и всего региона, благодаря многонациональному составу, отличалось толерантностью и уважением к национальным традициям и обычаям народов. Подтверждением тому выступает вхождение в составы женских обществ представительниц разных народов и различных конфессий»[4]. Показательно и то, что в начале XX в. впервые в истории Южного Урала и в целом России под влиянием событий первой российской революции 1905–1907 гг. появились специальные

---

[1] Отчет правления о деятельности общества «Светлая юность» в г. Перми с 16–го мая 1912 г. По 1–е марта 1913 г. Пермь, 1913. С. 2–3, 17–18.

[2] Мельчакова О.А. Варфоломеева Олимпиада Максимовна (1866–1960) // Труды ГАПО. Выпуск 5. Пермь. 2002. С. 139–140.

[3] Шабалина Л.К., Лазаркевич О.Ю. Екатеринбургский музыкальный кружок и его организаторы // Первые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1997. С. 157–158.

[4] Сулейманова Р.Н. Деятельность благотворительных обществ на южном Урале в конце XIX – начале XX века: женский вопрос // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 23. № 5. 2008. С. 51–57.

организации мусульманских женщин, которые в числе своих первоочередных задач провозглашали задачу развития женского образования, немало сделав для ее решения[1]. На Среднем Урале не было самостоятельных женских мусульманских обществ, но действовали совместные с мужчинами мусульманские общества. Например, помощь населению, по мнению членов Пермского мусульманского культурно-экономического и благотворительного общества, должна была «выразиться главным образом в распространении знаний как общеобразовательных, так и профессиональных», что провозглашалось в его уставе, утвержденном 7 июня 1908 г. В составе общества, по данным на 1910 г., числилось 165 членов (в том числе 12 женщин — 7% от общего состава)[2].

Плодом пробудившегося под влиянием текущей войны русского национального самосознания явилось возникновение Восточно-русского Общества. Восточно-русское общество провозглашало цель содействовать развитию духовных и материальных сил русской народности в Восточной части России. Анализ состава общества в 1916 г. свидетельствует о желании женщин оказывать ему посильную помощь (средствами и деятельностью)[3].

В ходе российской модернизации женщинам удалось приобрести значительный социальный опыт. Этот социальный капитал формировался в результате их активного участия во многих сферах (благотворительность, просвещение и образование, сфера искусства и досуга). Рост грамотности и образованности женщин, их участие в общественной жизни города меняли их социальный статус, в процессе формирования гражданской культуры заметно эволюционировало их мировоззрение в целом. Женщины передовых взглядов проявляли инициативу создания женских и иных учебных заведений, активно

---

[1] Сулейманова Р.Н. Деятельность благотворительных обществ на южном Урале в конце XIX – начале XX века: женский вопрос // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 23. № 5. 2008. С. 51–57.

[2] Отчет пермского мусульманского культурно-экономического и благотворительного общества за 1910 год. Пермь, 1911. С. 3, 19–21.

[3] Отчет о жизни и деятельности Восточно-русского культурно-просветительного Общества в г.Уфе за 1916 год. Уфа, 1917. С. 1–7.

участвовали в деятельности культурно-просветительских общественных организаций. В рассматриваемое время возросло значение общественных организаций, в которых женщины могли составлять до 20–30% (в исключительных случаях и выше) от общего числа членов. Женщины нашли возможности для профессионального самовыражения во многих сферах общественной жизни: музейное и библиотечное дело, образование и воспитание, искусство. Без преувеличения следует сказать, что женщины внесли заметный вклад в развитие городской культуры.

Т.И. Трошина,
Архангельск, Поморский государственный университет

«ПОДРУГИ ДНЕЙ СУРОВЫХ…» (ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ В МЕСТАХ ССЫЛКИ. НА МАТЕРИАЛАХ МЕЗЕНСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1880 Г.)

Женщин традиционно считают наиболее конформной частью населения. Вот почему анализ процесса «отпадания» их от традиционной системы ценностей представляет особый интерес – и не только исторический. Современная Россия столкнулась с проблемой «террористок-самоубийц»; и в поисках объяснения этого феномена следует обратиться не только к особенностям социализации женщин у кавказских народов, но и к российскому социальному опыту.

В 1880–1881 гг. Архангельское жандармское управление занималось делом «мещанской девицы» города Мезени Ксении Ванюковой [1], которая первоначально была арестована в связи с попыткой разбить окна в квартире уездного исправника. Застигнутая на месте преступления, она заявила, «что будь это квартира губернатора, министра, даже самого государя императора, то она

[1] Государственный архив Архангельской области (Далее – ГААО). Ф. 1 (Канцелярия Архангельского губернатора). Оп. 4, т. 1. Д. 2747 (Дело об учреждении полицейского надзора за мещанской К.М. Ванюковой… за высказывание оскорбительных слов по поводу кончины Александра II).

сделала бы то же самое, и будь у нее пистолет, она убила бы каждого из этих лиц». При аресте Ванюкова заявила, «что если исполнится то, что она хотела сделать, то многие будут ей благодарны, но что об этом объяснить она не думает», а «тайну свою она унесет в могилу с собой, но какую тайну, объяснить отказалась». Следствие показало, что «девица Ванюкова» тесно общается с политическими ссыльными, несколько десятков которых было расселено в городе Мезени и ближайших окрестностях. Следователь отмечал, что «содеянные» Ванюковой «преступления происходят единственно от испорченности ее взглядов на вещи, которыми она заразилась от политических ссыльных, вращаясь в кругу их в течение нескольких лет до самого ареста». Будучи неграмотной, подследственная не только сама воспринимала новые идеи от ссыльных, но и сама пыталась вести пропаганду. Один из ее земляков, давая показания о личности Ванюковой, заявил: «Сказать, что она была в здравом уме, не могу, так как в разговоре она иногда употребляла такие слова, что бога нет, что на том свете не будет никаких мук». Сама она поясняла это следующим образом: «Живя в Мезени, я много знала политических ссыльных, часто с ними разговаривала, многое они мне рассказывали, говорили, за что они сосланы, чего они хотят, почему они страдают. Конечно, я как неграмотная, вполне их понять не могла, но все-таки кое-что было для меня понятно…».

Надо сказать, что для «неграмотной» Ванюкова высказывала свои мысли довольно четко. Либо она оказалась способной ученицей, «поднахватавшись» громких фраз, либо следователь, оформляя протокол, сформулировал ее мысли соответствующим образом. В частности, неграмотная (по ее словам) мещанка заявляла: «Если меня постигнет тяжелая участь, то по крайней мере я знаю, что страдаю за правду. Народ позорят правительственные чиновники, а умных и лучших людей ссылают. Будучи знакома с ссыльными в Мезени, я знаю, за что их выслали и за что высылают других, и мне известно, что они страдают за правду; в чем заключается эта правда – вы сами знаете, и я более определенно высказываться не намерена».

Ванюкову отправили в губернский город, в больницу на предмет «освидетельствования ее умственных способностей». Вновь ее «дело» оказалось на столе жандармского дознавателя после убийства Александра II; обратили внимание на высказанную ею по этому поводу «подозрительную радость» (несколько свидетелей подтвердили, что

Ванюкова, узнав о смерти царя, воскликнула: «Слава богу! Мы своего добились!») и вспомнили ее слова с намерениями убить «даже самого государя императора,… будь у нее пистолет». Причину такого заявления она назвать отказалась, ссылаясь на то, что «дала честное слово скрывать ее. Существует ли в настоящее время эта причина, я не знаю, но если она существует, то я и теперь готова быть жертвою, подобно многим другим, увенчанным кровью». Ванюкова очень сожалела, что проговорилась об этих своих «намерениях», но не из страха наказания: «Эти мои мысли я должна была скрыть».

«Дело» в конце концов закрыли. Несостоявшаяся террористка так и осталась в «психушке», после чего ее отправили на родину, в уездный город Мезень под полицейский надзор.

Эта история ставит вопрос даже не о том, готовили ли из жительницы маленького городка, расположенного «на задворках великой Империи», цареубийцу; значительно важнее выявить причины, которые подвигли ее к экзальтированному проявлению, выражаясь современным языком, «социальной девиации».

Архангельская губерния была местом принудительного поселения до начала XIX в.; потом, со второй половины века, губерния вновь вошла в число «мест, не столь отдаленных», назначенных для административной ссылки. Ссыльных здесь расселяли по уездным городам, поскольку это была единственная возможность, при малочисленности полицейских чиновников, поставить их под надзор. Первоначально к «политиканам» население относилось с подозрением, но постепенно многолюдные колонии стали превращаться в рассадники политических организаций. Чиновник по крестьянским делам пишет губернатору (правда, это относится уже к периоду Первой русской революции), что этим влияние политических ссыльных на крестьянскую молодежь крайне отрицательно: поскольку «молодежь всегда чего-то ждет и ищет для себя особенного, хочет быть героем дня, то под влиянием «при ее [молодежи] темности и неустойчивости, вследствие невоспитанности и необразованности, действительно получаются герои, но герои с отрицательными качествами, герои, для коих нет ничего святого, ничего дорогого. Они готовы только разрушать готовое, не умея ничего создавать»[1].

---

[1] Цит. по: Боговой И. О влиянии политических ссыльных на местное

По Р. Мертону, выявившему основные источники отклонения от социально одобряемого поведения, противоречие между целями общества и рекомендуемыми средствами их достижения может вылиться в «бунт», при котором бунтари (революционеры, террористы) предлагают новые цели и свои средства. Разумеется, идеологическое оформление бунта происходит при определенных внешних условиях, связанных с распространением неких знаний путем, например, образования. «Революция» образования второй половины XIX в. имела неоднозначное значение для дальнейшего развития России. Грамотность оказалась важным условием при формировании самосознания, став «важнейшей необходимой предпосылкой выхода за рамки локального сознания»[1], а следовательно, – и за рамки традиционного социального контроля. Это особенно повлияло на те группы населения, которые подвергались наиболее жесткому внешнему давлению, и прежде всего на женщин. С.Ю. Витте, министру внутренних дел России, принадлежит такое высказывание: «Женщины являются носительницами и вдохновительницами разрушительных идей, как только они вкусят от науки, и потому одному будут считать себя «развитыми», а вследствие этого и обязанными быть «передовыми» и врагами всякой «рутины» и отсталости»[2].

То же можно сказать о других группах населения, последовательно выходивших из-под внешнего контроля. Молодежь различных сословий «эмансипировалась» «сверху вниз» по социальной лестнице: первым было «непоротое» дворянство, далее – другие слои общества («разночинцы», то есть социальные маргиналы); не без их активного участия очередь дошла и до «низших» слоев.

Возможность для молодого человека вырваться из-под контроля семьи, сословия осуществлялась во время краткосрочной ссылки или высылки. Желание фрондировать, шокировать своим демонстративным поведением окружающих где-нибудь в глуши мог себе позволить любой, самый «маленький» человек из столицы. В

население (из архива Архангельской губ.) // Север. 1927. Кн. 1. С. 24–35.

[1] Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России): Том. I. Новосибирск, 1997. С. 269.

[2] Цит. по: Иванов А.Е. Студенчество России: социально-историческая судьба. М., 1999. С.111.

результате воспитательные функции ссылки вели совершенно к иным результатам: находясь «на законных основаниях» вдали от «отцовского ремня», молодые ссыльные еще больше сближались, проходя новые «университеты», стремясь, в свою очередь, распространять полученные знания среди тех, кто готов их слушать. По словам уездного чиновника по крестьянским делам, «вся сила и мощь ссыльных политических заключается… ни в чем другом, как в выставлении себя в глазах окружающей их среды “страдальцами за убеждения, павшими в борьбе за свободу дорогого им собрата-крестьянина”. Русское сердце чутко и отзывчиво к чужому горю…»[1].

«Слушательница» Ванюкова, тридцатилетняя мещанская девица, проживала в Мезени. Этот город, возникший в результате царского указа в конце XVIII в. как уездный, находился на значительном расстоянии от губернского центра, не говоря уже про крупные российские города. Население было весьма малочисленным, не превышая полутора тысяч человек. Мужчины в большинстве занимались морским промыслом, надолго уходя от родных мест. В 1860–70-е гг. в городе проживало 7 потомственных дворян (трое мужчин и 4 женщины), человек 20 личных дворян. В местном уездном училище служили три учителя, обучалось 68 учеников[2]. В Архангельской губернии в 1870- гг. находилось 600–700 ссыльных, больше половины которых были политические. Колонии ссыльных в городах, куда их направляли, насчитывали по нескольку десятков человек. Таким образом, молодые ссыльные были заметной составной частью городской молодежи, а учитывая, что были людьми достаточно образованными, – играли в местном обществе важную роль. Не имея возможности – а часто, и желания – участвовать в общественно-полезной деятельности, ссыльные занимались внедрением «новых культурных ценностей» и «идеалов свободы» в народные массы.

Известно, сколь свободными были нравы у столичной «демократической» молодежи в 1860–80-е гг. Ссыльные были в основном молодыми мужчинами; женщины составляли только 2–3% общего числа. С другой стороны, в поморских селах и городах мужское

---

[1] Цит. по: Боговой Ив. О влиянии политических ссыльных на местное население (из архива Архангельской губ.) // Север. 1923. Кн. 1. С. 26.
[2] ГААО. Ф. 6 (Губернский статист. комитет) Оп. 8. Д. 21. Оп. 2. Д. 235.

население надолго уходило на заработки и на промыслы. Для девушек ссыльные были весьма привлекательны еще и потому, что почти все мужчины-сверстники были товарищами по детским играм, а изолированность населенных пунктов создавало сложности для расширения круга общения, «брачного круга». Ссыльные при желании могли очаровать «туземок», не заботясь особенно о последствиях. К тому же традиции старообрядческого «беспоповства» здесь были весьма сильны. Чиновник по крестьянским делам с. Усть-Цильма Печорского уезда писал в 1908 г. губернатору: «ссыльные живут припеваючи на зависть крестьянам. В здешней волости ссыльные открыто живут с крестьянскими девицами и вдовами», в результате чего крестьяне «лишаются работниц в семье, своих дочерей, охотно идущих на сожительство с ссыльными. А что будет с сотней девиц и вдов, когда они будут брошены поднадзорными? Эти уже не работницы после легкой жизни, от которой к труду возвратиться надо страшную силу воли и нравственную поддержку»[1].

Безусловно, простое сожительство с ссыльными, при отсутствии достаточного количества женихов, не могло повлиять на формирование политических взглядов, которые высказывала Ванюкова. (Тем более, что сведений о том, что она была чьей-то «подругой», жандармам обнаружить не удалось). Здесь, скорее всего, сыграли роль особенности ее личности, условия социализации. Она позиционировала себя как неграмотную. Вызвано ли это было субъективным ощущением, возникшим рядом с образованными ссыльными, либо она действительно не умела читать-писать – из дела не ясно. В Архангельской губернии в большинстве населенных пунктов до середины XIX в. обучение и мальчиков, и девочек происходило на дому, грамотными односельчанами. Школьное, официальное образование в первую очередь распространялось на мальчиков. В училища и церковно-приходские школы принимали детей уже обоих полов, но родители считали, что девочкам образование ни к чему, так как им «на сходах не участвовать». По переписи 1897 г., в России было 13,06% грамотных женщин. Из девочек школьного возраста в

[1] Цит. по: Боговой И. О влиянии политических ссыльных на местное население»: Из архива Архангельского губернатора. //Север. 1923. Кн. 1. С.24–35.

Архангельской губернии школы посещали 32%[1] – показатель выше, чем в других северных губерниях. Современники отмечали, что благотворное влияние учителей больше влияет на девочек, чем на мальчиков[2]. Возможно, причина в том, что девочки традиционно недополучали ни любви матери, ни внимания отца; это и подталкивало их благодарно идти на контакт к любому, кто будет к ним внимателен. Возможно, в этом и была одна из причин того, что девушки и молодые женщины часто «прибивались» к группам политссыльных.

Из «дела» нет возможности выявить условий социализации К.М. Ванюковой, чтобы выяснить причины формирования ее «нонконформизма». Известно, что она была незамужней, бездетной, одинокой (возможно, сирота). Было ли ее поведение последствием несчастной любви, несложившейся семейной жизни, тяжелого детства – или это проявление шизоидной личности (в северных уездах у женщин часто встречались психические расстройства – «икота»)? Было ли это результатом личностных качеств, которые стали результатом накопившейся социальной энергии, «подогретой» женским религиозным фанатизмом, распространенным в старообрядческой среде? (Ванюкова была записана как православная, но этот район традиционно населяли «тайные раскольники») Источники, которыми мы располагаем, не дают однозначного ответа, но предоставляют материал для размышления.

Эта история является одним из первых в Архангельской губернии примеров вовлечения женщины простого сословия «в революцию», началом тех «гендерных подвижек» (В. Булдаков), которые через несколько десятков лет стали принимать лавинообразную форму.

Т.В. Королева,
Иваново, Ивановский государственный энергетический университет

---

[1] Покровский В. Просветительские нужды Русского Севера и Солодниковские миллионы // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 6. С. 462.

[2] Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 13. С. 15.

ЖЕНСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 60-Х ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Феномен женского движения как общественной силы, добивающейся равноправия мужчин и женщин, возник во Франции во время Великой французской революции 1789 г. Во многом благодаря инициативам женского движения, XIX в. стал поворотной эпохой в деле организации женского образования. Однако даже в этой сфере достижения женского движения во Франции были менее значительными по сравнению с другими странами. Проведенное исследование позволит ответить на вопрос: почему, имея такие традиции и готовые к воплощению в жизнь идеи, женское движение во Франции действовало менее эффективно, отталкивая наиболее передовые требования о необходимости введения эквивалентного совместного обучения для обоих полов, почему его достижения были менее значимыми, чем в других странах?

Женское движение за образование во Франции как организованное общественно-политическое явление возникло только в конце 60-х гг. XIX в. До этого периода оно развивалось циклично и совпадало с общими циклами протеста населения. Каждая новая фаза развития движения начиналась под непосредственным влиянием революционных потрясений 1789, 1830 и 1848 гг. После революций наступал период реакции, прямого подавления женского движения и запрета женских обществ.

Подавляющая часть населения, отвергая пугавшие их попытки разрушения традиционного образа женщины, предпринимавшегося женщинами-радикалами во время революций, поддерживала религиозные ценности и выступала против идеи эмансипации и равноправия полов. Эта политика поддерживалась государством, апеллирующим к религии как к фактору стабилизации общества, поэтому большая часть женщин в первой половине XIX в. получали образование в клерикальных учебных заведениях.

Практика прямого подавления женского движения, которую использовало правительство в первый период развития движения, способствовала формированию среди участников движения осторожного отношения к насильственным формам коллективных действий, что предопределило умеренный характер развития женского движения в следующий период.

Глобальные социально-экономические и политические трансформации в жизни французского общества во второй половине XIX – начале XX в. позволили женскому движению перейти на качественно новый уровень развития.

Женское движение в 1868–1924 гг. стало политическим субъектом, ориентированным на стратегическую деятельность. Женское движение в этот период прошло в своем развитии несколько фаз развития, специфика которых определялась внешними факторами.

С 1860 по 1900 г. движение находилось в фазе *организации (формализации)*[1]. Были обозначены его основные цели. Стратегия и тактика разрабатывалась лидерами, исходя из реальной расстановки сил на политической арене, благодаря чему движение приобрело рациональный характер.

Основным содержанием политической жизни этого времени был антиклерикализм, поэтому женское движение выступало вместе с республиканцами за выведение женского образования из-под контроля церкви и допуск женщин к начальному, среднему и высшему образованию.

Женское движение этого периода концентрировалось на достижении двух основных целей. Во-первых, на борьбе за доступ женщин к общему образованию, поддерживая при этом государственную модель женского образования, которая была направлена на «подготовку образованных жен и матерей», а не на развитие женской личности; во-вторых, добиваясь возможности для одиноких женщин работать по полученной специальности. «Радикальные требования» о необходимости создания идентичного, смешанного образования для обоих полов и об организации профессионального женского образования не получили поддержки среди большинства либеральных женских обществ.

Хотя движение реализовало ряд задач, влиятельным фактором в политической жизни Франции оно не стало. Одним из источников слабости французского женского движения в этот период были его внутренние разногласия. Движение состояло из различных групп и направлений, которые не смогли выработать общую тактику и методы

---

[1] По классификации У. Геттиса. См. подробнее: Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

борьбы из-за несходства целей и задач. Каждая группа добивалась реализации своих программных установок, либо совсем игнорируя инициативы других феминистских групп, либо принимая в них незначительное участие. В основном, все феминистские организации осуществляли свою деятельность в Париже или в столицах крупных промышленных департаментов. Остальные области страны все еще придерживались патриархальных взглядов на женщину и ее роль в обществе и семье.

Достижением движения было то, что в течение 40 лет оно постоянно добивалось намеченных целей, меняя законодательство, социальную практику и формируя новое отношение к роли женщины в обществе. Появились «новые женщины», демонстрировавшие отличный от общепринятого тип поведения, который изменял традиционные гендерные стереотипы. Эти женщины получали не только начальное и среднее, но и высшее образование, осваивали «мужские» профессии, опровергая своим поведением атрибутированность для женщины только домашней сферы. Участницы женского движения самостоятельно принимали решения, разрабатывали стратегию и тактику, писали теоретические труды. Эти социальные инновации служили примером для остальных и способствовали вхождению женщин в публичную сферу, и свидетельствовали об окончании фазы формализации движения.

Постепенно, благодаря действиям феминистских обществ, а главное, обсуждению в прессе и литературным дискуссиям, доктрина о равноправии полов вышла из узких рамок замкнутых, малочисленных обществ. Многие люди перестали считать, что женское движение – это выступления отдельных эксцентричных особ, недовольных жизнью. Образованная часть общества на этом этапе стала воспринимать проблему эмансипации как серьезный вопрос, достойный рассмотрения и решения.

Это способствовало переходу движения в 1900–1924 гг. в *фазу институционализации*. Произошло изменение ценностей-целей женского движения. Во Франции объединительной силой женского движения стало умеренное, близкое к консервативному движение «социального феминизма», а не суфражизм, как это было в других странах. Представители этого течения приоритетным считали движение за реформу общественной морали. Завоевание прав рассматривалось ими как способ улучшения качества жизни женщин в

рамках существующих гендерных конвенций. Переход к решению социальных проблем способствовал мобилизации ресурсов, за счет чего произошло пополнение состава участников движения. Соответствие целей движения ценностям, распространенным в обществе, привело к росту мобилизационного потенциала и переходу движения в разряд массовых. Социальное направление женского движения получило широкое распространение во Франции и стало одной из наиболее влиятельных сил в женском движении, определяя его отношение к тем или иным проблемам общественной жизни и умеренный характер развития французского женского движения в целом.

В начале XX в. женское движение в европейских странах обратилось к проблеме введения совместного обучения полов. Во Франции направление женского движения за совместное обучение полов практически не получило развития, а большинство феминистских обществ считало не только решение, но даже рассмотрение этого вопроса преждевременным, так как материнство по-прежнему считалось главным предназначением женщины, а совместное обучение могло отклонить женщину от выполнения обязанностей матери и супруги. На сохранение и распространение этих взглядов большое влияние оказал демографический кризис.

Не сложилось в этот период широкого либерального женского движения за изменение системы профессионального женского образования. Отдельные выступления были либо инициативой частных лиц, либо благотворительных женских организаций, так как, это не соответствовало стратегическим целям либерального женского движения, которое считало приоритетной борьбу за высшее и общее среднее образование, полагая, что низшее и среднее профессиональное образование необходимо больше для работниц, чем для представительниц средних классов.

Поэтому в указанный период женское движение концентрировалось на борьбе за реформирование среднего образования таким образом, чтобы женщины могли по окончании лицеев и колледжей получать те же степени бакалавров, что и выпускники мужских лицеев, и поступать в высшие учебные заведения. Решить этот вопрос не удалось, так как государство, основываясь на традиционной системе ценностей, проводило политику, направленную на сохранение существующей системы женского образования.

Главной особенностью развития женского движения с 1900 по 1914 г. было появление общенациональных организаций с единой программой и разработанной стратегией, которые стали проводить широкомасштабные пропагандистские кампании и распространять идеи женского равноправия в сфере образования в провинции, открывая региональные секции и представительства.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война способствовала массовому вовлечению женщин в публичную сферу, так как началось массовое проникновение женщин в общественное производство и на административные должности взамен ушедших на фронт мужчин. Во время Первой мировой войны французские феминистки и сторонники женской эмансипации верили, что правительство по заслугам оценит участие женщин в общественном производстве и по окончании войны обратит внимание на права женщин. Однако победа досталась Франции слишком тяжело и закончилась демографической катастрофой. После окончания войны государство стало проводить целенаправленную политику восстановления демобилизованных мужчин на рабочих местах и возвращения женщин «в семью» для восстановления популяции населения.

В 1919 г. стало ясно, что надежды феминисток на решение женского вопроса не оправдались, большинство женских обществ прекратило свое существование, а оставшиеся поддержали политику государства и проекты о введении идентичного среднего образования только для одиноких женщин.

Реформируя систему среднего женского образования, государство, в свою очередь, преследовало двойную цель: 1) сохранить для замужних женщин старую систему образования, направленную на подготовку просвещенных жен и матерей, воспитывающих граждан; 2) организовать новую систему среднего образования преимущественно для одиноких женщин, чтобы они могли, получив степень бакалавра, поступить в вузы и стать квалифицированными специалистами, потребность общества в которых была очень высока. Декрет 1924 г. реализовал обе эти цели[1].

---

[1] Le Decret du 25 mars 1924 // Journal officiel de la Republique francaise. Lois et Decrets. 29 mars 1924. P. 129.

Таким образом, борьба женского движения во Франции за создание системы идентичного (эквивалентного) образования для представителей обоих полов не увенчалась полным успехом, так как эти требования не соответствовали традиционной ценностной системе. Поэтому либеральное женское движение за образование во Франции в 1900–1924 гг. фазу институционализации прошло лишь частично, так как, с одной стороны, движение приобрело легальный статус, было признано его право на существование, однако релевантность его целей не была признана государством в силу усиления гендерных стереотипов и атрибутированности для женщин материнства и замужества как главных ценностей.

Заниматься благотворительностью, помогать нуждающимся – «да», работать, получать образование, равное мужскому, тем, кто не может по другому устроиться в этой жизни (т.е. одиноким, незамужним женщинам) – «да», иметь такие же права и возможности на образование, что и мужчины, для развития личности – «нет». Именно так можно определить господствовавшие во Франции начала XX в. гендерные стереотипы, которые ограничивали возможности женщин в получении идентичного с мужчинами образования и повлияли на политику государства в этой сфере.

С.В. Крадецкая,
Москва, Московский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX в. в России шел активный процесс модернизации во всех сферах жизни общества (экономической, политической, социальной, культурной). Одним из признаков модернизационных процессов, т.е. перехода от традиционного общества к современному, является появление разнообразных форм женской гражданской активности[1], в том числе и женское движение,

[1] Айвазова С.Г. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем, СПб., 2004. С. 641.

которое зародилось в России именно в это время. Оно ставило перед собой задачи вывести женщину на общественную арену, расширить ее жизненное пространство. По мере своего развития женское движение в России видоизменялось, и в начале XX в. под влиянием идей феминизма, идущих с запада, на смену ему пришло феминистское движение с критикой гендерного неравенства в обществе и требованием равноправия мужчин и женщин. Теперь движение было ориентировано на изменение существующих гендерных ролей и гендерной стратификации общества. Образ «новой женщины», сформировавшийся в 1860-е гг., был дополнен. Отныне она должна была быть и полноправной гражданкой.

Во внутренней структуре движения важное место занимали периодические издания – феминистские журналы. «Идейных» феминистских изданий в России начала XX в. было немного. Самыми известными были «Женский Вестник» (издавался в Санкт-Петербурге в 1904–1917 гг.), «Союз Женщин» (Санкт-Петербург, 1907–1909) и «Женское Дело» (Москва, 1910–1916). На страницах этих журналов не просто ставились вопросы просветительства и благотворительности или констатировалось наличие несправедливости в отношении женщин, но эти факты интерпретировались в терминах гендерной дискриминации. При этом у каждого из этих журналов были свои характерные особенности. Наиболее критическую направленность по отношению к проявлению тенденций патриархальности в обществе имел журнал «Женский Вестник». «Союз Женщин» имел более умеренную позицию (показательным является то, что довольно часто авторами статей в этом журнале выступали мужчины, что в «Женском Вестнике» было фактически исключено). Попыткой компромисса между феминистскими изданиями и традиционными «дамскими журналами» был журнал «Женское Дело», который, сформировал «свою нерадикальную позицию в отношении феминизма»[1].

Эти издания инициировались, редактировались и составлялись самими женщинами - активистками феминистских организаций. На их страницах создавался принципиально новый, феминистский дискурс, который противостоял существовавшим в то время дискурсам

[1] Харрис Дж.Г. Русские дореволюционные женские журналы начала XX века // Гендер: язык, культура, коммуникация, М., 2001. С. 367.

либеральной, консервативной и радикальной печати. В журналах поднимались вопросы, которые прессой всех остальных направлений (либеральной, консервативной и т.д.) не затрагивались. По отношению ко всей «мужской» периодической печати феминистские журналы фактически носили альтернативный, оппозиционный характер. И эта позиция сознательно принималась и укреплялась редакторами-издательницами журналов и авторами статей[1].

Внутренняя структура журналов была четко организована, содержание всех статей продумано в соответствии с идейной, феминистской, направленностью журналов и их целями.

Своей главной целью редакторы и авторы феминистских журналов считали активизацию женского движения за достижение полного равноправия мужчин и женщин в российском обществе. При этом достижение политического равноправия – т.е. завоевание права голоса для женщин, – считалось большинством феминисток только первым шагом «на пути к …освобождению»[2].

Именно пропаганде и достижению главной цели и были посвящены все публикации в журналах. Были ли это программные документы Женской Прогрессивной Партии или Союза Равноправности Женщин, или сообщения из провинции о положении женщин вдали от столичных городов, или художественные произведения о тяжелой жизни женщин, зарабатывающих на жизнь интеллигентным трудом – все публиковалось с единственной целью показать, что и российское общество в целом, и каждый человек в частности может успешно развиваться только в равноправном обществе, где любая личность, независимо от половой принадлежности, сможет свободно осуществлять свой выбор. Можно сказать, что редакции феминистских журналов боролись за общество, свободное от гендерных предрассудков.

Главным средством достижения этой цели было, прежде всего, объединение всех женщин независимо от их политических воззрений,

---

[1] Ср. напр.: «для нас (женщин – К.С.) требуется и особый орган – орган страданий, орган, занимающийся этими страданиями, воспринимающий и отражающий их» – Альфа Из записок интеллигентной женщины // Женский Вестник. 1905. № 6. С. 177.

[2] Союз Женщин. 1908. № 1 (из подзаголовка журнала).

к чему постоянно призывали авторы различных статей в феминистских журналах. «Женщины, объединяйтесь!» – эта фраза стала главным лозунгом, с которым российские феминистки обращались к женщинам[1]. При этом феминистками принимались любые способы и формы женского объединения: различные общества, клубы, союзы. Для пропаганды подобных форм на страницах феминистских журналов регулярно публиковались статьи, посвященные «потребительным обществам», «женским социал-демократическим организациям», «социально-политическим союзам» и т.д.[2].

Объединению женщин способствовал и специфический язык феминистских периодических изданий[3]. Именно на страницах «Женского Вестника», «Союза Женщин» и «Женского Дела» особое распространение получило обращение «сестры», которое применялось ко всем женщинам. Крестьянок и работниц называли «меньшими сестрами» интеллигентных женщин[4], проституток – «падшими сестрами»[5] и т.д. Подобное обращение способствовало формированию коллективной женской идентичности, что было необходимо для успешного развития феминистского движения в России.

Употреблялись феминистками и специфические определения, которые раньше либо не использовались, либо имели другой смысл, часто негативный. Прежде всего, это касается наименования различных профессий, которые осваивали женщины. Такие определения как «юристка», «музыкантша», «композиторша», «диспутантка», «журналистка», «докторша» и т.д. все чаще и чаще употреблялись на страницах феминистских журналов. Но наиболее

---

[1] Ср. напр.: «Объединение женщин имеет громадное значение для их освобождения из подчиненности мужчинам. Разрозненные – они бессильны» – Покровская М.И. Задача Женской Прогрессивной Партии // Женский Вестник. 1906. № 3. С. 65.

[2] См. напр. Н.Д. Потребительные общества и женщины // Женский Вестник. 1906. № 2; Женский социально-политический союз в Англии // Союз Женщин. 1908. № 4.

[3] Стоит отметить, что специфическим языком отличался весь феминистский дискурс в целом.

[4] Отдел для читательниц // Женский Вестник. 1905. № 8. С. 243.

[5] Письмо проститутки // Союз Женщин. 1909. № 4. С. 9.

употребимым понятием было слово «гражданка». А в специальных справочных изданиях даже объяснялось значение этих прежде незнакомых русской женщине слов[1]. Подобный способ коммуникации определяется как «вербальная коммуникация»[2], с помощью которой феминистки отделяли и обособляли свое направление среди множества других общественных движений, отмежевывались от проявлений традиционализма в обществе.

Российские феминистки призывали к объединению не только русских женщин. С помощью статей, посвященных западноевропейским и американским активисткам, российское феминистское движение вписывалось в международный контекст[3]. С одной стороны, это показывало русским женщинам, что они в своей борьбе не одиноки, что во всех «цивилизованных» странах мира их «сестры» ведут такую же борьбу. С другой стороны, российским активисткам предлагались примеры, чьи жизненные стратегии и тактики они могли использовать. Все это способствовало установлению всемирной коллективной женской идентичности, пусть лишь на страницах русского журнала.

Стоит отметить еще одну особенность феминистских периодических изданий: стремление установить прочную связь с читательской аудиторией, способствовать саморефлексии и самоидентификации женщин. Для этого, в частности, в журнале «Женский Вестник» была создана рубрика «Отдел для читательниц», в которой читательницам задавали вопросы на актуальные темы (присланные ответы всегда публиковались в последующих номерах).

Таким образом, можно сделать вывод, что целью дискурса феминистских журналов было пробуждение у российских женщин гражданского самосознания, формирование у них гражданских ценностей. Идеальный образ активной, самостоятельной, мыслящей женщины, который предлагался читательницам в качестве образца,

---

[1] Женская энциклопедия, т. 1–2. М., 1915; Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901.

[2] Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 248.

[3] К примеру, в журнале «Союз Женщин» была постоянная рубрика «Хроника женского движения за границей».

свидетельствует о начале процесса формирования системы ценностей, соответствующих гражданскому обществу и, соответственно, о начале формирования самого гражданского общества.

***О.В. Шныров*а,**
Иваново, Ивановский государственный университет

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПАЦИФИСТСКОЕ СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

После объявления войны практически все суфражистки поддержали решение правительства. Как пишет специалист по истории суфражистского движения Н.В. Новикова, такая позиция была обоснованной и определялась следующими причинами: «Во-первых, не последнее место занимали соображения тактики. Готовность разделить со всей страной тяготы войны и желание служить Отечеству… помогли бы обеспечить доверие политической элиты к женщинам. Кроме того, в новых, чрезвычайных условиях, неблагоприятных для развития оппозиционного женского движения, необходимо было продумать особую стратегию, чтобы предотвратить распад и организационный упадок национальных суфражистских обществ. Наконец, как считали британские феминистки, дальнейшая судьба движения зависела от итогов начавшейся войны»[1].

Вместе с тем, первоначально многие известные суфражистки выступили с осуждением войны как таковой. Как заявила в интервью для *Votes for Women* Эммелин-Петик Лоуренс, бывшая в тот момент членом исполкома Объединенных суфражистов, «мы теряем цвет нашей нации не только потому, что война приводит к уничтожению человеческих жизней, она подрывает моральные устои и национальный дух… Война не только лишает шанса новые поколения, она приводит к деградации всей человеческой расы»[2].

---

[1] Новикова Н.В. Пацифизм и интернационализм в британском суфражистском движении в годы Первой мировой войны / Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2002. С. 172.
[2] A Women's Peace Movement. Interview with Mrs. Pethick Lawrence. //

Пацифистских взглядов придерживалась и часть членов Национального союза суфражистских обществ. В исполкоме НССО также не было единства по вопросам стратегии и тактики организации. По мере того, как Великобритания все больше втягивалась в войну, разногласия между патриотками и пацифистками в НССО усиливались. Окончательный раскол произошел на съезде НССО в феврале 1915 г., на котором была поддержана резолюция о поддержке «жизненных сил нации», отражавшая патриотическую линию М. Фосетт. После конференции из Национального союза вышли многие видные суфражистки, выступавшие против войны.

К началу 1915 г. по отношению к войне все суфражистские организации разделись на три течения: пацифистки (или антимилитаристки), умеренные патриотки, поддерживающие национальное правительство, но не снимающие с повестки дня борьбу за права женщин, и милитантки ЖСПС, занявшие во время войны крайне националистические позиции. В первые военные годы только пацифистски продолжали «нести суфражистский стяг»[1].

1 октября 1915 г. вышедшие из НССО суфражиски создали Международную женскую лигу, вошедшую в Международный комитет женщин за постоянный мир. Лига пользовалась поддержкой в стране, особенно на севере. К концу войны Лига насчитывала 2458 членов, организованных в 34 отделения по всей стране[2].

Кроме Международной женской лиги пацифистской позиции придерживались Объединенные суфражисты, Союз демократического контроля, Шарлотта Деспард и часть поддерживавших ее членов Женской лиги свободы. Все они, за исключением ЖЛС, были недавно созданными организациями[3] и принадлежали к левому крылу суфражистского движения.

Пацифистские настроения были сильны также среди суфражисток, чья деятельность была связана с женщинами-работницами. Против войны выступала Федерация суфражеток Восточного Лондона под

Votes for Women. Friday, October 16. Vol. III. № 345. P. 21.

[1] “Keep the suffrage flag flying” – популярный лозунг суфражисток.

[2] Alberti J. Beyond Suffrage. Feminism in War and Peace. L., 1989. P. 55.

[3] Группа Объединенные суфражисты образовалась в феврале 1914 г., Союз демократического контроля – в сентябре 1914 г.

руководством Сильвии Панкхерст[1], известные суфражистки Ева Гор-Бут и Эстер Ропер, руководившие Национальным промышленным и профессиональным суфражистским женским обществом. Противницей войны также была Маргарет Ллевелин-Дэвис, секретарь Женской кооперативной гильдии.

Пацифистское крыло суфражисток выступало за то, чтобы борьба за избирательные права женщин оставалась его основной целью. С точки зрения многих из них, одной из основных причин войны явилось то, что миром управляют правительства под руководством мужчин. Эту позицию четко озвучила Е. Гор-Бут в речи на собрании Национального промышленного и профессионального суфражистского женского общества: «Посмотрите, что сделали правительства с миром. Они оказались совершенно неспособны выполнять свои функции и превратили мир во всеобщую бойню. Настало время для женщин …заняться международными делами. Когда женщины получат доступ к политической власти, войны прекратятся навсегда»[2].

Вместе с тем, сторонницы пацифизма не противопоставляли мужчин и женщин. Напротив, они полагали, что «мужчины и женщины должны работать вместе во имя мира и демократии»[3]. Пацифистские организации включали в себя представителей обоих полов. В Союз демократического контроля входили такие известные политические и общественные деятели как А. Гендерсон, Р. Макдональд, Т. Брэйлсфорд, Б. Рассел, И. Зангвил. Среди членов Объединенных суфражистов были такие известные активисты суфражистского движения как супруги Петик-Лоуренс, супруги Лансбери, супруги Зангвил, Л. Хаусман, сестра М. Фосетт Л. Гаретт Андерсон, Э. Шарп и ее муж Г. Нэвинсон. Международная женская лига также подразумевала как женское, так и мужское членство.

---

[1] В 1916 г. переименована в Рабочую суфражистскую федерацию (Worker's Suffrage Federation).

[2] Gore–Booth E. Whence come wars? A speech delivered at the meeting of the National Industrial and Professional Women's Suffrage Society in London, December 12, 1914. L., 1914. P.11–12 // John Johnson's Collection. Bodlean Library. Oxford.

[3] Ibid. P. 11.

Приверженность пацифистской позиции требовала немалой гражданской смелости из-за негативного отношения общества и властей к пацифистским идеям и действиям. Особенно сложное положение было у Союза демократического контроля, созданного в ноябре 1914 г. Ядро его состояло из парламентариев, несогласных со вступлением Великобритании в войну. В него вошли такие известные политики как Р. Брэйлсфорд, Р. Макдональд, А. Понсоби, Ч. Тревельян. К Союзу примкнуло большое количество известных суфражистов, придерживавшихся пацифистских убеждений: Е. Сванвик, М. Ройден, И. Зангвил, М. Филипс, которые заняли в Союзе руководящие позиции. Поэтому, не будучи чисто суфражистской, организация выдвигала достижение равноправия женщин в число своих приоритетных задач. Союз тесно сотрудничал с Женской международной лигой и другими суфражистскими организациями, пользовался поддержкой лейбористской партии и профсоюзов. Благодаря этой поддержке, Союз демократического контроля стал одной из наиболее массовых пацифистских организаций: к октябрю 1918 г. его численность с аффилиированными организациями достигала 650 000 чел.[1] Поскольку организация пропагандировала идеи, идущие в разрез с правящим курсом, власти предпринимали шаги по ограничению ее деятельности. Председатель организации Э.Д Морэл был обвинен в шпионаже и приговорен к 6 месяцам заключения, пресса отказывалась печатать его материалы, полиция отказывалась предоставить защиту членам организации от физических нападений со стороны националистически настроенных хулиганов, арестовывались и конфисковывались тиражи публикаций.

Пацифисткая деятельность еще больше осложнилась в 1916 г., когда был принят закон о мобилизации мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Все, выступающие против мобилизации и войны до победы, рассматривались как преступники. Статья 51 Закона о защите государства (Defense of the Realm Act) давала властям возможность, приравнивая деятельность пацифистов к антигосударственной, выдавать полиции ордера для совершения рейдов на их штаб-квартиры и конфискацию литературы. Так, 14 ноября 1917 г. полиция

[1] Swanwick H.M. Builders of peace; being ten years' history of the Union of Democratic Control. L., 1924. P. 4.

совершила налет на лондонский офис Лиги и конфисковала всю документацию и литературу. Подобные обыски неоднократно проводились и в отделениях Союза демократического контроля.

Поскольку значительная часть пацифистов придерживалась левых убеждений, у них были тесные связи с левым крылом лейбористской партии и профсоюзов. Результатом этого стало проведение совместных акций в защиту интересов рабочих обоего пола. В августе 1915 г. ряд левых суфражистских организаций совместно с тред-юнионами выступили против обязательной регистрации всех трудоспособных без обеспечения гарантий условий и оплаты труда. Инициатором совместной демонстрации протеста стала пацифистская Федерация суфражеток Восточного Лондона. Ее поддержали Объединенное общество механиков, инженеров и машинистов, Британская социалистическая партия, Национальный союз газовщиков.

Совместные действия пацифистски настроенных суфражистских организаций с левыми привели к тому, что после войны многие видные представительницы суфражистского пацифизма примкнули к социалистическому и коммунистическому движениям.

Несмотря на разногласия по вопросу о войне, традиции объединенных действий сохранялись в суфражистском движении, и умеренные патриотические и пацифистские суфражистские организации продолжали сотрудничать. Совместные действия активизировались в 1916 г., когда вопрос об избирательной реформе стал обсуждаться в парламенте. С началом нового этапа борьбы за политические права женщин умеренные патриотки и пацифистки вновь объединили усилия, требуя предоставления женщинам права голоса.

Н.В. Новикова,
Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ XIX – XX ВВ.: ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В академической повестке относительно недавно появилась проблема изучения гендерных аспектов национальной идентичности, которая, несмотря на очевидный научный потенциал, все-таки

остается в стороне от «мейнстрима» в исследованиях национализма. «Первопроходческими» работами в этом направлении стали статьи и книги А. Дэвин, Н. Ювал-Дэвис, Ф. Энтиас и С. Уолби[1], а сегодня его разработкой занимаются, по признанию многих западных авторов, главным образом исследователи феминистской ориентации. В отечественной историографии эту проблематику затронул О.В. Рябов[2].

В этом новом исследовательском поле сразу наметились две тенденции. Одна анализирует национализм как дискурсивную практику, в которой непременно используются гендерные символы и образы, свойственные конкретному сообществу конструкты маскулинности и фемининности для определения границ и качеств нации как политического, социального и культурного целого и для формирования персональной идентичности[3]. В частности, в своих работах австралийская исследовательница Г. Слуга на примере истории строительства европейских наций-государств показывает взаимозависимость и взаимодополняемость гедерного и национального дискурсов. Центральное событие современного европейского национализма – Французская революция, – сопровождалась четким размежеванием маскулинной и феминнной форм гражданства, и понятие «разделенных сфер» предполагало преуменьшение роли женщин в процессах национальной унификации. Г. Слуга подчеркивает, что меняющиеся представления о

---

[1] Davin A. Imperialism and Motherhood // History Workshop Journal. 1978. № 5. P. 9–65; Woman–Nation–State/ Ed. by Yuval–Davis N., Anthias F. London, New York, 1989; Yuval–Davis N. Gender and Nation. London, 1997; Уолби С. Женщина и нация / Нации и национализм. М., 2002. С. 308–331.

[2] См., напр.: Рябов О.В. «Матушка–Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001; его же. «Россия–матушка». Национализм, гендер и война в России XX века. Штутгарт, 2007.

[3] См. напр.: Blom I., Hagemann K., Hall C. (eds.) Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century. Oxford, New York, 2000; Mayer T. (ed.) Gender Ironies of Nationalism: Sexing the Nation. London, New York, 2000; Ivekovic R., Mostov J. (eds.) From Gender to Nation. Ravanna, 2002 и др.

гендеризированном человеческом теле присущи воображаемым национальным сообществам и политической легитимации национальных границ и национальной идентичности[1]. К концу девятнадцатого века, в период активизации колониальной экспансии великих держав, политика империализма осмысливалась в контексте эволюционных теорий, которые предлагали «научные» обоснования для расовых и половых различий и утверждали иерархию рас и народов. «Изображения женщин как психологически неустойчивых, неспособных владеть собой, воспринимались как основа для дифференциации мужского и женского начал и делали феминность важнейшей метафорой для описания расово маргинализованных групп, таких как евреи и чернокожие», – продолжала свою аргументацию исследовательница в другой работе[2].

Аналогичной точки зрения придерживается и российский ученый О. Рябов, который основывает свои рассуждения об особенностях конструирования национальной идентичности в России на теоретической посылке о генетической связи гендерного и национального дискурсов[3]. Его интересуют механизмы создания коллективных образов и представлений, способствующих скреплению сообщества в «естественную» нацию и обеспечивающих ее жизнеспособность. Подразумевая, что «коллективная идентичность существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определения «наших» и «не-наших», О. Рябов анализирует гендерные символы, которые выполняют «функции маркера», отделяющего норму от девиации, Своих от Чужих и устанавливающего правила сосуществования внутри социума[4].

Второй подход в изучении связи гендера и нации/национализма заключается в анализе роли женщин в национальных проектах современности. Хрестоматийными в этой связи считаются работы

---

[1] Sluga G. Identity, gender, and the history of European nations and nationalisms // Nations and Nationalism. 1998. № 4 (1). P. 87–111.
[2] Caine B., Sluga G. Gendering European History, 1780–1920. London, New York, 2000. P. 89–90.
[3] Рябов О.В. «Россия-матушка». Национализм, гендер и война в России XX века… С. 55.
[4] Там же. С. 39–40.

С. Уолби, Н. Ювал-Дэвис и Ф. Энтиас. Последние выделили пять путей вовлечения женщин в этнические и национальные процессы: 1. они отвечают за биологическое воспроизводство членов этнических коллективов; 2. они воспроизводят границы этнических/национальных групп; 3. они играют центральную роль в идеологическом воспроизводстве коллектива и передаче его культуры; 4. они являются носителями этнических/национальных различий и, следовательно, объектом внимания и символом идеологических дискурсов, при помощи которых создаются, воспроизводятся и преобразуются этнические/национальные категории; 5. они участвуют в национальной, экономической, политической и военной борьбе[1]. Продолжая развивать идеи своих коллег, С. Уолби подчеркивает необходимость внимательного отношения к процессам выстраивания социального неравенства внутри национальных сообществ, в которых доминирующая группа пытается руководить идеями, существующими в этом обществе. «Стало быть, – делает вывод автор, – представители различных полов (и классов) будут питать различный энтузиазм относительно «своего» официального этнического/национального проекта в зависимости от того, в какой степени они согласны с приоритетами «своих» политических лидеров»[2].

В этой связи особняком в рамках упомянутой проблематики стоит вопрос о взаимоотношениях женских движений и национальных движений, в частности, об отношениях феминизма и национализма. В феминистском обществоведении, впервые занявшемся изучением такого исторического и политического ракурса, утвердилась точка зрения, согласно которой феминизм находится в противоречии с идеями и ценностями национализма. При этом оба эти движения в равной степени демонстрировали враждебность и недоверие друг другу. Националисты, например, осуждали феминизм как силу, раскалывающую нацию и отвлекающую женщин от патриотических обязанностей, которые для них заключались в рождении и воспитании новых и новых граждан отечества[3]. Феминисты видели в национализме организованное мужчинами движение, в котором

---

[1] Цит по: Уолби С. Указ соч. С. 310.
[2] Там же. С. 311.
[3] См, напр.: Davin A. Op. cit.

женщины выполняли лишь предписанные им роли и являлись объектами политических манипуляций[1]. Канадская исследовательница Дж. Викерс попыталась определить причины подобного противопоставления двух движений. Она отмечала, во-первых, что западноевропейские национальные движения выполняли функцию инструментов модернизации, т.е. они способствовали консолидации национальных государств, подавляя меньшинства, этническая, языковая, религиозная и гендерная идентичность которых мешала централизации и стандартизации. Во-вторых, западноевропейские нации-государства были также и основными колониальными державами, потому национализм в этих странах был вплетен в империалистическую идеологию. И хотя европейские женщины не участвовали непосредственно в создании националистической идеологии или системы колониального управления, они играли непризнанную роль в администрировании территорий и транслировали империалистические идеи в качестве жен, учительниц, миссионерок, сиделок и так далее. Национализмы в Европе спровоцировали много кровавых войн, из-за которых страдали женщины.

«Очевидно, – заключила Дж. Викерс, – большинство европейских феминисток имели все основания считать, что национализм есть зло для женщин»[2].

Вместе с тем сегодня множится хор голосов ученых, отстаивающих иной взгляд на сосуществование феминизма и национализма, представляющих эти движения не как конкурирующие и враждебные друг другу, но как взаимодополняющие и взаимовыгодные. В этих работах подчеркивается, что женщины вовлекались в национальные проекты, которые позволяли им развивать особые формы политического участия и новую политическую идентичность. Исследователи делают акцент на том, что, участвуя в таком широком общественном движении, женщины преследовали и свои «групповые» цели, не теряя в нем свое «феминистское лицо». Особенно плодотворные научные изыскания в этом ключе сделаны на

---

[1] Enloe C. Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. London, 1989. P. 44.

[2] Vickers J. Feminists and Nationalism / Dhruvarajan V., Vickers J. (eds.) Gender, Race, and Nation: A Global Perspective. Toronto, 2002. P. 250–252.

материалах полиэтничных государств или истории многонациональных империй. Примером может служить статья американского историка М. Букур, проанализировавшей деятельность румынских феминисток на рубеже XIX и XX веков. Автор показала, что активистки женского движения в Румынии, добиваясь признания и общественной оценки гражданских прав и обязанностей женщины, видели в этом способ повышения ее социального и политического статуса.

Фокус на дискурсе гражданства помог М. Букур объяснить парадоксальную с точки зрения традиционной феминистской теории готовность румынских феминисток действовать в пределах господствующей патриархатной системы. В итоге, по ее мнению, идеи национализма оказались «троянским конем», с помощью которого женщины сумели войти в цитадель гражданских прав[1].

Такой поворот в исследовательских приоритетах современных историков феминизма можно объяснить сменой состава участников заинтересованного обсуждения этой проблемы. Долгое время тон в феминистских исследованиях национальных движений задавали представительницы стран Запада, представлявших доминантную культуру и потому негативно относившихся к любым проявлениям национализма[2]. Сегодня центр тяжести исследований смещается «на периферию», и самые свежие идеи и находки принадлежат ученым из стран Азии, Восточной и Центральной Европы – государств, в которых идея национальной консолидации и национального возрождения остается одной из самых востребованных.

Н.Н. Нагорная,
Нежин, Нежинский государственный университет им. Н.В.Гоголя

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В 20-Х ГГ. XX В.: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТАНОВЛЕНИЯ

[1] Bucur M. Between Liberal and Republican Citizenship. Feminism and Nationalism in Romania, 1880–1918 // ASPASIA. 2007. Vol. 1. P. 96.
[2] Vickers J. Op. cit. P. 253.

После большевистской революции советской властью под непосредственным руководством Коммунистической партии формируется специфическая модель гендерной политики. Решение так называемого «женского вопроса» было возведено на уровень общегосударственных задач. «Советский проект эмансипации» предполагал освобождение женщин от «пут буржуазного строя», юридическое закрепление их прав и свобод, масштабное привлечение во все сферы общественной жизни. Для реализации этой программы создавались специальные партийные органы по работе среди женского населения: комиссии агитации и пропаганды среди работниц (1918–1919 гг.), отделы по работе среди работниц и крестьянок (1919–1930 гг.), женские сектора отделов агитации (1930–1934 гг.). Эти аппараты должны были интенсифицировать процесс «фактического раскрепощения» женщин посредством организации их для выполнения задач советской власти в русле «социалистического строительства», втягивания их в общественно-политическую жизнь и производственную деятельность страны. По своей сути, как считает автор, перечисленные институции были призваны, прежде всего, насаждать господствующую идеологию среди женского сегмента общества, укреплять и расширять социальную базу, лояльную политике «диктатуры пролетариата». Женотделы представляли собой партийные звенья, руководящие пролетарским женским движением. При этом власть не допускала функционирования женских организаций вне партийного влияния, которые бы выражали общественные инициативы в деле «полного раскрепощения».

Цель данной статьи – раскрыть особенности формирования сети компартийных аппаратов по работе среди женщин на Украине в первые годы становления советской власти.

Первичные поиски форм и методов работы среди женского населения имели место в центральных областях РСФСР, со временем полученный опыт распространялся в регионах. Первыми компартийными женскими организациями были комиссии по пропаганде и агитации среди работниц, возникшие в 1918 г.[1]. Но деятельность таких аппаратов на территории Украины имела отчасти

[1] Первый Всероссийский съезд работниц 16 ноября 1918 г. и его резолюции. Харьков, 1920. С. 18.

формальный характер. По сути, они функционировали лишь в некоторых больших городах, привлекая женщин к общественно-политической работе в тылу и для помощи Красной армии. К тому же, в связи с наступлением войск Деникина, украинские женкомиссии были ликвидированы[1]. В сентябре 1919 г. ЦК РКП(б) принимает решение о реорганизации «комиссий» в отделы по работе среди работниц и крестьянок при партийных комитетах (женотделы), как на общегосударственном, так и региональных уровнях[2].

Процесс становление женаппаратов на местах, на самом деле, был сложным и длительным. Причиной тому были низкий культурно-образовательный уровень женщин, непонимание частью функционеров коммунистических организаций необходимости специальной работы среди женского населения, отсутствие необходимого опыта такой деятельности, дефицит материальных средств и кадров и др. Ячейки КП(б)У медленно разворачивали работу среди женщин. Препятствием к становлению систематической партийной деятельности в этой сфере были длительные действия гражданской войны, борьба с иностранной интервенцией, сложная послевоенная обстановка, крестьянские восстания и другие обстоятельства, мешавшие укреплению советской власти в регионе. Поэтому, формирование специальных парторганов по работе среди работниц и крестьянок на территории Украины началось позднее, нежели в центральных областях «Страны Советов».

Всеукраинский отдел по работе среди работниц и крестьянок при ЦК КП(б)У, как руководящий орган женского пролетарского движения, был организован в январе 1920 г.[3]. Согласно циркулярному письму ЦК, женотделы должны были формироваться при местных партийных комитетах на губернском и уездном уровне[4]. В январе возникают первые женотделы при Харьковском и Киевском губкомах, в феврале

---

[1]Тимченко Ж.П. Організаційні заходи Комуністичної партії по залученню робітниць і селянок до радянського будівництва на Україні (1919–1920) // УІЖ. 1975. № 11. С. 58–59.

[2] Сб. инструкций ЦК РКП (б) по работе среди женщин. М., 1920. С. 4.

[3] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 348. Л. 6.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1 Оп. 20. Ед. хр. 347. Л. 142.

организуется Александровский губженотдел, в марте – Донецкий, Одесский, Екатеринославский, в апреле – Черниговский, в мае – Полтавский и Николаевский, в июле-августе были первые попытки становления аналогичных структур в Кременчугской, Волынской и Подольской губерниях[1]. Большой резонанс в деле организации женщин имел I Всеукраинский съезд работниц и крестьянок, который был созван осенью 1920 г. (по аналогии с I Всероссийским съездом работниц 1918 г.).

Но сам факт становления женотделов в губернском масштабе Украины на протяжении года совсем не значит, что они активизировались на должном уровне, и работа среди женщин приобрела массовый характер. Многим парткомам приходилось несколько раз заново начинать формирование отделов и комплектовать их кадрами. Практически все губженаппараты констатировали в своих отчетах слабую организацию на местах, или вообще отсутствие таковой через фрагментарную связь с уездами и волостями. Причиной тому была нестабильная обстановка прифронтовых регионов, вынужденная эвакуация парткомов, распространение бандитизма и т.д. Так, например, Александровский женотдел был вынужден пять раз за год прерывать свою деятельность из-за военных действий. Обратим внимание на то, что достаточно сложным был процесс становления женорганов при уездных комитетах и низовых ячейках партии, который растянулся на 1921 г. «Кадровый голод», отсутствие квалифицированных специалистов так же негативно сказывалось на работоспособности женотделов. Кроме того, партийные деятели часто недооценивали значение работы среди женщин, что выражалось в неоднократных намерениях ликвидировать женотделы, как «лишние» институции[2]. Так называемые «ликвидационные настроения» стали серьезным тормозом на пути дальнейшего развития органов по работе среди женщин. Их возникновение было тесно связано с усложнениями политической и экономической обстановки в государстве, состоянием внутренних дел в партии после перехода правительства к курсу НЭПа. «Ликвидационная волна» 1921–1922 гг. существенно «потрепала» еще

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 819. Л. 58–83.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 819. Л. 119; там же. Ед.хр. 821. Л. 226.

организационно не окрепшие в общепартийном аппарате отделы работниц. В этот период губпартийные комитеты республики активно обсуждали вопрос о целесообразности наличия женотделов, хотя и не предприняли официальных мер к их полному расформированию, как это имело место в некоторых российских регионах[1]. Но, формально не распустив аппараты работниц, большинство парткомов все же перестали поддерживать их организационно и комплектовать кадрами, что привело к фактической деформации сети отделов по работе среди женщин[2]. Только после категорического постановления XI съезда РКП(б) и майского пленума ЦК КП(б)У о необходимости сохранения специальных отделов работниц и крестьянок, пополнения их качественными специалистами, усиления партийного руководства их деятельностью в новых условиях «ликвидационная волна» начинает постепенно угасать. На протяжении второй половины 1922 г. принимаются меры для реконструкции системы женотделов Украины, усовершенствования их структуры и функциональных обязанностей. Так, к осени удалось возобновить работу женотделов в 11 губерниях, но лишь 5 из них имели «крепкий губернский и на 50% крепкий уездный аппарат» (Харьков, Донбасс, Одесса, Киев, Екатеринослав)[3]. К тому же, «низовой штат» женработников возрождался значительно медленнее, чем их «руководящие органы». Таким образом, формирование аппарата по работе среди работниц и крестьянок на территории Украины необходимо рассматривать как длительный процесс становления, который продолжался на протяжении 1920–1923 гг.

Структурные элементы сети женотделов имели централизованное построение и находились в двойном подчинении – компартийным комитетам, составной частью которых они являлись, и собственным отделам высшего уровня. Так, существовали Всеукраинский отдел работниц и крестьянок ЦК КП(б)У, губернские (до 1925 г.), уездные (до

---

[1] Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (1917–1925). Смоленск, 1971. С. 109.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 1783. Л. 70.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Еед. хр. 1558. Л. 150.

1923 г.), окружные, районные (1923–1930 гг.), городские женотделы при местных парткомах.

Отдел работниц и крестьянок ЦК КП(б)У считался областным аппаратом Женотдела ЦК РКП(б) и был ему подотчетен[1]. Руководителями украинского пролетарского женского движения, заведующими Центральным женотделом на протяжении 1920-х гг. были К. Самойлова, В. Мойрова, О. Кравченко, М. Левкович и О. Пилацкая.

Непосредственную работу среди разных слоев женского населения проводили специальные организаторы, которые составляли «низовые структуры» аппарата женотделов. К категории партийных функционеров, внедрявших в жизнь гендерную политику советской власти на местах, относились: ячейковые производственные организаторы работниц и служащих на предприятиях и учреждениях; районные, волосные, сельские организаторы крестьянок, батрачек, тружениц колхозов; организаторы жен рабочих, домашних хозяек и др.

Кроме собственных штатных кадров отделы работниц и крестьянок на Украине имели в наличии специальные коллегии из представителей разных советских органов и общественных организаций, деятельность которых позволяла согласовывать действия в деле решения «женского вопроса»[2]. Автором исследовано, что они подвергались трансформации внутреннего состава, но не были ликвидированы, как это имело место в РСФСР[3]. При женотделах формировались также комиссии, например, по коллективизации быта, по изучению и улучшению труда женщин, для борьбы с проституцией и многие др. В свою очередь, представители женотделов входили в разные советские учреждения, руководящие органы профсоюзов, кооперативов, общественных организаций, таким образом, расширяя непосредственную сферу деятельности партийного аппарата по работе среди женщин.

Надо отметить, что организационная сеть женского пролетарского движения в Советской Украине подвергалась неоднократным изменениям. Причиной тому были административно-территориальные

---

[1] ЦГАООУ Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 347. Л. 41.
[2] Коммунарка Украины. 1920. № 1–2. С. 27.
[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Ед. хр. 1860. Л. 30.

реформы в республике, изменение партийной политики относительно штатно-кадрового состава аппарата по работе среди женщин, трансформация основных задач женотделов и др.

Анализ источников позволяет констатировать, что со второй половины 20-х гг. прослеживается постепенный переход от специальной работы среди женщин, проводимой отдельной частью партийного аппарата, к деятельности в этой сфере компартийной организации в целом, наблюдается тенденция к «разгружению» массы обязанностей женотделов. Наконец, в рамках преобразований партаппарата в начале 1930 г. отделы по работе среди работниц и крестьянок были ликвидированы, а на их месте организованы сектора по женработе при отделах агитации и массовых кампаний (просуществовали до 1934 г.)[1].

Собственной политики относительно решения «женского вопроса» на протяжении 1920-х гг. правительство УССР, по понятным причинам, не выработало. Конечно, в деятельности украинских женотделов была допустима определенная инициатива и вариативность, принимая во внимание специфику региональных условий. Но следует признать, что они были не более чем «республиканской ячейкой» союзного партийного аппарата, а именно последний продуцировал стратегии гендерной политики советской власти.

О.В. Кутырова,
Мурманск, МОИПКРОиК

ПРОПАГАНДА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Провозглашение Манифестом 17 октября 1905 г. права на создание общественных организаций привело к активизации деятельности среди женщин – представителей (точнее, представительниц) либерально-феминистской идеологии. В 1906 г. возникает множество женских организаций, таких как «Русское женское взаимно-благотворительное общество», «Союз равноправности женщин», «Женская прогрессивная партия».

---

[1] Коммунарка Украины. 1930. № 6. С. 1.

«Равноправки» (термин А. Коллонтай, которым она обозначала представительниц всех женских партий) добивались представления женщинам равного избирательного права с мужчинами, права на работу в государственных учреждениях и на высшее образование. В марте 1917 г., на волне успеха первой русской буржуазно-демократической революции, заставившей пасть российское самодержавие и породившей политическое двоевластие, «равноправки» решили продолжить свою борьбу более решительными методами. 19 марта 1917 г. перед резиденцией Временного правительства в Петербурге состоялась сорокатысячная демонстрация женщин, несших транспаранты с требованиями предоставления избирательных прав. Председателю Совета министров Временного правительства князю Г.Е. Львову пришлось взять на себя ответственность и подтвердить, что под «всеобщим избирательным правом» понимается право для лиц обоего пола[1].

Последним форумом, в котором официально принимали участие российские феминистки, была Конференция работниц Петроградского региона, созванная 12 ноября 1917 г. Присутствовавшая на конференции А.М. Коллонтай предложила выслушать представительницу РЛЖР «д-ра Дорошевскую» для того, чтобы работницы знали и представляли, «кто теперь является их врагом». Последовавшее за этим выступление Дорошевской о том, что «мужчины не могут защитить их интересы, так как не понимают их», потонувшее в гуле несогласия, стало одним из знаков конца либерального русского феминизма «первой волны». Деятельность всех феминистских организаций наряду с деятельностью иных партий и союзов была объявлена большевистскими декретами конца 1917–начала 1918 г. вне закона[2].

В итоге в оформившемся в начале XX в. женском движении выделяются два основных направления, не только альтернативных, но даже антагонистических. *Первое* составляли представители «высших

---

[1] Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2003. С. 178.

[2] Пушкарева Н.Л. Феминизм в России // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2003. № 5. С. 180.

десяти тысяч»[1], нацеленных на высвобождение прав собственности из остаточных феодальных ограничений и передачу их женщинам. Эти женщины из буржуазных слоев и интеллигенции жаждали экономической независимости. Именно они поддержали либеральные идеи, став социальной базой для либерального феминизма. *Второе* – ориентированное на женщин из трудящейся массы, было направлено на вовлечение их в революционную борьбу «бок о бок со своими мужчинами», чтобы покончить с капитализмом.

Поскольку пролетаркам, по мнению марксистских идеологов, политические и юридические права, на которых настаивали представительницы первого направления, нужны были только вкупе с борьбой против капитализма, то общего фронта с «буржуазными феминистками», вовлеченными в «несерьезную (легкомысленную) борьбу против мужчин, быть не могло»[2]. Пропагандистская и агитационная работа, подготовка кадров революционеров-профессионалов, которые вели партийную работу среди женщин-работниц, имели целью вовлечь их в активную революционную борьбу вместе с мужчинами-пролетариями, и ни в коем случае не допустить их вовлечения в русло буржуазного женского движения[3].

Победа большевистской альтернативы в октябре 1917 г. создала предпосылки реализации марксистской модели эмансипации женщин как естественной части предполагаемого процесса создания пролетарской демократии. Он оказался направлен на женщин-работниц, которые по сути дела никогда не выдвигали подобных требований. Как ни парадоксально, законодательного закрепления равенства те женщины, которые активно к нему стремились, – представительницы дворянской и буржуазной интеллигенции, – не добились. Его получили женщины-работницы, малообразованные, пассивные, не имеющие представления о жизни вне эксплуатации, унижения, изматывающего труда на производстве и дома. Поэтому необходимо было это представление у этой массы женщин

---

[1] Цеткин К. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1976. С. 57.
[2] Там же.
[3] Пресс-бюллетень симпозиума «В.И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах». 17–21 февраля 1970 г. (ГАРФ. Ф. 7928. Д 2397. Оп 3. Л. 6).

сформировать через различные механизмы, в первую очередь, через пропаганду.

Идеологическое обоснование необходимости постоянного проведения агитации и пропаганды среди женщин было сделано еще в Программе РКП(б) 1919 г., которая утверждала, что «задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства»[1].

Поэтому в резолюции VIII съезда РКП(б) было заявлено: «Признавая настоятельную необходимость укрепить наши силы привлечением работниц и крестьянок к борьбе за коммунизм и к советскому строительству, VIII съезд партии предлагает всем партийным комитетам содействовать осуществлению этой работы на практике»[2]. В состав органов, которые занимались решением «женского вопроса» в соответствии с партийной политикой, была вовлечена в первую очередь активная часть женщин.

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. «О работе среди женского пролетариата» предписывалось «вести самую усиленную работу среди крестьянок и работниц... Серьезное отношение к работе среди женского пролетариата города и деревни и активное участие в ней всех членов Коммунистической партии увеличат ее ряды новыми неиспользованными силами, новыми работниками во всех областях советского строительства и борцами за осуществление коммунистического строя». Идеи о необходимости широкого вовлечения женщин в общественно-политическую работу повторялись на каждом партийном съезде в 20-е гг. XX в. Задачами партии в работе среди работниц и крестьянок назывались следующие:

– усиление работы по вовлечению в партию работниц от станка;

---

[1] Программа Российской коммунистической партии (большевиков). VIII съезд РКП(б). Москва. 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970 / Изд. 8–е, доп. и испр. Т.1. 1898–1917. М., 1970. С. 42–43.

[2] Резолюция «О работе среди женского пролетариата». VIII съезд РКП (б)… // КПСС в резолюциях… Т. 1. С. 83–84.

– вовлечение в партию наиболее сознательных и проявивших себя на общественной работе жен рабочих, вышедших из рабочей среды, а также вовлечение в партию наиболее сознательных крестьянок, в том числе жен бедняков, батраков и лучшей части середняков;

– систематическое и энергичное выдвижение работниц и крестьянок на все выборные должности по линии советских, профессиональных, кооперативных и хозяйственных организаций;

– подготовка выдающихся работниц и крестьянок к ответственной работе;

– выдвижение коммунисток в руководящие партийные и советские органы;

– постановка систематической массовой работы на предприятиях и в общежитиях среди работниц и жен рабочих;

– усиление руководства работой среди крестьянок со стороны парторганизаций и укрепление работы волостных делегатских собраний крестьянок;

– укрепление аппаратов по работе среди женщин, привлечение в них большего количества коммунисток-работниц и увеличение кадра платных волорганизаторов[1].

В этот период роль женского движения как субъекта политического процесса в корне отличалась от роли женских организаций в начале XX в. В соответствии с концепцией решения женского вопроса, разработанной партией большевиков, женские организации изначально не рассматривались как субъекты государственной политики, им было отказано в праве на автономную деятельность. Равноправие полов в политической деятельности на деле означало партийные разнарядки на представительство женщин в Верховном Совете, обкомах, горкомах и др. местных структурах. Именно под руководством большевистской партии строилась вся работа среди женщин.

Основными механизмами вовлечения женщин в общественную жизнь в первые десятилетия существования советского государства, реализуемыми под контролем центральной партийной и советской власти в Мурманской области, были следующие:

---

[1] Резолюция «О работе среди работниц и крестьянок». XIII съезд РКП(б). 23–31 мая 1924 г. // КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 123.

– Агитационно-пропагандистские мероприятия женотделов при парткомах.

– Организация пропаганды женсоветами при учреждениях, предприятиях и по месту жительства.

– Деятельность женских делегатских собраний и позже (в 30-е гг.) групп жен-общественниц (домохозяек – жен ИТР и ответственных партийных и советских работников).

– Организация выборных кампаний с участием вышеназванных органов и в качестве агитаторов, и в качестве направляющих организаций, получающих определенные квоты (существующие в устных и, возможно, секретных партийных инструкциях).

Подводя итоги, скажем, что на первом этапе осуществления проекта новой формы демократии в виде Советов интересы нового государства и цели женского и феминистского движения объективно совпали. Советскому государству были нужны женские руки для проведения экономической модернизации страны. Идеология феминистского движения также призывала женщин к активному участию в общественной жизни. Другое дело, что вовлечение в публичную сферу стало принудительно-насильственным, а феминизм всегда предполагал свободу выбора. Но различия были не только в этом. Решение «женского вопроса» «сверху» было подчинено логике интересов государства. Интересы женщин как социальной группы не ставились. Коллонтай неоднократно заявляла, что в коммунистическом обществе женского дела нет, а есть только интересы трудящегося коллектива.

Риторика «дарования» прав как важнейшая идея агитационно-пропагандистского движения через утверждение (А. Коллонтай), что права для женщин завоевала коммунистическая революция, указывала на необходимость соблюдения условий – политической лояльности и поддержки власти[1]. Поэтому довольно быстро идеи о равноправии стали рассматриваться не в логике прав женщины, а в логике ее долженствования. Для вовлечения женщин в советскую публичную сферу была использована привычная форма женской

[1] Юкина И.И. Гендер как инструмент познания и преобразования общества: http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/18.php

активности – женское движение в виде делегатского движения, которое были запущено «сверху» и перед которым была поставлена задача служить единению работниц и крестьянок с партией. Женщины в СССР так и не стали действующим коллективным субъектом, защищающим свои интересы и привносящим в политику свою субъективность, хотя благодаря феминистскому движению они были на пути к этому. Понятия «женского движения», «феминизма», «женских интересов», «женских прав», «женской культуры» в советской пропаганде, науке были опорочены. Традиция защиты женщинами своих прав была прервана.

А.М. Ермаков,
Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

УНИФИКАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Унификация политической и общественной жизни является одним из характерных признаков тоталитарного государства. По определению болгарского исследователя Ж. Желева, в результате унификации «власть партии распространяется в целом на всю общественную и политическую жизнь. Партия руководит государством, партия руководит вооруженными силами, партия руководит всеми отдельными личностями в самом государстве. Партия уничтожает все институты и отдельных людей, не желающих принимать господство фюрера»[1]. Национал-социалисты, 30 января 1933 г. получившие власть в демократической Веймарской республике, немедленно приступили к ликвидации самостоятельности земель, уничтожению оппозиционных партий, профсоюзов и прочих организаций. Одни отечественные исследователи связывают завершение унификации в Германии с изданием 14 июля 1933 г. закона «Против создания новых партий»[2], другие же считают, что она в основном завершилась после референдума 19 августа 1934 г., когда население одобрило

[1] Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М., 1991. С. 101.
[2] Патрушев А. И. Германия в XX веке: учеб. пособие. М., 2004. С. 189.

совмещение вождем национал-социалистической партии Гитлером постов президента и канцлера[1].

Среди общественных структур, подвергшихся нацистской унификации, было и женское движение. Гитлер и его сторонники считали свою партию «мужским союзом», еще в первые годы ее существования они приняли решения о запрете женщинам занимать в НСДАП руководящие посты и об ограничении приема в свои ряды активных национал-социалисток. Для них в 1931 г. была создана Национал-социалистическая женская организация (НСФ), руководство которой, начиная от общегерманского уровня и кончая местными ячейками, выполняло указания соответствующих функционеров гитлеровской партии. К моменту установления нацистской диктатуры НСФ не могла похвастаться тем, что пользуется большой популярностью немок. Наряду с ней в стране активно действовали пролетарское женское движение и около 230 буржуазных женских организаций, причем многие из них считали задачи женской эмансипации выполненными, а дискриминацию женщин – естественной. К ним относились такие националистические объединения, как Национальный женский союз, Женский союз Стального шлема, женские группы Пангерманского союза и Союза немецких офицеров, Боевой союз немецких женщин. Стремление ограничить активность женщины традиционной сферой семьи и домоводства сближало эти организации с НСФ и облегчило проведение унификации[2].

Меньшая часть буржуазных женских организаций выступала с требованием равноправия полов. Это были преимущественно объединения домохозяек из буржуазной и мелкобуржуазной среды и союзы, объединявшие женщин по профессиональному признаку: чиновники, служащие, женщины с высшим образованием. Они включались в три головных организации: Объединение немецких женских союзов – БДФ (основан в 1894 г.), Кружок немецких женских профессиональных союзов (основан в 1924 г.) и Немецкий союз женщин с высшим образованием (основан в 1926 г.).

---

[1] История Германии: учебное пособие: в 3 т. М., 2008. Т. 2. С. 219.

[2] Gersdorff U. Frauen im Kriegsdienst 1914–1945. Stuttgart, 1969. S. 278–279.

БДФ объединял 77 женских организаций общей численностью около 1 млн. участниц[1]. Его программа, составленная в 1919 г., была направлена на предоставление женщинам из буржуазных и мелкобуржуазных слоев ограниченного права участия в принятии политических решений и смягчение социальных противоречий. Ее выразителями были главным образом активистки, одновременно состоявшие в леволиберальной Немецкой демократической партии (НДП). В центральном правлении и в правлениях организаций-участниц сотрудничали представительницы праволиберальной Немецкой народной партии (ННП), консервативной Немецкой национальной народной партии (НННП) и националистических женских объединений. Главным идеологом Союза была заместительница его председателя Гертруда Боймер, которая одновременно издавала орган Союза «Die Frau» («Женщина»). В 1919–1932 гг. она была депутатом рейхстага от ННП и считалась экспертом партии по вопросам работы с женщинами. Боймер руководила отделом молодежной благотворительности в министерстве внутренних дел и имела чин министериальрата. Правление БДФ возглавляла Агнес фон Цан-Харнак, состоявшая в НДП и до 1930 г. руководившая Немецким союзом женщин с высшим образованием. В правление БДФ входили известные феминистки Мари-Элизабет Людерс (депутат рейхстага от НДП), Эмми Бекман (НДП). Графиня Маргарет фон Кайзерлингк, одна из руководительниц Отечественного женского союза Красного Креста и Анна фон Гирке представляли НННП в правлении БДФ. В 1931 г. в руководство Союза вошла Леонора Кюн – приверженка Гитлера[2].

С началом в 1929 г. и мирового экономического кризиса и ростом популярности крайне правых и левых партий количество участниц БДФ сократилось, причем особенно чувствительным оказался выход из его рядов 200-тысячного Имперского объединения немецких домохозяек, попавшего под влияние НСДАП. Как и НСФ, Имперское

---

[1] Zahn–Harnack A., von. Die Frauenbewegung. Geschichte, Probleme, Ziele. Berlin, 1928. S. 24, 20.

[2] Arendt H–J. Die «Gleichschaltung» der bürgerlichen Frauenorganisationen in Deutschland 1933/34 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1979. H. 7. S. 616–617.

объединение требовало введения обязательной годичной практики всех девушек в домоводстве, выступало против производительного труда замужних женщин и добивалось отмены положений трудового права по защите домашней прислуги. В это время руководство БДФ пассивно наблюдало за распространением нацизма. В июле 1932 г. Боймер писала: «Национал-социализм начнет борьбу за абсолютное большинство в рейхстаге. В первую очередь это будет означать вытеснение женщины из прежней парламентской системы. За этим скрываются, – правда, еще очень смутные, – наметки новой постановки женского вопроса в Третьем рейхе»[1]. Правление БДФ избегало всего, что могло бы вызвать конфликт с НСДАП, поскольку Боймер надеялась на достижение компромисса с национал-социалистами в женском вопросе. Но пассивность не спасала БДФ от нападок со стороны нацистских активисток. Летом 1932 г. руководство НСФ начало пропагандистский поход против либерального женского движения и выступило с претензией на роль единственного представителя всех немецких женщин. «Старое» женское движение и особенно БДФ обвинялись в «сотрудничестве с марксизмом и еврейством, в отсутствии «национальных корней» и «расового инстинкта», в «падении нравственности» немецкого народа[2].

27 февраля 1933 г. Боймер была уволена с государственной службы, а чрезвычайное распоряжение «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. повлекло за собой запрет на деятельность целого ряда женских организаций, в том числе немецкого филиала Международной женской лиги мира и свободы и Союза защиты матерей, составлявших левое крыло БДФ. Их руководительницы Лида Густава Хайман, Анита Аугшпург, Гертруда Бэр, Хелен Штёкер покинули страну. Первой женской организацией, объявившей о подчинении национал-социалистам, стал монархический Союз королевы Луизы, насчитывавший 150 тысяч участниц. Отделение гестапо из Франкфурта-на-Одере 3 апреля 1934 г. сообщило в Берлин: «Роспуск Союза королевы Луизы в целом прошел без трудностей. Большое количество участниц вступило в

---

[1] Arendt H–J., Hering S., Wagner L. (Hrsg.). Nationalsozialistische Frauenpolitik vor 1933: Dokumentation. Frankfurt am Main, 1995. S. 263.
[2] Arendt H–J. Op. cit. S. 618.

Национал-социалистическую женскую организацию»[1]. В числе «перебежчиков» оказалась и бывшая руководительница союза Шарлота фон Хадельн, получившая высокий пост в руководстве НСФ. 27 апреля 1933 г. была распущена земельная организация БДФ в Бадене, а 7 мая объявил о самороспуске 40-тысячный Всеобщий германский союз учительниц – один из учредителей БДФ, считавшийся «кадровой армией германского женского движения». Его участницам было рекомендовано вступать в Национал-социалистический союз учителей.

10 мая 1933 г. имперский организационный руководитель НСДАП Роберт Лей объявил о создании Немецкого женского фронта. Национал-социалисты предъявили руководству БДФ ультиматум: безоговорочно встать на сторону гитлеровского правительства, исключить из своих рядов евреек, назначить участниц НСДАП на руководящие должности и вступить в Женский фронт. На выполнение этих условий отводилось шесть дней, в противном случае БДФ грозил роспуск. 15 мая на собрании правления БДФ Цан-Харнак подчеркнула идеологическое родство БДФ и нацистской партии и выразила надежду на то, что гитлеровский режим решит назревшие проблемы немецких женщин. Правление приняло решение о роспуске объединения, предоставив дезинтегрированным женским организациям свободу действий. Хотя многие из них устремились в ряды Женского фронта, под его знаменами удалось собрать далеко не всех политически активных немок, поскольку многим из них претили антифеминнная политика германского фашизма и подчинение мужчинам-функционерам НСДАП.

Поэтому в качестве головного объединения для самых разных женских организаций выступил созданный 1 октября 1933 г. филиал НСФ, носивший название «Немецкое женское дело» (ДФВ). В ноябре того же года руководство НСФ отменило запрет для своих участниц на одновременное членство в других союзах, после чего началось интенсивное проникновение национал-социалисток в еще существующие самостоятельные женские организации и их руководящие органы. Этому способствовали репрессивные меры гитлеровского правительства, постепенно лишавшие ненацистские

[1] Рос. государственный военный архив. Ф. 501. Оп. 3. Д. 547. Л. 31.

союзы всякой возможности продолжать работу: запрет на основание новых объединений, запрет уже существующим организациям на прием новых членов и проведение идеологической работы среди участниц. К маю 1934 г. большинство профессиональных женских организаций были включены в состав ДФВ. С 1 июля 1934 г. распоряжением Шольц-Клинк ненацистским женским организациям якобы в целях «упорядочения работы среди женщин» было запрещено основывать новые филиалы на местах. Таким образом, унификация женского движения в Германии в основном завершилась[1].

Как отмечает немецкая исследовательница А. Кун, «в 1933 г. феминизм как духовный, моральный и общественно-политический оплот против национал-социализма продемонстрировал свою полную несостоятельность. Более того. Он образовал важную идеологическую основу для отсутствия сопротивления со стороны большинства женского населения»[2]. Действительно, многие женские организации спешили заявить о своей верности нацистскому режиму и желании принять участие в строительстве нацистского государства. Никто из феминисток не попытался воспротивиться антисемитской политике нацизма и вступиться за участниц, подвергшихся дискриминации по расовому признаку. Повсюду в Германии заседания женских организаций открывались словами: «Просим евреек покинуть помещение». Американский историк Клаудия Кунц констатирует: «Вместо того чтобы драться со строптивым женским движением, руководство партии встало перед проблемой, как ему направить в организованные формы энтузиазм буржуазных руководительниц женщин»[3].

Проведенный анализ показал, что унификация буржуазного женского движения в Германии была важной составляющей политики гитлеровской партии и нацистского правительства, направленной на замену демократических институтов Веймарской республики

---

[1] Deutsches Frauenwerk // Das Archiv. 1934. Juli. S. 468.

[2] Kuhn A. Die Täterschaft deutscher Frauen im NS–System – Traditionen, Dimensionen, Wandlungen // Polis. Heft 7. Frauen im Nationalsozialismus. S. 5.

[3] Koonz C. Mütter im Vaterland. Frauen im Dritten Reich. Freiburg, 1991. S. 163, 164.

общественными организациями, поддерживающими тоталитарную диктатуру. Бессилие лидеров немецкого феминистского движения перед нацистским натиском было отчасти обусловлено общей политической ситуацией в стране, определявшейся разгромом левых партий, профсоюзов и других общественных организаций, а также пассивностью и даже сотрудничеством с национал-социалистами тех сил, которые находились в центре и правой части партийного спектра Германии. Унификация буржуазного женского движения облегчалась тем, что некоторые его руководительницы недооценивали фашистскую опасность и уповали на изменение политики гитлеровцев в женском вопросе, другие усматривали сходство собственных убеждений с взглядами и целями национал-социалистов и потому рассчитывали на сотрудничество с ними, третьи проявили себя как оппортунистки, готовые на любые уступки ради выживания в новых условиях. Использование национал-социалистами лозунгов, близким немкам из буржуазной и мелкобуржуазной среды, способствовало вступлению многих бывших участниц различных женских объединений в Национал-социалистическую женскую организацию. В результате слабости и ошибок политических и идейных лидеров буржуазного женского движения одни из них оказались среди функционеров НСФ, другие навсегда прекратили политическую деятельность, а те, чьи взгляды на форму правления, гендерные отношения, национальный вопрос существенно расходились с новой официальной доктриной, были вынуждены покинуть Германию.

Д.Б. Вершинина,
Пермь, Пермский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В РАДИКАЛЬНОМ ФЕМИНИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Вопросы сексуальности и сексуальной идентичности в жизни современного общества занимают одно из центральных мест. Известный британский социолог Э. Гидденс в своей работе 1992 г. «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» одним из первых отметил, что «в последние десятилетия близкие отношения (сексуальные, любовные, брачные, дружеские и даже родственные) претерпели глубинные – и

революционные по своей политической значимости, – изменения, превращаясь из социального института в инструмент эмоциональной самореализации индивида»[1].

Ключевую роль в постановке проблем, связанных с сексуальным самоопределением индивида, и в вынесении их на широкое общественное обсуждение сыграло движение за женское освобождение и особенно радикальное направление феминизма, получившее распространение в странах Запада в 1970-е гг. Именно радикальный феминизм по сей день является наиболее весомым течением и по теоретическому потенциалу (неслучайно ключевые имена феминизма «второй волны» – это именно радикальные феминистки), и по влиянию на сложившийся в обществе концепт женского движения. В этом контексте важным является анализ дискурса сексуальности в идеях и практиках радикальных феминисток стран Запада, тесно переплетенного с отношением радикалок к мужчинам как группе.

Отправной точкой для радикального феминизма явилась концепция отношений между мужчиной и женщиной, заявленная С. де Бовуар в ее классической работе 1949 г. «Второй пол», где отрицавшая всю свою жизнь стандартную модель женской судьбы писательница заявила: «Он – Субъект, он – Абсолют, Она – Другой»[2]. Влияние де Бовуар на становление самосознания тех, кто через двадцать лет станет активистками движения за женское освобождение и кто сможет благодаря этой книге «понять все значение инаковости/другости»[3], очевидно и неоднократно признавалось ими самими: «Я познакомилась со «Вторым полом» и начала критиковать эту книгу, еще когда училась в университете. Сначала я находила эти идеи недосягаемыми. Их было очень сложно усвоить. Но в действительности Симона де Бовуар просачивалась в мое видение

---

[1] Вовк Е.А. Рецензия на книгу: Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 152.

[2] Де Бовуар С. Второй пол. М., 1998. С. 28.

[3] Воронина О.А. Феминизм: либеральное, социалистическое и радикальное направления // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М., 2001. С. 61.

абсолютно всего»[1], – так воздействие французской писательницы описывает британская феминистка Ш. Роуботэм.

Идеи радикального феминизма впервые в целостном виде были сформулированы на рубеже 1960–1970-х гг., когда в целом ряде работ была сформулирована концепция патриархата: «Сексуальная политика» Кейт Миллет (1970), «Диалектика пола» Суламифь Файерстоун (1970), «Женщина-евнух» Жермен Грир (1970) и т.д. В. Брайсон указывает, что «радикальный феминизм – это теория по сути женская, для женщин и разработана женщинами…, женщины как группа имеют интересы, объединяющие их в сестринство, которое выше разделения по классу или расе…»[2]. В основе подхода радикальных феминисток лежит утверждение, что мужская патриархатная власть является первичным властным отношением в человеческом обществе. При этом власть мужчин распространяется не только на общественную сферу политической и экономической деятельности, но и на все остальные виды отношений между полами, в том числе самые интимные, а значит, проблемы сексуальности попадают в поле зрения идеологов движения.

Австралийская феминистка, жившая в Британии, Ж. Грир в работе «Женщина-евнух» утверждала, что «женщина воспринимается как сексуальный объект для нужд и благодарности других сексуальных существ, мужчин. Ее сексуальность отрицается и искажается, изображаясь как пассивность… Кастрация женщин воспроизводится в терминах маскулинно-феминной полярности, в которой мужчины присвоили всю энергию и придали ей форму агрессивной завоевательной власти, сведя все гетеросексуальные контакты к садомазохистской модели»[3]. Идеи Грир в совокупности с концепцией К. Миллет о патриархате, иными словами, власти отцов, в том числе и сексуальной, стали базой, на которой развивалось почти все женское движение 1970-х гг. Одна из активисток женского освободительного движения в Великобритании вспоминала: «Моя старшая сестра подарила мне на шестнадцатилетие «Женщину-евнуха», и, прочитав

---

[1] Rowbotham S. Woman’s Consciousness, Man’s World. Harmondsworth, 1981. P. 21.

[2] Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 9.

[3] Greer G. The Female Eunuch. L., 1991. P. 17–19.

книгу, я подумала: «вот здесь все кристально понятно, вот это и есть патриархат». Все наконец-то обрело смысл. Именно так я попала в Женскую освободительную группу Северного Кенсингтона»[1].

Итак, именно подавление женской сексуальности, с точки зрения идеологов радикального феминизма, являлось главным аспектом мужского доминирования, без ликвидации которого невозможно было преодолеть дискриминацию женщин во всех остальных сферах. Вполне логично, что главным лозунгом второй волны феминизма стало энергичное восклицание американки Кэрол Ханич «Личное есть политическое». Конкретная реализация лозунга предполагала создание небольших групп «роста самосознания» – это была идея, пришедшая из коммунистического Китая и предполагавшая выражение личного опыта с целью вынесения на поверхность его политического значения и выработки политической стратегии перемен. В феминистском журнале «Строптивая» объяснялся смысл групп роста самосознания: «Эти группы включают в себя от 10 до 15 членов, базируются в пределах определенной местности и встречаются еженедельно… Для женщины осознание ее собственной жизни является первым шагом к осознанию всеобщего угнетения… Малая группа обеспечивает для женщин… безопасное, приятное, позитивное место, где они могут чувствовать себя достаточно спокойно, чтобы раскрыть себя перед собой и другими женщинами… Разделение опыта угнетения с другими женщинами дает им понимание того, что многие описываемые ситуации не являются персональными, но есть социальные проблемы»[2].

М. Уандор обращала внимание на то, что «нет двух похожих групп, каждая создает свою собственную программу в соответствии с нуждами и интересами своих членов»[3]. Таким образом, принцип автономности в женском движении «второй волны» выражался в

---

[1] Цит. по: Lent A. British Social Movements since 1945. Sex, Colour, Peace and Power. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, 2001. P. 70.

[2] Organising Ourselves // The Body Politic: Women's liberation in Britain, 1969–1972 / Ed. by M. Wandor. L., 1978. P. 103.

[3] Wandor M. The Small Group // The Body Politic: Women's liberation in Britain… P. 114.

стремлении максимально приблизить феминизм к нуждам каждой конкретной женщины. При этом логический вывод, который делали многие активистки групп роста самосознания после того, как «говорили о мужьях, о детях, о равной оплате труда и семейных пособиях, и об оргазмах, и о макияже, и о туфлях на высоких каблуках»[1], суммировала уже упоминавшаяся Роуботэм: «Только сознательные отношения с другими женщинами стимулируют нас доверять нашим собственным изолированным, разобщенным и дезинтегрированным ощущениям»[2].

Все это не могло не отразиться на отношении феминисток к мужчинам и к каждодневным интимным связям с мужчинами. Во-первых, был четко определен исключительно женский характер групп роста самосознания («Мы осознавали, что возможность быть абсолютно честными предоставляло только участие исключительно женщин… Мы лишь хотели чувствовать себя в безопасности, что было невозможно в присутствии мужчин, даже тех, кто хотел узнать и понять нас»[3]). Во-вторых, многие радикальные феминистки стали доводить свою враждебность по отношению к мужчинам и к мужским институтам, сексуальности и убеждениям до выступлений в защиту лесбиянства как выхода из ситуации: «Политически осознанное и организованное, оно является центральным в разрушении нашей сексистской, расистской, капиталистической, империалистической системы»[4].

В Британии пик влияния лесбийского сепаратизма пришелся на конец 1970-х гг., когда Национальная Британская конференция за освобождение женщин, состоявшаяся в 1978 г. в Бирмингеме, приняла резолюцию, в которой «право определять свою сексуальность»

---

[1] Цит. по: Coot A., Patullo P. Power and Prejudice: Women and Politics. L., 1990. P. 92.

[2] Rowbotham S. Op. cit. P. 37.

[3] Цит. по: Neustatter A. Hyenas in Petticoats : A Look at 20 Years of Feminism. L., 1989.P. 16.

[4] Bunch Ch. Lesbians In Revolt // The Furies: Lesbian/Feminist Monthly, vol.1 (January 1972) [electronic resource]: http://scriptorium.lib.duke.edu/wlm/furies/

обозначалось как главный вопрос всего женского движения[1]. Гетеросексуальность начала восприниматься феминистками не как естественный импульс, а как навязываемый мужчинами культурный конструкт. Мнение о том, что гетеросексуальные отношения являются видом изнасилования, ярко выражено в брошюре, выпущенной Революционной феминистской группой Лидс: «Только в системе угнетения, являющегося мужским главенством, угнетатель фактически внедряется в тело угнетенной и колонизирует его… Проникновение есть акт огромного символического значения, посредством которого угнетатель входит в тело угнетаемой… функцией и результатом его является наказание и контроль женщины… каждый акт пенетрации для женщины представляет вторжение, подрывающее ее уверенность и истощающее ее силы»[2].

С другой стороны, отнюдь не все активистки британского женского движения признавали подобное отношение к мужчинам. Так, Одри Вайз (1935–2000), будущая защитница женских прав в Палате общин, еще на первой Национальной конференции за женское освобождение, прошедшей в Оксфорде в феврале 1970 г., заявила: «Я хочу, чтобы Женское освобождение было движением для всех людей, независимо от того, мужчины это или женщины»[3]. Энни Брэкс описывает споры, возникшие относительно взаимосвязи между феминизмом и лесбиянством на второй Национальной конференции за женское освобождение в 1971 г., где этот вопрос впервые был поднят: «Некоторые чувствовали, что отношения с мужчинами невозможны в современном обществе и в современном состоянии гендерных ролей. Другие соглашались с этим взглядом, но не чувствовали, что он относится и к ним… Третьи… не считали лесбиянство решением проблемы женского угнетения»[4]. Критики радикального феминизма, в частности, Л. Сигал, полагали, что подобный крайний сепаратизм не

---

[1] Caine B. English Feminism 1780–1980. Oxford, 1997. P. 221.
[2] Love Your Enemy: The Debate between Hetero–Sexual Feminism and Political Lesbianism. L., 1981. P. 6.
[3] Цит. по: Neustatter A. Op.cit. P. 32.
[4] Brackx A. Prejudice and Pride // No Turning Back: Writings from the Women's Liberation Movement, 1975–1980. London, 1981. P. 167–168.

принес пользу женскому движению: «Как мог такой редукционизм, такая фаллическая одержимость настолько захватить феминизм?»[1]

Итак, вопрос об отношении к мужчинам и гетеросексуальности фактически расколол британское женское движение, поскольку революционные феминистки-лесбиянки были склонны клеймить гетеросексуальных женщин как предательниц дела. Подобные установки привели к тому, что если на протяжении 1970-х гг. все же предпринимались попытки определить стратегию женского освободительного движения на национальном уровне, то к концу этого десятилетия в британском феминизме окончательно победила идея децентрализации, и женское движение перестало существовать как единая национальная сила. Немалую роль в этом сыграли радикальные установки лесбийских сепаратисток.

Л.Р. Шафигуллина,
Казань, Казанский государственный университет

ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Женские общественные организации Республики Татарстан (далее РТ), развиваясь в общероссийском контексте становления гражданского общества, твердо заняли свою нишу среди общественных объединений региона.

Функционированию женских общественных организаций РТ присущи как общие, так и особенные характеристики, обусловленные спецификой региона. Характер власти и многонациональный состав населения отразился на процессе создания и деятельности женских общественных организаций РТ.

Процесс институционального становления женского движения РТ охватывает период с конца 1980-х гг. по настоящее время. Федеральное законодательство[2] регулирует деятельность женских

---

[1] Segal L. Is The Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism. London, 1987. P. 97.

[2] Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. №82–ФЗ // Мальская М.Л. Некоммерческие организации в

организаций в РТ, в результате никаких отличий от ситуации в других регионах РФ в правовом обеспечении не наблюдается.

Наличие в РТ женских этноконфессиональных организаций потребовало изучения правовых норм, регулирующих их деятельность. Юридическая институционализация этноконфессиональной идентичности возможна в форме религиозных (организаций, групп), национально-культурных автономий. Объединение же по этноконфесиональному признаку возможно в рамках одной из организационно-правовых форм общественных объединений, обозначенных в ФЗ *«Об общественных организациях»*.

На территории РТ женские общественные организации представлены во всех организационно-правовых формах. Наиболее популярной среди женского движения РТ (более 80%) является общественная организация, что характерно и для женских организаций по всей России.

Интересен такой показатель, как соотношение женских организаций к общественным организациям в РФ и РТ. Авторы справочника «Женские неправительственные организации России и СНГ» предлагают рассматривать данные Министерства юстиции 1998 г. (примерно 600 женских организаций) только как справочную информацию[1]. Более актуальная информация по РФ на 2008 г. имеется в Институте развития гражданского общества и местного самоуправления – около 800 женских организаций[2]. Также это

России: Создание, права, налоги, учет, отчетность. М., 2000. С. 309–343; Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. №7–ФЗ // Конституционное право России. Сборник конституционно-правовых актов. Т.1. М., 2001. С.140–156; Федеральный закон О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 1 декабря 2007 г. №300–ФЗ // Сайт Президента РФ: [электронный ресурс]: http://www.kremlin.ru/text/docs/218020.shtml (18.08.2009).

[1] Женские неправительственные организации России и СНГ. Справочник / Сост. Н.И. Абубикирова, Т.А. Клименкова, Е.В. Кочкина, Т.Г. Тройнова. М., 1998. С.7.

[2] Женские организации // Официальный сайт Института развития гражданского общества и местного самоуправления [электронный

свидетельствует о создании большей части организаций в основном еще в 1990-е гг.

По нашим подсчетам, основанным на данных ЕГРЮЛ[1], данных Internet, Общественной палаты РТ, государственных архивов и архивов женских организаций, в РТ в рассматриваемый хронологический период насчитывалось около 60 женских общественных организаций. Из всего спектра общественных организаций РТ женские составляют 0,8% от общего числа, а по РФ около 1%. В результате соотношение женских организаций к общественным организациям в РФ и РТ отличается ненамного[2].

Если построить график, то линия, соответствующая числу зарегистрированных общественных организаций, позволит выделить следующие тенденции и особенности. Прежде всего, это быстрый рост числа женских общественных организаций в период с 1990 по 1996 г. Следствием этой активности стало создание в РТ 22 женских организаций (хотя не все из них были зарегистрированы), что составляет более трети (36,7%) всех зарегистрированных общественных объединений в 1990–2008 гг. По РФ за 1990–1998 гг. возникло 75% женских общественных организаций. Созданные на первоначальном этапе организации продемонстрировали длительное существование, а также достаточно велика эффективность их работы. В течение последующих лет наблюдалась тенденция к снижению числа зарегистрированных общественных объединений. Это объясняется спадом гражданской активности в целом по стране.

На фоне данной тенденции особо выделяются два ярких всплеска увеличения количества женских объединений – в 1996 и 1999 г. Пики роста числа женских организаций в РТ соответствуют предвыборным кампаниям 1996 и 1999 г. в Государственную Думу РФ и Государственный Совет РТ. Оживление общественной жизни перед выборами – явление, как правило, закономерное. Вслед за усилением

ресурс]: http://www.c–society.ru/main.php?ar2=50&ar3=4 (12.01.2009)

[1] ЕГРЮЛ – Единый государственный реестр юридических лиц

[2] Статистические сведения о юридических лицах, внесенных в Единый государственный реестр юридических лиц на 01.08.2009 // Федеральная налоговая служба РФ: [электронный ресурс]: http://ergul.nalog.ru/fns/index.php (05.10.2009).

активности различных политических сил накануне выборов следует рост гражданской активности. На наш взгляд, женские организации стремились привлечь внимание общественности, политиков к «наболевшим» проблемам многодетных семей, детей-инвалидов, безработных женщин.

Деление развития женского движения РТ на хронологические фазы позволяет увидеть его эволюцию, которая происходила в годы переходного этапа для нашей страны. Невозможно рассматривать их без сравнения с общероссийскими тенденциями. В основном анализу подверглась деятельность женского движения в 1990-е гг. Исследователями предлагаются различные хронологии. Политик, лидер партии «Движение женщин России» Е.Ф. Лахова, активная участница женского движения, подразделяет 1990-е гг. на три периода: 1989–1992 гг., 1993–1995 гг., 1995–1998 гг.[1]

Отличительной чертой первой фазы является саморефлексия, определение задач и целей деятельности. Второй – поиск форм взаимодействия со структурами государственной власти и партийно-политической системой. В РТ данный переход также наблюдается, однако немного позже, поскольку это связано с циклами избирательных кампаний не только в Государственную Думу РФ, но и в местный парламент – Государственный Совет РТ (выборы: 1995 г., 1999 г., 2004 г., 2008 г.). В политические баталии, митинги и демонстрации втягиваются массы женщин. Не стала исключением и РТ, где активные женщины участвовали в национальном движении и не сошли с политической арены до сих пор, поскольку впоследствии обратились к женской проблематике. Третья фаза – самоопределение в контексте гражданского общества, освоение его приемов, способов действия, поиск идентичности – собственных целей и способов влияния на общество.

По данным таблицы «Частота возникновения организаций по годам в целом по России, в Москве и Санкт-Петербурге», развитие женских групп прошло некоторый подготовительный период, в течение

---

[1]Лахова Е.Ф. Женское движение в годы реформ : проблемы и перспективы. М., 1998 // Женское движение, социальная активность [электронный ресурс]: http://www.a–z.ru/women/texts/lahova3r.htm (10.05.2008).

которого происходило скрытое накопление сил[1]. Всплески появления женских организаций фиксируются в 1990 и 1994 г. Авторами отмечается, что наиболее интенсивно процесс возникновения новых организаций шел в крупных городах-мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге, что объясняется традиционной для нашей страны ситуацией (эффект «страны внутри страны»).

Говоря о ч**астоте** возникновения организаций по годам в целом по России, в Москве и Санкт-Петербурге[2], сравнивая данные показатели с ситуацией в РТ, можно сделать вывод о том, что процессы в республике происходили с некоторым запозданием, так как пик создания организаций приходится на 1996 г., а по данным таблицы в 1994 г., лишь затем наблюдается спад в создании женских организаций, как по России в целом.

Существенную роль в положении женщин в обществе играют этноконфессиональные факторы, особенно в таком полиэтничном и поликонфессиональном государстве, как Россия. Определяющие образцы «типичного» женского поведения в рамках этнических и конфессиональных категорий традиционно сложились в регионах РФ и продолжают воздействовать на их положение. Республика Татарстан – один из полиэтничных и поликонфессиональных регионов РФ, где соседствуют различные религии, культуры, традиции, обычаи, и поэтому статус женщины имеет целый набор дифференциальных черт. Этот фактор также оказывает влияние на женское движение в республике, в результате чего оно приобретает свои отличительные особенности.

Национальные и гендерные идентичности неразрывны и взаимообусловлены: национальные проекты невозможны вне гендерных репрезентаций и отношений. В любом национальном движении женщины несут бремя репрезентации нации как ее символ и ответственны за ее биологическое и культурное воспроизводство. «Тело нации» отождествляется с телом женщины. Этим во многом обусловлен тщательный контроль над женщинами в частной сфере, где происходит (вос)производство нации. На рубеже 1980–1990-х гг., когда в Татарской АССР стали возникать национальные организации,

---

[1]Женские неправительственные организации России и СНГ… С.12.
[2]Там же.

боровшиеся за реформирование национально-государственной сферы, большой общественный резонанс вызвало радикальное заявление одного из лидеров партии «Иттифак», Председателя Совета матерей Татарского общественного центра Ф.А. Байрамовой о необходимости запрета межнациональных браков[1].

При неформальных структурах и массовых социальных движениях национальной ориентации в ТАССР стали появляться женские национальные организации, посвятившие свою деятельность возрождению религиозных ценностей, национальных традиций и обычаев.

Институциональное оформление получило лишь татарское женское национальное движение («Ак калфак»[2], Совет матерей при ТОЦ, общество татарских женщин «Ана-Мама», «Таяныч-Опора», фонд «Татарская семья», Казанская городская женская общественная организация «Ханум») по причине, во-первых, численного перевеса татарской нации (1989 г. – 48,5%[3], 2002 г. – 52,9%[4]), во-вторых, широко развернувшегося татарского национального движения. Основная деятельность татарских женских организаций, во главе которых стояла Ассоциация татарских женщин «Ак калфак», была направлена на сохранение языковых традиций татарского народа и его культуры через женщину.

Следует отметить, что в развитии национальных движений всегда важное место занимает религия, выполнявшая (как у русских православие, так и у татар ислам) исторически сложившуюся роль идейной опоры. В 1990-е гг. мы можем говорить о православном и мусульманском возрождении, в силу этого становится вполне

---

[1] Объединимся! // Женщина. 1991. №18. С. 2; Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения. Саратов,1993. С.94; Филатов С., Воронцова Л. Татарстанское евразийство: евроислам плюс европравославие // Дружба народов. 1998. №8; Агафонов А.А. А на последок я скажу… // Звезда Поволжья. 2009. №11.

[2] «Ак калфак» – «Белый калфак», калфак – татарский национальный женский головной убор.

[3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Казань, 1990. С.4.

[4] Итоги переписи 2002 г. // Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]: http://www.gks.ru (17.01.2010).

понятным и появление женских религиозных организаций («Мөслимә– Мусульманка», «Союз мусульманок Татарстана», религиозная организация Зилантова Успенского женского монастыря г. Казани, православная религиозная организация Епархиальный Казанско-Богородицкий женский монастырь г. Елабуги).

Всё же организации женщин при монастырях сложно отнести к общественным. Однако они далеки от православных женщин-мирянок. К тому же на территории России не было организации, объединяющей православных женщин.

Женщины-мусульманки организационно оформились в 1995 г. в виде «Союза мусульманских женщин Татарстана» – «Мөслимә», а в 2005 г. прошел Первый съезд женщин-мусульманок в Казани и создана организация «Союз мусульманок Татарстана». Устремления, проблемы татарской мусульманской женщины во многом отличаются от других женщин, поэтому организации, объединяющие их, ставят перед собой иные цели и задачи, представляя, прежде всего, ее интересы. Эти организации помогают мусульманкам адаптироваться к современным условиям.

В целом развитие женских общественных организаций РТ протекало в общероссийском русле, имея все-таки отличительные черты в силу местного характера власти, многонационального состава населения республики и его поликонфессиональности, что явилось причиной функционирования женских национальных и религиозных организаций. К тому же мы можем наблюдать запоздалость процессов становления женских организаций в РТ.

Т.Л. Барандова,
Санкт-Петербург, СПбФ ГУ ВШЭ

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ГЕНДЕРНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В КОНТЕКСТЕ «ЭКЗОГЕННЫХ УСЛОВИЙ» СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Предпринята попытка анализа состояния женского движения в Санкт-Петербурге, в рамках сложившейся на настоящий момент структуры политических возможностей, в смысле «экзогенных условий» (С. Тэрроу) успешности общественных движений. Факторы,

влияющие на условия для женского движения в Санкт-Петербурге, это наличие:

1) внешнего (Скандинавского) влияния на ситуацию с правами женщин и политикой гендерного равенства;

2) элементов институциональной поддержки со стороны органов власти (в т.ч. специализированных структур, коммуникации и партнерство);

3) организационной базы и мотивации на координацию усилий для мультипликации эффекта акционистской работы внутри сообщества женских организаций;

4) лидерского и ресурсного потенциала деятельности сообщества (интеллектуального, частично материального);

5) внешних по отношению к движению институтов, организованных групп населения (т.е. наличие потенциальных союзников);

6) рамочного «программного» направления выработки «повестки дня», способствующего возникновению солидарности и развитию перспектив.

«Проблемное поле» составляют тенденции политического процесса в современной России. Контекст оказывает отрицательное влияние на реализацию политики гендерного равенства и на переосмысление роли и стратегических целей женского движения. Структурные ограничения связаны с отсутствием Национального механизма по соблюдению гендерного равенства, его базовых элементов, как федеральный закон о равенстве мужчин и женщин, специализированные структурные единицы в органах власти на всех уровнях. Недостаток профессионально подготовленных кадров для инкорпорации в российские практики институтов защиты от дискриминации, включая антидискриминационного Омбудсмана, не позволяет женскому движению осуществлять широкоформатный диалог и «обратную связь» с государством. Среди отрицательных трендов и отсутствие государственных стандартов в высшем образовании для юристов, политологов, управленческих кадров (чиновников) по вопросам гендерного равенства, в результате выражающееся в их дальнейшей некомпетентности.

Идеологический тренд в сторону биодетерминистской трактовки репродуктивного предназначения женщины, как признак неопатриархатных тенденций в государственной политике, в сращении с религиозной пропагандой стереотипных социальных ролей мужчин и

женщин (вместо расшатывания гендерных стереотипов). (Вос)производство стереотипного дискурса со стороны СМИ, эксплуатация в рекламе дискриминационных образов, подкрепляет их.

Политика не публична, отсутствие запроса со стороны государства на независимые научные знания и практика не учета результатов социальных исследований в реализации политического курса, не позволяют академическому сообществу воздействовать на ситуацию[1], способствовать эффективным стратегиям преодоления проблем. Характер политики играет негативную роль в деятельности некоммерческого сектора, после изменения (ужесточения) законов и смены конъюнктуры финансовых инструментов (не поддерживают гендерные/феминистские инициативы). Несистемные просвещенческие усилия сегментов некоммерческого сектора, включающих кризисные центры и феминистские организации, а также исследовательских кадров не могут противостоять масштабности транслирования идей неопатриархата в массы. Они не могут переломить консервативной косности даже в профессиональной среде, оставаясь в академическом сообществе на маргинальном положении.

Продолжающаяся социальная аномия не позволяет привлекать сторонников, чтобы усилить позиции движения. Тем не менее, дискриминационные по отношению к работнику-женщине тенденции рынка труда, несовершенства трудового и социального законодательства, способны порождать всплески социальной активности. Имеющиеся в городе демократические низовые традиции и инфраструктура для работы способствует тому, что петербургские организации используют в качестве социальной базы нарастающий протестный фон групп, пострадавших от реформ и/или кризисных явлений в экономике. Это определяет практическую направленность деятельности женского движения Санкт-Петербурга в такой структурной ситуации на сегодняшний день.

Наличие внешнего влияния осуществляется при поддержке проектов сотрудничества по приграничной территории со стороны

---

[1] Доклад опубликован на: http://www.unece.org/gender/documents/Beijing%2B15/Russian%20Federation.pdf

стран Скандинавии и Финляндии. В русле интеграции сообществ, осуществляемой через дипломатическую повестку странами Северной Европы, устойчивые контакты общественности и обмены в научных отраслях, игнорировать данный вопрос руководству городом не удается, несмотря на то, что губернатор не разделяет феминистскую повестку, они не могут «выпасть из дискурса», хотя бы на декларативном уровне. Ситуация в Санкт-Петербурге представляется более успешной, чем в других субъектах РФ. В составе правительства сохранился орган – Гендерный Сектор в структуре Комитета по социальной политике (возглавляет И.А. Максимова). Созданы институциональные элементы в виде Координационных советов, Круглого стола женских организаций «Диалог», осуществляющие межсекторный диалог, в рамках которого стороны могут обсуждать и вырабатывать решения конфликтных проблем. Актуальные темы, поднимаемые женским движением, касаются нарушений трудовых прав женщин и домашнего насилия. Действует Координационный совет по предотвращению насилия в семье и связанных с ней социальных институтах, принята городская программа. Однако направление убежищ для жертв (шелтеров) не развивается, НКО испытывают сложности, не выдерживают «конкуренцию» за финансирование из бюджета, распределяемое не на конкурсной основе по принципу социального заказа[1]. Государственными центрами недостаточно работы проводится с мужчинами. Законодательство по защите жертв не разработано, и изолирования насильника от жертвы не происходит. Таким образом, повестка дня женского движения в этой сфере далеко не исчерпана.

Действует Координационный совет по реализации политики гендерного равенства при вице-губернаторе, в который входят представители администрации, научных кругов, общественных организаций. При главах районных администраций созданы Координационные советы по реализации политики гендерного равенства в рамках создания «Концепции гендерной политики Санкт-Петербурга на период до 2015 г.». Но гендерная осведомленность и

[1] Исследование судьбы негосударственных кризисных центров проведено российско-финским коллективом в 2007–2009 гг. под руководством А.Саринен и О.Ляпуновой.

чувствительность власти крайне низка, а трансформации депутатского корпуса привели к отсутствию фигур, способных разрабатывать законодательную базу[1].

Со стороны женского движения реакция следует в ответ на растущую волну недовольства со стороны дискриминируемых групп. Организацией «Санкт-Петербургская Эгида» под руководством лидера с опытом профсоюзной работы Р. Шарифулиной ведутся судебные процессы в защиту трудовых (и социальных) прав молодых матерей, чьи работодатели не выплачивают пособий, прибегая к незаконным увольнениям и подлогам документов, или исчезли. Таких насчитывается более десятка, что позволило осознать проблему, как угрожающую принять системный характер. Поскольку работодатель определен законодательством в качестве центральной фигуры в данном процессе, без соответствующих законов выплатить материнские пособия из других источников невозможно. Осознав, что государственные органы не в состоянии справиться с нарушениями в приоритетной для государства области, «обманутые матери» создали оргкомитет Движения «Молодые мамы – за справедливый закон». Основная цель – принятие закона о страховании материнства с исключением работодателей из процесса выплаты пособий на детей работающим матерям[2].

Перспективной сферой приложения сил является поддержка Концепции гендерной политики, находящейся на уровне разработки плана мероприятий. Совместные с финскими партнерами[3] проекты Ассоциации «Норден» последние пять лет направлены на создание сетей сотрудничества между женскими организациями, обеспечение общественной экспертизы при разработке Концепции, действуя в тандеме с Координационным советом по реализации политики гендерного равноправия. Процесс столкнулся с отсутствием квалифицированного знания и компетентных специалистов на локальном уровне для анализа гендерных проблем территорий и

---

[1] В прошлом созыве эта работа велась по инициативе депутата (ныне советника председателя) Владимира Еременко.

[2] Подробнее см.: www.spb–egida.ru

[3] Проект «Совместными усилиями к развитию равноправия» в 2005–2008 гг. финансировался Министерством иностранных дел Финляндии.

выработки предложений по улучшению положения, которые могли бы составить планы действий для включения в программное финансирование. Общественность включилась в поиск ресурсов и разработала проекты: «Женская сеть по недискриминации, равенству, правам и солидарности»[1] и «Усиление гендерной осведомлённости в деятельности муниципалитетов через активистскую сеть исследования и обучения (Гендерная муниципальная АРЕНА)»[2], объединившие исследователей из разных научных и образовательных структур города. Солидаризировавшиеся между собой, они начали работу по созданию модели взаимодействия с муниципальными образованиями, представителями женских и мужских организаций при осуществлении гендерного анализа для устойчивого развития территорий.

Таким образом, женское движение нашло и начало создавать потенциально заинтересованных в их деятельности союзников. Партнерство взаимовыгодно и полезно для населения города, поскольку на муниципальном уровне сохранился депутатский корпус, заинтересованный в переизбрании, а местные администрации остались при специфике Санкт-Петербурга с урезанным кругом ресурсов и полномочий, но с весомыми обязанностями и должны быть ориентированны на учет социальных потребностей населения, – муниципалы способны заинтересоваться потенциалом некоммерческого сектора, прикладных исследований и привлечения социальных инвестиций.

Другая сторона поддержки – появление мужского движения, его активных лидеров (Н. Еремин, руководитель «Невской школы молодого отца» и вдохновитель создания Балтийской мужской Сети). При поддержке шведских технологий проходят апробацию практики по усилению равенства в сфере родительства, распространяется опыт

---

[1] Women's Network for Nondiscrimination, Equality, Rights and Solidarity (WINNERS) реализуется совместно с Обществом «Финляндия – Россия» при поддержке Совета Министров Северных Стран.

[2] Реализуется с Комитетом по социальной политике и Комитетом по работе с исполнительными органами государственной власти и взаимодействию с органами местного самоуправления при поддержке Информационного бюро СМСС в СПб. Подробнее см.: www.norden.spb.ru

«папа-групп», ориентированные на развитие социальных практик отцовства. Мужское и женское движения солидаризировались, действуют в сотрудничестве, что открывает новые возможности взаимообогащения и развития женского движения.

Современный этап женского движения в городе базируется на интенсификации межсекторного диалога, институционального строительства, активности академических кругов в сфере гендерного просвещения и международного сотрудничества. Он нацелен на учет гендерных аспектов в работе правительства и общественных организаций, предполагает введение в практику политики на основе гендерного анализа, планирования и институционального развития. Слабость гендерной компоненты и институтов по внедрению механизмов гендерного равенства являются тормозящим фактором. Но они вызвали к жизни комплексные решения со стороны женского движения города, осознавшего необходимость конструктивного сотрудничества, создания механизма взаимодействия государственных структур и гражданского общества, необходимость исследований различных срезов жизнедеятельности для получения реальных потребностей различных групп и существующих возможностей. Правительство города понимает, что важно создавать площадки для коммуникации, но не в полной мере используется ресурс женских НКО, где эксперты могли бы выступать помощниками становления деятельности новых государственных структур. Значительная роль в поддержке женского движения в Санкт-Петербурге принадлежит академическому гендерному сообществу, в зависимости от его активистского потенциала формируются векторы развития.

Е.В. Кармальская,
Тверь, Тверской государственный университет

ВКЛАД ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: СОЦИОЛОГИЯ ГАРРИЕТ МАРТИНО

Конец XX – начало XXI в. ознаменованы интеграцией гендерного подхода в социальных науках. Веками в истории (в том числе в истории развития наук) не учитывался женский опыт. Подобный андроцентризм в истории наук создает ложное впечатление о низких умственных способностях женщин, об их нежелании и неумении заниматься научной деятельностью. Важнейший агент социализации — институт образования, — способствует укреплению этого стереотипа: в учебных курсах женщины представлены в лучшем случае только как жены и подруги выдающихся деятелей-мужчин. Проблема преодоления андроцентризма и сексизма в учебных курсах и пособиях до сих пор очень актуальна в Европе и США. В России эта проблема приобрела актуальность в последнее десятилетие, и потребуется довольно много времени на ее решение.

Феминистская критика современного социологического знания представлена в работах М. Миллман и Р.М. Кантер, Д. Смит, Дж.У. Скотт, Дж. Келли и М.Л. Андерсен[1]. Среди российских ученых тему разрабатывают Н.Л. Пушкарева, И.И. Юкина, О.В. Шнырова, И.А. Фролова[2], В.И. Успенская[3]. Из зарубежных работ основным источником данной статьи послужила книга Линн Макдональд

---

[1] Пол и гендер в науках о человеке и обществе / Под ред. В. Успенской. Тверь, 2005.

[2] Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И. Успенской Вып.2. Тверь, 2002.

[3] Успенская В.И. «Споры о женщинах: европейская традиция теоретизирования в духе феминизма, XV–XVIII вв.» // Феминизм: от идей в защиту прав женщин до политики гендерного равенства. Тверь, 2007.

«Женщины-основательницы социальных наук»[1], а также англоязычные публикации в Интернете.

Становление и развитие сначала женских, а позднее и гендерных исследований позволило обнаружить и продемонстрировать андроцентризм в социально-гуманитарных науках: в 80-е гг. XX в. западными учеными была проведена гендерная экспертиза учебной литературы, в результате которой учебные тексты были скорректированы с целью исключения из них гендерной асимметрии и сексизма. В учебный план многих западных вузов включаются новые курсы по проблемам пола/гендера.

Что касается учебных пособий по истории социологии, то женщины долгое время были исключены из истории вообще — так же, как на протяжении веков они вытеснялись из сфер общественной жизни в сферу приватную – ведение домашнего хозяйства, рождение и воспитание детей. Американская феминистка, профессор-медиевист Принстонского университета Н. Земон Дэвис впервые написала о том, что вытеснение женщин на второстепенные позиции в истории произошло «благодаря» их современникам-мужчинам, которые «не пускали женщин на убористые столбцы летописей и хроник, практически «забывали» о них при составлении правовых кодексов и намеренно отодвигали на второй план при создании композиций книжных миниатюр, икон и фресок»[2]. Разумеется, мужчины-обществоведы объясняли и оправдывали такое подчиненное положение женщин. Например, О. Конт считал, что допустить женщину в общественную жизнь прямо противоположно человеческому прогрессу. Женщину «следует держать вдали от общественной жизни и профессионального труда: участие в борьбе за существование только унизит женщину и испортит её характер»[3]. В своей так называемой «теории трех К» Ф. Ницше (1844—1900) провозгласил:

---

[1] McDonald Lynn. Women founders of the social sciences. Carleton University Press, 2004.

[2] Цит по: Пушкарева Н. Гендерная проблематика в исторических науках. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 2001; Спб., 2001. С. 281.

[3] Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи// Мужские ответы на женский вопрос в России. Тверь, 2005. С. 179.

«Удел женщин – дети, кухня и церковь». Э. Дюркгейм в равноправии полов видел угрозу распада семьи. Немецкий социолог Г. Зиммель предложил следующую формулу подхода к «женскому вопросу»: «самостоятельная, но равная «женская культура», выражаемая посредством театра и дома…»[1].

Тем не менее, вклад женщин в историю развития общественных наук вовсе не такой незначительный, как может показаться при прочтении традиционных учебников. Среди первых социологов были и женщины: Гарриет Мартино (1803—1876), Джейн Аддамс(1860—1935), Шарлотта Перкинс Гилман (1860–1935), Анна Джулия Купер (1858—1964), Ида Уэллс-Барнетт (1862—1931), Марианна Вебер (1870—1954) и Беатрис Поттер Вебб (1858—1943). То, что их сегодня не знают или не признают социологами или теоретиками социологии в рамках истории данной дисциплины, отнюдь не умаляет их заслуг. По мнению Дж. Ритцера, непризнание вклада этих женщин в развитие науки является свидетельством силы внутридисциплинарной гендерной политики, а также бездумной и некритичной трактовки социологией своих собственных разработок[2].

Г. Мартино, которую по праву можно назвать матерью-основательницей социологии, родилась 12 июня 1802 г. Как описывает сама Гарриет в своей «Автобиографии», в детстве она была нервной, пугливой девочкой, отличалась слабым здоровьем. Г. Мартино получила домашнее образование, превосходно владела французским и латинским языками. Она обладала незаурядным писательским дарованием, уже в 1822 г. она опубликовала свои первые статьи.

После смерти отца в 1826 г. Мартино, которой было тогда 24 года, и две ее сестры были вынуждены зарабатывать себе на жизнь. Г. Мартино выбрала для себя карьеру писательницы и журналистки; за всю свою жизнь она опубликовала более 50 книг и около 1600 статей по различным социальным вопросам. Первый успех ей принесла книга «Иллюстрации к политической экономии» (1832) – научно-популярное изложение принципов экономики. Прибегая к художественным образам

---

[1] Успенская В. И. Женский вопрос и гендерная проблематика в классической социологии. Рукопись.

[2] Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5–е изд. Спб., 2002. С. 74.

и сценам, Мартино излагала основные аспекты экономической теории, делая в конце каждой главы резюме в более традиционной форме научного письма. Эта книга долгое время опережала по продажам более известные в истории социальных наук «Принципы политической экономии» Дж. Милля[1].

Мартино была также известной общественной деятельницей, активно поддерживала движение против рабства и движение за женскую эмансипацию (в частности, за предоставление женщинам права голоса, права на образование и профессиональный оплачиваемый труд, права на развод). Мартино была автором таких научных трудов как «Очерки об искусстве мышления» (1832) и «История тридцатилетнего мира» (1849).

В 1834 г. Г. Мартино на два года отправилась в США для изучения американского общества. Во время своего длительного путешествия на корабле она пишет очерк по методологии исследования, который был опубликован в 1838 г. под названием «Как наблюдать мораль и нравы». Эта работа дает практические советы о том, как проводить исследование. Мартино обращает внимание на то, что в исследовании всегда участвуют две стороны – исследователь и объект исследования. Она представила перечень тем, которые следует изучать для познания нового общества, обратив внимание на все социальные институты, которые и сегодня в поле зрения социологов. По поводу института религии она рекомендовала изучать храмы, отмечать, где они расположены, сколько их, насколько они разнообразны. Тип религий, общественные святые, герои, считала Мартино, много могут сказать о моральных ценностях людей. Она также подмечала, что у каждого общества есть свои кумиры – герои-воины, поэты, художники, филантропы, но чрезвычайно редко – государственные деятели. Отношение общества к преступникам также дает нам информацию о нравах: «Знание о преступности проливает свет на другие неполадки в обществе». С точки зрения Мартино, наблюдатель должен учитывать культуру общества во всех ее проявлениях – песни, театр, идеи, литература и т.д. О состоянии общественной морали можно судить по «наиболее верным показателям» — рождаемости, состоянию системы здравоохранения и

[1] Успенская В.И. Указ. соч. С. 23.

образования людей, считала Мартино. Наличие обязательного образования отражает общественный строй: «Деспотическая власть позволяет получить лишь минимум образования»[1]. Свобода печати и выражения мнений – тоже значимый показатель общественного развития. Для понимания общества, продолжает Мартино, многое может дать изучение профессиональной сферы занятости. Она высказала мнение, что Россия будет оставаться государством с деспотической формой правления до той поры, пока не развита промышленность.

Отмечая значение изучения классовой системы общества, исследовательница полагала, что градаций внутри классов со временем будет больше – вывод прямо противоположный тому, который был позже сделан Марксом и Энгельсом. Совершенно очевидно, что стратификация современного общества подтверждает правоту Г. Мартино.

Что касается эмпирического уровня, Мартино советует исследователю заранее составить опросный лист в соответствии с тем, какую категорию людей собирается изучать исследователь. Список вопросов сможет расширяться по мере обнаружения новых факторов. Для фиксации фактов необходимо вести дневник и по мере необходимости делать приписки к уже написанному. Обобщение фактов следует отложить к тому моменту, когда исследование закончится. Мартино была среди пионеров использования социологического подхода при сравнительном анализе. По сути, ее работа «Как наблюдать мораль и нравы» являлась первой работой по методологии социологического исследования в то время, когда еще не сформировались такие научные дисциплины, как социология и антропология.

В 1837 г. увидело свет ее исследование «Общество в Америке». Двумя годами раньше А. де Токвиль опубликовал свое исследование «Демократия в Америке», которое более известно, чем работа Мартино. Но все же книга Мартино во многих аспектах глубже. Исследование де Токвиля длилось 9 месяцев, а Мартино провела в Америке два года. Сравнивая эти два исследования, Л. МакДональд считает, что Мартино оказалась более проницательной в своих

---

[1] Ibid. P. 170.

выводах при изучении проявлений расизма. Например, Токвиль отметил активное участие в политической жизни страны, а Мартино увидела апатию и безразличие. Токвиль серьезно ошибался относительно статуса женщин, Мартино же превосходно изложила этот вопрос во всех подробностях: «Неужели непонятно, что положения Декларации Независимости не имеют никакого отношения к половине человеческой расы? И если это и в самом деле так, что именно послужило основанием такого ограничения?»[1]. Мартино предсказала волну суфражистского движения, начавшегося всего через 15 лет после отъезда из Америки Токвиля, утверждавшего, что американские женщины довольны своим положением домохозяек. С.М. Липсет, опубликовавший в 1962 г. труд Мартино «Общество в Америке», назвал его одним из наиболее значительных исследований американского общества, которое повлияло на формирование общественного мнения леволиберально настроенных англичан.

В 1839 г., во время поездки в Италию, ей поставили диагноз – злокачественная опухоль. Пять лет считалось, что она не проживет долго, но ей удалось поправить здоровье. В 40 лет она отказалась от государственной пенсии, не желая получать бенефиции от налоговой системы, которую она подвергала критике в своих работах. На средства от издания своих книг она построила себе дом.

В 1853 г. вышел в свет ее перевод с французского «Курс позитивной философии» О. Конта. Это отредактированное издание сам Конт и другие современники посчитали гораздо более удачным текстом, и именно этот английский текст был заново переведен на французский язык и стал всемирно известным.

В 1855 г. ей снова поставили смертельный диагноз – сердечное заболевание, но, возможно, это была снова опухоль. В ожидании смерти она за три месяца написала свою автобиографию. Даже став инвалидом, Г. Мартино продолжала работать. Вместе с основательницей сестринского дела Ф. Найтингейл она занималась проектами по профилактике заболеваний и заботе о здоровье женщин[2]. Мартино написала более полутора тысяч статей для «Дейли

---

[1] http://womenshistory.about.com/library/qu/blqustan.htm

[2] Hutcheon P.D. Leaving the Cave: Evolutionary Naturalism in Social Scientific Thought. Waterloo, ON, 1996 [electronic resource]: http:

Ньюс», пока состояние ее здоровья не ухудшилось настолько, что она не могла больше писать. Тогда она была вынуждена диктовать свои статьи.

Трехтомная «Автобиография» была опубликована в 1876 г. после смерти Мартино — через двадцать один год после поставленного ей смертельного диагноза.

В Г. Мартино поражает ее удивительная жизнестойкость и деятельность ее натуры. Трудно найти недостатки в этой замечательной личности, пишет Л. МакДональд, разве, может быть, то, что она курила[1]. Но в наше время Мартино больше знают (если знают вообще) как переводчицу Конта, а не самостоятельного ученого. Это несправедливо, так как все ее труды по методологии появились до того, как Конт ввел в научный оборот термин «социология» (1838) и использовал его в «Курсе позитивной философии» (1839). Однако Л. МакДональд в своей книге «Женщины-основательницы социальных наук» упоминает о существовании Социологического общества имени Гарриет Мартино и положительно отзывается о его работе.

С.А. Фролова,
Казань, Академия государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан

СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ ЧАСТНЫХ УЧЕБНЫХ ПАНСИОНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ШТРИХИ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОРТРЕТУ

С XVIII в. в России получают распространение частные учебные заведения. Во главе некоторых из них стояли женщины. Современники выделяли особый тип женщин – иностранок-содержательниц частных женских пансионов, маркируя их понятиями «мадамы» или «мамзели», якобы «весьма сомнительных достоинств», заботящихся о своих личных интересах и неспособных дать своим ученицам «истинное народное образование будущих русских жен и матерей»[2]. В этих

//humanists.net/pdhutcheon/books/martneu.htm#1
[1] Ibid. P. 168.
[2]Аппельрот Г.Я. Образование женщин среднего и высшего состояния //

частных пансионах, по мнению критика, можно было получить только «суетное, поверхностное полуобразование, напоминающее мишурные блестки на театральных лохмотьях, и ограничивающееся обыкновенно знанием некоторых обиходных французских фраз, заученное ловкостью телодвижений, называемых грациозными, и некоторыми общими местами, затверженными на удачу и без разбора из обычных школьных книг»[1]. Хотя в действительности частные женские пансионы «увеличивали понемногу число образованных женщин, способных понять свое назначение, женщин более самостоятельных, чем те, которые получили патриархальное воспитание, женщин, которых не легко сбить с толку софизмами даже их прежних товарок по пансиону»[2]. «За все это, – писал в своих размышлениях на статью Аппельрота некий критик, – мы должны скорее благодарить каких-нибудь мадам, даже и иностранного происхождения»[3].

Цель доклада – дать общую характеристику содержательницам частных женских пансионов и школ Российской империи.

Источники исследования – 6 автобиографий содержательниц женских пансионов (4 опубликованы)[4], сохранившихся в материалах делопроизводства учебного ведомства, и мемуары бывших учеников и учениц, учителей и учительниц, родственников учениц пансионов. Среди авторов мемуаров нет содержательниц учебных заведений. В воспоминаниях имеются описания внешности, характера, семьи и родственных связей учредительниц пансионов и школ, их педагогических приемов, показывается отношение автора к миру частного учебного заведения. Большинство мемуаристов негативно

Отечественные записки. 1858. Т. 116. С. 660.

[1] Там же.

[2] Д.М. Частные женские пансионы. Замечание на статью г-на Аппельрота «Образование женщин среднего и высшего состояния // Атеней, журнал критики, современной истории и литературы. М., 1858. Ч. 1. С. 366.

[3] Там же.

[4] Фролова С.А. «Позволено...учредить в городе…пансион»: документы Национального архива Республики Татарстан по истории частных учебных заведений в Поволжье. Конец XVIII–начало XIX в.// Отечественные архивы. 2006. № 4. С.82–102.

характеризуют основательниц частных пансионов и школ, хотя есть и положительные, вызывающие симпатию образы женщин–содержательниц. Обобщенный образ иностранки-содержательницы пансиона дал в своей статье педагог–писатель Г.Я. Аппельрот. Он приписывает руководительнице учебного заведения такие черты, как «театрально разыгрываемая материнская любовь», «холодный расчет, подслащенный приторною лицемерною нежностью, неискреннею внимательностью», рассчитанное притворство, эгоистическое лицемерие и ложь[1]. Все это негативно влияет на детей, порождая «холодность, эгоизм и ложь» или «скрытность, сомнение и недоверчивость – вообще холод или нравственную смерть»[2].

Причинами участия женщин в образовательном процессе были просветительские идеи и желание их реализовать, принося пользу обществу; стремление улучшить материальное положение своей семьи (часто после смерти супруга), необходимость дать образование собственным детям, организуя для них компанию из детей родных и знакомых и нанимая учителей. Вырастая, дочери и сыновья принимали участие в жизни учебного заведения в качестве учителей (танцев, музыки и т.п.) или надзирателей (надзирательниц) (в пансионах М. Пото, С. Югвальд (в Казани), П. Ивановой (в Астрахани) и др.), а в дальнейшем и содержателей основанных еще родителями или родственниками учебных заведений.

Среди содержательниц частных училищ преобладали иностранки. В Казани за сто лет (сер. XVIII – перв. пол. XIX в.) из 13 учредительниц пансионов и школ было всего 3 русских женщины (Вишневская, Куклина и Чулкова). Остальные немки (3 чел.), француженки и швейцарки (по 2 чел.), англичанка, полячка (национальная принадлежность одной не установлена). Аналогичной была ситуация в других городах. Пять женщин были чиновницами, из них трое – жены чиновников учебного ведомства, 5 иностранок, две купчихи, дворянка.

Из этих женщин почти половина (6 чел.) были замужем, 2 – вдовы, 2 – девицы. Семейное положение троих не установлено. Замужество и наличие собственных детей рассматривались учебным ведомством как позитивный фактор в развитии собственной школы или пансиона.

---

[1] Аппельрот Г.Я. Указ. соч. С. 668.
[2] Там же. С. 668–669.

Поэтому при характеристике содержательниц часто встречается формулировка «женщина светлого ума и высокого образования» (Диттель)[1], примерная матерь «многочисленного семейства и сама без помощи гувернанток, отличнейшим образом занимается воспитанием собственных детей» (о Комаровой М.А.)[2]. В деле создания учебного заведения, особенно женского, правительство интересовала не только кандидатура учредительницы, но и данные о супруге, его занятиях и нравственности. Супруг не всегда преподавал в пансионе своей жены. Порою он «принадлежал «к тому роду незаметных мужей, коих существование поглощается и исчезает в великой знаменитости супруг»[3]. Во второй четверти XIX в. женщина при открытии учебного заведения представляла разрешение от мужа. Иногда «по привычке ли к независимой жизни или по недостатку взаимной симпатии» супруги разъезжались. Жена из-за того, что муж выделял на содержание ее и детей мало средств, решалась открыть пансион. Пассек Т.П. описывает аналогичную ситуацию в своей семье: «Открытие учебного заведения отцу не нравилось, самолюбие помещика, привыкшего к почету, страдало; но, чтобы избавиться от лишних расходов, он свалил все на прихоть жены, махнул рукой»[4]. Длительное раздельное проживание супругов, нетрезвая жизнь мужа, с точки зрения учебного начальства, снижали авторитет содержательницы пансиона и приводили к закрытию ее пансиона (пансион Бородулиной в Пензе). Девица, содержавшая пансион, выходя замуж, закрывала свое учебное заведение.

Известны случаи, когда инициаторами открытия женских пансионов и школ выступали мужчины, как правило, учителя иностранных языков в гимназиях. С них брали письменное обязательство в том, чтобы «надзор за нравственностью и поведением девиц был особенно возложен на его жену, если она российская подданная»[5] (пансионы Гибаля в Москве и Арзамасе, Монфора в Нижнем Новгороде, Гладта и

---

[1] Де Пуле М. Николай Иванович Второв // Рус.архив. 1877. Кн. 2. С.435.
[2] РГИА. Ф.733. Оп. 8. Д. 222. Л. 42.
[3] Вигель Ф.Ф. Записки. В 7 ч. М., 1891–1892. Ч.2. С.108.
[4] Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. Т.1. М., 1963. С. 250.
[5] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д.1959. Л.7 об.

Менделеева в Тамбове, Менделеева, Гаага, Феликса в Саратове, Гутоп в Уфе и т.д). Один учитель-иностранец даже специально женился, чтобы получить разрешение на открытие женского пансиона, и не скрывал этого (Вильетти)[1]. Тогда роль женщины-содержательницы была номинальной. Ее наличие – одно из необходимых условий благополучного существования не только женского, но и мужского пансиона, где супруга содержателя вела пансионное хозяйство, надзирала за младшими воспитанниками, воспитывала собственных детей. Ухудшение ее здоровья могло стать причиной закрытия училища: Лейтер в Казани дважды закрывал свой пансион из-за болезни супруги[2].

Возглавляя учебное заведение, женщина исполняла обязанности учительницы, надзирательницы, руководила училищным хозяйством. В редких случаях (Юнгвальд, Стадлер) она управляла только общим развитием учебного заведения. Деятельность содержательниц осложняли обязанности по дому как матери и супруги.

Учебный процесс в женском пансионе организовывался, как правило, по образцу того учебного заведения, которое окончила сама содержательница. Хотя в 1830-х гг. организация учебной и повседневной жизни в женских пансионах выстраивалась аналогично мужским пансионам при гимназиях.

В отличие от мужчин, женщины-содержательницы частных учебных заведений не получали от правительства никаких наград и поощрений. А некоторые из них отказывались подчиняться чиновникам учебного ведомства (директорам гимназий) на том лишь основании, что они женщины. В целом, учреждение женщиной собственного учебного заведения было трудной, но в то же время почетной миссией, не всегда получавшей поддержку, понимание и одобрение в обществе.

---

[1] Фролова С.А. Власть, дворянство и частное образование в русской провинции в первой четверти XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2006. № 3. С.16–27.

[2] Фролова С.А. Учителя Казанской гимназии – основатели частных пансионов (вторая половина XVIII – первая половина XIX в) // Третья в России, первая в Казани: к 250–летию со дня основания Казанской первой гимназии / Науч. ред. М.Х. Салахов. Казань, 2008. С.304–315.

О. В. Шабаршина,
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ЖЕНСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРИ «ДОМЕ АНАТОЛИЯ ДЕМИДОВА»

Демидовы – знаменитый род уральских горнозаводчиков, выдающиеся промышленники-предприниматели, основавшие десятки горных заводов на Урале, много сделали для развития образования не только в своем родовом гнезде – Нижнем Тагиле[1], но и по всему миру[2]. Их благотворительная деятельность в XVIII–первой половине XIX в. хорошо изучена современными историками[3]. После отмены крепостного права и начавшегося в связи с этим кризиса горнозаводской промышленности меценатство Демидовых становится менее масштабным. Сокращение ассигнований на образование, пенсионное страхование и другие социальные нужды заводского населения дало повод Д.Н. Мамину-Сибиряку в очерке «От Урала до Москвы» довольно резко высказаться о «благодияниях» потомков знаменитого рода[4]. Согласившись с оценкой «благотворительности»

---

[1] Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского горного округа на 1 января 1915 г. / сост. П. П. Ларионов. Нижний Тагил, 1915. С. 3–9.
[2] В современной Флоренции, на берегу Арно, недалеко от дворца Серристори, в котором провел свои последние годы жизни Николай Никитич Демидов (1773–1828), стоит грандиозный многофигурный монумент из белого мрамора, воздвигнутый в 1871 г. благодарными горожанами по проекту Л. Бартолини (Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. С. 108).
[3] Черкасова А. С., Мосин А. Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник: исторический альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 246–275; Мельчакова О. А. Демидовы и горнозаводское население вт. пол. XVIII – нач. XIX в. // Меценаты и коллекционеры дореволюционного Урала. Екатеринбург, 1999. С. 60–70. (Очерки истории Урала. Вып. 8).
[4] Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 149.

Демидовых на нижнетагильских заводах, нужно сделать оговорку в отношении их участия в поддержке учебных заведений в столице и других городах империи. В данном материале мы представим женское коммерческое училище и рукодельно-профессиональную школу, организованные в 1894 г. при Демидовском Доме трудолюбия.

Согласно «Перечню пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям», в 1830 г. А.Н. Демидов (1812–1870) более 500 тыс. руб. потратил на строительство и «обзаведение» Дома трудолюбия (Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 108). В дальнейшем он ежегодно выделял более 26 тыс. руб. на содержание 80 воспитанниц и оплату труда сотрудников этого приюта[1]. После смерти Анатолия Николаевича деятельность учреждения продолжал поддерживать племянник – Павел Павлович (1839–1885) и его наследники.

Согласно уставу, целью организации Дома трудолюбия было «бедным лицам женского пола свободного доставления доставить способы к производству рукодельных работ, посредством которых оне могли бы честным и полезным образом снискивать содержание себе и своим семьям».[2] Как отмечают исследователи, это была первая частная инициатива подобного рода, только через полвека открытие таких заведений получило широкое распространение[3]. В 1890-е гг. экономические и общественные условия потребовали внесения изменений в устав этого учреждения. После преобразований 14 августа 1894 г. были утверждены новые учебные планы и программы «первого в России женского коммерческого училища и рукодельно-профессиональной школы, при Доме Анатолия Демидова в Санкт-Петербурге, с целью образования в первом: счетчиц, кассирш, делопроизводительниц и вообще с целью подготовления лиц для службы и деятельности коммерческой и конторской, а во второй – мастериц и учительниц рукоделия для женских учебно-воспитательных учреждений»[4].

---

[1] Черкасова А. С., Мосин А. Г. Указ. соч. С. 268–269, 274.
[2] Дмитриев М. Н. Дома трудолюбия. СПб., 1900. С. 98.
[3] Черкасова А. С., Мосин А. Г. Указ. соч. С. 274.
[4] Программы женского коммерческого училища и рукодельно–профессиональной школы при «Доме Анатолия Демидова». СПб.,

В учебную программу входили как общеобразовательные (Закон Божий, русский язык, церковно–славянское чтение, французский и немецкие языки, география, история, естествознание, физика, арифметика и элементарная геометрия), так и специальные предметы. По учебному плану в цикле «искусства» воспитанницы занимались чистописанием и каллиграфией, рисованием, гимнастикой, шитьем и рукоделием. Кроме того, вне классных занятий они могли брать уроки игры на фортепиано, петь в хоре и учиться печатать на пишущей машине. К пению допускались ученицы 12-летнего возраста «при здоровой груди и вокальных способностях»[1].

По результатам экзаменов[2] после окончания пятигодичного общеобразовательного курса, ученицы определялись либо в коммерческое училище, либо в рукодельно–профессиональную школу. Для поступления в первое нужны были только отличные или хорошие оценки по всем предметам, второго – достаточно было иметь «2+, 3, 3+». Среди специальных предметов в коммерческом училище были: «коммерческая арифметика, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция (русская и иностранная), коммерческая география и история торговли, коммерческая экономия, торговое законоведение, практическое ознакомление с товарами»; в рукодельно-профессиональной школе – «кройка и шитье белья, верхнего платья, вязание и вышивание, цветоделие, рисование, приспособленное к мастерствам, модное мастерство (делание шляп и головных уборов)»[3].

1895. Приложение. Б. с.

[1] Там же.

[2] Экзамены проводились только при поступлении и окончании, переводные отменялись и заменялись подведением итогов по текущим оценкам. «Уничтожение переводных из класса в класс экзаменов сохраняется для отдыха утомленных занятиями учениц лучшее весеннее время года, – отмечалось в уставе учебных заведений, – и, кроме того, они освобождаются от ежегодного, во время экзаменов, усиленного умственного напряжения и психического волнения, вредно влияющих на развитие не только физических, но и умственных сил и способностей» (Программа женского коммерческого училища … Приложение. Б. с.).

[3] Программы женского коммерческого училища … Приложение. Б. с.

В первых пяти классах (возраст учениц от 9 до 16 лет) изучались только общеобразовательные предметы и «искусства», специальные предметы изучали в последние три года обучения. В первом классе еженедельная учебная нагрузка составляла 28 уроков. В последующие годы количество нагрузки менялось незначительно: на втором и пятом году обучения – 31 урок, третьем и четвертом – 32, шестом – 28, седьмом – 30, восьмом – 24 для коммерческого училища, и по 40 уроков в течение трех лет обучения в рукодельно-профессиональной школе[1].

Наибольшее внимание из всех предметов уделялось изучению языков (французский – 31 урок, немецкий – 28, русский – 25). Показательно, что разработчики учебных планов в первую очередь выделяли общеобразовательное значение знания иностранных языков («открывает возможность пользоваться иностранными литературными произведениями»), а лишь во вторую – практическое («прилагать свои знания в торгово-промышленной деятельности»). Считалось, что преподавание языков «должно быть направлено к тому, чтобы ученицы не только усвоили грамматики изучаемых языков», но и могли понимать «без затруднения книгу, написанную на этих языках» и «выражаться на них устно и письменно без ошибок»[2]. Понимая, что раннее обучение языкам более эффективно, французский начинали преподавать с первого класса, немецкий – со второго (по 5 урок в неделю, также как и русский язык). В выпускных классах коммерческого училища уроков немецкого языка было больше (11 уроков), чем французского (10) и русского (6), в рукодельно-профессиональной оставался лишь русский язык (6 уроков в неделю).

В программах обращает на себя внимание активное использование межпредметных связей. Так, разработчики настаивали на том, чтобы на уроках русского языка с первого класса привлекались «рассказы о главнейших событиях отечественной истории, конечно, доступные детям по содержанию и форме», а при изучении теоретических основ словесности – использовались отрывки из художественных поэтических и прозаических произведений. В 5-ом классе, например, «понятие о лирическом элементе, описании, повествовании,

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 31.

рассуждении и характеристике» предлагалось изучать, используя 6 и 7 главы «Мертвых душ» Н. Гоголя, а «деление сочинений на прозаические и поэтические и различие между ними» – «Лес» С. Аксакова и А. Кольцова. На географии обязательным условием было описание «географических картин» «для наглядности преподавания, составляющей одно из важнейших условий успеха прохождения курса»[1].

Стоит отметить, что на уроках арифметики, обращалось особое внимание на «изящество»(!) решений задач. Для этого «преподаватель должен ознакомить учениц со всеми существующими приемами умственных исчислений, а затем, чтобы эти исчисления были прочно усвоены, необходимо в 1-ом и 2-ом классах раза два в неделю уделять минут 15 в конце урока на так называемое беглое умственное вычисление с целым классом; а во время письменных задач, на доске или в тетради не позволять делать письменного действия с малыми числами, а только обозначать действия»[2]. Хотя для мальчиков умение быстро производить вычисления в уме было также необходимо, трудно представить, что от них при этом преподаватели требовали еще и «изящества».

При выборе учебных пособий и методических руководств по географии, физике, коммерческой корреспонденции и другим общеобразовательным и специальным предметам, по-видимому, не делалось различия и указывались те же, что и для подобных мужских учебных заведений, т. к. в программах нет никаких примечаний на этот счет. В то же время, сохранялись гендерные стереотипы. Так, хотя в учебную программу не входило «обучение воспитанниц домашнему хозяйству», все же специальным параграфом оговаривалось, что «воспитанницам, как общих (в старшем возрасте), так и специальных классов обязательно сообщаются необходимые сведения по домашнему садоводству и огородничеству (в саду и огороде заведения), молочному хозяйству (на ферме при заведении), поваренному искусству, стирке белья и глажению (на кухне и в прачечной устроенных для учебных целей)». Через эти так называемые «производственные занятия» должны были пройти все

[1] Там же. С. 8, 20, 22.
[2] Там же. С. 10.

ученицы независимо от их сословной принадлежности[1]. По мнению комиссии по разработке учебных программ, эти знания и умения имели «весьма важное значение для каждой женщины», в заведении на их обращали особое внимание «с целью поднятия уровня этих, свойственных женской природе, знаний и важности их в понятиях самих женщин, часто игнорирующих или оттесняющих их изучением, вовсе непригодных для семьи предметов». В этих «комментариях» чувствуются отголоски «женского вопроса», который активно обсуждался российским обществом, начиная с середины XIX в., и который в женских учебных заведениях, как правило, решался в духе консерватизма[2]. Так и в «Доме Анатолия Демидова» без получения удостоверения о прохождении практики по домашнему хозяйству (весной или в летние каникулы один раз в течение всего учебного курса), воспитанницы не могли получить допуска к экзаменам и лишались права получения «выпускного аттестата»[3].

Несомненной заслугой преподавания в описанных женских учебных заведениях является предоставление девушкам возможности получить образование, позволявшее им быть не только образованными и развитыми (с помощью общеобразовательных предметов, углубленного изучения иностранных языков), но и конкурентоспособными на рынке труда в конце XIX–начале XX в. В то же время руководство, организуя получение специального профессионального образования, дававшее возможность девушкам из небогатых и бедных семей привилегированных сословий вести самостоятельную финансовую жизнь, все же сохраняло ориентацию на традиционное разделение ролей в домашнем хозяйстве.

---

[1] Согласно уставу, в заведение «своекоштными пансионерками» поступали «девицы всех сословий», а право бесплатного обучения получали круглые сироты и «бедные дети, происходившие от родителей привилегированных сословий, так например, дворян, чиновников (военных и гражданских) и т. д.».

[2] См., напр.: Хорошилова Л. Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3: Культурный потенциал общества. С. 308–364.

[3] Программа женского коммерческого училища … Приложение. Б. с.

О.Ю. Солодянкина,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ВЯЗАНИЕ В СИСТЕМЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.*

В обществе, готовящемся к переходу в индустриальную эпоху, рукоделие было женским занятием, причем практически обязательным. Мужчина мог позволить себе читать книги, рассматривать какие-либо предметы в подзорную трубу или потягивать что-нибудь крепкое из стаканчика, а женщина должна была взять из корзинки для рукоделия «свою работу» и погрузиться в нее. «Своя работа» могла быть шитьем, но чаще – вышивкой, и реже – вязаньем. Если мужчина сидел в кабинете и вроде бы ничего не делал, предполагалось, что он погружен в глубокие думы – ведь мужчина существо мыслящее. Женщина же, как существо априори другого плана, должна была обязательно занять себя каким-то делом: разливать чай гостям, поддерживать с ними разговор, писать письма, музицировать, читать книгу и – рукодельничать. Руки женщины вообще почти постоянно были заняты каким-то делом: держанье чашки, скольжение по клавишам рояля, движенье пера, да и разговор с гостями она должна была совмещать с шитьем или вышиваньем – мастерить шляпку, разбирать ленты, вышивать каминный экран, украшать бисером чехольчик для зубочистки, плести кружевную салфетку и т.п. Умение рукодельничать было одним из обязательных атрибутов хорошо воспитанной девушки, и эти навыки она должна была усвоить либо от матери, либо от гувернантки, либо в учебном заведении.

Из всех видов рукоделия вязание было самым «простонародным», ведь таким образом создавались самые примитивные в обиходе вещи – прежде всего, чулки. Но это были и наиболее востребованные вещи (по сравнению с кружевной салфеткой или бисерной сумочкой),

*Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., ГК П 360.

поэтому сюжет многих детских впечатлений – вид няни, вяжущей чулок. Конечно, девушка-аристократка носила шелковые чулки, а не вязаные, но иногда погода преподносила такие сюрпризы, что иметь теплые чулки в запасе было не лишним, и девушка должна была уметь их для себя связать. Для девушки более простого происхождения умение вязать чулок было жизненно необходимо. Повсеместно в Европе и США, Российской империи возникли школы рукоделий, где готовили будущих учительниц рукоделия для средних учебных заведений. Рукоделию на рубеже XIX–XX вв. учили не как забаве, а занятию, полезному для домашней жизни, возможному ремеслу и способу заработка[1]. В Германии считали, что задача школ рукоделия – не только сообщать практические знания и навыки, но и обратить серьезное внимание на правильное воспитание, развитие ума и сердца. Обучение вязанию помогало развивать художественный вкус, способствовало формированию навыков рисования и черчения. Для американцев уроки рукоделия были привлекательны тем, что на них легче всего приучить детей относиться серьезно и с любовью к труду, приучить их к терпению, аккуратности, добросовестности.

Если сравнить учебные программы разных стран, то можно заметить существенную разницу. Много времени тратили на обучение вязанию в учебных заведениях Германии и Австрии. Даже в конце XIX –начале XX в. продолжительность обучения вязанию составляла в программах средних учебных заведений этих стран 4–5 лет. Девочки учились вязать и крючком, и на спицах. От примитивного чулка они двигались ко все более сложным изделиям, овладевая техникой вывязывания сначала разных видов петель, потом узоров, а затем уже – изделий. Во Франции и Великобритании девочек обучали преимущественно шитью, а не вязанию, хотя оно и не исключалось вовсе из программы обучения. При этом вязание крючком девочки не проходили, оставалось лишь вязание на спицах.

В Америке, по мере развития промышленности, все большее число продукции производилось не вручную, а машинным способом. Из

---

[1] Поспелова-Гатцук М.А. Методика женских рукоделий. Руководство для преподавания рукоделий на курсах учительниц рукоделий, в профессиональных школах, гимназиях, городских и сельских школах. Пг., 1915. С. 23.

одежды первыми в массовом масштабе стали производиться чулки, и поэтому вязание попросту исчезло за ненадобностью из программ школ рукоделия. Вязать чулок вручную – это совершенно бесполезное в век машин занятие, считали американцы, «ветхозаветная работа прабабушек, которая в нынешнее время утратила вполне свой смысл и значение»[1].

Российская империя начала интенсивно двигаться по пути промышленного развития, и ее программа преподавания рукоделий стала меняться соответствующим образом. В сельских школах считалось правомерным сохранить обязательное обучение вязанию чулка: ведь «крестьянские девушки не дорожат своим временем, и мы видим, они готовы просидеть долгие зимние вечера, чтобы сделать ту или другую вещь, необходимую для домашнего обихода. Им никакой надобности нет покупать готовые чулки, раз у них есть дома нитки, а часто и шерсть, есть время, и раз девочка в школе научится вязать чулки, то порадует этим и свою семью, навяжет им всем чулки на зиму»[2].

В гимназиях и прогимназиях, т.е. городских учебных заведениях, вязание составляло только треть времени в общей программе обучения рукоделию (две трети отводилось на шитье), и занимались им ученицы двух младших классов. Они должны были освоить элементы вязания крючком и на спицах, вязать из шерсти детские башмачки, кофточки, детские одеяла (все – крючком) и детские чулки (спицами), уметь надвязать большой чулок или носок. Девочка должна была в будущем уметь обслужить своих детей (поэтому такой набор предметов – башмачок, кофточка etc), или племянников (в случае старой девы), или уже сейчас – младших братьев и сестренок.

Квалификация будущих учительниц рукоделия подвергалась строгой проверке. 14 марта 1906 г. Министерство народного просвещения утвердило Правила о специальных испытаниях для получения звания учительницы рукоделий в женских гимназиях и прогимназиях (20 марта 1909 г. правила были изменены и дополнены). Потенциальная учительница рукоделий должна была иметь определенный образовательный ценз, ведь «цель учительницы не

---

[1] Там же. С. 520.
[2] Там же. С. 38.

только выучить работать, но и приучить учениц думать, соображать, самостоятельно исполнять работу, делать в ней те или другие изменения, одним словом, заставлять работать не механически, а сознательно»[1]. На испытаниях будущие учительницы демонстрировали свои знания по общему рукоделию, по кройке и изготовлению белья, по кройке и изготовлению платья, по изящным рукоделиям, по рисованию с композицией и черчению, по методике рукоделий, по товароведению, по ремесленному счетоводству, по гигиене, давали пробные уроки по общему рукоделию, кройке и шитью белья и платья. Как видим, программа испытаний также обозначает смещение акцентов от вязания к шитью, что было общемировой тенденцией в условиях модернизации тогдашнего общества.

В преподавании использовались наглядные методы обучения, специальные приспособления, макеты, демонстрационные муляжи. Всему классу предлагалось вязать в такт, считая хором или в одиночку. Считались не петли, а действия: правую спицу ввели в петлю на левой спице – раз, вытянули через нее новую петлю – два, и т.п.

Начальница профессионального учебного заведения и курсов учительниц рукоделия в Петрограде М.А. Поспелова-Гатцук верила, что при такой правильной постановке дела «через несколько лет преподавание рукоделий достигнет блестящих результатов»[2]. Вряд ли она предполагала, что через несколько лет, после революций и гражданской войны, судьба рукоделий действительно изменится, но не в блестящую сторону. Вместо «изящных рукоделий» женщинам пришлось освоить искусство кройки и шитья детской одежды из выношенной одежды взрослых, перелицовки вещей на оборотную сторону, штопки носков и чулок. Вязание из-за почти полного отсутствия шерстяных ниток было практически невостребованным занятием в течение нескольких десятилетий. «Достать» нитки для вязания (а особенно качественные, и хороших расцветок) могли далеко не все. Неслучайно еще на излете советской эпохи вязаная мохеровая кофта воспринималась как статусная вещь.

---

[1] Там же. С. 21.
[2] Там же. С.5.

В наше время вязание переживает новый расцвет, и совсем не крестьянские девушки готовы тратить время на вязание разных вещей, правда, все-таки не пресловутого чулка. Опыт преподавания рукоделий рубежа XIX–XX вв. может быть при этом переосмыслен, хотя вряд ли использован напрямую.

Л.А. Дашкевич,
Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

«ПРОДОЛЖАТЬ САМОРАЗВИТИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ…»: О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ВОСПИТАНИЮ ВЯТСКИХ ГИМНАЗИСТОК

Современные исследователи признают, что развитие женского образования стало важным фактором, способствовавшим переходу общества к новым формам культурной жизни. Школа формировала иной тип социального поведения женщин, они становились все более активными, стремились к свободе, самостоятельности, желали изменить свое положение в семье и обществе[1]. Борьба женщин за эмансипацию, однако, была сложной. С пониманием относились к ней далеко не все, даже в образованном обществе. Вот один из примеров тому. 27 ноября 1860 г. в зале Пермского благородного собрания состоялся литературно-музыкальный вечер, одной из участниц которого стала супруга крупного губернского чиновника, председателя Пермской казенной палаты Евгения Эдуардовна Толмачева. Она прочла на вечере стихотворение из «Египетских ночей» А.С. Пушкина, что вызвало недоумение «добродетельной» пермской публики. Один из офицеров задал даме вопрос по этому поводу, на что получил твердый и смелый ответ. Е.Э. Толмачева резко отозвалась о существующей в России системе воспитания девушек с ее замкнутостью, оторванностью от жизни, науки и знания, высмеяла нелепые, средневековые взгляды на роль и место женщины в обществе. «Если мы все, – сказала она, – и мужчины, и дамы, и

[1] Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.308.

девицы – читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевили, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публике прекрасное художественное произведение великого поэта»[1].

Известие об этом происшествии появилось некоторое время спустя в «Санкт-Петербургских ведомостях». Откликнулся на него один из популярных журналов того времени «Век». В восьмом номере журнала за 1861 г. был напечатан фельетон «Русские диковинки», подписанный псевдонимом Камень Виногоров. Фельетон был наполнен грубыми выпадами против Е.Э. Толмачевой, насмешками и глумлением над самим понятием «женская эмансипация». Это вызвало бурю возмущения в печати. Осуждение автору фельетона высказали Н.А. Некрасов, Н.В. Шелгунов, Н.Г. Чернышевский и многие другие литераторы.

Бурное обсуждение «женского вопроса» обострило интерес общественности к вопросам образования. Это, возможно, стало одной из причин довольно быстрого распространения в провинции женских гимназий – учебных заведений нового типа, инициатива создания которых принадлежала профессору педагогики Главного Педагогического института Н.А. Вышнеградскому. В Вятке женское училище первого разряда (будущая гимназия) было открыто 11 октября 1859 г. Корреспондент Вятских губернских ведомостей в своем репортаже об этом событии высказал искреннюю благодарность купечеству Вятки. Именно это сословие он назвал «настоящим виновником» торжества – купечество приняло самое живое участие в деле создания училища[2]. Приговором общества вятские купцы постановили в течение 12 лет жертвовать в пользу женской гимназии по одному проценту с объявляемого ими капитала, что составляло около 2700 рублей в год[3].

В первые же недели после открытия школы в нее записалось 65 девочек. К 1864 г. их число возросло до 122, значительную часть среди

---

[1] Рабинович Я.Б. Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократ. движения на Урале. Пермь, 1989. С. 23–43.
[2] Вятские губернские ведомости. 1859. № 42. С. 205.
[3] Вятские губернские ведомости. 1859. № 30. С. 200.

которых составили дочери местных купцов и мещан. В 1859 г. из числа местных дворян и чиновников происходили 23 воспитанницы Вятского женского училища (35,4%), из духовенства – 16 (24,6%), из городских сословий – 26 (40%). В 1863 г. из числа дворян и чиновников было 59 девочек (48,3%), из духовенства – 24 (19,7%), из городских сословий – 39 (32%)[1].

На обучение в Вятское женское училище первого разряда принимались девочки всех свободных сословий не моложе 9 лет. От поступающих воспитанниц требовалось знание необходимых молитв, умение читать и писать по-русски, а также выговаривать и писать числа. Богатые родители платили за обучение детей по 10 рублей серебром в год, девочки из малообеспеченных семей принимались без всякой платы. Число бедных детей в училище было достаточно велико. В течение первого года бесплатно здесь обучались 12 человек (18,5% всех учащихся)[2].

В соответствии с Положением, в училище преподавались обязательные и необязательные предметы. Обязательные предметы слушались всеми ученицами, необязательные – желающими, за дополнительную плату. Ежедневно в школе проводилось по три обязательных урока в дообеденное время. Уроки длились по одному часу десять минут[3]. Учебный курс женского училища был близок к программе мужской гимназии. В 1860–1861 учебном году здесь изучались: закон божий, русский язык, арифметика, география всеобщая и русская, история всеобщая и русская, начальные основания естественных наук и физики, геометрия, чистописание и рукоделие. В качестве необязательных предметов, по желанию родителей, в первые годы обучения были выбраны французский язык (в 1860–1861 учебном году им занимались 6 учениц) и танцевание (в этой группе обучающихся было 43 ученицы). В 1863–1864 учебном году к ним добавились немецкий язык, пение и музыка.

После введения полного курса образования Вятское женское училище было принято под высочайшее покровительство императрицы Марии Александровны. 8 ноября 1865 г. оно получило

---

[1] Национ. архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
[2] Вятские губернские ведомости. 1859. № 42. С. 205.
[3] Вятские губернские ведомости. 1861. № 34. С. 281.

право именоваться Мариинской женской гимназией[1]. Руководили училищем Попечительный и Педагогический советы. В соответствии с Положением от 10 мая 1860 г., в Попечительный совет училища вошли постоянные и выборные члены. Постоянными членами первого Попечительного совета стали почетная попечительница училища Елизавета Николаевна Клингенберг, начальница училища Елизавета Евграфовна Аникина, директор гимназии Иван Михайлович Глебов и городской голова Яков Алексеевич Прозоров. Позднее к ним присоединился совестный судья губернии Павел Александрович Механцев, заступавший в Вятке должность губернского предводителя дворянства. Он же исполнял и обязанности председателя Попечительного совета. От дворянства и купечества Вятки в Попечительный совет женского училища были избраны правитель канцелярии начальника Вятской губернии Михаил Степанович Мусерский и потомственный почетный гражданин Аркадий Иванович Машковцев[2].

Учебные дела женского училища решались на заседаниях Педагогического совета. Председателем совета в первые годы существования училища был директор мужской гимназии Иван Михайлович Глебов. Дореволюционные историки-краеведы, опубликовавшие в сборнике, посвященном 100-летию Вятской губернии, историко-статистические сведения об учебных заведениях края, называют этого человека самым активным поборником идеи женского образования. В период его директорства в Вятской губернии открылось 12 женских училищ. Все эти училища директор И.М. Глебов, говоря словами учителя гимназии Я.Г. Рождественского, «воспринял при самом рождении, повел и поставил на ноги»[3].

Вятчане гордились своей женской гимназией. Доверие общества к училищу объяснялось, прежде всего, прекрасным подбором

---

[1] Спасская Л. Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год) // Памятная кн. Вятской губ. и календарь на 1910 год. Вятка, 1909. С. 10.
[2] Там же. С. 29.
[3] Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881. Т.2. С. 51.

преподавателей. В первые годы существования училища здесь работали лучшие учителя Вятской мужской гимназии и других учебных заведений: законоучитель Стефан Никифорович Кашменский, преподаватель русского языка Виктор Павлович Москвин, учитель математики и физики Василий Петрович Хватунов, преподаватель истории Яков Григорьевич Рождественский и др. Все они старались на своих уроках не просто передать девочкам понятия о своем предмете, но и научить их мыслить, привить навык к самостоятельным суждениям.

В историческом очерке Л. Спасской, посвященном юбилею Вятской женской гимназии, приводятся выдержки из воспоминаний ученицы А.К. Хлебниковой, наполненные благодарными и восторженными отзывами об учителях. Большой популярностью в училище пользовался преподаватель словесности В.П. Москвин. «Солидно образованный, с речью и манерами джентльмена, он умел так себя держать, что внушал невольное уважение. И мы (ученицы гимназии) его очень уважали и внимательно слушали его уроки», – пишет А.К. Хлебникова[1]. Увлекали девочек даже такие, казалось бы, серьезные предметы, как физика и математика. Уроки эти в училище вел преподаватель В.П. Хватунов. Любимым предметом его была физика. «Он так увлекательно ее читал, – вспоминает ученица, – так умел заинтересовывать предметом, что урок физики обращался у нас в какой-то радостный праздник. Опыты, примеры, наглядное объяснение урока сопровождались энергичными и остроумными восклицаниями и выразительными жестами нашего неподражаемого В.П., он так увлекался сам и так умел увлечь весь класс своим рассказом и объяснениями урока, что становилось досадно, когда раздавался звонок»[2].

«Многосторонне-интересны и глубокожизненны», по словам воспитанниц гимназии, были занятия преподавателя истории Якова Григорьевича Рождественского. Учитель не только проводил уроки, но и воспитывал будущих гражданок и матерей. «Нередко, – пишет А.К. Хлебникова, – Яков Григорьевич заводил речь о том, как мы должны понимать свои обязанности по выходе из школы, как

[1] Спасская Л. Указ. соч. С. 58.
[2] Там же. С. 57.

относиться к чтению книг, как продолжать саморазвитие и самообразование, убеждая следовать в ненасытной жажде знаний Сократу»[1]. В лице этого преподавателя, по мнению учениц, полнее всего выражалась школьная эпоха 1860-хгг.

Особое внимание в Вятском женском училище, как, впрочем, и в других женских гимназиях, обращалось на важнейшую сторону воспитания – нравственность. Нравственное воспитание девочек зиждилось на религиозной основе. Каждый день при начале и окончании занятий все ученики собирались в рекреационном зале для молитвы, затем расходились по классам, до начала урока классные дамы зачитывали девочкам отрывки из Евангелия. Перед религиозными праздниками читались специальные книги с объяснением значения этих торжеств. Начальница училища строго следила за проведением уроков закона божия и требовала особенно старательного отношения к ним, что, впрочем, не вызывало у воспитанниц чувства отторжения: «Уроки закона божия нас, гимназисток, нисколько не тяготили, не казались неинтересными, даже катехизис, не говоря уже о событиях новозаветной истории»[2].

Нельзя не отметить, что во многом это было заслугой законоучителей гимназии. Первый законоучитель Стефан Никифорович Кашменский, по мнению многих, был выдающимся преподавателем: «Отец Стефан так умел передать нам дух Христова учения, что, казалось, он входил в плоть и кровь нас самих, и мы глубоко прочувственно относились к этим его урокам»[3]. Необыкновенным педагогическим талантом был одарен и законоучитель училища Николай Александрович Попов, сменивший в 1862 г. отца Кашменского.

Большое влияние на формирование нравственного облика воспитанниц оказала начальница училища Екатерина Николаевна Сычугова. В Вятку она приехала в 1860 г. и покинула пост только через 13 лет, оставив о себе самые добрые воспоминания. Л. Спасская пишет, что ученицы провожали Е.Н. Сычугову со слезами и долго не могли привыкнуть в заменившей ее новой начальнице. Екатерина

---

[1] Там же.
[2] Там же. С.56.
[3] Там же.

Николаевна закончила свою жизнь монахиней в одном из московских монастырей, но и до пострижения она была настоящей монахиней по образу жизни и по чувствам. «Всегда одетая в черное, кроткая, скромная до застенчивости, она делила свою жизнь между трудами по гимназии и молитвами»[1]. Именно это истинно христианское и гуманное направление образования, целесообразная организация, широкая и разносторонняя подготовка воспитанниц и обеспечили успех Вятской женской гимназии.

И.А. Зеткина, А.В. Соколова.
Саранск, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» ДОМАШНЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В РОССИИ

Феминность российской педагогики – явление привычное и давно объясненное социологами, психологами и педагогами. Темой нашего исследования выбран гендерный аспект истории семейной педагогики России, где не было однозначного доминирования «женского лица». Педагогический персонал домашнего воспитания и обучения состоял из кормилиц, мамок, под–нянь, нянь/дядек, бонн, гувернанток/гувернеров, учительниц/учителей. Выбор определялся полом ребенка, культурными и экономическими возможностями семьи, личными и профессиональными качествами наставницы/наставника. Между тем анализ источников (главным образом мемуарной и художественной литературы) позволяет говорить о доминировании именно женского лица как социокультурной ипостаси семейного персонала.

Биологическая зависимость ребенка от кормилицы, разделение труда в традиционных обществах делали женщин традиционными педагогическими субъектами в раннем возрасте ребенка. С развитием навыков самообслуживания они отходят, уступая место гувернерам и учителям, но не уходят из жизни подрастающих детей. Женщину (барышни) были более частым явлением и среди гувернеров и

[1] Там же. С. 178.

домашних учителей. Традиционный взгляд на место женщины в обществе, специфика рынка труда позволяла женщине найти санкционированный заработок, обслуживая потребности чужой семьи. Значительной для формирования женского характера педагогического персонала семьи была склонность обучать девочек до второй половины XIX в. дома под наблюдением матери, нанимая гувернанток.

Няни – во всех своих гендерных ипостасях – выступали ярким субъектом народной педагогики, через которую семейное воспитание, сохраняло ментальность и представления о традиционных ценностях на следующем поколенческом уровне. Механизмы народного воспитания, закрепленные в традиционной культуре, были весьма устойчивы и определяли характер пространства детства на протяжении длительного времени. Исторически апробированное богатство народной педагогики успешно заменяло няням прошлого в работе с маленькими детьми и подростками современные педагогические знания. Важно помнить, что российские няни, жили, воспитывали детей в условиях культурной среды и христианской нравственности, которые формировали ценности, стереотипы поведения, мировоззрение.

От няни не требовалось научить конкретным знаниям: они часто и читали с трудом. Но влияние няни было крайне велико и общепризнано: это, по определению Е.Н. Трубецкого был один из ярких образов, неотделимых от поэзии детской и от ее духовного содержания.

Традиционный семейный уклад способствовал тому, что ребенок проводил с няней значительно больше времени, чем с самыми любящими родителями. Закономерно, что родные дети самой няни, становились товарищами игр барских детей, их близкими друзьями. М.И. Глинка включал в свое семейное женское окружение наряду с родными сестрами и дочь няни. Часто именно няня становилась первым, определяющим воспоминанием ребенка. К признанию Т.Л. Толстой – «Самое первое, что я помню ясно и, что я помню, наверное, про себя – это мою няню», – присоединяются авторы многих воспоминаний. Именно няня подготавливает основу под знания (социальные и профессиональные), которые впоследствии будут заботливо выращивать в сознании своего воспитанника бонны и гувернантки. Основанная на богатом опыте многих поколений и здравом смысле, народная педагогика отличалась рациональной

гуманностью, обеспечивавшей интенсивное вхождение ребенка в социум и эффективную подготовку к выполнению социальных ролей.

Несомненно, переход из нежных заботливых рук няни или бонны в попечение гувернантки был важным этапом в жизни ребенка. Гувернантка – фигуры российской домашней педагогики, прочно связанная в нашем сознании с дворянским идеалом воспитания и образцом поведения. Но в функции гувернанток входило воспитание и образование мальчиков и девочек в дворянских, буржуазных семьях и семьях разночинцев. Причем, последние исторически раньше «буржуазных семей» стали прибегать в домашней сфере к услугам «наемных воспитателей», поскольку для разночинцев именно хорошее воспитание и образование гарантировали достойный доход и качество жизни.

В идеале функциональный диапазон гувернантки в семье определился еще в XVIII в. программой «дворянских наук». Единство этических, этикетных норм и достаточно высоких образовательных стандартов предполагало универсальность подготовки наставников: от высокой нравственности, безупречных светских манер до энциклопедичных познаний, соответствующих современному уровню просвещения. Устав учебных заведений, «подведомственных университетам» 1804 г определенным образом формулировал требования к домашним наставникам и наставницам: раскрыть детям основы общих знаний различных наук и сведений «необходимых для благовоспитанного человека»; приготовить их к гимназическим и университетским курсам; приучить детей к трудолюбию, возбудить у них охоту и привязанность к наукам; выработать необходимые умения и навыки, дать возможность применить их на практике; «положить твердые основания честности и благонравия»; приучать к учтивости, опрятности, исправности, руководствовать ко всякому доброму своими речами и примерами»; «употреблять похвалы, награждения»[1]. Ведущей задачей гувернанток было формирование «внешнего» человека, с достойными манерами, знанием этикета. Домашнее обучение в идеале предполагало успешную социализацию детей, готовность воспроизводства дворянского культурного этноса.

---

[1] Устав учебных заведений подведомственных университетам // Хрестоматия по истории педагогики. М., 1938. Т. IV. Ч. I. С. 467.

Сложившаяся по Уставу 1804 г. система российского образования последовательно решает проблему педагогических кадров. Постепенно число иностранных педагогов, традиционных в российских семьях в XVIII в., сокращается, их место занимают выпускники духовных академий, университетов, учительских институтов. Гувернантки целенаправленно готовятся в Институтах благородных девиц, Гатчинском сиротском институте, Женском Отделении Павловского Кадетского Корпуса, Санкт-Петербургского, Московского и Симбирского Домов Трудолюбия, а позднее и в педагогических (дополнительных) классах женских гимназий, на Высших женских курсах, в учительских семинариях, в пепиньорских и педагогических классах женских институтов. Педагоги постоянно обращались к этой теме, как в рамках семейного воспитания, так и в специальных работах, подобных дошедшей до нас в отдельных главах книги В.Ф. Одоевского «Руководство для гувернанток» или «Руководству для гувернеров и гувернанток» А. Лестелье. Из руководств следует, что гувернантки должны быть просты, изысканны, но без претензий на «светскость», без заносчивости и рисовки. Серьезность требований, предъявляемых к претенденткам на должность гувернантки, можно оценить по тому, что из выпускниц женских гимназий на это звание могли претендовать лишь награжденные при окончании общего курса учения медалями, золотою или серебряною, и прослушавшие дополнительно специальный педагогический курс. Министерство народного просвещения пыталось контролировать отечественных воспитателей: свидетельство на право быть гувернанткой или домашней учительницей при определении в частные дома для воспитания и при переходе из дома в дом представлять директору училищ и уездному предводителю дворянства. С 1836 г. был введен возрастной ценз: гувернером юноши становились только по достижению возраста 18 лет, гувернантками принимались девушки не моложе 16 лет.

С развитием культуры и педагогики от них требуется солидная общеобразовательная и психолого-педагогическая подготовка. Русские педагоги утверждали, что положение наставника маленьких детей более трудное, чем положение университетского профессора, который должен знать только свой предмет: педагог должен хорошо разбираться в детской литературе, играх и игрушках, иметь сведения о детской гигиене и физиологии, знать общеобразовательные предметы

и методику их преподавания, быть тонким психологом, хорошо разбираться в детских характерах и типах, знать, на кого и как следует влиять и действовать, чтобы достичь необходимых результатов. Гувернантка должна была обладать образованностью, тактом, любить свое дело, владеть методикой преподавания.

Воспоминания бывших воспитанников (А. Белого (В. Бугаева), М.С. Голицина, А. Мариенгофа, В. Набокова, Е. Трубецкого, М. Цветаевой и др.) позволяют вывести определенную закономерность: няня – «и мать, и храмовая богиня; все от нее истекает; и все под ней безопасно… ею держится строй мира...»[1]; гувернантки (а фигурируют чаще именно женские образы) – источник детских неприятностей, воплощенная неустроенность и т.д. Положение гувернантки в доме было весьма сложным. Особенно остро проблема социальной самоидентификации в дворянском быту стояла у отечественных воспитательниц. Отечественными гувернантками становились, главным образом, дворянки, близкие семьям воспитанников по культурным ценностям, семейному укладу. Типичными были судьбы русских воспитательниц Александры Николаевны Цевловской и Александры Николаевны Россет: разорение дворянской семьи, институт благородных девиц, а по окончании – жизнь «воспитательницы по разным домам». В четком круге семьи, среди «чад и домочадцев» с устоявшими социальными ролями и соответствующим им ритуалом поведения, гувернантка не находила традиционной ниши. «Десятая или пятнадцатая по счету, – сочувствовал современник, – замыкавшая собою «длинный ряд», она измерялась «недостатками» своих предшественниц… Хозяин дома, не стесняясь, ходит при ней в халате. Во время приема гостей она должна столоваться вместе с остальными приживалками за особым столом и т.п.»[2]

Таким образом, мы попытались тезисно представить аспект семейной педагогики, через «лицо» наиболее типичных для нынешней культурной ситуации профессий нянь и гувернанток, которые при современной социальной организации общества отличаются

---

[1] Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. М., 1989. Кн. I. С. 251.

[2] П. Гувернантки // Неделя. 1873. № 25.

категоричной гендерной детерминированностью.

С.С. Касаткина,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ВОСПИТАННИЦ ИНСТИТУТОВ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Проблема ценностей российского общества многогранна. Особый научный интерес представляет аксиологический подход к изучению ценностных ориентиров разных социальных групп в прошлом и настоящем. Тема данного исследования затрагивает вопрос о ценностях воспитанниц институтов благородных девиц в России XVIII–XIX вв.

Роль женщины в истории и культуре нашей страны в указанный период становится более интенсивной. Одной из предпосылок этому явлению можно считать развитие женского образования, различавшегося по типу домашнего, пансионного и институтского обучения. Система женского институтского образования ведет своё начало с 5 мая 1764 г. от Именного указа Императрицы Екатерины II о «Воспитательном Обществе благородных девиц», образованном в СПб[1].

В истории императорской России наличием образования во многом определялись жизненные перспективы, приоритеты и ценности дворянки. Попытка их идентифицировать носит полидисциплинарный характер. В комплекс исследований, затрагивающих указанную проблему, можно отнести работы Н.Л. Пушкаревой[2], Ю.М. Лотмана[3],

---

[1] Именной указ Императрицы Екатерины II от 5 мая 1764 года «Воспитательного общества благородных девиц». ПСЗ.1.Т.XVI. № 12154. С. 742.

[2] Пушкарева Н.Л. Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII – начала XIX в.) // Вестник Университета Российской Академии Образования. 1999. № 2. С. 54–74.

[3] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX вв.). СПб., 1994.

Б.Н. Миронова[1], А. Даниловой[2], А.Ф. Белоусова[3], М. Сафонова[4]. Источниками изучения проблемы послужили воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц[5].

Женское институтское образование являлось одним из атрибутов дворянской сословной культуры. Обучение девушки-дворянки происходило в результате усвоения определенного набора знаний и навыков, необходимых ей в реальной жизни. Складывался стандарт поведения, проявившийся в коллективных жизненных ценностях. Девушки, воспитанные в рамках одних и тех же бытовых правил, на одних и тех же моральных принципах и одними и теми же классными дамами, зачастую сходным образом воспринимали и оценивали явление окружавшей их социокультурной действительности, реагировали на возникавшие жизненные ситуации. Даже после окончания института их судьбы складывались одинаково: лучшие получали «шифр» и рассчитывали стать фрейлинами, остальные обзаводились семьями, либо становились учительницами, проживая в домах своих родственников.

Конечно, судьба каждой выпускницы складывалась индивидуально, но можно отметить ряд характерных черт в ценностях институток.

Важнейшим приоритетом в воспитании институток являлось их духовное развитие, построенное на нормах православной веры. Религия должна была стать основой их нравственности. Христианское благочестие укреплялось в процессе посещения церковных служб, совершения ежедневных молитв и других ритуалов. Некоторые воспитанницы имели противоречивое мнение о ценности религии,

---

[1] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000.

[2] Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2005.

[3] Белоусов А.Ф. Институтки // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост. В.М. Бокова, М., 2005.

[4] Сафонов М. Благонамерная институтка // Родина. 1997. № 2. С. 41–44.

[5] Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц…

внешне соблюдая обрядность, отдавали предпочтение светскому этикету.

Светские науки предопределяли развитие широкого кругозора, обучение манерам, нормам морали и этики. Благоразумие, добронравие, благопристойность, учтивость, почитание старших, великодушие сопутствовали христианским нормам в институтских программах образования. Знания как вечная ценность были незыблемой основой всему. Дворянки изучали гуманитарные и естественные науки, учились танцам, языкам, пению, рисованию и даже верховой езде. Современники расходились в спорах о полезности и необходимости такого набора знаний. Одни выражали сомнения в надобности в обычной жизни полученной в институте информации, другие считали, что знания девушек практичны и полезны для дальнейшей жизни.

Собственно интересы воспитанниц не ограничивались уроками и ритуалами. Явления «обожания», дружбы, гуманное отношение к «новенькой», деление «по красоте», успеваемости и умению злословить проявляются как типичные черты женской психологии, являясь ценностями в закрытом женском коллективе.

Особый интерес заключался в авторитете учителей. Заслужить уважение мог тот педагог, который отличался красотой, умом, занимательно преподносил знания, был бескорыстным и достаточно независимым с начальством[1].

Ценно было отношение к родственникам, увидеть которых случалось на каникулах. Родные считались «не казенными» людьми, этим становились еще дороже. Несмотря на закрытость учебного заведения, ценность семьи была непререкаемой.

Отдельного разговора заслуживает вопрос об отношении к мужскому вниманию, так как публично не обсуждаясь, эта тема у взрослых воспитанниц была актуальной. Достаточно отметить, что полученное образование, словно «приданое», становилось одним из критериев возможности выбора будущего супруга.

Рассмотрев некоторые характеристики жизни в институтах

---

[1] Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц… С. 127–215.

благородных девиц в рамках аксиологического подхода, можно сделать вывод, что воспитанницы развивались посредством основных общечеловеческих ценностей. Выпускницы являли из себя примеры дам с глубокими знаниями разных наук, умением исключительно «держать себя в обществе», обладали многими практическими навыками преподавания. Житейская мудрость так же приобреталась в стенах институтов, но была ограничена порядками закрытого женского коллектива. Поэтому многие вопросы взаимоотношения полов, хозяйственные дела и решение форс-мажорных обстоятельств в жизни были для институток непредсказуемы. И, тем не менее, институтки – важная социальная категория российского дворянства, сыгравшая определенную роль в российском обществе XVIII–XIX вв. на благо его развития и в последующий период.

Е.А. Долгова,
Москва, Российский государственный гуманитарный университет

«ЭТИ КУРСЫ БЫВАЮТ ЧАСТО ИНТЕРЕСНЫ, НО ВСЕ-ТАКИ ОНИ ПРОСТО КУРСИКИ…»: ОПЫТ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ (ПО ПИСЬМАМ СЛУШАТЕЛЬНИЦ РУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПАРИЖЕ)

К началу XX в. возможности российской женщины в сфере образования все еще были ограничены. Для тех, кто хотел получить высшее образование, существовало лишь несколько женских высших учебных заведений: Женский медицинский институт, Женский Педагогический институт и Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге; Высшие женские богословские курсы, Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве. Фактическое отсутствие каких-либо перспектив для обучения в России способствовало отъезду женщин за границу для получения образования.

Русская высшая школа общественных наук в Париже (РВШОН) (1901–1906) была создана и действовала при активном участии И.И. Мечникова, М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти, Ю.С. Гамбарова, Н.И. Кареева. Она задумывалась как учебное заведение, где осуществлялась бы общая гуманитарная подготовка слушателей. По мнению учредителей Школы, сложившаяся в России система

университетского образования страдала односторонностью, чрезмерной специализацией, не обеспечивая главного – энциклопедизма знаний, основанного на принципе единства науки.

Появление русского высшего учебного заведения во Франции, дававшего равные возможности самореализации в ходе получения образования и мужчинам и женщинам, не могло не привлечь к нему внимания большого числа потенциальных слушательниц.

Одним из главных источников, позволяющих представить динамику изменения численности, социального, образовательного и национального состава студенчества Школы, является отчет о состоянии и деятельности РВШОН за 1901–1902 гг. Статистические сведения о том составе учащихся, с которым школа начинала свою деятельность, действительно свидетельствуют о преобладании среди учащихся школы женщин (53%)[1]. По воспоминаниям Ю.С. Гамбарова, среди студентов в то время была очень популярна история о трех иркутских учительницах, которые бросили свою работу для того, чтобы проучиться 2 года в РВШОН, добрались до Владивостока, пересекли два океана и территорию США[2].

Особый интерес к Школе со стороны потенциальных студентов очень скоро сменился разочарованием. Письмо одной из слушательниц А. Шенрок от 31 марта 1903 г., посланное подруге и перлюстрированное полицией, содержит интересный рассказ о работе Школы, ее буднях.

А. Шенрок делится впечатлениями о четырехмесячном обучении в Школе о своих так и не реализованных планах получить полноценное высшее образование. «Вероятно, ты уже слышала, что все школой недовольны... Чаще всего слышишь такие обвинения: нет никакой системы в преподавании; 2) такая школа могла бы существовать где угодно в России, не навлекая на себя подозрение в благонадежности. Вот и я хочу разобраться в этих обвинениях. Относительно второго обвинения я думаю, что школе неприлично быть кафедрой революции, как и вообще всякой школе… Первое обвинение гораздо

---

[1]Статистический отчет о составе учащихся в Русской высшей школе общественных наук за 1901–1902 учебный год // Русская высшая школа в Париже. Ростов-на-Дону, 1903. С. 65–67.
[2]Там же. С.15.

основательнее, ибо очень затрагивает всю сущность явления. Любопытно еще то, что, например, профессор де Роберти, который приехал еще недавно, назвал во вступительной лекции школу «Русский университет в изгнании». Но не верь ему! наша школа может рассчитывать на такое название лишь в будущем, когда она действительно станет университетом, не императорским, но в настоящем смысле этого слова. Но до этого нам еще очень далеко. Теперь же она – учреждение с программой очень хорошей и очень широко задуманной, но еще плохо выполняющее эту программу на практике»[1]. И далее: «Я думаю, что если кто едет в Париж в Школу, рассчитывая получить в ней цельное систематическое образование хотя бы в течение нескольких лет, тот очень ошибается и скоро поймет, что не туда попал»[2].

Жалоба А. Шенрок подтверждается и учебным планом школы. Он был разбит на 11 разделов: «Философия и методология физико-химических и биологических наук», «Философия и методология общественных наук. Общая социология» (Е.В. де Роберти), «Всеобщая история и описательная социология» (М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, И. Щукин, М.И. Тимашев), «Антропология и этнография» (Ф.К. Волков), «История религии» (Е.В. Аничков, И. Щукин), «Эволюция экономического быта и экономических учений» (М.М. Ковалевский, Н.А. Карышев, А.А. Исаев, Г.Б. Иоллос), «История политических теорий и учреждений» (М.М. Ковалевский), История доктрин и учреждений гражданского права (Ю.С. Гамбаров, М.М. Винавер), Социальная криминология (Баженов), Эволюция метафизических и моральных идей (Е.В. де Роберти), История литературы и изящных искусств (Е.В. Аничков, С.А. Венгеров)[3]. Разнообразие читаемых курсов не могло способствовать получению слушателями систематического образования. Однако, по мнению основателей Школы, программа отвечала главному принципу, положенному в ее основу, – энциклопедизму.

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. 1898. Оп. 226. Д. 3. Ч. 140. Л. 69об.

[2] Там же.

[3] Ермакович Ю.М. Из истории Русской высшей школы общественных наук в Париже // Российская социология: историко–социологические очерки. М.: РГГУ, 1997. С. 178–180.

Куда более серьезной проблемой для школы был недостаток преподавательских кадров. Большинство преподавателей составляли либерально настроенные профессора и приват–доценты, потерявшие работу в России за свои политические убеждения, или же известные оппозиционно настроенные политические деятели. Но как педагоги они часто оказывались не на высоте и разочаровывали своих слушателей. Вот отзыв А. Шенрок о лекциях основателя русской высшей школы: «Гамбарова прямо мучительно слушать, когда он даже говорит что-нибудь обыкновенное, и только усерднейшие выдерживают его». Не лучше оценка манеры преподавания других профессоров: «Де Роберти приехал на 10–12 лекций, две прочел из курса – основные типы литературы, мысли и истории философии, но, кроме ряда имен, в голове моей ничего не осталось, потому что он ухитряется разобрать за 20–30 минут цельные философские школы, начиная от философии Греции и кончая XVIII веком». «Волков отбил во мне всякую охоту к антропологии и этнографии подробным описанием первобытных орудий, способов добывания огня и еще чего-то. Так что я в конце-концов перестала его слушать; Иванов, ведший введение в философию, очень старался, но ничего у меня от его лекций не осталось»; «Тамамшев с историей Кавказа усыпляет даже сам себя», «Котляревский Сергей читал о национализме, но прости его Бог за такую лекцию»[1].

Сложности вызывала и политическая ангажированность студентов. О политическом размежевании среди слушателей сообщает в своем письме и А. Шенрок: «Много среди нас социал–демократов и социалистов-революционеров, первые создали себе божка в лице Ленина и «Искры», и беда, если отозваться пренебрежительно об «Искре», в особенности в присутствии женщин искристок – заедят». И далее отмечает: «Если ты следишь за нелегальной прессой, то знаешь, какая грязная полемика идет между «Искрой», Бундом «РР» – в каждом номере переругиваются, не щадя живота своего, чтобы уничтожить всячески противника. Что за народ? Я этого никак не пойму. Такая же разладица идет и в нашей колонии: то и дело, что

[1] ГАРФ. Ф. 102. 1898. Оп. 226. Д. 3. Ч. 140. Л. 70.

публично поддевают один другого; а в особенности социал-демократы. Считаются в этом смысле чрезвычайно деятельной партией»[1].

Каждая из противостоящих группировок стремилась воспользоваться любым подходящим случаем для пропаганды своих идей. Именно с этой целью в феврале 1903 г. для чтения небольшого курса по аграрной тематике в Школу был приглашен Ленин. А. Шернок, упоминая выступление Ленина, прочитавшего четыре лекции о воззрении на аграрный вопрос в России и в Западной Европе, так описывает свои впечатления: «…для большинства слушателей было скучно и неинтересно»[2].

Обострение противостояния между враждующими фракциями слушателей Школы весной 1904 г. вылилось в потасовку после выступления известного экономиста-народника К.Р. Кочаровского. Одна из слушательниц дает красочное описание завязавшейся драки: «Стулья перелетали как мячики. Все лампы, стекла – все было перебито. Крики, стоны, истерика. Женщины социалисты-революционеры спрятались, а нас, т.е. женщин социал-демократок, лупили нещадно. Меня спустили кубарем с лестницы, вырвав предварительно свисток»[3].

Недостаток денежных средств (Школа существовала на частные пожертвования), само положение высшей школы за границей не позволяли организовать учебный процесс надлежащим образом. Отсутствие необходимых лекторских кадров приводило к тому, что в школе недостаточно читалось обобщающих систематических курсов. Все эти недостатки Школы привели к падению интереса к ней со стороны слушательниц. Растущая политическая ангажированность студентов привела к закрытию Школы в 1906 г. Так закончилась история одного из альтернативных существовавшим в имперской России образовательных учреждений, лишенного половых ограничений, а потому способствовавшего самореализации определенного слоя российских женщин, политико-правовой статус которых в тот период оставался крайне низким.

---

[1]Там же.

[2] ГАРФ. Ф. 102. о.о. 1898. Оп. 226. Д. 3. Ч. 140. Л. 60.

[3]Там же.

М.А. Мамонтова,
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПРОФЕССОРСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ИСТОРИКОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. И СЛОЖНОСТИ «ВХОЖДЕНИЯ» В НЕЕ ЖЕНЩИН*

В отечественной историографической литературе рубежа XX–XXI вв. сформировался устойчивый интерес к антропологической составляющей производства исторического знания, к внутрикорпоративным правилам и процедурам «вхождения» в нее молодых исследователей[2]. Научное сообщество историков на протяжении XX в. не только сохраняло специфические научные черты, но и воспроизводило их в иных социокультурных и общественно–политических условиях советского времени. Мир науки и мир русского историка, как он сформировался в XIX в., не предполагал участия в нем представительниц прекрасного пола. Попытки вторжения в сугубо мужскую профессию наталкивались на жесткое сопротивление как на официальном, так и на неформальном уровнях.

---

*Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, государственный контракт №02.740.11.0350.

[2] Бон Т. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.) Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005; Кантор В.К. Русское искусство и «профессорская культура» // Вопросы литературы. 1978. № 3; Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начало XX в. // Отечественная культура и история науки XVIII – XX в., Брянск, 1996. С.42–51; Корзун В П. Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Ейдос. Альманах теории исторической науки. Вып.4. Киев 2009; Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008; Сидорякина Т.А. Процесс «вхождения в науку» молодого ученого: «ритуалы перехода» в рамках «профессорской культуры» // Вестник Омского университета. Омск, 2009. №3. С. 88–94 и др.

В этой связи вызывает особый интерес момент появления в профессорской корпорации первой женщины с магистерской степенью. Это событие как сенсационное, нарушающее сложившийся канон, в 1914 г. получило широкий резонанс. «Первая русская женщина – магистр русской истории», – подобными заголовками пестрели практически все центральные газеты, призывающие публику посетить этот уникальный в научном мире диспут[1]. Имя Марии Андреевны Островской[2], виновницы этого эпохального события, ставили в один ряд с доктором математики «г-жой Запольской» и доктором истории «г-жой Ефименко»[3]. Однако, если Александра Яковлевна Ефименко[4] считалась почетным доктором русской истории Харьковского университета honoris causa (с 1910 г.), то М.А. Островская претендовала на получение степени магистра русской истории посредством публичного диспута. 16 марта 1914 г. в аудитории Санкт-Петербургского университета состоялась защита ее магистерской диссертации «Земельный быт сельского населения русского Севера XVI – XVIII вв.», в которой основными оппонентами выступили Сергей Федорович Платонов и Александр Евгеньевич Пресняков.

---

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 16 марта 1914 г.; Петербургский курьер. 13 марта 1914 г.; Петербургская газета. 13 марта 1914 г. и др.

[2] Островская Мария Андреевна (1884 –?) – историк, преподаватель Санкт-Петербургских высших женских курсов, с сентября 1914 г. до 1919 г. – приват-доцент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1914–1919 гг. – преподаватель Психоневрологического института, с 1918 г. по март 1924 г. – архивист первого отделения экономической секции Петроградского отделения Центрархива.

[3] «Всего в России имеются две женщины с ученой степенью: это г. Запольская – доктор математики и г. Ефименко – доктор истории» (Петербургская газета. 13 марта 1914 г.).

[4] Ефименко (Ставровская) Александра Яковлевна (1848 – 1918) – историк, этнограф, специалист по истории сельской общины, почетный доктор русской истории Харьковского университета honoris causa (1910 г.), с 1907 г. – преподаватель (с 1910 г. – профессор) Санкт-Петербургских высших женских курсов. Изучала русскую историю и создала ценные труды о положении женщины в крестьянской среде.

В большинстве своем благожелательные отзывы об ее защите и опубликованной в 1913 г. одноименной монографии содержали весьма колкие замечания, которые применительно к любому другому подобному труду могли послужить основанием для отказа в присуждении магистерской степени. Например, С.Б. Веселовский после целой серии негодований по поводу несоответствия содержания заявленной теме, неудачном определении хронологических и географических рамок, легкомысленном употреблении юридических определений и отсутствии «литературной критики» (т.е. историографии поставленной проблемы) дал весьма неблагоприятный для серьезного исследования вывод о том, что «добросовестный труд М.А. Островской несомненно будет полезен последующим исследователям для *справок и поисков архивного материала*»[1]. Тем самым критик в мягкой форме отказывал данному исследованию в самостоятельности и научности, предлагая его использовать как архивный справочник, а не продуктивную концепцию автора.

Весьма тернистым был и сам путь г-жи Островской к процедуре защиты и получения ученой степени. Если будущей магистр истории на сдачу экзаменов и написание диссертации тратил примерно 3 года, то у женщины историка с ее активным творческим поиском и настойчивостью ушло на это 7 лет. Как видно из ее переписки с С.Ф. Платоновым[2], первые попытки приобщения к «ученой культуре» относятся к 1906 г., весной 1907 г. М.А. Островская ставит данный вопрос «на общую почву» перед историко-филологическим факультетом Санкт-Петербургского университета и Высшими женскими курсами в Санкт-Петербурге (стараясь изменить правовые

---

[1] Веселовский Ст. Рец.: М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера XVI – XVIII вв. Петербург. 1913 г. // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 268.

[2] Письма М.А. Островской С.Ф. Платонову (1906 – 1914 гг.) // Мир историка: историографический сборник. Вып.1. Омск, 2005. С. 290–312; Первая русская женщина – магистр русской истории (подборка документов, посвященная М.А. Островской) // Мир историка: историографический сборник. Вып.4. Омск, 2008. С. 449–454.

основы процедуры защиты магистерской диссертации, исключавшей из нее женщин[1]), а в 1910 г. сдает магистерские экзамены.

Однако основное сопротивление Мария Андреевна встречает не со стороны юридических норм, а со стороны корпорации историков, строго следившей за сохранением и воспроизводством «неписаных» правил. Ее включение в профессиональную среду осложняется еще и незнанием данных корпоративных правил, так называемым «этосом науки», передававшемся посредством межличностных коммуникаций – от учителя к ученику, от старшего поколения ученых к младшему. М.А. Островская не относилась по своему происхождению и кругу общения к этой среде, не была включена в эту цепочку передачи корпоративных ценностей, соответственно, не была знакома с внутрикорпоративным этикетом, что во многом делало невозможным ее «вхождение» в профессиональное сообщество историков.

Таким образом, судьба М.А. Островской позволяет проследить сложный процесс прохождения первой женщины в историческую науку, показывает, как «мужской мир» профессиональных историков, университетских преподавателей и чиновников постепенно отступает перед настойчивым желанием молодой выпускницы Высших женских (Бестужевских) курсов войти в науку официально, посредством устоявшейся процедуры публичного диспута. Неопытная девушка встречается с непреодолимыми трудностями законодательных актов и университетского устава, с жесткими внутрикорпоративными правилами профессионального сообщества историков, где существовал свой пиетет, особая субординация, своеобразная система покровительства и патроната и где совершенно не было места для женской сентиментальности. М.А. Островская сумела преодолеть эти трудности, несколько освоиться в профессиональной среде, однако, на наш взгляд, она так и не смогла стать ее частью, «мужской мир» науки не принял ее в качестве полноправного члена. Сложности, возникшие еще в 1907–1908 гг. в связи с прохождением магистерских экзаменов, не позволили маститым ученым смириться с появлением в их рядах человека, не освоившего полный

[1] Лица женского пола в университеты допускались в качестве вольнослушательниц и, соответственно, не обладали никакими правами выпускников.

университетский (в их представлении квалифицированный) курс подготовки историков.

Т.А. Сидорякина,
Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ ЖЕН УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В «ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ»*

Интерес к аспектам, связанным с профессиональной культурой отечественных историков, актуализируется реалиями наших дней. Современное состояние исторической науки, стремящейся выработать новый образ научного мышления, стимулирует интерес к ценностным установкам наших предшественников по ремеслу. Это связанно с бурными процессами переосмысления исследовательских парадигм, новыми вызовами общества. В рамках данного процесса вполне уместно обращение к теме «профессорской культуры» как одной из моделей изучения научного сообщества.

«Профессорская культура» как модель изучения научного сообщества позволяет нам расширять исследовательское поле и включать в него все больше и больше субъектно-объектного материала. К тому же хотелось бы заострить внимание и на гендерной направленности данной проблемы. В исследовательской литературе данная проблематика еще не получила должного осмысления. Изучая быт, жизненный уклад профессоров–историков историографов в первую очередь интересуют подробности их семейной жизни[1], тема

*Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, государственный контракт №02.740.11.0350.

[1]Антощенко А.В. Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008.; Волошина В.Ю. Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007; Шаханов А.Н. Историк С.М. Соловьев и его семья // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005.

«профессорских жен» и их влияния на выработку научного знания отходит, таким образом, на второй план. Те немногочисленные авторы, которые в своих исследованиях все же уделяют внимание «профессоршам», рассматривают их не «вынимая» из тени профессоров мужей[1].

В данной статье мы обратимся к профессорским женам как неформальным участницам научной повседневности, научного быта профессора историка, принимавшим активное участие в формировании профессиональной культуры исследователей.

Как занятие наукой не начинается спонтанно, так и выбор спутницы жизни не терпит скоропалительных решений. Профессиональная деятельность ученых связана с максимальным напряжением сил, с особым психо-эмоциональным состоянием исследователя, требующим от его окружения терпения и взаимопонимания. Занятие научной деятельностью – это образ жизни, причем не только профессора, но и, как правило, всего его окружения. Соответственно, и спутница жизни профессора должна быть готова к такой «одержимости» наукой своего мужа и к собственному определенному самопожертвованию ради науки и своего драгоценного супруга.

О таких женах наши профессора начинали задумываться еще в юности, рисуя в своем воображении идеальный образ будущей любимой. Так, В.О. Ключевский мечтал о жене-друге, о женщине, стоящей «выше потребностей своего пола», которая «умеет милым женским сердцем отозваться на великие вопросы времени»[2]. Василий Осипович в своих «Афоризмах» высказывается о женщинах так: «Говорят, что мужчины родятся красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчины делаются и делают их такими женщины… Мужчина, идя на доброе дело, всегда сделает его хорошим, если

---

[1]Иванова Т.Н. Женщина в судьбе В.И. Герье // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008.; Еремеева С.А. Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Ред. Л.П. Репина. № 8. М., 2006.

[2]Цит. по: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 140.

провожая, его поцелует любимая женщина»[1]. Это высказывание историка содержит определенное преставление о ролевых функциях женщин, сопровождающих своих великих мужей на их тернистом пути творческих открытий и подвигов.

Любопытный материал для выяснения ролевых функций жен ученых-историков представляет дневник Екатерины Яковлевны Кизеветтер, где на 1200 страницах ежедневных записей представлена не только повседневная жизнь профессорской четы, но и социокультурный контекст целой эпохи и научного сообщества историков России.

Е.Я. Кизеветтер, урожденная Фраузенфельдер, происходила из обрусевшего немецкого рода, согласно своему времени и положению получила блестящее домашнее образование, а врожденная любознательность и пытливый ум, способствовали тому, что данная дама проявляла интерес не только к прямым женским обязанностям, но и жила в духе эпохи. Судя по дневнику, Екатерина Яковлевна с уважением и пониманием относилась ко всему, чем занимался ее муж. Она была из тех женщин, которые в своем спутнике жизни видят не только «кормильца» семьи, а всецело разделяют жизненную позицию своего мужа, начиная от каких-то моральных качеств и заканчивая повседневным обыденным течением жизни. Для Екатерины Яковлевны мнение ее мужа было непререкаемым, он для нее выступал своеобразным учителем, «оракулом» тех событий, которые начинают разворачиваться на ее глазах. В период Первой русской революции она старается оказаться рядом со своим мужем и «пережить обнародование конституции»[2], когда ее ожидания не оправдываются она впадает то в отчаяние («Опять зарево! И вчера горело и сегодня горит. На меня напала такая гнетущая тоска, я ничего делать не могла, легла на диван и закрыла лицо»)[3], то пытается

---

[1] Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 8–9.

[2] Кизеветтер Е.Я. Революция 1905 1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Подгот. текста, примеч. М. Г. Вандалковской, А. Н. Шаханова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII XX вв.: Альманах. М., 1994. С. 342.

[3] Там же. С. 349.

отыскать в своем одиночестве положительные моменты («Революция одним хороша: не надо в гости ходить, и к нам гости не ходят. Так спокойно можно сидеть дома. Чувствуешь себя в безопасности, знаешь, что никто не явится»)[1].

Одной из ролевых функций Е.Я. Кизеветтер было методичное фиксирование всех событий в своем дневнике, причем нередко «под Сашину диктовку»[2], А.А. Кизеветтер был слишком занят и эту важную миссию поручил собственной жене. Систематическим ведением дневника увлеклась и дочь Екатерины Яковлевны – Наташа, что, видимо, тоже связано с влиянием главы семейства. На обложке ученической тетради Наташа адресовала свои размышления «Дорогим маме и Саше»[3]. Ведение дневника и фиксирование событий – еще одно из проявлений профессорской культуры.

Другой ролевой функцией Екатерины Яковлевны было так называемое «хождение в массы». Именно ее глазами А.А. Кизеветтер мог судить о внутреннем состоянии общества, о мыслях и суждениях обывателей, о восприятии происходящего народом. Она появляется на отнюдь не женских собраниях – «чрезвычайных прениях», заседаниях конституционно-демократической партии, тщательно отображая все происходящее: «Саша на днях представил прекрасный очерк программ партий левых и правых... Зала была полна. Публика была частью интеллигентная, частью торгово-промышленная: приказчики, конторщики, …и были два серых субъекта (двух я сама видела) в смазаных сапогах, в фартуках. Чтение было по-моему очень удачное... Я следила за публикой… Доктор Баженов остался от Сашиного чтения в восторге… Какой-то господин около меня, несочувствующий Саше (я слышала из его разговора), громко сказал: «Ну, уж это скучно!» Я шикнула ему прямо в упор»[4].

На этом фоне может сложиться впечатление, что Екатерина Яковлевна в порыве своего гражданского и общественного интереса абсолютно не уделяла внимания вопросам быта, но это не так. Хотя наш источник и является в этом случае «скудным информатором», но,

---

[1] Там же. С. 344.
[2] Там же. С. 353.
[3] Ф. 566. К. 20. Ед.хр. 22. Л. 1.
[4] Кизеветтер Е.Я. Революция 1905 1907 гг… С. 355.

тем не менее, и в нем мы находим записи о ее обыденных заботах о семье, о походах в театр, о житейских неурядицах во время путешествий и др. Дневник ее дочери дополняет картину повседневности семьи русского историка. Екатерина Яковлевна изображается как заботливая мама, которая уделяет много времени своим «отпрыскам», принимая участие в их играх: «то вырежет нам из бумаги кукол и нарисует им лица. Потом сделает из трубки лодочку»[1].

Одним из ярких воспоминаний детства Наташи – это праздник Рождества. Родители поддерживали в воображении детей тайну праздника, все в доме было окутано им, а мама и папа выступали «некими волшебниками», которые могут прикоснуться к тайне: «Утро. Я сижу у папы под письменным столом, а папа украшает рядом в маминой комнате елку. Нам надо идти гулять, а пройти негде, потому что если я пойду по маминой комнате, то увижу елку, а пойти по маленькой длинной, где сидит мама и шьет, тоже нельзя, почему не знаю… Вот входит мама, веселая, смеющаяся; она одевает мне белый фартук; я хочу идти смотреть елку, а она говорит, чтобы мы подождали, пока она заиграет на рояле и уходит. Вот раздаются звуки рояля, и мы идем вниз. Там стоит посередине комнаты большая елка; сидит дедушка с бабушкой, а около стены лежат подарки»[2].

Таким образом, ролевые функции жены ученого-историка были весьма разнообразны: от соратницы, лучшего друга и единомышленника в творческой и общественно-политической деятельности супруга до охранительницы домашнего очага, воспитательницы детей. Сама профессорская культура формировалась в неразрывной связи с женским элементом, который для их мужей был так незаметен и сер, но в то же время крайне необходим, недаром свой творческий путь они нередко начинали с поиска достойной спутницы жизни.

Н.Х. Орлова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

---

[1] Ф. 566. К. 20. Ед.хр. 22. Л. 6.
[2] Ф. 566. К. 20. Ед.хр. 22. Л. 9–10.

ЖЕНЩИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 1861 г. в Российской империи обсуждался проект нового устава университетов. Один из остро дискутируемых вопросов был вопрос «о допущении лиц женского пола к слушанию университетских лекций».

Известно, что Советы Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета св. Владимира, дали положительные ответы. Совет же Московского университета постановил: *«Не допускать этого совместного слушания ни под каким предлогом».*

Дальнейшая борьба российской общественности за право женщин на высшее образование заняла в общей сложности около пятидесяти лет. Некоторую привлекательность для правительства в то время имела идея о создании отдельного женского высшего учебного заведения. Судьба таких проектов была непростой, как видно из анализа истории так называемых Лубянских курсов и курсов профессора В.И. Герье. И те и другие просуществовали сравнительно недолго, поскольку в 1886 г. Министерство народного просвещения предписало прекратить прием на все высшие женские курсы под предлогом реформирования.

Более благоприятная ситуация складывается в Петербургском университете, в котором с 60-х гг. XIX столетия зарождается прогрессивная для того времени практика одобрительного отношения к высшему женскому образованию. Как отмечается в летописи, в 1858 г. университетским преподавателям разрешено читать в залах университета публичные лекции для всех желающих их слушать мужчин и женщин. И осенью 1859 г. появляются первые вольнослушательницы[1].

Конечно, речь ведется лишь о появившейся у женщин возможности, и до полноценного статуса студентки еще почти полстолетия. Вместе с тем пониманию необходимости организации

---

[1] Здесь и далее хронологические данные приводятся по: Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724–1999 / Под ред. академика РАО, профессора, ректора Л.А. Вербицкой. СПб., 1999.

высшего образования для женщин способствовали и набиравшие силу идеи равноправия полов. В Европе выходят работы Г. Спенсера, Дж. Милля о необходимости пересмотра сложившегося в культуре уничижения женщины. Гендерная проблематика в работах философов, социологов, богословов, правоведов XIX-нач. XX в. становится одной из самых дискуссионных тем. Одна из таких научных дискуссий развернулась между О. Контом и Д.С. Миллем. Суть разногласий двух позитивистов состояла в том, что Конт декларирует целесообразность подчиненного положения женского пола. Милль же выдвигает тезис о потерях, которые из-за этого несет человечество на путях прогресса[1].

Европейские университеты начинают открывать свои аудитории для женского образования. В истории русских женщин начинается уникальный период массового отъезда на учебу в Европу. В 1867 г. первой полноправной студенткой Цюрихского университета становится русская женщина Надежда Суслова. В том же году она становится первой женщиной в немецко-говорящем университете, допущенной к экзамену на степень доктора. Затем Н. Суслова становится первой женщиной — врачом в России.

Таким образом, прошение инициативной группы об открытии в Санкт-Петербургском университете курсов для женщин было подготовлено культурным запросом того времени. Как известно, в ответ на это прошение совет университета не только одобрил саму идею, но и взял на себя обеспечение учебного процесса.

И в 1878 г. в Петербурге открываются Высшие женские (Бестужевские) курсы, которые были формально независимы от университета, но фактически их профессорско-преподавательский состав был университетским. Профессора К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, Ф.Ф. Петрушевский и др. читали лекции для бестужевок по тем же университетским программам, что и для студентов.

Конечно, пока еще не шла речь о признании статуса выпускного свидетельства курсов равным статусу университетского диплома, но все же можно с полным основанием говорить о том, что в историю Санкт-Петербургского университета красной строкой вписано

---

[1] Милль Дж. Ст. О подчинении женщин. СПб., 1869. С. 2.

зарождение традиции высшего университетского образования в России для женщин. Общий дух как среди преподавателей, так и среди курсисток – это устремленность в науку, «стремление к всеобщей культуре».

Судьба курсов не всегда была простой. В 1886 г. министерство распорядилось прекратить набор на Бестужевские курсы и ограничить финансирование. Известно, что для поддержания курсов в это непростое время профессора отказались от оплаты за свои лекции.

Но постепенно Курсы приобретают международный авторитет, который подтверждается различными наградами. Так в 1897 г. на Международной выставке в Стокгольме Общество для доставления средств ВЖК получает диплом на серебряную медаль. А в 1900 г. на 2-м международном женском конгрессе в Париже был представлен доклад о деятельности ВЖК, имевший большой успех.

Судьбоносным следует признать решение Государственного совета от 30 мая 1910 г. о приравнивании свидетельства об окончании ВЖК к выпускному свидетельству университета. Вскоре бестужевкам было предоставлено право сдавать государственный экзамен в Петербургском университете вместе со студентами. Это открывало доступ женщине в научную и преподавательскую сферы.

В 1914 г. 16 марта впервые в университете защищается магистерская диссертация женщиной Марией Андреевной Островской. Во время этого первого «женского» диспута зал в Петербургском университете был переполнен. Председательствующий декан Ф.А. Браун в своем поздравлении отметил, что «в лице г-жи Островской женщина добилась важной культурной позиции, на которой, надо надеяться,…не будет одинока»[1].

В ряду знаковых имен следует назвать имя еще одной выпускницы Высших женских курсов – Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской. Это была первая женщина – преподаватель Петербургского университета, первая женщина в мире, окончившая парижскую Школу архивистов (1911), первая женщина в истории России, защитившая диссертацию на степень доктора наук по всеобщей истории (1918).

---

[1] Цит. по Санкт-Петербургский университет: Отчет о состоянии и деятельности в 2003 году / Под общей редакцией академика РАО Л. А. Вербицкой. СПбГУ, 2004. С. 12.

Сама Рождественская накануне своей защиты магистерской (1915) говорила: «Хотя по состоянию здоровья и нервов трудно пройти через это, но я считаю своим общественным долгом защитить диссертацию и этим проложить женщине путь в «большую науку», идущим за мной будет уже легче сделать это»[1].

Примечательно, что в объемном двухтомнике «Знаменитые универсанты» мы находим статью только о единственной женщине – О.А. Добиаш-Рождественской[2]. Вместе с тем среди тех, кто умножал славу Санкт-Петербургского университета, немало блистательных имен. Среди всемирно-известных астрономов – Яхонтова-Смирнова и П.Ф. Санникова-Шайн; пятеро бестужевок отмечены статусом членов-корреспондентов Российской Академии Наук (О.А. Добиаш-Рождественская, Е.С. Истрина, Н.В. Пигулевская, К.В. Трвер, И.А. Райкова); две женщины были удостоены звания академиков (П.Я. Полубаринова-Кочина, А.М. Смерварт)[3].

Перед многими именами универсанток уместно ставить определение «первая». Так Е.А. Флейшиц, в 1907 г. с отличием окончила юридический факультет Парижского университета, а в 1909 г. сдает экстерном экзамены за курс юридического факультета в Петербургском университете, получив диплом первой степени.

В том же году была принята помощником присяжного поверенного округа петербургской судебной палаты и стала первой в России женщиной-адвокатом. К сожалению, первая же ее попытка выступить в суде в качестве адвоката встретила яростный протест прокурора.

Летопись послереволюционного периода дает нам много имен женщин ученых Санкт-Петербургского университета. Среди них Василькова, Лутугина, Образцова, Стеблин-Каменская, Ладыженская, Уральцева, Савинова, Зимкина и ряд других, чьими открытиями и педагогическим мастерством по праву может гордиться университет.

---

[1] Цит. по Вахромеева О. Б. Первая женщина в российской исторической науке / Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 260.

[2] Знаменитые универсанты… Т. 2. С. 256–272.

[3] См. единую базу данных выпускниц Высших женских курсов: Бестужевка в цифрах: к 130–летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.) / Сост. О. Б. Вахромеева.

Сегодня в Санкт-Петербургском университете ровно половина всего профессорско-преподавательского состава - женщины.

В заключение позволю себе остановиться специально на именах двух женщин, сыгравших немалую роль в истории Санкт-Петербургского университета.

Екатерина Романовна Дашкова, которая была назначена на должность директора Петровской Академии наук в 1783 г. «Поборница российского просвещения» приняла руководство в ситуации, когда университет был в упадке.

Ставилась задача сохранения и развития университетской системы, которая была успешно решена. Известно, что для укрепления традиции чтения публичных лекций «мадам директор» назначила профессорам высокую оплату из специального фонда, созданного ею для этих целей. Программы лекций утверждались ею лично, после чего о них печаталось в Санкт-Петербургских ведомостях.

В целом авторитет учебных заведений Академии наук за время директорства Дашковой значительно укрепился не только в России, но и за рубежом.

Сложилось убеждение, что в Петербурге живет и действует Университет. В значительной степени это связано не только с талантами руководителя и педагога княгини, но и с ее личным авторитетом и связями, сложившимися во время ее путешествий в 60-70 гг. XVIII в. Вне всякого сомнения, мы можем говорить об успехах деятельности Дашковой как о значительном явлении в русской культуре. Стремление воспитать «человека совершенного», «новую породу людей» реализовывалось в ее настойчивой и последовательной деятельности. В 1794 г. Дашкова уходит в отпуск, из которого к своей университетской деятельности уже не возвращается.

А через двести (!) лет, 18 апреля 1994 г. на конференции Университета в соответствии с Новым Уставом СПбГУ доктор филологических наук, профессор Людмила Александровна Вербицкая была избрана ректором Санкт-Петербургского государственного университета.

А.Н. Лялина,
Ульяновск, Ульяновский государственный университет

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В начале третьего тысячелетия отмечается повышенный интерес к положению женщины в мире и в России, в частности. Продиктован он растущей и настораживающей мужчин конкурентноспособностью женщины.

Стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни общества, желание занимать руководящие должности и лидирующие позиции в политической и экономической отраслях, популяризация феминизма во всем мире, – предпосылки именно такого поведения современной женщины кроются в историческом прошлом. Без изучения истории образования женского движения невозможно понять происходящие сегодня изменения в жизни российской женщины, особенно в таком многонациональном регионе, как Среднее Поволжье.

В этом контексте важен исторический опыт работы первых женских объединений 1920-х гг., созданных специально для рассмотрения женских вопросов и проблем. Появившиеся в 1919 г. при комитетах ВКП(б) отделы работниц и крестьянок сосредоточили в своих руках именно эти функции. Перед ними стояла задача устранения социалистической отсталости женщины, повышение её активности в создании и защите нового общественного строя. Работа по ликвидации неграмотности среди работниц и крестьянок считалась главным условием, без которого невозможно было бы привлечь женщин к общественно полезному труду, участию в управлении государством[1].

Симбирская губерния по своей неграмотности занимала третье место во всем СССР.

---

[1] Крупская Н.К. Женщина в стране социализма. М.,1937. С.35–37.

По данным всероссийской переписи населения 1920 г., количество неграмотного населения в Симбирской губернии составляло около 52%. Неграмотных женщин было около 68%.

Таблица 1. Количество неграмотного населения в Симбирской губернии на 1920 год

Количество неграмотного городского населения		Количество неграмотного сельского населения	
Мужчин	Женщин	мужчин	Женщин
1130 чел.	5124 чел.	34505	146.367

Таким образом, уровень грамотности на селе был в 3,7 раз ниже, чем в городе. А неграмотных крестьянок в деревнях Симбирской губернии было в 4 раза больше, чем мужчин[1].

Ульяновская губерния как «родина Ленина» была выделена ВЧК в области работы по ликвидации неграмотности в число ударных губерний. Потому губженотдел при Симбирском комитете РКП(б) оказался одним из первых, кто открыто обратился с призывом «овладеть мощным орудием просвещения грамотой»[2].

Даже сами женщины признавали необходимость обучения. «Ключи от счастья нашего, от нашей вольной волюшки, в руках у нас, у женщин. Эти ключи от вольной волюшки – наши права. Но нужно ещё научиться этими правами пользоваться. Кто же научит женщину? Ликпункт, изба-читальня, газета, книга – вот школа, которая научит женщину пользоваться правами, которые ей дала Советская власть», – писала большевичка Антонова[3].

Ещё в 1922 г. женорганизаторам было предложено составить списки неграмотных коммунисток и делегаток. В 1923 г. на 10 заседании заведующих женотделами была определена задача по ликвидации неграмотности среди работниц. Как отмечалось в протоколе, «Губженотделом намечено провести ликвидацию

---

[1] Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф.1. Оп.1. Д.695. Л.л. 23–25.

[2] Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937). М.: Мысль, 1978. С. 63

[3] Антонова С.В. Наши права // Пролетар. путь. 1927. 5 февраля. С. 3.

неграмотности к 8 марта 1924 г. 1/3 работниц губернии, к 08.03.1925 г. – другую треть. Остальную часть ликвидировать к 10 годовщине Октябрьской революции»[1].

В первую очередь грамоте обучали делегаток, которым разъяснялась вся необходимость обучения. Затем по плану уже грамотные делегатки должны были проводить агитационную работу среди необразованных женщин. Для того, чтобы работа велась наиболее эффективно, губженотдел постановил культотделам крупных фабрик и заводов сместить с завкомов и заводоуправлением всю неграмотную и неквалифицированную рабочую силу. Такие же жесткие условия распространялись и на деревню. К 8 марта 1923 г. даже был разработан специальный лозунг «Не должно быть ни одной неграмотной крестьянки ни в Совете, ни в комитете взаимопомощи»[2].

С целью упорядочения организации и осуществления в огромных масштабах ликвидации безграмотности 19 июля 1920 г. была создана при Наркомпросе Всероссийская чрезвычайная комиссия. Чрезвычайные комиссии образовались не только в центральных губерниях, но и на местах. Так, в Симбирской губернии в начале 20-х гг. были созданы чрезвычайные комиссии как в губернии, так и в уездах. В них входили представители женотделов. Перед комиссиями стояли задачи ликвидировать неграмотность людей 18–25-летнего возраста, проводить агитационные кампании среди женщин за ликвидацию неграмотности. Неграмотные женщины – члены профсоюзов, должны пройти школы неграмотности, организованные при профсоюзах. Работницы, не посещающие школы в городах, исключались из профсоюзов.

На местах так же открывались и ликвидационные пункты. ГубОНО по губернии отрыло около 330 ликвидационных пунктов, которые снабжались учебниками, письменными принадлежностями и керосином. Через каждый такой пункт проходило около 80 неграмотных женщин[3]. Недостаток размещения таких пунктов в Симбирской губернии заключался в том, что ликпункты по своему

---

[1] ГАНИУО Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 695. Л.л. 23–25; Д. 572. Л. 73–75.
[2] Там же. Д. 690. Л.л. 68.
[3] Там же. Д. 691 Л.л. 46–48. Д. 692 Л.л. 55–57. Д. 693. Л.л. 23–27. Д. 694. Л. 8; Ф. 7. Оп. 1. Д. 437. Л. 23, Д. 439. Л. 45.

территориальному размещению не совпадали с зонами расположения ударных волостей, где женотделы сосредотачивали свою основную работу[1].

На практике женщины с неохотой посещали учебные учреждения. В городе женщине-работнице, занятой в производстве по 8 часов, было трудно уделить время на ликвидацию неграмотности. Они не раз выступали с просьбой освободить от работы по 2 часа в день для учения[2].

Для эффективной ликвидации неграмотности в городе представители уездных женотделов должны были следить на правильной и грамотной общественной работой на заводах и фабриках. Так, хорошо закончившим ликпункты работницам фабрик и заводов вручались подарки – журналы «Коммунистка» и «Крестьянка». На заводах проходили показательные политические суды «Над неграмотной делегаткой».

Труднее обстояли дела с неграмотностью крестьянок. «Никто замуж не возьмет», «А кто пахать будет, если все грамоте обучаться будут?»[3]. Между тем Симбирская губерния по своему составу являлась преимущественно крестьянской, крестьянок было около 62%.

В 1926 г. в деревнях стали появляться так называемые центры культурно-воспитательной работы – избы-читальни.

По постановлению губженотдела, в них «необходимо было организовывать уголок крестьянки, здесь же проводить пропаганду по изменению быта, охраны материнства и младенчества, громкую читку журналов и газет, агро-культурную пропаганду, путем лекций, бесед, докладов, проводить вечера или дни крестьянки с участием всего населения. На таких вечерах можно ставить инсценировки, живую газету, спектакли, а главное – доклады о работе среди крестьянок, о международном и внутреннем положении, о задачах комсомола и юных пионеров, к таким вечерам можно приурочить октябрины»[4].

---

[1] Там же. Д. 809. Л.л. 32–37.

[2] Там же. Д. 972. Л.л. 15.

[3] Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 520. Л.л. 13–15.

[4] Там же. Ф.1 Оп.1 Д.972 Л.126. В Советской атеистической России произошло замещение религиозных праздников новыми. Появились такие праздники как «октябрины» (крестины), «красная свадьба»

У крестьянок такие учреждения пользовались популярностью, ведь для них изба-читальня становилась местом для посиделок: «Женщины идут в избу- читальню с рукоделием. Здесь они проводят беседы, читки. Когда беседы надоедают, переходят к песням»[1].

В целом в ряде регионов РСФСР начали создаваться добровольные отделения общества «Долой неграмотность» (ОДН). В Симбирской губернии такие организации появились лишь с 1924 г.

Через ОДН для тех делегаток, которые не попали на ликпункт, организовалось групповое и индивидуальное обучение. Так же в этом объединении прорабатывались вопросы по появлению специальных женских ликпунктов для крестьянок, занятых в сезонных работах[2].

В общем, за 6 лет при содействии женотделов Симбирской губернии всего обучено населения 77.000 человек, из них женщин – 19389. За 1925 и 1926 г. обучено 19955, из них женщин – 7509. Изжить неграмотность к десятилетию октябрьской революции, к 1927 г., не представлялось возможным.

Динамику темпов сокращения неграмотного женского населения можно можно проследить на ниже представленных таблицах[3]:

Грамотность мужчин и женщин в целом по России (СССР)
(По данным переписи населения 1920 и 1926 г.)

	Процент грамотных в возрасте 9–49 лет	
	1920	1926
Городское и сельское население:		
Мужчин	57,6	71,5
Женщин	32,3	42,7
Городское население:		

(венчание в церкви).

[1] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 646. Л.л. 28–30.

[2] Информационный бюллетень общества «Долой неграмотность». 1924. № 4. С. 7.

[3] ГАНИУО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 764. Л.л. 10–25. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1371. Л.л. 25–27.

Мужчин	80,7	88,0
Женщин	66,7	73,9
Сельское население: Мужчин	52,4	67.3
Женщин	25,2	35,4

В условиях преодоления хозяйственной разрухи, голода, строжайшей экономии финансирование мероприятий по ликвидации неграмотности из государственного бюджета было переведено на местные. В деревнях обязанность по ликвидации неграмотности оказалась у местного учительства. Как основную культурную силу деревни, учителей привлекали к работе в «добровольном» порядке в рамках профессиональной дисциплины на безвозмездной основе. В городе материальная сторона вопроса легла на профсоюзы и другие общественные организации.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что женщина выполняла домашние дела, а потому времени на политическое развитие, получение образования у неё не оставалось. Часто женщина не находила поддержки среди мужчин. По статистике, женщин-одиночек в ликпунктах обучалось больше[1]. Так, например, в 1923–1924 учебном году из 10 000 окончивших ликпункты женщин было не более 1/10 части. В 1924–1925 г. из 18892 чел., ликвидировавших свою неграмотность, женщин было 1/3 – 6200 чел.

Подводя итоги, губженотдел ВКП (б) признал, что ликвидировать неграмотность среди женщин к 1927 г., к десятилетию октябрьской революции, не удалось. Но деятельность женотделов по «обучению женщин грамоте» в 1920-е гг. нашла отражение в последующем месте женщины в советской России. Характер обучения, доступность образования, методы работы с женщинами, разработанные губженотделами ВКП(б), были в 1930-е гг. использованы женсекторами партийных комитетов.

[1] «Женский листок» (Бесплатное приложение к № 110) // Пролетарский путь. 1928. № 2. С. 4–5.

С.А. Бочан,
Новочеркасск, Южно-Российский государственный технический университет

МЕДИЦИНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МАТЕРЕЙ-КРЕСТЬЯНОК ПЕРИОДА НЭПА

В последние годы наблюдается повышенный исследовательский интерес к 20–30-м гг. XX в. Это вполне объяснимо: именно тогда произошли важные события и начались необратимые процессы, последствия которых мы ощущаем до сих пор. Долгое время над исследователями этой эпохи довлели старые исследовательские схемы и публицистический пафос обличения. В данный момент, публицистический этап оканчивается, и наступает период спокойного научного анализа, свободного от сиюминутной конъюнктуры. Интересная и неоднозначная эпоха требует для своего анализа применения новых исследовательских практик, позволяющих увидеть привычные культурные реалии в неожиданном ракурсе. Появление этой работы объясняется моим интересом к женской культуре 20–30-х гг. XX в. В качестве источников были использованы, прежде всего, журналы «женской» ориентации: «Работница», «Крестьянка», «Работница и крестьянка».

С 1920-х годов эти журналы пестрят большим количеством статей, направленных на медицинское просвещение женщин, на введение правильного домашнего хозяйства, на лечение и заботу о детях. Нельзя не отметить тот факт, что руководство страны уделяло внимание медицине и, как ему казалось, старалось заботиться о медицинском просвещении села и деревень. Используя такие методы, как лекции, обследования населения, большевики пытались искоренить темноту и невежество крестьян, внушить им заботу о своем здоровье, не прибегать к знахарству и самолечению, а обращаться к квалифицированным специалистам. Примером этого являлись инструкции «Консультациям для грудных детей» («Бюллетень НКЗ №21 1925 г.»); инструкции «По работе консультации для женщин» (бюллетень НКЗ №17 1926 г.»).

Но женщина-крестьянка того периода жила как в темном лесу, ничего не знала и не хотела знать: «…Натолкнуть ее трудно, хотя и находятся такие люди, что хотят темных женщин направить на путь.

Но она упрется в свою прялку и сидит, никуда не хочет выйти, например, пойти на собрание и послушать что-нибудь хорошее, научиться чему-нибудь. Нет, она говорит: «Что слушать мне и мой Ванька басни скажет». И не подумает, что жили мы пеньками и поклоняемся пеньку…идем, темная женщина за теми людьми, которые ведут нас к светлой жизни…нельзя жить в темноте, надо просвещаться, тогда легче будет»[1]. Если и освоила женщина-крестьянка элементарные навыки домоводства, а конкретно, как устроить свою жизнь при наименьших затратах, то толком не знала и не осознавала вредные влияния разрушающие здоровье семьи. В связи с этим, она не обращала внимания на тревожные симптомы болезни и в большей степени прибегала к народным способам лечения: «…В одной из хаток деревни дрожали и блестели крупные слезы молодой крестьянки. На руках ее пятимесячный ребенок весь горел, тяжело дыша и по временам издавая слабые стоны. Все счастье и радость заключалось в этом ребенке…». Вскоре пришла ее свекровь, которая стала очень яростно поучать молодых: «…К доктору ходить не надо, ему только деньги лишние платить… поймайте черную собаку, искупайте ее, да после этого скупайте ребенка так сразу, лучше будет…». Молодые же конечно ослушаться боялись, и в скором времени была найдена собака, ребенок выкупан, после чего ему стало хуже. Появляется новый персонаж – кума: «…Ах, да что вы наделали-то, да в к ней приключиться собачья старость. Идите скорей, соберите с трех хат муки, испеките блин большой, большой вырежьте середину, да и протяните ее сквозь середину-то, вот тогда и верно лучше будет». В скором времени было сделано и это. Приходит к вечеру другая соседка: «Возьмите скорей и перенесите через три моста, болезнь-то останется за мостами. Переносят ребенка через три моста…»[2]. Болезнь на самом деле оставляет его – он умирает. И таких случаев в деревне огромно количество. Самые распространенны детские заболевания – ангина, свинка, дифтерия, скарлатина, рахит. И ребенок, который подвергался вот такому «лечению», конечно же, не выживал.

---

[1] Как живут крестьянки // Крестьянка. 1925. № 7.
[2] В глуши // Крестьянка. 1925. № 9.

Необходимо отметить, что в большинстве на самых ранних стадиях заболевания мать ничего не замечала, она занималась совершенно иными заботами – скот, приготовление пищи и др. Но даже когда ребенок весь горел от температуры, слабел, женщина-крестьянка в лучшем случае начинает лечить травами, и надеется на авось. «…Вася уже болен 5 дней. Сначала у него заболело в горле, сделался жар, жаловался, что глотать больно, перестал есть. На второй день уж он не бегал, как всегда, а тихонько лежал на полатях и изредка стонал. Аксинья не обратила внимания на указания соседки, советовавшей ей везти Васю скорей к доктору – думала, что оно само пройдет. Но когда на четвертый день Васе стало хуже – она побежала к знакомой бабке. Та пошептала на уголек, перекрестила Васю и сказала, что к утру все пройдет. Но уже к ночи стало хуже. Он уже не только есть и пить перестал, но и дышать стало трудно, какое-то клокотанье со свистом вырывалось из горла. Только тогда Аксинья забеспокоилась и решила повести в больницу. То, что она услышала там ее, как громом пришибло – что она слишком поздно приехала с Васей у него заразная болезнь глотки – дифтерит и теперь еже трудно ему помочь, и надежды на спасение очень мало. На утро Васи не стало. Слишком поздно она взялась за ум, и теперь не вернуть ей Васи»[1].

Помимо распространенных детских заболеваний, которые уносили тысячи детских жизней, в деревнях периодически вспыхивали эпидемии сибирской язвы, чумы, малярии источниками которой являлись зараженные животные. Главным и основным мероприятием в деле борьбы с этой весьма серьезной болезнью были предохранительные прививки животным. Так в сентябре 1924 г. в ст. Нижне-Гниловской, в Аксае, несмотря на массовый падеж скота, население своевременно не обращалось к ветеринарному персоналу, и даже были распространены случаи, когда женщины пользовались трупами больных животных. Тем самым губя себя и свою семью.

Женщина действительно темна и невежественна. Попытки просветить женщину–крестьянку не увенчивались большим успехом. Самый распространенный источник того времени, который мог донести подробности протекания болезней и методов лечения – это весьма редкие приезды в деревню лекторов и журналы, которые

[1] Поздно // Крестьянка. 1924. № 14.

прописывали истинные правила поведения в сложных ситуациях: «никогда не ходите для лечения к знахаркам: кроме вреда вы ничего не получите. Обращайтесь в больницу, а если в семье кто-либо заболел, изолируйте здоровых членов семьи. Ухаживайте за больными, а не пускайте все на самотек»[1], но в связи с тем, что женщина - крестьянка была забита и неграмотна, эта информация была для нее мало доступна, да и не понятна и не приоритетна. Авторитетное же место еще долгое время занимали знахарки и бабки - повитухи, которые убивали своим «лечением» массы людей.

[1] Оказание помощи материнству // Молоток. № 989. 19.11.1924.

И.В. Якубовская,
Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

«ДЕПУТАТ ОТ РОССИИ»: О.А. НОВИКОВА И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

Во второй половине XIX в. общественное мнение Англии формировалось главным образом под влиянием острых англо-русских внешнеполитических конфликтов, прежде всего в вопросе о судьбах Османских владений, а позднее и в связи с колониальными противоречиями в Центральной Азии. Существовавшие в английском обществе негативные стереотипы укреплялись по мере усиления России на Востоке и ростом связанных с этим процессом англо-русских противоречий. Тем важнее была роль немногочисленных представителей России, постоянно живущих в Англии и имевших возможность повлиять – лично и через своих друзей в стране, на представления англичан о России. Одним из таких «посланцев России» в Англии была Ольга Алексеевна Новикова, почти постоянно проживавшая в Лондоне с конца 1860-х гг.[1]

---

[1] О деятельности и биографии О. Новиковой см: Стэд У.Т. Депутат от России. Воспоминания и переписка О.А. Новиковой. В 2 т. Пг., 1915; Автор доклада использовал английское издание: The M.P. for Russia. Reminiscences & correspondence of Madam Olga Novikoff // Ed. by Stead W. T. 2nd. edn. in 2 vols. L., 1909. В российской историографии деятельность Новиковой в Англии кратко рассматривалась в таких работах, как: Зашихин А.Н. Британская Британская Rossica второй половины XIX – начала XX вв. Архангельск, 1995; Якубовская. И.В. Россия и общественное мнение Англии в мемуарах и публицистике О.А. Новиковой // Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных мемуаров. СПБ., 2004.

«Депутатом от России» назвал О. Новикову премьер-министр Англии Б. Дизраэли; русофобы считали ее «русским агентом», но были среди англичан и те, кто считал ее представителем «неофициальной России»[1], и в этом качестве О. Новикова сделала для своей страны больше, чем многие официальные политики и дипломаты для защиты государственных институтов России и внешней политики в Восточном вопросе[2]. Она стремилась также рассеять предубеждения англичан по отношению к политическому строю и религиозным убеждениям своего народа.

Ольга Алексеевна Новикова (урожденная Киреева) родилась в Москве, в дворянской семье. Ее отец – Алексей Киреев, офицер русской армии, был близок к славянофилам. Он привил всем свои детям – сыновьям Александру и Николаю и дочери Ольге горячие патриотические убеждения. В книгах и статьях, адресованных английской публике, О.А. Новикова «отстаивала историческую правомерность самих внутренних политических и общественных устоев России, к которым британцы традиционно относились весьма критически»[3]. Новикова подчеркивала, что «Россия… богатством <материальным> похвастаться не может. Её привилегия – богатства духовные, которые, в соответствии со старомодными русскими воззрениями, не вовсе заслуживают презрения. Но наши духовные богатства не могут» угрожать Великобритании[4]. Одной из таких ценностей было для Новиковой православие.

Ольга Алексеевна поддерживала дружеские отношения с К.П. Победоносцевым, что не могло не отразиться на ее взглядах. Позднее она отдала дань его памяти в предисловии к английскому переводу книги К.П. Победоносцева «Размышления русского государственного деятеля». Православие было для него, как и для

---

[1] The M.P. for Russia. Reminiscences… Vol. 1. P. 1–2.

[2] Обоснованию политики России в Восточном вопросе О.А. Новиковой посвящен ряд работ. Например: Russia & England from 1876 to 1880; A protest & an appeal by O.K., author “Is Russia wrong” with a preface J.A. Froude. 2nd edn. L., 1880.

[3] Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 45.

[4] Новикова О.Н. Английские предрассудки // Русские писатели об Англии.1646 –1945. М., 2001. С. 302.

Новиковой, больше чем верой, оно было для него опорой власти и национальной самобытности России. Система английской «свободной церкви в свободном государстве», по убеждению Победоносцева, могла существовать лишь на основах «религиозного индифферентизма»[1]. Но в английской церкви он, как и близкие к нему православные иерархи, мыслители, общественные деятели, среди которых была и Новикова, видели союзника, с которым можно «вместе бороться» с «общими врагами», «взаимно ободряя и поддерживая друг друга»[2].

Отстаивая незыблемость православия в России, О.А. Новикова, как и ее старший брат генерал Александр Алексеевич Киреев, с начала 1870-х гг. проявляла несомненный интерес к сотрудничеству христианских церквей. В 1871 г. генерал А.А. Киреев, не являясь, впрочем, официальным представителем России, присутствовал на первой межконфессиональной конференции, организованной руководством Церкви Англии. О результатах работы конференции и об отношении к обсуждавшемуся вопросу православной церкви он написал специальный трактат, который О.А. Новикова перевела на английский язык и способствовала его распространению[3]. Взаимный интерес к религиозной жизни был одной из причин дружеских отношений, связывавших О.А. Новикову с лидером британских либералов У. Гладстоном[4].

О.А. Новикова стремилась донести до английского общества свои представления об особой роли для России не только православия, но и самодержавия как народной власти. «Все население моей страны – писала она – с готовностью отдаст последнее, что имеет, даже свою жизнь, если того потребует наш царь… “Мы вверяем тебе нашу жизнь”… – это не пустая фраза. Русская история служит подтверждением тому, что это –

---

[1] Победоносцев К.П. Церковь и государство / Московский Сборник // К.П. Победоносцев: Pro et Contra. СПБ., 1996. С.80, 82, 92.
[2] Георгий Андреевский. Копия ответа, посланного английскому примасу.// К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т.1. Полутом 2. № 812. М., Пг., 1923. С. 868.
[3] The M.P. for Russia. Reminiscences …. Vol. 1. P. 134 –135., 137.
[4] Ibid. Vol. 1. P.136, 148–149; Vol.2. P. 95.

реальность». Английскую привычку «обвинять <Россию> в грехах прошлых, настоящих и будущих» О.А. Новикова связывала с «невежеством – простым, тривиальным и незамысловатым»[1]. Новикова, несомненно, повлияла на взгляды своего английского окружения. Один из самых радикальных журналистов Англии – У.Т. Стэд, во всем, что касалось России, почти буквально воспринял и отстаивал взгляды Ольги Алексеевны[2]. Но «среди видных деятелей британской журналистики» в течение долгого времени Стэд был «едва ли не единственным русофилом»[3]. Стэд отметил, что антикатолические убеждения О.А. Новиковой создали ей много почитателей среди английских общественных деятелей, прежде всего либералов. Проблемы, связанные с религиозной и политической жизнью, обсуждались в переписке Новиковой с Гладстоном.

Одним из явлений общественной жизни России, которые привлекали внимание английской общественности и государственных органов, был «нигилизм». В эпоху реформ 1860–1870-х гг. общественно-политическая жизнь России усложнилась: возросла дискретность изменений в различных сферах развития. Это проявлялось в сохранении феноменов, отражавших разное социальное время, и вело к конфронтации разных субкультур в политической культуре страны. В конце 1870-х гг. Россия вступила в период новой революционной ситуации. В политической жизни страны последней трети XIX в. отражался, с одной стороны, выбор в пользу модернизации и перемен, а с другой – сохранение традиционного менталитета, присущего русскому крестьянству, остававшемуся основой социальной структуры. Политический традиционализм был присущ и значительной части правящих кругов. Новикова, как и ее брат А.А. Киреев, принадлежала именно к этому политическому и идейному направлению.

После неудачи первого массового «хождения в народ» часть руководителей и участников народнического движения 1870-х гг. вынуждена была эмигрировать, в том числе и в Англию, которая

---

[1] Новикова О.Н. Английские предрассудки….С. 302, 303, 305.
[2] Stead W.T. Truth about Russia. L., 1888.
[3] Зашихин А.Н. Британская Rossica… С. 44–45.

давно была одним из центров притяжения русской революционной интеллигенции. Новикова считала нигилизм и терроризм опасными не только для России, но и для Англии. Своеобразным подтверждением мнения Новиковой являются документы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и Департамента полиции МВД, внимательно наблюдавших за деятельностью русских и европейских революционеров в Англии, а также за англичанами, прибывающими в Россию[1]. На опасность, которую представляли русские террористы, Новикова неоднократно обращала внимание У. Гладстона. Так, в сентябре 1880 г. Новикова писала лидеру либералов о деятельности русских «нигилистов» в Англии, собиравшихся взорвать прибывшую в Англии царскую яхту «Ливадия». Гладстон в письме от 25 сентября ответил, что разделяет ее тревогу и что все силы будут использованы для предотвращения возможного преступления[2]. Несомненно, роль Новиковой в общественной жизни Англии была более значительна, чем роль обычного журналиста и публициста.

Превращение России в основного конкурента Британии на Востоке, а равно и новые явления российской политической жизни, такие как «нигилизм», привлекали внимание как к политической, так и к культурной жизни нашей страны, ее истории и народным традициям. Формирование этнополитических представлений – сложный процесс, поскольку составляет связную систему отдельных образов разнообразных явлений и процессов. Среди таких образов большую роль играют стереотипы, а также предубеждения и предрассудки. Публицистика, общественная активность, личные контакты с государственными и политическими деятелями Новиковой не могли значительно изменить стереотипы восприятия России в Англии. Деятельность Новиковой разворачивалась на фоне преобладания негативных установок английского общества в отношении России. Новый когнитивно-

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 160. Д. 175, Д. 266; Ф. 109. Оп. 162. Д. 223; Ф. 109. Оп. 163. Д. 251, Д. 264, Д. 388, Д. 492, Д. 500 и др.

[2] The M.P. for Russia. Reminiscences & correspondence of Madam Olga Novikoff… Vol. 2. P. 95.

информационный элемент, вносимый ею в эмоционально-чувственные и оценочные составляющие господствующего общественного мнения Англии, «не попадал» в рамки уже сложившихся представлений о России, однако выполнял в развитии англо-русских отношений важную коммуникативную функцию, связанную с просветительским аспектом этнополитического и конфессионального общения.

О.А. Юркина,
Иваново, Ивановский филиал ГОУ ВПО Российский государственный торгово-экономический университет

БЕАТРИС ВЕББ: НАЧАЛО ПУТИ

Фигура Беатрис Вебб, безусловно, является знаковой в социально-политической истории Великобритании. Ее роль в разработке фабианской доктрины, составившей основу идеологии лейбористской партии, трудно переоценить. Говоря о воззрениях Беатрис на женское движение в целом и на суфражизм в частности, отметим, что формировались они постепенно. Она прошла долгий путь от фактического отрицания суфражистских положений до позиции демократической суфражистки. При этом сложно оспаривать тот факт, что на формирование мировоззрения любого человека огромное влияние оказывают те условия, в которых он рос и воспитывался, важнейшие вехи биографии. Безусловно, большое значение здесь играет окружение, которое выступает носителем и интерпретатором нравственных, моральных, социальных императивов. Таким образом, рассмотрение вопросов влияния социума на становление личности Б. Вебб представляет огромный интерес.

По роду своей деятельности отец Беатрис Ричард Поттер встречался со множеством людей, таких же как он предпринимателей, промышленников, юрисконсультов. Мать Беатрис также имела свой обширный круг политических и литературных знакомств. Необыкновенный круг общения с детских лет (у них дома бывали Г. Спенсер, Р. Кобден, Дж. Брайт) развил в девушке тягу к знаниям, желание совершенствоваться в своих достижениях, а также возбудили в ней интерес к общественной деятельности. По признанию биографов, наиболее сильное интеллектуальное влияние на Беатрис в

начале ее творческого пути оказал Г. Спенсер. Именно поэтому, когда он предложил ей работу у себя в качестве секретаря и редактора, она с радостью согласилась, указывая на тот факт, что именно общение и учеба у Спенсера одновременно поражали и восхищали ее. Позднее Беатрис напишет, что это воодушевление проходило через гносеологию. Доктрина Спенсера о «гармонии и прогрессе» заменила ей «красивую старую веру» наставила на пути познания[1]. Между тем, стоит сказать, что подобное всепроницающее влияние несло и определенные негативные черты. И связано это было, прежде всего, с некоторой однобокостью восприятия мира, а именно, только через призму взглядов Спенсера, что не создавало, в свою очередь, целостной картины. Кроме того, именно влияние позитивизма позднее отразилось в точке зрения Б. Вебб на проблему женского движения и эмансипации женщин. Традиционное викторианское воспитание вкупе с идеями позитивизма не позволило ей до конца жизни полностью принять идеи феминизма, а в начале карьеры так и полностью отрицать их право на существование.

Безусловно, приверженность Беатрис к социалистическим идеям сформировалась не только под воздействием той системы воспитания, какая царила в доме. Большое влияние здесь оказала совместная работа с Ч. Бутсом, который предложил использовать количественные методы анализа уровня заработной платы и условий жизни трудящихся, начав с самого центра нищеты – Ист Энда. К этому времени она уже начала свое первое знакомство с экономическими теориями и была, по ее собственному выражению, «не удовлетворена теми абстрактными и дедуктивными методами, предложенными экономистами»[2]. Беатрис проработала простой работницей в мастерской вплоть до 1885 г., когда тяжелая болезнь отца вынудила ее оставить Ист Энд. Результатом ее «хождения в народ» явился крайне любопытный документ – «Дневник исследовательницы». Вот как его охарактеризовал русский публицист Дионео: «Умная, талантливая писательница описывает свой опыт с точностью и объективностью… В «Дневнике» Поттер мы не видим ни единой,

---

[1] См. напр.: Webb B. The Diary. V. I. Glitter Around and Darkness Within. Cambridge, 1982.

[2] Webb B. My Apprenticeship. Cambridge, 1975. P. 338.

знакомой нам, русским, черты. Автор является к народу с целью, которую заранее себе определила», желая «наблюдать, исследовать и, если можно, принести пользу», будучи уверенной в том, что имеет «нечто положительное, ценное, которым можно поделиться с массами с пользой для последних»[1].

В процессе работы с Бутсом крепло убеждение Беатрис о необходимости продолжения исследований в области изучения исторического опыта рабочего движения. Опыт работы в Ист Энде помог ей в дальнейшем (уже будучи членом Фабианского общества) стать инициатором внедрения исторического метода исследования экономических аспектов положения рабочих[2]. Более того, позднее она критиковала Бутса за его «совершенно “статистический” характер исследований и пренебрежение им “историческим” методом анализа реальных процессов зарождения, развития, угасания и смерти социальных институтов»[3].

Определенное воздействие на формирование личности Беатрис оказало знакомство с Дж. Чемберленом. Говоря о нем, Б. Вебб писала: это человек «вызывающий любопытство, с интересным характером, доминирующий по интеллектуальным данным, с малым самоконтролем, но весьма целеустремленный», хотя и являющийся «энтузиастом и деспотом»[4]. Однако их взаимоотношения, продлившись два года, сошли на нет. Причин тому было несколько. Прежде всего, Беатрис не разделяла как политических, так и социальных взглядов Чемберлена. Другой причиной послужило требование отказаться от исследовательской деятельности. Кроме того, он требовал полного подчинения своей воле, если, не запрещая, то и не одобряя наличие собственного мнения и видения решения тех или иных вопросов и проблем, будучи убежденным в том, что женщины должны уступать мужчинам[5]. Являясь сторонником теории «сепаратных сфер», он считал необходимым дистанцировать женщину

---

[1] Дионео. Английские силуэты. СПб., 1905. С. 64 – 65.
[2] McBriar A.M. Fabian Socialism and English Politics, 1884 – 1918. Cambrage, 1962. P. 50.
[3] Webb B. Op. cit. P. 342.
[4] Webb B. The Diary of B. Webb. Vol. 2. Cambridge, 1983. P. 38.
5 MacKenzie N., MacKenzie J. The Fabians. N.Y., 1977. P. 126.

от общественно-политической и экономической деятельности. Все это приводит к тому, что в 1886 г. произошел их окончательный разрыв.

Несмотря на личные переживания? Беатрис продолжает упорно заниматься экономикой, изучая труды А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, А. Маршала. В своей статье «Развитие и рост английской экономики» она полемизирует с теорией Рикардо, говоря о том, что крупный капитал, создающий прибыль, и исторически, и на современном ей этапе, является только одной из многих форм создания экономического благосостояния[1]. Она считала, что политическая экономика Рикардо исследовала данный вопрос, исключая другие социальные учреждения, где преобладают иные «мотивы, нежели создание крупной прибыли». Более того, по мнению Беатрис, данный вопрос анализировался абстрактным и дедуктивным методом, полагаясь на данные, «неидеально основанные на фактическом наблюдении». При этом Беатрис указывала на тот факт, что необходимо хронологическое исследование изменений социального статуса всех экономических институтов, поскольку фактически они имеют все фазы развития от зарождения и благополучия до исчезновения, включая стадии угасания (болезни), которые сторонники теории Рикардо не учли в исследованиях[2].

Кроме изучения и анализа уже известных экономических моделей, Беатрис занимается обобщением и систематизацией полученных в Ист Энде данных. Своего рода точкой отсчета для нее становится публикация первой ее собственной работы 18 февраля 1886 г. «Женский взгляд на безработицу» в Pall Mall Gazette, получившей неплохой отзыв в научных кругах. В таких дебатах постепенно выкристаллизовался взгляд Беатрис на социально-политические и экономические проблемы в обществе, формировались ее научные воззрения и пристрастия. Однако окончательное ее становление как ученого и общественного деятеля произойдет после замужества с одним из выдающихся членов фабианства Сиднеем Веббом.

Супружеский тандем Веббов явил собой исключительно органичный творческий союз, просуществовавший 50 лет. Мы склонны

---

[1] Данная работа не была нигде опубликована, однако ее выдержки приводятся в книге Webb B. My Apprenticeship... P. 340 – 342.

[2] Webb B. My Apprenticeship… P. 341 – 342.

согласится с исследователями фабианства и современниками Веббов, что это было предопределено. Так, Харрисон указывает на тот факт, что оба они были «воспитаны общей культурой, имели общие политические и социальные идеалы… и цели. Они оба были продуктом провинциальной буржуазной культуры, пророком которой был Герберт Спенсер»[1].

Между тем, их союз не был объединением партнеров с равной ролью. По отзывам людей, близко знавших обоих супругов, в научном сотрудничестве Сиднея и Беатрис последняя была ученым исследователем, тогда как Сидней был популяризатором научных выводов, достигнутых в основном его супругой, недаром именно он занимался активной лекторской деятельностью и входил в состав лейбористских правительств.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что на формирование личности Б. Вебб как ученого и общественной деятельницы оказали серьезное влияние те условия, в которых она воспитывалась с детства.

Недостаток общения как среди близких людей, так и сверстников в детском возрасте развил в ней способности к анализу, критическому отношению к действительности, что способствовало формированию потенциала исследовательницы.

Кроме того, круг знакомств в юношестве сформировал и теоретическую основу воззрений Беатрис.

Спенсер познакомил ее с позитивизмом, работа с Бутсом предопределила интерес к рабочему движению и ее становление как социалистки, а Чемберлен вынудил отказаться от традиционной для аристократического общества теории «сепаратных сфер». Союз же с С. Веббом явил собой яркий пример творческого тандема, в котором нашли достаточно полное преломление как существующие тогда в викторианском обществе стандарты гендерных отношений, так и новые модели поведения, во многом являвшиеся результатом успехов феминистского движения в Великобритании.

---

[1] Harrison R.J. The Life and Times of Sidney and Beatrice Webb, 1858 – 1905: The Formative Years. Chippenham, Wiltshire, 2000. P. 173.

А.Н. Егоров,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ВЗГЛЯДА НА ПОЛИТИКУ: А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС О ВЫБОРГСКОМ ВОЗЗВАНИИ

Одной из ярких участниц либерального движения в России в начале XX в. была А.В. Тыркова-Вильямс[1]. Вступив в конституционно-демократическую партию в момент ее основания, она до марта 1917 г. являлась единственной женщиной в ЦК ПНС, за что ее иронично называли единственным мужчиной в кадетском ЦК. В середине XX в. в эмиграции она написала интереснейшие мемуары о политической борьбе начала XX в., непосредственной участницей которой она являлась. При всем сходстве ее мемуаров с аналогичными воспоминаниями других участников либерального движения, в них есть особенности, присущие именно женскому взгляду на политику. Одна из этих особенностей – повышенный интерес к эмоциональным, психологическим мотивам политической деятельности. Если политики – мужчины, как правило, стремились найти рациональные объяснения своим поступкам, просчитать все свои действия с математической точностью, то женский взгляд на политику позволяет увидеть события с иного ракурса, что порой приводит к пересмотру некоторых устоявшихся представлений.

Рассмотрим это на конкретном примере. 10 июля 1906 г. кадеты в знак протеста против роспуска I Государственной думы приняли в Выборге знаменитое воззвание «Народу от народных представителей», вошедшее в историю под названием Выборгское воззвание. В нем содержался призыв к пассивному сопротивлению властям. Сразу после принятия Выборгское воззвание вызвало бурную дискуссию, как в самой кадетской партии, так и за ее пределами, тем более что даже многие подписавшие его из солидарности с товарищами, были с ним не согласны. Эти дискуссии привели к тому, что мотивы принятия воззвания стали трактоваться как современниками, так и историками, с рациональной, рассудочной

[1] См.: Шелохаев В.В. Ариадна Владимировна Тыркова // Вопросы истории. 1999. № 11–12.

точки зрения. Советская историография утверждала, что призыв к пассивному сопротивлению был для кадетов предохранительным клапаном для переведения потока народного возмущения в возможно более мирное русло[1]. Сильной стороной этой позиции была опора на мнение самого П.Н. Милюкова, который писал в эмиграции, что для кадетов «это была попытка предотвратить вооруженное столкновение на улицах Петрограда, заведомо осужденное на неудачу, дать общему негодованию форму выражения, которая не противоречила бы конституционализму, стоя на самой грани между законным сопротивлением нарушителям конституции и революцией»[2]. Однако нужно учитывать, что в эмиграции Милюков был вынужден постоянно отбиваться от нападок справа за радикализм кадетской тактики, доказывая, что кадеты не стремились к революции, а наоборот, делали все возможное для ее предотвращения. В этом смысле эмигрантские оценки Милюковым Выборгского воззвания очень напоминают оправдания, истоки которых необходимо искать в идейной борьбе 1906 – 1907 гг.

После роспуска I Государственной думы в условиях спада революции и постоянных нападок, как справа, так и слева, кадетское руководство стремилось встать на путь законотворческой, парламентской деятельности. Выборгское воззвание этой новой тактике явно мешало, но осудить его открыто было нельзя, поскольку это могло привести к расколу партии на правых и левых, бросало тень на первую Думу, ее председателя С.А. Муромцева, подписавшего воззвание, и в конечном итоге на саму кадетскую партию. Нужно было искать какое-то логическое объяснение воззванию. Соратник П.Н. Милюкова И.В. Гессен, вспоминая обстановку тех дней, писал: «Те, что не принимали участие в составлении, и, тем более, выступавшие противниками, тщательно воздерживались от упреков и прибегали к чрезвычайно сложному и запутанному плетению словес»[3]. Так и

---

[1] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 320.

[2] Самодержавие и либералы в революцию 1905–1907 годов / Сост. С.А. Алексеев. М. –Л., 1925. С. 80.

[3] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет //Архив русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. С. 235.

родилась идея объяснить причины принятия Выборгского воззвания рациональным желанием удержать массы от революции, впервые прозвучавшая в сентябре 1906 г. на IV съезде кадетской партии в докладе Н.А. Гредескула который говорил, что после разгона Думы кадеты должны были «предотвратить стихийное движение и хаотическую игру страстей, дать ему организованную форму и направить его на мирный и спокойный путь»[1].

В декабре 1907 г. состоялся судебный процесс над депутатами I Думы, подписавшими Выборгское воззвание. К тому времени положение кадетской партии ухудшилось – сократилась ее численность, резко уменьшилось количество мест в Думе, правые продолжали мощную кампанию травли либералов. В этих условиях кадетам нужно было защититься от нападок справа, показать, что они не революционеры. Именно этими обстоятельствами и были вызваны слова С.А. Муромцева на процессе о том, что лозунгом пассивного сопротивлением кадеты стремились «прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ»[2]. Эту позицию бывшего председателя первой Думы поддержали кадеты И.И. Петрункевич и Ф.Ф. Кокошкин утверждая, что целью принятия воззвания было удержать массы от революционного выступления.

Позднее в эмиграции видный кадет В.А. Маклаков так прокомментировал их слова: «Нельзя предположить, чтобы эти слова были неискренни, сказаны с целью склонить на свою сторону судей… Но их слова характерны, как иллюстрация самовнушения. Людям свойственна склонность приписывать себе задним числом предвидение того, что было для них неожиданно; в ошибках они признаваться не любят. Это новое объяснение манифеста было создано тогда, когда Выборгское воззвание провалилось… Стало заманчиво признаваться себе, а потом и другим, что и этот провал был, в сущности, только новой «кадетской победой». Эта легенда и была принята. Бесполезно разыскивать, кто и когда ее изобрел и кто ей поверил. Несомненно, что в Выборге о такой цели не думал никто.

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1997. Т. 1. С. 362.

[2] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. V. М., 1910. С. 119.

Бояться тогда приходилось не эксцессов, а равнодушия населения. Его хотели «взвинчивать», а не успокаивать»[1].

Правоту В.А. Маклакова можно оценить, обратившись к мемуарам А.В. Тырковой-Вильямс и др. участников событий, сопоставив их с опубликованными в «Красном архиве» протоколами Выборгских заседаний. Данные материалы показывают, что в дни принятия воззвания мотив удержать массы от революционного выступления не ставился и не рассматривался. Кадеты стремились призвать народ к конституционной борьбе за идеалы парламентаризма. М.М. Винавер ясно говорил в Выборге: «Народу надо указать путь к обратному завоеванию себе свободы»[2]. Эта же мысль повторялась и многими другими депутатами. Главным мотивом действий кадетов в Выборге были протестные настроения. Это кадеты неоднократно отмечали как до революции, так и в эмиграции. На Выборгском процессе Ф.Ф. Кокошкин говорил: «Мы, кого народ признал своими вождями, не могли молчать, это было бы актом бесчестным с нашей стороны – мы должны были говорить»[3].

В своих мемуарах А.В. Тыркова-Вильямс очень точно передала кадетские настроения, обратив внимание на психологические, а не на рациональные мотивы действий либералов: «Мне, как и многим другим, казалось невозможным, чтобы Дума приняла роспуск с покорной молчаливостью. После всех речей, обличений, обещаний, угроз, после взаимных клятв, которыми обменивались избиратели и избранники, как подчиниться роспуску без всякой попытки протеста, самозащиты?... Разве можно, после всего, что пережито перед Думой и в самой Думе, смиренно разъехаться по домам? Что скажет народ? Что скажут все, кто подписывал и присылал в Думу наказы с требованием земли и воли? Надо показать

---

[1] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. (Воспоминания современника). М., 2006. С. 311-312.

[2] Первая Государственная дума в Выборге / Под ред. А.А. Сергеева // Красный архив. 1933. № 2 (57). С. 87.

[3] Цит. по: Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С. 172.

правительству, что не все ему дозволено, а народу указать путь к сопротивлению»[1].

Подобные оценки давали и некоторые другие кадеты – участники подписания воззвания. Так, В.А. Оболенский вспоминал: «Политическая мудрость подсказывала простой выход из положения, который предлагал Милюков на фракционном собрании в Таврическом дворце: просто подчиниться указу и молча разъехаться по домам. Но этому мешала наша психология нравственной обязанности «борьбы до конца»… молчать мы не могли, просто заявить протест и разъехаться – не считали себя вправе. Мы чувствовали себя обязанными указать населению пути для борьбы за восстановление народного представительства, ибо были уверены, что добровольно правительство не созовет Думы»[2].

С данной точкой зрения полностью согласуется тот факт, что воззвание подписали многие кадеты несогласные с ним. Приведя все разумные доводы против воззвания, они все же присоединили свои подписи. Чем это можно объяснить кроме чувства солидарности с товарищами – только эмоциональным порывом, чувством протеста. М.М. Винавер описывает это следующим образом: «когда И.И. Петрункевич со свойственным ему душевным подъемом воскликнул: «Господа, бросим обсуждать дальше. Вопрос ясен; и не в редакции дело. Не разойдемся же отсюда, не совершив этого акта. Подпишем воззвание, как оно есть!», – раздался гром рукоплесканий, и всеми присутствующими овладел энтузиазм, ни с чем не сравнимый»[3]. Эта сцена полностью подтверждается протоколами Выборгских совещаний[4].

Таким образом, можно констатировать, что, направляясь в Выборг и подписывая там обращение «Народу от народных представителей», кадеты не думали этим шагом удержать массы от революционных выступлений, а стремились призвать население к

---

[1] Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 445.

[2] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 398.

[3] Винавер М.М. История Выборгского воззвания. (Воспоминания). Пг., 1917. С. 35.

[4] Первая Государственная дума в Выборге / Под ред. А.А. Сергеева //Красный архив. 1933. № 2 (57). С. 97.

борьбе мирным путем, исходя из вполне понятного чувства психологического протеста против действий властей. Как писала А.В. Тыркова-Вильямс, кадетами в те дни владели политические страсти, они «горели негодованием против тех, кто дерзнул посягнуть на первый русский парламент» и дали волю чувствам. Выборгское воззвание для нее – «одно из многих подтверждений того, что в острые моменты чувство имеет больше власти даже над рассудочными политическими деятелями, привыкшими думать, чем логические рассуждения»[1]. Лишь затем, когда страсти улеглись, а провал воззвания стал очевиден, кадетам понадобилось теоретически объяснить причины его принятия. Именно так и родилась мысль о стремлении воззванием остановить революционные выступления. Родившаяся в острейшей идейной борьбе 1906 – 1907 гг. и логически обоснованная П.Н. Милюковым в эмиграции, она была канонизирована советской историографией (редкий пример принятия советскими историками логики либералов) и остается признанной в современной исторической науке.

Историографические оценки Выборгского воззвания – типичный пример влияния идеологии на науку. Многие историки не обратили внимания на самое простое и естественное объяснение воззвания – психологический протест, и стали подводить под него теоретическую базу в зависимости от своих политических взглядов. В итоге позднейшие наслоения заслонили непосредственные причины принятия воззвания, тем более, что сами кадеты в лице П.Н. Милюкова немало способствовали этому историографическому парадоксу. Рассмотренный нами пример показывает, что обращение к женским мемуарам, к женскому взгляду на политику помогает существенно скорректировать сложившиеся представления.

Н.В. Обрезкова,
Новочеркасск, Южно-Российский государственный технический университет

[1] Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 445.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОЖАНОК В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА)

Одним из важнейших аспектов гендерной политики 1920-х гг. являлось стремление государства к включению женщин в политическую сферу. Особое внимание уделялось развитию женской общественно-политической активности, ликвидации юридического и фактического неравенства женщин в обществе. В 1920-е гг. государство не только призывало женщин к общественной деятельности, но и создавало механизм, позволяющий включиться в нее.

В 1920-е гг. женская политическая активность определялась участием женщин в работе женотделов, которые начали создаваться в 1919 г. при Областных комитетах партии. Основным направлением работы женотделов являлась активизация общественно-политической активности горожанок. С этой целью проводились митинги, лекции, женские съезды, конференции, собрания. По мнению Н.В. Тедеевой, несмотря на высокий уровень формализма в подобных общественно-политических кампаниях, они стали своеобразным социальным лифтом для женщин в плане реализации их общественно-политической мобильности[1].

Другим направлением работы женотделов являлось практическое решение социальных проблем женщин. В своей ежедневной практической деятельности женотделы участвовали в организации трудовых коллективов и столовых для безработных женщин, вовлечении работниц на курсы и школы фабрично-заводского ученичества[2]. Представительницы женотделов активно работали в различных комиссиях: по обследованию учреждений материнства и младенчества, по борьбе с абортами, по борьбе с туберкулезом, по изучению условий женского труда, в работе комитета «Общество друзей детей»[3].

---

[1] Тедеева Н.В. Женщины Северной Осетии в контексте модернизационных процессов 1920–30-х годов. Автореф. дис… канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. С. 25.
[2] ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 390. Л. 161.
[3] ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 3, 11а, 16, 21 г..

Главной формой работы партии и женотделов по организации широких женских беспартийных масс и привлечению их к общественной деятельности являлись делегатские собрания. Как самостоятельные единицы делегатские собрания организовывались при партийных ячейках на крупных фабриках и заводах, имеющих от 300 работниц и более, при районных городских парткомах для работниц мелких предприятий и учреждений. Делегатские собрания объединяли работниц, служащих и жен рабочих фабрик, домашнюю прислугу. Делегатки избирались на общих собраниях работниц предприятия, на общих собраниях служащих в учреждениях, на общегородских или районных собраниях домашней прислуги и жен рабочих (домашних хозяек).

В результате активных мероприятий партии и женотдела из года в год росло число делегаток. Так, по городам Ростову и Нахичевани было избрано: в 1922 г. – 109 делегаток, в 1923 г. – 404, 1924 г. – 470[1]. В г Миллерово в 1923 г. было 36 делегаток, а в 1924 г. – 83[2].

Каждое самостоятельное делегатское собрание должно было созываться 2 раза в месяц и включать в себя теоретическую и практическую части работы. В теоретической части делегатские собрания давали горожанкам минимум политических знаний: о структуре советов, о конституции СССР, о работе партии среди женщин, о задачах профессионального движения и т.д.[3]

Наиболее результативной была практическая часть деятельности делегатских собраний. Каждая делегатка принимала участие в работе секций собрания (профессиональной, кооперативной, охраны материнства и младенчества) или работала в городском совете в качестве практикантки. В практической секционной работе делегатки участвовали в различных массовых кампаниях, таких как трехдневник «Долой неграмотность», трехдневник помощи туберкулезным больным, беря на себя агитационную часть[4]. Активно делегатки привлекались к работе по борьбе с детской беспризорностью.

---

[1] ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 390.Л. 114.
[2] ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 27 б.
[3] К программам делегатского собрания работниц и крестьянок // Коммунистка. 1925. № 7. С. 32–35; ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.
[4] ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 16, 19.

Женщины проводили обследования детдомов, привлекали общественность к организации горячих завтраков для беспризорных, шили белье для детей[1]. Так, делегатки г. Шахт принимали участие в регистрации и обследовании беспризорных детей, в ремонте школ[2]. Делегатки г. Таганрога участвовали в разгрузке детских домов – им поручалась обследовательская работа родителей детей на предмет возможности отправки ребенка к родственникам[3]. Делегатки г. Новочеркасска участвовали в сборе детей с улиц города и распределении их по соответствующим учреждениям (больницам, детдомам, трудовым колониям)[4].

В целом мы можем отметить, что делегатские собрания явились основной формой реализации женской социальной активности в 1920-е гг. Именно посредством делегатских собраний женщины привлекались к самодеятельной творческой активности.

На протяжении 1920-х гг. наблюдался постоянный рост участия женщин в работе городских советов. Наиболее многочисленно женщины были представлены в составе Ростово-Нахичеванского горсовета: в 1924/1925 гг. женщины составляли 8%, в 1925/1926 гг. – 12%, в 1926/27 гг. – 14%, а в 1927/1928 гг. – 17% женщин[5]. Росло число женщин в составе пленумов, президиумов горсоветов. Так, в 1927 г. в работе пленумов горсоветов принимали участие 15% женщин, в 1929 г. – 21,6%. В составе Президиумов в 1927 г. – 8,7% женщин, в 1929 г. – 14,4%[6].

Женский состав горсоветов состоял из двух групп. В первую входили женщины-члены и кандидаты советов, во вторую – прикрепленные от женотделов делегатки-практикантки, которые пользовались равными правами. Одним из наиболее успешных участков в работе среди женщин являлось вовлечение их в

---

[1] ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 129.
[2] ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 41. Л. 3; Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 30 в.
[3] Делегатский институт крепнет // Молот. 1926. 5 февраля. С. 2.
[4] ЦДНИ РО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 13. Л. 14 об.
[5] Совещание работниц-членов горсоветов // Молот. 1927. 27 сент. С.3; Работница в перевыборах горсовета // Молот. 1927. 16 янв. С. 2; Женщина-работница на советской стройке // Молот. 1927. 4 окт. С. 5.
[6] ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.

секционную работу (коммунального хозяйства, народного образования, промышленности, здравоохранения, финансово-налоговую, жилищную). Женщины в большинстве своем входили в те секции, которые ближе затрагивали их бытовые интересы – здравоохранения, народного образования. Так, члены Ростово-Нахичеванского горсовета 8-го созыва (1926–1927 гг.) Ушакова, Панфилова, Федорова, Иванченко, Овчинникова, делегатки Полякова, Шаповалова, Кишко, Каирова в секции народного образования участвовали в подборе педагогического персонала на 1926/1927 гг., обследовали ряд учреждений профессионально-технического образования (в частности, Армянский техникум), участвовали в организации курсов для рабочих и вечерней совпартшколы[1]. Следует отметить тот огромный вклад, который вносили женщины в борьбу с детской беспризорностью: проводили агитацию среди широких масс населения о необходимости участия в борьбе с детской беспризорностью, устанавливали шефство над отдельными группами беспризорных, организовывали беспризорных в трудовые кустарные производственные артели, участвовали в дежурствах на вокзалах, совместно с детской инспекцией, для наблюдения за беспризорными[2].

В целом, в 1920-е гг. были достигнуты высокие результаты участия женщин в политических жизни региона. Большинство горожанок Дона активно пользовалось своими политическими правами, их представительство в местных органах власти возрастало на протяжении 1920-х гг. При этом публичная деятельность горожанок выходила за рамки их повседневного опыта. Женщины участвовали в решении не только своих специфических проблем, но и широкого круга вопросов, касающихся всех сфер жизнедеятельности города.

***О.В. Лабур*,**
Киев, Украинский центр гендерного образования при Национальном техническом университете Украины «КПИ»

---

[1] ГАРО. Ф. Р–1817. Оп. 1. Д. 133. Л. 78.
[2] ГАРО. Ф. Р–1817. Оп. 1. Д. 51. Л. 44; В комиссии по борьбе с детской беспризорностью // Трудовой Дон. 1923. 2 февр. С. 3.

ЖЕНЩИНЫ В КОНСТРУКТАХ ВЛАСТИ: ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНОТДЕЛОК КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ

Одними из наиболее ценных и информативных источников изучения женщин в конструктах власти являются воспоминания женотделок[1]. Они не только позволяют определить гендерную составляющую власти, понять степень свободы и политическую активность женщин во властных структурах, но и дают возможность выявить эмоциональные реакции женщин – представительниц власти, их переживания и оценку организации власти и ту нишу, что занимали в ней женщины. Воспоминания также раскрывают саму личность автора-женщины, способы ее самовыражения как «практик себя» во власти (в категориях М. Фуко)[2].

Создавались воспоминания женотделок в разные периоды, что определило их разницу как источникового материала. Нами найдены в архивах Запорожья, Николаева и Донецка воспоминания женотделок, написанные «по горячим следам» 20-х гг. и в более поздний период (60-е гг.), которые, возможно, по прошествии времени не так точны и свежи, однако отражают в авторском восприятии самые яркие события и ощущения, связанные с деятельностью женотделов. И, наконец, третья группа воспоминаний, конъюнктурно более заангажированая, вышла в печатном виде в конце 70-х – в начале 80-х гг.[3] Для этих воспоминаний характерна цензурная обработка и подача материала с удобной для власти позиции.

Воспоминания, прежде всего, позволяют понять, как женщины воспринимали категорию власти: как свою (женскую) или мужскую. По представленным материалам можно говорить о конструкте «мужской

---

[1] Так называли членов женотделов (Сквозь бурю времени. Воспоминания участниц революционного движения и социалистического строительства на Украине и в Молдавии. Кишинев, 1979. С. 276).

[2] Фуко М. Історія сексуальності. Том 2. Інструмент насолоди. Х., 1999. С. 40.

[3] Сквозь бурю времени… (Перевод на украинский язык вышел через три года: Крізь бурю часу. Переклад з рос. / Упор.: М.О. Левкович (кер. групи), М.І. Бєлова, О.П. Вєтко та інші. К.: Політвидав України, 1982).

власти» и комплементарной роли женщины в ней. На это указывает использование риторики «приказа», а не поставленной задачи при упоминании активности руководительниц женотделов, а также реакция на его выполнение – «на следующий день было выбрано 10 человек женщин и это было выполнено»[1]. Репрезентативным является и замечание о постоянной смене руководительниц женотделов. Представительница запорожского женотдела Горелик называет с 1919 по 1921 г. имена восьми женщин[2], которые сменились за это время. Заметим, что такая тактика присуща всей властной системе большевистской партии, большинство в которой было представлено мужчинами.

Целесообразно также анализировать описания женщинами реакции «власть предержащих» мужчин на включение первых в систему мужской власти. Судя по воспоминаниям, их спектр варьируется от подсмеивания с «бабской комиссии»[3] до препятствия женской «руководящей работе»[4]. При этом отметим, что в зависимости от времени создания воспоминаний меняется и эмоциональная реакция на восприятие мужчинами вхождения женщин во власть. Чем позже создан источник, тем уравновешенней становится оценка, а в печатных изданиях вообще исчезает эта тема. Наибольший интерес представляет описание руководительницы донецкого женотдела Н. Алексеевой, которая не только отметила негативные тенденции по выживанию женщин «товарищами, имеющими власть», но и показала, что довольно часто мужчины воспринимали женскую активность как доступность к телу женщины[5]. Описание реакции мужчин в воспоминаниях обозначает также степень свободы женщины в «мужской власти». Очевидным становиться противоречие, а то и конфликт женщин, входящих во власть, с мужчинами, ее имеющими. Заметим, что все описания касаются периода создания женотделов и

---

[1] Государсвенный архив Запорожской области (дальше – ГАЗО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 1.

[2] Там же. Л. 1–1 об.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Государственный архив Николаевской области (дальше – ГАНО). Ф. 4074. Оп. 1. Д. 320–а. Л. 6.

[5] Государственный архив Донецкой области. Ф.1. Оп.1. Д. 1826. Л. 6–7.

только в одном воспоминании Н. Макаровой говорится о том, что не восприятие женотделов как составляющей власти продолжалось до конца их существования[1].

Однако воспоминания показывают не только женщин в мужской власти, они также дают представление о власти женотделок над другими женщинами, об обозначении ими себя как властной группы, о стратегиях их поведения. Достаточно четко вырисовывается картина формирования этой группы: сначала инициатива принадлежала коммунисткам и наиболее активным беспартийным, а потом в нее включались также и прошедшие школу делегатских сборов. Определяется и разумение ими своей социальной и политической миссии. Обращает на себя внимание восторженное восприятие «прекрасных коммунистических перспектив»[2], связанных с решением женского вопроса, наивная вера в справедливую природу социалистического государства[3] и амбициозность женских инициатив на начальном этапе работы женотделов[4]. Примечательно, что оценивая свою дальнейшую работу, женщины все также придерживались идеалистической позиции. Фактически воспоминания представляют собой попытку соединить воспринятые женщинами эгалитарные идеи с существующей патриархальной практикой. Немногочисленные критические замечания касались больше «политической неграмотности, неумении общественно работать вообще»[5], а не патриархальной сути власти.

В соответствии с осознанием своей социальной и политической мисси в воспоминаниях конструируется и осмысление организации «женской власти» женотделов. Отсутствие ясности в реализации «заманчивых коммунистических идей об общественных кухнях, прачечных, яслях, школах» четко отразилось в непонимании «как же приступить к делу и с чего начать»[6]. Первыми вокруг комиссий по

---

[1] ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 23 об.
[2] ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 2.
[3] Там же. Л. 32.
[4] ГАНО. Ф. 4074. Оп. 1. Д. 274. Л. 25–26, ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 27.

[5] ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 2.
[6] Там же.

работе среди женщин были самоорганизации женщин в виде отдельных союзов (Союз домашних работниц, Союз синьки и краски, Союз печатниц, Союз иглы). Параллельно проводились доклады на «общих собраниях неорганизованной массы», из-за которых часто «проходили ссоры между мужем и женой»[1]. Наиболее инициативные коммунистки даже пытались организовать кружок по изучению Маркса и Каутского, правда «оказалось, что им это не по силам»[2]. Именно эти «первые шаги» в организации «женской власти» были действительно инициированы самими женщинами. В дальнейшем, с введением делегатских собраний, усиливается контроль власти над женотделами и их степень свободы в организации «своей» (женской) власти значительно ограничивается. Недаром в воспоминаниях делегатские собрания называются «школами коммунизма», а не женскими собраниями, так как их задача сводилась, прежде всего, к созданию опоры власти среди «широких масс женщин города и села»[3].

И, наконец, воспоминания позволяют, правда, незначительно уяснить, как другие женщины признавали, и признавали ли вообще, власть женотделок над собой. В этом смысле интересны воспоминания запорожской женотделки М. Харламовой. Автор отмечает, что определенная группа женщин, которую она называет «безграмотные, темные, забитые», мало интересовалась и не признавала женотделок. Однако, когда такие женщины попадали в тяжелые жизненные обстоятельства, то они «сразу находили женотдел, чтобы им помогли устроиться на службу, посоветовали как с мужем судиться и др. семейные дрязги»[4]. Итак, можем говорить о частичном восприятии власти женотделок и, прежде всего, ассоциировании их с «мужской властью». В то же время, воспоминания 60-х годов николаевских женотделок перечисляют фамилии тех, кто при поддержке женотделов выдвигался на руководящие должности[5], и уж совсем нет упоминаний о не восприятии женотделов. Наоборот, создается впечатление об

---

[1] Там же. Л. 15.
[2] Там же. Л. 16.
[3] ГАНО. Ф. 4074. Оп. 1. Д. 274. Л. 25.
[4] ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 30, 33.
[5] ГАНО. Ф. 4074. Оп. 1. Д. 274. Л. 25, 75, 79; Д. 579. Л. 6.

авторитете женотделов в обществе, что говорит, скорее всего, о тенденциозности источников, нежели об их объективности в этом вопросе.

Таким образом, воспоминания женотделок Украины могут быть использованы при анализе проблемы женщин в конструктах власти. Этому способствует как историческая тематика воспоминаний, так и их содержание. Однако необходимо учитывать время написания и конъюнктуру воспоминаний, когда авторы-женщины оставались приверженцами советского гендерного порядка, где власть все так же оставалась в руках мужчин. Заметим, что данный вид источников, при всех попытках показать власть женщин в советском обществе, все-таки отражает комлементарную роль женщин к роли мужчин.

Г.В. Моховикова,
Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

«НОВЫЙ КУРС» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

30-е гг. XX в. оказались судьбоносными не только для США, «но и для всей западной системы»[1]. Глобальная угроза второй мировой войны, обострение внутренних проблем и социальных конфликтов затрагивали глубинные социально-психологические, ментальные слои ноосферы Соединенных Штатов. Результаты реформ, составлявших существо «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, во многом зависели от того, насколько учитывались особенности позиций разных общественных групп, в частности, американских женщин. Как известно, феминистская революция в США началась позже, в 60-е годы, и она была «нацелена на радикальные изменения не только законодательства, но и основополагающих социокультурных (в том числе морально-нравственных) норм традиционных ролей женщин»[2].

Мы не ставим задачу исследовать социальное равноправие мужчин и женщин как комплексный универсальный принцип в его формально-юридическом аспекте. Взглянем на проблему утилитарно:

---

[1] Согрин В.В. История США. М., 2003. С. 110.
[2] Там же. С. 134.

какова была роль и формы участия женщин в социально-экономических и политических процессах, разворачивающихся в США в 1930-е гг.

В 30-е гг. в США наблюдается стабильная тенденция к росту числа женщин на выборных постах высшего эшелона исполнительной и законодательной ветвей власти как на уровне федерации, так и штатного правительства. Администрация Рузвельта преуспела в привлечении женщин к активной политической деятельности. «Франклин Рузвельт был разумным политиком, он понимал, что женщины могут укрепить позиции демократической партии как ведущей политической партии в 30-е годы. Именно в период реализации «Нового курса» был установлен своеобразный рекорд в представлении женщинам права реального участия в серьезной политике, подобного явления не наблюдалось в США вплоть до 1960-х гг.»[1].

В Демократической партии функционировала так называемая Женская ассоциация, возглавляемая Молли Дьюсон. М. Дьюсон была политиком серьезного уровня, ее имя стоит в одном ряду с такими деятелями «Нового курса», как Джеймс Фарли, Стефан Эрли, Луис Хоу. Благодаря Дьюсон «увеличилось представительство женщин в ключевых комитетах Демократической партии, она вдохновляла женщин на активное участие в политической деятельности партии»[2].

В американском конгрессе были влиятельные женщины-сенаторы, разделявшие экономические и социальные ценности «Нового курса». Из них следует отметить Глэдис Пайл, республиканку от Южной Дакоты, чья поддержка «Нового курса» Рузвельта базировалась на расчетах сугубо делового характера. Среди известных влиятельных фигур в высших эшелонах Демократической партии того периода выделялась Кэтти Карвей, она обладала собственным кредо, которое делало ее успешным кандидатом Демократической партии от Арканзаса на выборах в сенат на протяжении 30-х гг. Это кредо заключалось в твердом убеждении, что Демократическая партия должна стать партией простых людей в противоположность

---

[1] Fifty years later. The New Deal Evaluated / Ed.by H.Sitkoff. University of New Columbia, 1968. P. 116.
[2] Ibid.

республиканцам, которые представляли специальные интересы богатейших слоев общества, использовавших свой контроль над государством для личного обогащения. В нижней палате конгресса в 30-е гг. было более 20 женщин. Одной из ярких политических фигур в палате представителей была Жанетта Ранкин, штат Монтана. Ж. Ранкин работала в конгрессе над проблемой расширения возможностей женщин в избирательной сфере, а также она снискала уважение общественности своими антивоенными выступлениями. Однажды она в буквальном смысле слова разрыдалась в три ручья, доказывая во время выступления в конгрессе необходимость принятия антимилитаристских мер, тем не менее женская природа не была помехой в политической карьере Ранкин. В период предизентства Рузвельта две женщины добились избрания на пост губернатора штата: Нелли Тайла Росс победила на выборах в штате Вайоминг, и Мириам А. Фергюсон выиграла губернаторский пост в Техасе. Обе женщины представляли Демократическую партию. Таким образом, американское общество в 30-е гг., политический и государственный истеблишмент отражали и институциализировали активную роль женщин. Позднее Н.Т. Росс была директором Монетного двора в Казначействе США, возглавляла Комитет по исследованию проблем медицинского обслуживания и везде и всегда справлялась со своими обязанностями в высшей степени превосходно.

В администрации Ф.Д.Рузвельта 35 женщин являлись президентскими назначенцами и занимали серьезные посты в федеральной власти. Все они были не только сторонниками, но и проводниками политики «Нового курса» в годы «Великой депрессии». При непосредственном участии министра труда Френсис Перкинс был подготовлен законопроект о социальном обеспечении, который 15 августа 1935 г. официально стал одним из основополагающих законов, определившем развитие американского общества и экономики на весь оставшийся период XX в. Ф. Перкинс сыграла важнейшую роль в формировании блока социальных реформ «Нового курса» и была одним из лучших министров труда в истории США. Весьма успешной и громкой была карьера Жозефины Роче, политика из Колорадо, которая в 1934 г. была назначена помощником главы Казначейства США. Ж. Роче проявляла интерес к социальной жизни, ей были свойственны хозяйственная предприимчивость, практическая хватка. Впоследствии, после ухода из большой политики, она успешно работала в бизнесе:

Роче унаследовала угольные шахты отца, многое сделала в плане их модернизации и довела угольное дело до уровня стандарта в этой отрасли.

Ф.Д. Рузвельт произвел назначения женщин на высшие посты в дипломатической службе. В 1933 г. послом в Данию была назначена Руфь Брайан Оуэн, она была первой в истории США женщиной послом. Эффективной оказалась деятельность другой женщины-дипломата – У.В. Гарриман, назначенной послом в Норвегию в 1937 г. В высшем судебном органе США – Верховном Суде в 30-е гг. из 9 членов две были женщинами – Ж.Р. Клайн и Ф. Аллен.

Накануне Второй мировой войны ключевые посты в высших федеральных органах власти занимали 55 женщин, в целом во всех сферах власти было занято около 162 тыс. женщин. Элеонора Рузвельт считала, что женщины в политике работают эффективнее мужчин: «Мужчины относятся к политике как к игре. Они серьезны только перед выборами, в то время как женщины смотрят на дела серьезно всегда. Это проистекает из их чувства патриотизма и долга по отношению к стране»[1].

Одной из самых ярких женщин межвоенного периода была известная американская журналистка и писательница Дороти Томпсон. Она предупреждала в своих статьях об опасности прихода Гитлера к власти, являлась убежденным противником фашистского режима. Д. Томпсон была первым американским журналистом, высланным в 1934 г. из нацистской Германии. Ее называли американской Кассандрой, в 1939 г. «Таймс» назвал ее второй женщиной по популярности после Э. Рузвельт. Именно Томпсон была прообразом героини К. Хепберн в знаменитом фильме 1942 г. «Женщина года». Она была незаурядной личностью и действительно ничего не боялась. Д. Томпсон привлекала внимание общественности и политиков к вопросу о ревизии изоляционистских законов 1935–1937 гг. Она сотрудничала со многими неправительственными организациями, в частности, с «Национальной конференцией защиты мира», представлявшей 11 женских организаций. Эта организация вела серьезную агитацию за новую политику нейтралитета, установление экономического и финансового эмбарго на торговлю со странами,

[1] Roosevelt E. // Good Housekeeping. January 1940. P. 8–9.

нарушавшими пакт Бриана – Келлога. Антивоенная деятельность Д. Томпсон в условиях, когда госсекретарь К. Хэлл заявил, что «трудно предсказать, как сложится судьба законодательства о нейтралитете зимой 1938 г.»[1] приобретала особое значение. Д. Томпсон участвовала вместе с другими общественными деятелями США в выработке рекомендаций об установлении англоязычными странами 6-месячного моратория на войну.

Таким образом, ситуация 30-х гг. потребовала использования интеллектуального и творческого потенциала элиты женского населения США, которая много сделала для американской экономики, развития социальной сферы, способствовала осознанию обществом значимости и необходимости участия женского населения страны в ее успешном развитии.

Н.В. Досина, Я.О. Смирнов,
Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова

ПРОНАТАЛИСТСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

С точки зрения пронаталистской демографической политики, основополагающим звеном которой выступает рождаемость, резкое изменение социально-экономической системы в 1990-е гг., сопровождавшееся увеличением количества гражданских семейных союзов, рожденных вне брака детей и падением рождаемости в целом, может вызвать в прогнозируемом будущем серьезные социальные проблемы. Полностью представить создавшееся положение и, тем более, предсказать его результаты имеющиеся теории демографической политики, на наш взгляд, не в состоянии. Разработчики распространенной в социологии теории демографического перехода (ТДП) отрицают возможность регулирования уровня рождаемости вообще, а не только с помощью пронаталистской демографической политики. Сторонники нового

[1] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1938. Vol. 1. P. 60.

институционализма если и говорят о потенциальной возможности влияния на институт репродуктивного поведения семьи, то определяют способами и методами направляющего воздействия на него не государство, а гражданское общество, что в настоящее время сомнительно. Все исследования широкомасштабного характера, ориентированные на получение средних величин идеального и ожидаемого числа детей и на выяснение корреляций между ними и привычным набором показателей (уровнем дохода, образования), по справедливому замечанию А.И. Антонова, мало что дают для выяснения механизма репродуктивного поведения, конечных результатов такого поведения: они неспособны выяснить, что скрывается за его динамикой. На его взгляд, который мы разделяем, одним из перспективных подходов к исследованию современных демографических процессов может быть социокультурный подход, занятый анализом причин демографического развития и политических возможностей регулирования демографических процессов.

Социокультурный подход позволяет уйти от однофакторного объяснения изменений в социально-демографической реальности, будь то цивилизационный детерминизм С.П. Капицы[1] или институциональный детерминизм М.А. Клупта[2], обосновать и найти причинную обусловленность поведения человека в обществе, в том числе его репродуктивного поведения, выяснить возможности влияния на такое поведение. В его осуществлении большое значение имеют квотные исследования, подробный анализ всех компонентов репродуктивного поведения супругов в семье, позволяющий соотнести значимость вклада потребности в детях и условий жизни в итоговое число рождений. По нашему мнению, требуется такая организация исследований, где именно по типам потребности в детях, а не только по числу имеющихся детей производится группирование (не квотирование) семей. В сопоставлении с динамикой среднего имеющегося числа детей в семье и коэффициентов рождаемости

---

[1] Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 42–54.

[2] Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149.

показатели желаемого числа детей раскрывают тенденции интенсивности деторождения, а значит, возможность регулирования этих процессов. Следует иметь в виду, что сегодня вычислением средних величин и сопоставлением показателей желаемого числа детей с показателями социально-экономических характеристик социальные обследования населения ограничиваются, а сама система показателей желаемого числа детей не приспособлена к отражению особенностей репродуктивного поведения личности и семьи.

Представление трех основных элементов установок репродуктивного поведения: потребности в детях; разнообразных условий жизни семьи, то есть ситуации удовлетворения имеющихся потребностей в детях; итоговых результатов репродуктивного поведения или демографической структуры, – поможет выяснить, что скрывается за основными тенденциями. При этом необходимо иметь в виду, что потребности в детях образуют иерархическую систему. Ясно, что инструментарий глубокого социолого-демографического исследования выйдет за пределы сотни переменных.

Новая организация социологических исследований определяет два пути дальнейшего развития социокультурного подхода: пристальное изучение процесса ослабления потребности в детях[1] и изучение роста «набора» потребностей, в рамках которого та или иная потребность может снижаться на некоторое время. За этим должно последовать преодоление отголоска ТДП в государственной социальной и демографической политике – утверждения о том, что снижение степени удовлетворения экономических потребностей уменьшает уровень самой потребности в детях (желаемое число детей): в такой интерпретации потребность в детях прямо причисляется к материальным потребностям, хотя ясно, что улучшение условий жизни способно снять препятствия в движении к наиболее полному удовлетворению потребности в детях, а отнюдь не усилить эту потребность.

Отсутствие упоминания о гендерных различиях в организации социальной репродукции, в социальной структуре в целом ведет, по нашему мнению, к описанию любой социальной программы в чистом виде и в технократических терминах. Исследования гендерных

---

[1] Бобров М.Я. Законы развития общества. Барнаул, 1990.

отношений способствуют формированию в социологической науке нового подхода к институциональным условиям социальной регуляции и социальных действий, к видению структурной организации жизненных практик женщин и мужчин. Во-первых, социокультурные факторы, к числу которых относится гендерный фактор, позволяют рассматривать рождаемость как культурную категорию и определять реальные меры воздействия на нее; во-вторых, они расширяют возможности представления теоретико-методологических оснований репрезентации, конструирования и моделирования демографической политики, рассмотрения их в проекции взаимодействия политического и гендерного контекстов; в-третьих, они проясняют гендерные основания социально-демографической сферы, являющиеся предметом академического дискурса в социологических науках.

Уточним некоторые, характеризующие роль гендера как инструмента реализации пронаталистской демографической политики, моменты. В соответствии с теорией диспозиционной регуляции, разработанной на базе конкретных социологических исследований В.А. Ядовым[1], габитус как совокупность диспозиций является, с одной стороны, слепком с общественного порядка и общественных структур, а с другой стороны, источником импровизированных действий, приводящих к их изменению и к изменению социальной структуры. Иначе говоря, «Я» как центральная диспозиция и центральная установка личности осуществляет избирательное восприятие основных компонентов поведения, выбор стратегии и тактики поведения, целей и средств действий, различных по своей направленности. Чтобы понять особенности тех или иных поступков человека, его взглядов и прочих реакций, исследователю необходимо иметь представление о цельности и устойчивости образа «Я» у человека, об иерархической структуре «Я» и других параметрах уровня притязаний и уровня достижений личности. С помощью гендерных исследований проясняется вопрос о работе самого диспозиционного механизма: полагается, что индивид детерминирован дважды – импульсом своего физически «биологического бессознательного» и надличными языковыми кодами «социального

[1] Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М., 1995.

бессознательного». Как у Ж. Лакана в выводимой им структуре человеческой личности как сложном и противоречивом взаимодействии трех составляющих – Воображаемого, Символического и Реального[1], – Воображаемое – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и который играет важную роль его психической самозащиты. Символическое – сфера социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном ему обществе. Реальное – та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые не даны сознанию индивида в сколько-либо доступной для него рационализированной форме.

Развивающаяся в начале XXI в. интерпретативная парадигма показывает, что в современном обществе ввиду отсутствия социальных технологий изменения поведения сохраняется его социальная заданность: реализуется специфика практического сознания (все должно быть использовано, употреблено). Гендер понимается здесь как особый достигаемый статус, конструируемый социально-культурными, психологическими и другими средствами и показывающий себя как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, как сконструированная стратегия их социального поведения, практики, личности, как процесс «приписывания пола». Другой порядок представляется в ней как порядок не простого выбора человеком собственной модели поведения, а требование организации межличностных отношений, воплощающих равенство прав личности, бытие человека самим собой. Это уже требование качества жизни.

В России сегодня довольно часто идеализируется традиционная нуклеарная многодетная семья, в которой роли и функции определены как мужские и женские, не учитываются или маркируются как негативные другие виды семьи (неполная, встречающаяся, однодетная и прочие), рассматривается репродуктивное здоровье исключительно женщин, причем только фертильного возраста, по

[1] Лакан Ж. Разное. Имена Отца. Символическое, воображаемое, реальное. Пер.с франц. М., 2006.

отношению к которым сохраняется все же патерналистская социальная политика, не позволяющая обрести экономическую самостоятельность. Инкорпорирование гендерного подхода в социальную практику позволит, на наш взгляд, перейти от одномерного к многомерному толкованию процессов разработки и реализации социально-демографических процессов, учесть в пронаталистской демографической политике специфику гендерных групп, их потребности и интересы.

Д.В. Афанасьев,
Череповец, Череповецкий государственный университет

Женский суицидный терроризм (ЖСТ): стратегический выбор, идеологический императив, психологический феномен?

Женщины все чаще становятся ключевым стратегическим активом в сфере действия террористов-смертников. Они проводили акции в Израиле, Ираке, Индии, Ливане, Пакистане, России, Сомали, Шри-Ланке, Турции и Узбекистане; по разным оценкам, от 100 до более, чем 300 женщин с 1985 по сей день приняли участие в терактах, приведших к гибели почти 3000 человек[1]. Теракты, проведенные женщинами-смертницами, значительно более смертоносны, чем те, которые осуществили мужчины. Помимо количественного аспекта, однако, акции женщин террористов-самоубийц считаются особенно шокирующими, поскольку их действия нарушают гендерные нормы обществ, в которых они возникают. Представляется поразительным, что общество, столь патриархальное, к примеру, как чеченское, позволяет формироваться личности террористки-смертницы, что женщины отказываются от своей традиционно ожидаемой цели - дать жизнь и воспитание, и непосредственно вовлекаются в, пожалуй, самую мужскую деятельность - войну (и самоубийственные теракты).

[1] Оценки разнятся значительно в зависимости от принятой методики подсчета.

Сам термин «черные вдовы», введенный медиа для описания чеченских смертниц, позволяет предположить, что главной причиной идти на смерть для этих женщин является утрата их семей, личные трагедии, что женщины, которые решают для себя вопрос о суицидных атаках, в основном вдовы, чьи мужья и отцы и / или братья, дети были убиты в этой жестокой войне. Несмотря на значительное внимание средств массовой информации и науки, ЖСТ остается предметом, еще ожидающим всеобъемлющего исследования, способного дать убедительные результаты.

Феномен ЖСТ еще не получил достаточного внимания в основополагающем споре о причинах суицидного терроризма (СТ) вообще, который фокусируется на том, является ли СТ в первую очередь стратегией в борьбе против военной оккупации или же результатом культур, из которых он возникает. Хотя существуют разногласия о том, стратегия или идеология является основной движущей силой СТ, но мало сомнений в том, что он связан с тем или с другим.

Каждое из обществ, которые порождают ЖСТ, характеризуется как одобряющее специфические гендерные ценности, касающиеся роли женщин, традиционалистские и консервативные по своему характеру. Эти ценности включают сильный акцент на семейной роли женщин, высокая ценность придается супружеской верности, а сфера их влияния распространяется преимущественно на семью. Как ни странно, значительно большая летальность акций, осуществленных женщинами-смертницами, вытекает из ограниченных гендерных ролей, приписанных женщинам в социумах, из которых террористки вышли, увеличивающих их потенциал для внезапности и маскировки. Кроме того террористические группы не вербуют террористов-смертников на гендерно-нейтральной основе. Есть значимые демографические различия между террористами-мужчинами и женщинами. Женщины-террористки старше по возрасту и статистически чаще переживали убийство одного из членов семьи (в контексте конфликта), чем их «коллеги»-мужчины.

Но ЖСТ - как и СТ в целом - это движение, направляемое прежде всего стратегическими соображениями. Культурные факторы играют подчиненную роль, отражаясь в риторике и тактике рекрутирования террористических организаций, а также в индивидуальных мотивах женщин-террористок. В то же время

различные взаимодействия между стратегией и идеологией помогают объяснить эмпирические вариации в использовании женщин в качестве террористов-самоубийц.

По иронии судьбы, высокая эффективность ЖСТ вытекает из конкретных норм, регулирующих поведение женщин в обществе, где происходят все эти теракты. Социальные предрассудки о роли женщин влияют на эффективность женщин-террористок по трем направлениям - женщины вызывают меньше подозрений, лучше способны скрыть взрывчатые вещества и к ним применяются менее строгие меры безопасности. По крайней мере, на начальных этапах, когда ЖСТ применяется в том или ином конфликте, женщины не соответствуют стереотипному имиджу террористов. Поэтому они вызывают меньше подозрений. Факт, что афганские и иракские террористы-самоубийцы мужчины маскировали себя под женщин с целью проникновения в хорошо охраняемые полицейские участки, поддерживает это утверждение.

ЖСТ также может быть особенно эффективным с точки зрения его психологического воздействия на целевое государство. В области общественных наук хорошо обоснован тот факт, что женщины, как правило, менее жестоки, чем мужчины, менее склонны к совершению убийства и менее склонны к совершению самоубийства. Социальные убеждения, как правило, отражают эти представления. Это особенно вероятно, когда государство-цель имеет гендерные социальные нормы, в которых женщинам, как правило, отведены ненасильственные роли.

Как насильственный акт убийства-самоубийства, ЖСТ разрушает все эти убеждения, вызывая возмущение и недоумение в целевом государстве и генерирует большее журналистское внимание и медиа-освещение. Это повышает у целевого общества опасения по поводу будущей цены конфликта, и оно вполне может препятствовать способности целевого правительства бороться. В общем, терроризм женщин-самоубийц дает множество тактических преимуществ по сравнению с террором мужчин, о чем свидетельствует большая смертность от их терактов, большая частота терактов-покушений ЖСТ, а также бурная реакции публики и внимание СМИ, которое они вызывают. Эта эффективность есть результат гендерных норм общества, в котором происходят акты ЖСТ.

Светские организации, менее приверженные установленным гендерным ролям, являются первопроходцами в использовании ЖСТ и раньше принимают его. Большинство из этих групп поощряло участие женщин в терактах-самоубийствах при помощи дискурса, подчеркивающего важность для женщин проявить свою готовность поддержать цели группы подобно мужчинам[1].

Ни одна из чисто исламистских кампаний не включала террористок-самоубийц в течение 21 года после появления СТ. Хотя светские организации подчеркивали преимущества использования женщин в терактах, религиозные организации долгое время не поощряли их участие. Аргументы против ЖСТ принимали различные формы. Религиозные группы начали использовать женщин-террористок после того, как светские группы, вовлеченные в тот же конфликт (и, следовательно, конкурирующие за поддержку того же населения), дали пример использования террористок-смертниц.

В целом, данные показывают, что ЖСТ начался как главным образом светское явление. Значительно более высокий уровень участия женщин в светских террористических кампаниях внешне указывает на то, что ЖСТ является - и останется - в первую очередь светским явлением. Однако во многих случаях религиозные группы готовы использовать женщин-террористок после актов ЖСТ, совершенных «конкурирующей» группой. Взяв на вооружение ЖСТ, террористические организации могут эффективно удвоить аудиторию, из которой они вербуют исполнителей. Использование женщин-террористок также может укрепить массовую поддержку для террористической группы. Оно способствует поддержке со стороны женщин, расширяя социальную основу групп. Оно также свидетельствует о приверженности группы своим целям, о чем говорит

---

[1] Единственным исключением из этого правила кажутся чеченские сепаратисты. Они допустили, чтобы женщины стали активными участниками суицидных и не суицидных акций. Однако почти нет данных о том, что они объясняют борьбу в терминах равноправного участия женщин. Напротив, заявления лидеров чеченских террористов подчеркивали тот факт, что многие из смертниц действовали после гибели одного из членов семьи - как правило, мужа - в контексте этого конфликта.

готовность применить оружие - ЖСТ, который на протяжении долгого времени считался табу в свете роли, предписанной для женщин гендер-специфичными поведенческими нормами в их родных странах. Кроме того, учитывая, что многие из государств-целей террористов также поддерживают гендерные нормы, использование женщин-террористок может помочь в привлечении средств массовой информации и, возможно, в возбуждении симпатии к целям организации. ЖСТ не только эффективное оружие, но и хороший PR.

Но в отличие от светских групп, религиозные организации по-прежнему подчеркивают установленные гендерные роли, что выглядит попыткой с их стороны избежать отчуждения мужчин, составляющих основу групп.

Желание террористических групп достичь своих стратегических целей приводит их к адаптации своих организаций и дискурса ради максимального повышения шансов на успех. В рамках этого процесса стратегической адаптации террористические группировки - светские, а затем и религиозные - включают ЖСТ в свой арсенал.

Идеология по-прежнему играет важнейшую роль в качестве связи между стратегией группы и индивидуальными мотивами женщин. В частности, риторика о роли каждого из полов изменилась и в светских, и в религиозных группах, как следствие высокой эффективности ЖСТ, которая заставляла обе группы прибегать к нему. Это показывает податливость дискурса, которая контрастирует с жесткостью стратегических целей.

Идеология служит в качестве интерфейса между стратегическими целями каждой группы и индивидуальными мотивами отдельного террориста. Дискурсивно заботясь о своих потенциальных новобранцах, террористические организации в большей степени способны привлечь их, повышая тем самым эффективность группы и шансы на успех в достижении стратегических целей.

Для более эффективного достижения своих стратегических целей эти организации разработали набор тактик, направленных на женщин и использующих гендер-специфичную и религиозную риторику. Эта тактика часто нацелена на привлечение женщин, которые не смогли остаться верными нормам гендерного поведения в своих обществах.

Хотя не существует единого «профиля» женщин - террористок-самоубийц, можно посмотреть на их биографии и заявления лидеров террористов, чтобы определить общие закономерности рекрутирования. Террористы (любого пола) мотивируются соединением групповых стимулов - риторики о верности стратегическим целям группы - и индивидуальных мотивов. Специфично для мотивации женщин-террористок не то, что она более «личностная» и менее «политическая», чем у их коллег-мужчин. Напротив, похоже, что основной мотив и для мужчин, и для женщин проистекает из верности своему сообществу. Различие в том, как именно террористические организации связывают политические мотивы с определенным личным опытом, чтобы рекрутировать женщин-террористок.

Чтобы это осуществить, группы обоих типов адаптировали свой дискурс под конкретные индивидуальные мотивы потенциальных террористок-самоубийц (месть за себя и убитых близких, протест против иностранной военной оккупации и т.д.). Специфика этих индивидуальных мотивов вытекает из гендерных норм общества, в котором возникает ЖСТ. Родные общины женщин-террористок имеют сильные нормы, регулирующие ожидаемое поведение женщин, которые привязывают роль женщин к семейной жизни и быту и придают большое значение супружеской верности женщин.

Один общий индивидуальный мотив у женщин-смертниц – повторное принятие социальных норм поведения женщин, регулирующих поведение женщин в их родных странах, нормы, от которых они, как считается, отклонились. Эти нормы часто использовались террористическими организациями в качестве механизма рекрутирования для достижения своих стратегических целей.

В обществах, из которых происходят женщины-террористки, большое значение уделяется супружеской верности и материнской роли женщин. Эти мотивационные факторы относятся к действиям, которые либо угрожали сексуальной чести женщины, либо серьезно повредили ее способности создать свою семью. Путем фрейминга смерти одного из членов семьи как угрозы чести чеченских женщин террористические лидеры продвигают норму, что женщины должны совершить террористический акт для того, чтобы продемонстрировать свою приверженность делу группы. Другие отклонения от гендерных

норм - бесплодие, развод, изнасилование - это социальные стигмы. Обладание ими может угрожать чести женщине, объявляя, что она не в состоянии или не желает выполнять ожидаемые гендерные нормы. Женщины, которые осознают, что они отклонились, умышленно или неумышленно, от этих и других гендерных поведенческих норм своего общества, могут ощущать сильное давление к тому, чтобы заново подтвердить свою приверженность им.

Таким образом, одна общая индивидуальная мотивация для террористок-смертниц - это повторное принятие социальных норм поведения женщин, от которых, как они считают они отошли (или воспринимаются другими таким образом).

Этот вывод имеет важное значение для государств, регулярно становящихся мишенью для атак ЖСТ. Эволюция ЖСТ зависит от того, адаптируют ли государства-цели террористов свои оборонительные стратегии. Все более широкое использование женщин-террористок вполне может прекратиться, если государства-мишени террористов адаптируют свои оборонительные стратегии, ликвидировав преимущества женщин в достижении нежиданности и сокрытии взрывчатых веществ, до сих пор проявлявшиеся при проведении миссий смертниц. В этом случае кампании СТ, проводимые светскими группами, действительно могут стать гендерно-нейтральными с точки зрения выбора исполнителей, а кампании, проводимые религиозными группами, возможно, отменят свою политику в отношении женщин-террористок.

Если, однако, государства–цели не смогут разработать нейтральную в гендерном отношении политику борьбы с терроризмом, тактическое (и стратегическое) преимущество ЖСТ, скорее всего, сохранится, что приведет к продолжающемуся росту ЖСТ. К сожалению, учитывая характер большинства обществ-мишеней ЖСТ (и СТ в целом), вероятность того, что к женщинам будут применяться более эффективные меры борьбы с терроризмом, ничтожно мала, поскольку они нуждаются в полном пересмотре норм, регулирующих гендерное поведение.

Н.Ю. Олийнык,
Львов, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН УКРАИНЫ: УЧАСТИЕ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

В законодательных актах Украины декларируется равенство возможностей всех социальных групп общества для участия в политической жизни, право выбирать и быть избранным. В сентябре 2005 г. Верховным Советом Украины был принят Закон Украины «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», который вступил в силу 1 января 2006 г. В законе отмечается, что «государственная политика по обеспечению равных прав и возможностей женщин и мужчин направлена на утверждение гендерного равенства; недопущение дискриминации по признаку пола; применение позитивных действий, обеспечение равного участия женщин и мужчин в принятии общественно важных решений». Но результаты демократических выборов в законодательные органы власти подтверждают, что женщины в них представлены гораздо меньше, чем мужчины.

Целью данного исследования является гендерный анализ парламентских избирательных кампаний, которые происходили с применением пропорциональной избирательной системы для выяснения динамики участия в них женщин как кандидаток в депутаты. Анализ активности женщин в избирательных процессах дает возможность выяснить причины низкой представленности женщин в законодательных органах власти в Украине.

В современных исследованиях, посвященных избирательным кампаниям, был сделан гендерный анализ парламентских выборов в Украине в 1998 и 2002 гг.[1] В данном исследовании на основе данных Центральной избирательной комиссии и Верховной Рады Украины

[1] Гендерний аналіз українського суспільства. К., 1999; Femina Postsovietica. Украинская женщина в переходной период: от социальных движений к политике / Под. ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1999; Gender Issues in Ukraine. Challenges and Opportunities. Kyiv, 2003; Андреенкова А.В. Причины низкого представительства женщин в выборных органах власти в России и на Украине в 1990-е годы // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Степановой Н.М., Кириченко М.М., Кочкиной Е.В. СПб, 2003.

подробно проанализированы с точки зрения гендерного подхода избирательную кампанию 2006 г. и 2007 г.

В исследовании используется гендерный подход, сравнительный, статистически-аналитический, системный и аналитический методы.

Со времени провозглашения независимости Украины представительство женщин в Верховной Раде не достигало 10% (табл. 1).

Таблица 1. Состав депутатов Верховной Рады XII - XVI созыва[1]

Верховная Рада	Удельный вес, %	
	женщины	мужчины
XII созыв (1990–1994 гг.)	3,0	97,0
XIII созыв (1994–1998 гг.)	5,7	94,3
XIV созыв (1998–2002 гг.)	8,1	91,9
XV созыв (2002–2006 гг.)	5,1	94,9
XVI (созыв 2006–2007 гг.)	8,7	91,3
XVII созыв (выборы 30 сентября 2007 г.)	8,2	91,8

Гендерный анализ кандидатов в народные депутаты показывает определенный рост количества женщин, принимавших участие женщин в выборах в парламент. В 1994 г. доля женщин, выдвинутых кандидатами в народные депутаты, составляла 7,3%[2], в 1998 г. она уже составляла 10,35%, в 2002 г. она выросла до 19,55%, в 2006 г. осталась на уровне 19,1%, на внеочередных выборах 2007 г. – 19,23%[3], что может свидетельствовать об определенном повышении и

[1] Жінки і чоловіки в Україні: Стат. Збірник / Державний комітет статистики України; Відп. за випуск Ірина Калачева. К., 2001. С. 75; результаты за 2002 г, 2006 г, 2007 г. посчитаны на основе данных официального сайта Верховной Рады Украины – www.rada.gov.ua

[2] Вибори до Верховної Ради України: досвід та уроки / національний інститут стратегічних досліджень. Наук. допов. Вип. 25. К.,1994. С. 40.

[3] Подсчеты осуществлены на основе данных о кандидатах в народные депутаты с официального сайта Центральной избирательной комиссии Украины – www.cvk.gov.ua/

стабилизации активности украинских женщин. Хотя увеличение числа женщин-кандидаток не обязательно приводит к увеличению женщин народных депутатов

Причиной этого можно считать низкий уровень представительства женщин в списках партий и блоков с наивысшим рейтингом, а также удаленные от начала места женщин в избирательных списках. Об этом свидетельствуют первые пятерки избирательных списков, где все же с каждыми парламентскими выборами наблюдается определенный прогресс. Так, в 1998 г. в первых пятерках списков женщины были в 11 из 30 политических сил (36,7%), в 2002 г. – в 20 из 33 (60,6%), в 2006 г. – в 26 из 45 (57,7%), а в 2007 г. – в 16 из 20 субъектов избирательного процесса (80%)[1].

Уже традиционно в этом отношении отличается Партия зеленых Украины, которая в 2002 г. включила в свой список 25,8% женщин, в 2006 г. почти половину (45,98%), а в 2007 г. лишь 17,69% женщин. В 2006 г. первая десятка этой партии была наиболее паритетной – каждое второе место в избирательном списке было отведено женщине, но в 2007 г. в первую десятку была включена лишь одна женщина. Это свидетельствует не о четкой и постоянной гендерной политике партии, а об изменении технологии избирательной борьбы, когда ставка на привлечение женщин не принесла желаемого результата.

Наиболее широко, как правило, женщины представлены в списках партий и блоков левого направления, что можно объяснить главным образом традиционной приверженностью коммунистическому принципу представительства различных социальных и профессиональных групп в выборных органах власти[2].

7 из 45 избирательных списков политических партий и блоков, участвовавших в выборах 2006 г., возглавлялись женщинами, в 2007 г. женщины возглавляли 5 из 20 избирательных списков политических партий и блоков, участвовавших в выборах. Но прямой зависимости между возглавлением женщиной избирательного списка и

---

[1] Там же.

[2] Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. Москва, 2000. С. 25–26.

увеличением в нем представительства женщин, как правило, не наблюдается. Можно констатировать, что особенностью украинской политической жизни является то, что актуализация политики для наиболее активных и энергичных украинских женщин не означает актуализацию женщины и женского в украинской политике.

В избирательных списках политических партий и блоков четко прослеживается тенденция, по которой больше шансов попасть в избирательный список имеют женщины - члены соответствующих политических партий. Это подтверждают избирательные кампании 2006 и 2007 г. (89,6% и 84,3% женщин, соответственно, включенных в избирательные списки, были членами политических партий)[1]. Хотя в избирательные списки включали и известных беспартийных женщин с целью поднять рейтинг соответствующих партий или партийных блоков.

Можно согласиться с В. Фесенко, что одной из причин партийной структуризации парламента является то, что в условиях жесткой конкурентной борьбы значительно легче завоевать депутатский мандат, опираясь на партийную машину и ее финансовую поддержку[2]. Особенно это актуально в отношении женщин, которым нужно еще преодолевать патриархатные установки общества, доказывать не только свою состоятельность как политика и организатора, но и свое превосходство над конкурентами-мужчинами.

Итак, очевидно, что почти все политические объединения, которые участвовали в выборах в парламент, предоставляли женщинам и мужчинам различные возможности для политического участия и политической карьеры. Партийные списки по количеству женщин-кандидаток в народные депутаты от политических партий и блоков очень отличаются, что свидетельствует об отсутствии гендерной

---

[1] Подсчеты осуществлены на основе данных о кандидатах в народные депутаты с официального сайта Центральной избирательной комиссии Украины – www.cvk.gov.ua/

[2] Фесенко В. Динамика политического участия женщин: самоорганизация, политическое движение, вхождение во власть (1989–1998) // Femina Postsovietica. Украинская женщина в переходной период: от социальных движений к политике / Под. ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1999. С. 133–134.

политики в деятельности этих политических сил. Уровень представительства женщин в партийных списках фиксирует достаточно точно количественный показатель активного участия женщин в избирательном процессе, в борьбе за места в законодательных органах власти – 19–20%. Общий потенциал политической активности женщин не позволяет рассчитывать на существенное изменение гендерной структуры политической элиты Украины в пользу женщин.

Л.А. Воронова,
Стокгольм, Университет Седерторн, Центр исследований стран Балтии и Восточной Европы

ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ И ШВЕДСКИХ СМИ: МИФЫ И АНТИМИФЫ

Репрезентация женщин–политиков в средствах массовой информации считается важной проблемой среди исследователей во всем мире, поскольку находится на пересечении трех различных социальных арен - гендера, политики и коммуникации[1]. Будучи частью политического процесса, отражая и во многом формируя его, СМИ являются общественной сферой, где конструируется гендерный дискурс и где устанавливается взаимосвязь гендера и власти[2]. То, какими предстают женщины-политики в СМИ, сегодня особенно важно: по мнению ведущих российских медиа-исследователей, современный человек – человек медийный, и масс-медиа играют решающую роль в формировании гендерной повестки дня, представлении о гендерном контракте в том или ином обществе и в выработке гендерных

[1] Gender, Politics and Communication / Ed. by A. Sreberny, L. van Zoonen. New Jersey, 2000.

[2] Ross K. Women, Politics, Media. Uneasy Relations in Comparative Perspective. New Jersey, 2002; Noren J. Bilder av politiker. En studie av hur kvinnliga och mankiga politiker representeras, och genus och makt konstrueras, i Rapports nyhetssändningar under år 2001. Magisteruppsats, Stockholms Universitet, 2001.

стереотипов, как у молодых людей, так и у тех, кто относится к старшей возрастной группе[1].

Именно поэтому нам показалось интересным проанализировать то, как изображают женщин-политиков СМИ двух стран, где прослеживаются очевидно разные подходы к гендерному равенству во всех сферах и прежде всего в сфере политики – России и Швеции. По данным Всемирного экономического форума, на сегодняшний день Россия по уровню гендерного равенства в политической сфере стоит лишь на 99 месте в списке 134 стран, в то время как Швеция занимает одну из лидирующих позиций (4 место)[2]. По мнению политолога Н.А. Шведовой, в России монопольными владельцами политического процесса – через который осуществляются изменения в обществе – являются мужчины; не создан и национальный механизм по продвижению гендерного равенства[3]. Швеция же, напротив, описывается исследователями как «модель равенства», а политическая система страны – как система «государственного феминизма, продвигающая женские интересы в политических решениях[4].

В отличие от Швеции, где существует Министерство интеграции и гендерного равенства, Комитет по вопросам дискриминации, Омбудсмен по вопросам дискриминации, особый Закон против дискриминации и т.д., в России единственным полномочным органом, связанным с вопросами гендерного равенства, остается Комитет Государственной Думы по вопросам женщин, семьи и детей, а закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» по-прежнему остается лишь законопроектом. Схожая ситуация и в сфере

---

[1] Интервью с Н.И. Ажгихиной, Секретарем Союза журналистов России, Сопредседателем Ассоциации журналисток России, членом Гендерного совета Международной Федерации журналистов. Москва, 12.04.2010.

[2] The Global Gender Gap Report 2009. World Economic Forum / Ed. by Hausmann R., Tyson L.D., Zahidi S. Geneva, 2009.

[3] Шведова Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М., 2002.

[4] Bergqvist C., Adman P., Jungar A.–C. Kön och politik. Kristianstad, 2008.

регулирования гендерного баланса в контенте СМИ: в то время как российское законодательство о СМИ и этический кодекс журналистов требует серьезных дополнений для того, чтобы данная проблема действительно стала считаться серьезной в медиа-сфере, в Швеции существует целый ряд самоограничений, созданных медиа-сообществом для регулирования гендерного баланса на страницах газет и телевизионных экранах.

Сравнивая вербальные образы женщин–политиков, сконструированные на страницах качественных печатных изданий двух стран, мы обратили внимание на то, что зачастую эти две системы образов настолько различны, что мы позволили себе говорить о двух антонимичных моделях – «мифах» и «антимифах». Концепция «мифа» широко используется исследователями гендера в политике и СМИ. Они представляют миф как сконструированную образную систему, (вос)производящую традиционные гендерные стереотипы[1]. Подход российских СМИ в целом построен именно на их использовании, поэтому мы говорим о системе мифов о женщинах-политиках, созданных российскими СМИ – мифов, позволяющих традиционным стереотипам укорениться и развиваться. Шведский же подход характеризуется стремлением к гендерному балансу, порой чрезмерным акцентом на гендерных проблемах и вопросе политической активности женщин. Такой подход может даже быть обозначен как «позитивная дискриминация»: шведские журналисты часто продолжают видеть в политических женщинах меньшинство, однако такой подход может оцениваться как предпочтительный. Именно поэтому мы назвали систему образов женщин–политиков, созданную шведскими печатными изданиями, системой «антимифов»: они позволяют подвергать сомнению традиционные гендерные роли и формировать положительное отношение к женщинам-политикам у читателей. Тем не менее, мифы и антимифы остаются лишь моделями «гендерирования» (gendering), где используются различные призмы и механизмы конструирования образов женщин-политиков. Для анализа использовались следующие издания. Среди российских СМИ в нашу выборку попали такие ежедневные общественно-политические

[1] См., напр.: Dyer G. Women and Television: an overview // Women's Studies. A Reader. Cambridge, 1993.

издания, как газеты «Известия», «Новые известия», «Время новостей», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Российская газета», деловые издания «Газета» и «Ведомости», а также еженедельник «Новая газета», журналы «Профиль», «Эксперт» и «Русский Newsweek». Из широкого ряда печатной продукции Швеции мы выбрали такие издания, как общественно-политические газеты «Дагенс Нюхетер», «Свенска Дагбладет», «Гетеборгс-Постен», «Сюдсвенскан», деловая газета «Дагенс индустри», а также еженедельное издание «Веканс Афферер». При анализе мы использовали как печатные версии изданий, так и их электронные архивы.

Российские СМИ

Миф №1

Внешность важна для любой женщины. Так ли важно, что она говорит, если она потрясающе/отталкивающе выглядит?

Миф №2

Женщина должна оставаться женой и матерью. Можно ли совместить политическую карьеру и семейную жизнь? («Что скажет муж? На кого оставить детей?») Станет ли она «матерью» и «верной женой» для граждан своего государства?

Миф №3

Раз уж женщину допустили к власти, она не имеет права на ошибку. Если она плохой политик, это потому, что она женщина. А если хороший политик, значит, она «ненастоящая» женщина, не способная устроить личную жизнь.

Миф №4

Политика – грязное дело, а женщина так чиста… Место ли женщине в политике?

Миф №5

Женщина в политике – экзотика, а значит и истории о ней в СМИ должны подчеркивать необычность ситуации: она должна рассказать аудитории про сложность прихода во власть, оскорбления со стороны мужчин-коллег. Причем приход женщины в политику – внесение дисбаланса в устоявшуюся картину мира.

Миф №6

Женщина не может прийти в политику самостоятельно: ее обязательно должны поддерживать влиятельные мужчины-политики.

Шведские СМИ

Антимиф №1

Внешность важна для любого политика – как часть его/ее имиджевой стратегии.

Антимиф №2

Любой политик, а в особенности женщина-лидер, должен влиять на мнение «обычных» женщин об их роли в обществе и пропагандировать активное участие женщин в общественной жизни.

Антимиф №3

Женщина-политик – действительно женщина. Но пол может и должен стать позитивным отличием, позволив женщине прийти к власти. При этом критиковать женщину-политика за то, что она женщина, – несправедливо.

Антимиф №4

Женщины-политики – не единая группа, все они очень разные, и их должно быть в политике больше. При этом приход женщин к власти не всегда связан с волной феминизма. А в политике все должны подчиняться одним законам, не взирая на пол.

Антимиф №5

Достижение равенства и равноправия – важнейшая задача любого государства. Женщина-политик должна перестать быть экзотикой.

Антимиф №6

Женщина в политике – «агент изменений». Она приходит во власть для того, чтобы изменить свою страну (и мир) к лучшему.

Исследуя контент средств массовой информации разных стран, можно сделать вывод, что большое влияние на ту «призму», сквозь которую журналисты видят и показывают реальность, оказывает наличие или отсутствие механизма регулирования проблемы гендерного равенства как в политической, так и медийной сфере. Если шведский подход к изображению женщин-политиков можно считать спорным (они используют концепцию «гендер-как-отличие» и акцентируют внимание аудитории на данном вопросе при помощи приемов позитивной дискриминации), то журналисты российских СМИ далеко отстают от своих шведских коллег по уровню гендерной культуры. Российским СМИ предстоит пройти долгий путь для того, чтобы развенчать собственные мифы и научиться изображать новых политических героев - женщин – без использования сексистских стереотипов. И возможно, однажды можно будет сказать, что женщины-политики в мире обладают реальной властью – тогда, когда

произойдет их «воцарение» в «четвертой ветви» власти, средствах массовой информации.

Н.В. Досина,
Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Избиратели отождествляют свои позиции, предпочтения, как правило, с личностными убеждениями политических лидеров. Это обязывает к исследованиям политического имиджа, процесса его конструирования и продвижения. Поскольку созданием имиджа политика чаще всего занимаются средства массовой информации, предполагается учитывать особенности СМИ в политической коммуникации. Наиболее интересным представляется процесс конструирования и продвижения действенного имиджа женщины–политика, способный изменить электоральное поведение россиян, предпочитающих сегодня кандидатов-женщин в исключительных случаях, как бы ни были велики заслуги зрелых женщин–политиков.

Отечественная литература первого десятилетия XXI в. пополнилась, пожалуй, множеством работ, исследующих проблему формирования имиджа политика (Г.Г. Почепцов, Е.Б. Шестопал, В.М. Шепель и др). В работах С.Г. Айвазовой, Г.Г. Силласте, Н.А. Шведовой, О.А. Хасбулатовой вскрываются стили женского лидерства, пути женщин в политику. Влияние же СМИ на процессы конструирования политического имиджа женщины пока не отражается в исследованиях. Видимо, тенденция изменения отношения к женщинам во власти не стала еще столь заметной, чтобы побуждать к мониторингу и вполне зримым результатам и рекомендациям. Тем не менее такая тенденция существует, ее, на мой взгляд, следует представлять и отстаивать, не забывая о ее действии в условиях борьбы за власть и контроля над предпочтениями.

Побудительной причиной вхождения женщин во власть стало в начале настоящего века поддерживаемое официальными государственными документами движение женщин в сферу предпринимательства и, в связи с этим, довольно крупные проблемы

недостатка их участия в принятии государственных решений. Тут же следует оговориться о том, что попадающие во власть женщины связаны в основном с системами образования, здравоохранения, а прилагаемые ими властно-управленческие усилия в решении данных вопросов кажутся незаметными. Этим, на мой взгляд, пользуются средства массовой информации, в этом случае манипулирующие сознанием граждан и взывающие к оценке не профессионализма, а внешней привлекательности, манере и стилю поведения идущих во власть женщин, их умению сотрудничать (в данном случае – соглашаться) с мужчинами–политиками. Зачастую средствами массовой информации используются технологии моделирования деструктивного имиджа женщины–политика, поддерживаются распространенные и, как правило, устаревшие гендерные стереотипы.

Если основываться на защищаемой Е.В. Кудряшовой классификации видов политического представительства, то, действительно, следует видеть в России «победу» субстанционального представительства над дескриптивным. Иначе говоря, представительство в современной России основано не на совпадении политической линии лидера с взглядами его избирателей, а на согласии с тем, чтобы интересы женщин как социальной группы в политике выражали мужчины. В определенной мере это оправданно: у мужчин огромный политический опыт, видение перспектив, свобода, связи. С другой стороны, время ставит другие задачи, отрицает впадание в крайности. Видимо, необходимо признать, что у женщин – несколько иная модель политики и основанных на ней отношений, причем не оппозиционная политической системе, а по-иному связанная с ней. И дело в предложениях различных групп женского населения обществу, которое может прагматично воспользоваться их многообразием и устойчиво востребовать все типы отношений и специализацию каждой стороны - участницы политики, на той или иной функции. Поэтому признаком здоровой прессы, полновесной и полноценной политической коммуникации, на мой взгляд, является в этих условиях моделирование имиджа женщины–политика с учетом социокультурной стратификации

Лучшему пониманию политического лидерства, его гендерных аспектов служит, на мой взгляд, концепция развития многообразных связей, возникающих между социальными группами, а также внутри них в процессе их политической жизни и деятельности, ставшая

центральной для Ю. Хабермаса. Задачи политической практики Хабермас определяет следующим образом: преобразовать конфликтное поведение, регулируемое нормами, руководствующееся реализацией собственных интересов, в стратегическое действие, регулируемое ценностями, ориентированное на взаимопонимание; преодолеть положение, сообразно которому легитимность понимается всего лишь как «фактическая, просто социальная значимость, противополагаемая идеальной значимости, в то время как действие, исходящее из конкретных обязанностей, считается теперь чем-то гетерономным, противостоящим автономии».

В соответствии со своей позицией и исследуя мир политической коммуникации, Ю. Хабермас обращается к категории «жизненный мир». Жизненный мир, по его мнению, направлен на поддержание индивидуальной и социальной идентичности, организовывая действия вокруг принятых ценностей, устанавливая возможности согласия в кризисных ситуациях. Политическая же коммуникация, берущая начало в ресурсах жизненного мира, а не созданная лидерами и партиями, должна, по его мнению, защищать границы жизненного мира и его интересы. Но коммуникативное действие, выполняя задачи социальной интеграции, само по себе не способно, по мнению автора, обеспечить ее стабильность. Кроме этого, оно наталкивается на действия граждан, ориентированных на собственные интересы. Хабермас подчеркивает, что компенсацией низкого уровня организации автономных объединений общественности неэкономического и негосударственного характера должна стать четко оформленная структура демократического правового государства. Но абсолютная позитивность права требует легитимации, критической проверки существующих норм и ценностей. Норма, в идеале, легитимна только тогда, когда свободно признана каждым членом сообщества. Поэтому право рассматривается Ю. Хабермасом как постоянно длящаяся беседа общества с самим собой. Такое согласованное право и является, по мнению Хабермаса, каналом коммуникативного действия. Описывая взаимоотношения «системы» (то есть институтов общества) и «жизненного мира» (то есть повседневности), Хабермас полагает, что теоретически важно дифференцировать их, отделить друг от друга. Слишком велико значение того, что субъекты владеют культурными направлениями, определяющими область историчности, и оспаривают друг у друга

контроль над ними, сложен конфликт, разделяющий людей на тех, кто является субъектом, хозяином этих культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие и стремится освободить их от влияния общественной власти[1].

Суждения Ю. Хабермаса и его выводы о том, что общество должно объединяться не системой вещей, комфортом, целерациональностью, составляющими основу легитимации, а социальной организацией, реальными институтами, организующими поведение людей, вызывает безусловный отклик. Впечатляет и то, как критически оценивает Хабермас простоту коммуникативных связей, видя их назначение не в «искажении восприятия», а в глубоком и продуманном участии в формировании предпочтений граждан.

Заслуживают внимания и взгляды М. Фуко, обращенные к происходящей в современном обществе борьбе за власть, интерпретации различных идеологических систем. При этом «господствующие идеологии», завладевая индустрией культуры, то есть средствами массовой информации, навязывают гражданам, по его мнению, сам образ мышления, отвечающий потребностям этих идеологий. Тем самым эти идеологии якобы существенно ограничивают способность индивидуумов осознавать свой жизненный опыт. Сам факт складывания субъективности человека является, подчеркивает М. Фуко, своеобразной формой духовного рабства. Одновременно автором движет стремление понять, как именно историческое многообразие легитимных половых идентичностей и половых практик оказалось сведенным к жесткому противопоставлению нормы и отклонения, к определению социального местоположения человека жесткой сексуальной матрицей. Он пытается понять половое различие как институционализированное следствие возможности дискурсивно обозначить сложившийся режим властных отношений[2]. М. Фуко, несомненно, прав в утверждении, что знание не может быть нейтральным, являясь продуктом властных

---

[1] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. Под ред Д.Б. Склярнева. СПб., 2000. С. 255.

[2] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

отношений. Прав он и в том, что современная индустрия культуры, отказывая человеку в адекватном средстве для организации его собственного жизненного опыта, лишает его необходимого языка для понимания им как самого себя, так и окружающего мира.

Подобным образом, отмечу, рассуждают американские исследователи К. Оффе и У.К. Пройс, подчеркивая, что и широкое распространение права голоса, и развитая социальная политика сопровождаются все же политическим отчуждением граждан. По их мнению, любое использование бинарных кодов (таких, как труд и капитал, мужчины и женщины, они и мы и т.д.) кажется безнадежно неадекватным и вводящим в заблуждение, их применение в качестве руководства на пути формирования политических предпочтений остается весьма ограниченным. Никакой набор ценностей и никакая отдельная точка зрения не могут претендовать на правильность и ценность сами по себе. Их можно оценивать лишь на сравнительном уровне, с учетом многих других позиций и оценок. И дело, по их словам, не столько в понимании задачи обучения действующих в рамках гражданского общества лиц принятию хорошо продуманных решений, сколько в формах организации этого обучения, – открытом и постоянном процессе обучения предпочтениям. Важен открытый и постоянный процесс обучения самим предпочтениям как дело, пишут авторы, определяемое в самом процессе обучения[1]. По моему мнению, это и должны учитывать средства массовой информации, в этом они и должны участвовать, формируя имиджевый образ политика, в том числе и особенно – женщины-политика.

Тогда из существующих теорий лидерства (теории черт, ситуативно-личностной теории, теории ситуационного анализа, интегративной теории) наиболее подходящей для анализа поставленных здесь вопросов представляется интегративная теория лидерства, которая учитывает взаимовлияние лидера и электоральных групп и акцентирует внимание на тактике формирования портрета: способе выдвижения, биографии, окружении лидера, оппонентах, поведении. Эта теория предлагает коррекцию

---

[1] Оффе К., Пройс У.К. Демократические институты и моральные ресурсы // Современная политическая теория / Авт.–сост. Д. Хэлд. М., 2000. С. 237.

имиджа политика, основанную на анализе электоральных предпочтений, выявляемых целевыми опросами и мониторингом СМИ. И политика тогда, действительно, предстанет как информационно-коммуникативная система, а СМИ – как ведущий канал формирования и тиражирования имиджа политика.

О.В. Смирнова, М.А. Севелова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Политическое участие женщин остается одной из важнейших проблем демократического общества. Женщины, идущие в политику, по-прежнему испытывают давление и со стороны коллег–мужчин, и со стороны избирателей. Гендерная принадлежность зачастую оказывается «потолком», не дающим женщине возможности пробиться к высотам политической карьеры. Именно поэтому представительство женщин во власти по-прежнему весьма невелико, и они редко занимают ведущие посты и руководящие должности во властных институтах и органах.

Одним из важнейших препятствий успешной политической карьеры женщины являются устоявшиеся в обществе гендерные стереотипы и гендерная система в целом с укоренившимся в ней неравенством полов. Поскольку роль руководителя воспринимается в обществе как мужская, женщине трудно в полной мере удовлетворить ролевые ожидания.

В такой ситуации особенно актуальной становится проблема гендерного аспекта политического имиджа. Именно для женщины выбор правильной имиджевой стратегии продвижения во власть особенно важен, так как для достижения успеха в политической карьере ей приходится непременно учитывать тот спектр мнений о роли и месте женщины во власти, которые сложились в обществе, и формировать свой политический имидж на их основе.

Для преодоления гендерных стереотипов женщины-политики избирают различные стратегии позиционирования. Некоторые из них стремятся соответствовать ожиданиям, предъявляемым большей частью общества женщинам-политикам, и ограничивают свою деятельность в рамках так называемой «женской повестки дня»,

занимая в политике только ту «второстепенную» сферу, которая уготована общественным мнением женщине (образование, здравоохранение, социальная политика и т.д.). Другие же предпочитают «ломать» стереотипы и выбирают активные стратегии, усваивая «маскулинный» стиль поведения и доказывая свой профессионализм и право на равенство с мужчинами.

Изучив политические имиджи, пути карьерного роста и особенности публичного поведения успешных женщин–политиков России, мы можем выделить пять основных имиджевых стратегий продвижения женщин во власть: «леди босс», «бой–баба», «светская львица», «профи» и «женщина–мать».

Представительница политического имиджа «леди босс», как следует из его названия, в политике занимается управленческой деятельностью и является успешным руководителем. В своей политической карьере «леди босс» позиционирует себя наравне с мужчинами. Она самоуверенна, требовательна к себе и подчиненным, категорична, настойчива, авторитарна; внешне элегантна и женственна, стремится выглядеть безупречно. В политику «леди босс» часто приходит по номенклатурной линии, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице. По долгу службы «леди босс» вынуждена часто появляться на публике, принимать участие в различных официальных мероприятиях, церемониях и т.д., поэтому она, как правило, не пытается уйти от публичности. К этому типу имиджа мы можем отнести губернатора Санкт-Петербурга В. Матвиенко, вице-спикера Государственной Думы РФ Л. Слиску.

Женщина-политик с имиджем «профи» обладает высокой квалификацией в той сфере, в которой работает, и делает в этой сфере успешную карьеру. Как правило, это отрасли, требующие большого уровня образования, знаний и опыта: экономика, финансы, промышленность, внешняя политика и т.д. Она не стремится к публичности, даже избегает ее, выступает только по вопросам своей компетенции. Женщина-«профи» спокойна, уравновешенна, неконфликтна, но способна отстоять свою позицию; во внешнем облике предпочитает деловой стиль без признаков женственности. Эту имиджевую стратегию использует, например, министр экономического развития РФ Э. Набиуллина, депутат ГД РФ О. Дмитриева.

Представительница имиджа «бой–баба» активно выступает на публике, стремится высказать свою позицию по любому поводу. Она

постоянно участвует в различных полемиках, дебатах, общественно-политических ток-шоу и т.д., при этом выбирает активную и бескомпромиссную стратегию ведения спора, прямолинейна и категорична. «Бой-баба» зачастую оказывается замешанной в политических дрязгах и скандалах, конфликтна, как правило является ярым оппозиционером. Пример такого имиджа – депутат ГД РФ Е. Драпеко, политик В. Новодворская.

Женщина-политик с имиджем «светская львица», как правило, приходит в политику из «публичных сфер» и занимается проблемами, связанными с ее предыдущей деятельностью (культурой, спортом, молодежной политикой, СМИ и пр.). Она активно ведет «светскую жизнь», нередко становится героиней светских сплетен и «желтой прессы». «Светская львица» уделяет большое внимание своему внешнему виду, всегда привлекательно выглядит, обаятельна и элегантна и умеет использовать это в своих целях. Она умеет легко находить общий язык с разными людьми, налаживать контакты, мягка и неконфликтна, предпочитает действовать скрыто, часто хитростью. «Светские львицы» в российской политике – это депутаты ГД РФ А. Кабаева, С. Хоркина, А. Буратаева.

Представительница последнего типа политического имиджа – «женщина-мать» – приходит в политику из традиционно «женских» сфер и курирует вопросы так называемой «женской повестки дня» (социальная защита, права детей, пенсионеров, инвалидов, проблемы образования и здравоохранения). «Женщина–мать» не стремится к публичности, но с готовностью выступает по вопросам своей сферы, любит рассказывать о своей семье и увлечениях. В одежде предпочитает классический стиль, выглядит скромно и неброско, стремиться создать образ отзывчивой, заботливой, мягкой и добросердечной женщины. Пример такого имиджа – депутат ГД РФ Е. Лахова, советник Президента РФ Э. Памфилова.

Как мы видим, политические имиджи женщин существенно различаются между собой. Для достижения успеха в политической карьере женщины выбирают разные стратегии, которые условно можно разделить на две большие группы: позиционируя себя на политической арене, женщина либо стремится опровергнуть существующие гендерные стереотипы, либо пытается соответствовать им и использовать их в своих целях.

По первому пути идут женщины, выбравшие «маскулинные» имиджевые стратегии «леди босс», «профи». Они ставят себя наравне с мужчинами и на протяжении всей своей политической карьеры пытаются доказать, что женщина также может быть эффективным управленцем и профессионалом в своем деле, что такие характеристики, как стремление к лидерству, рациональный ум и твердая воля, свойственны не только мужчинам. Они не используют свою принадлежность к «слабому» полу для реализации своих карьерных интересов и достигают успеха благодаря своим профессиональным качествам и внутренней мотивации. При этом если «леди босс» в своем политическом имидже делает акцент на умении женщины руководить, ее авторитетности у подчиненных, то «профи» опровергает стереотип о том, что уровень профессионализма и умственных способностей у женщины ниже, чем у мужчины.

Женщины, избравшие для достижения вершин политической карьеры «фемининные» имиджи: «светская львица» и «мать», – напротив, выстраивают свое политическое поведение на основании ряда существующих в обществе гендерных стереотипов. Так, «светские львицы» активно используют такие стереотипы о женщинах, как их эмоциональность, дружелюбие, обаяние, умение находить контакт с людьми и т.д. «Львицы» умело пользуются своими внешними данными, умением общаться и «женской» хитростью в своих политических и карьерных целях. Зачастую являясь известными и успешными в других сферах деятельности людьми (в кино и театре, балете, спорте, на эстраде и т.п.), они легко завоевывают как интерес со стороны коллег-политиков, так и популярность у избирателей. Имидж «женщины–матери» также подчеркивает гендерную принадлежность политика, однако апеллирует уже к традиционным «женским» чертам: добросердечию и заботе о ближних, скромности и мягкости, спокойствию и стремлению к гармонии.

Промежуточное положение в этой классификации занимает политический имидж «бой–баба», который сочетает в себе как черты, стереотипно считающиеся «женскими» (эмоциональность, некритичность восприятия, импульсивность, склонность к истеричности и скандальности), так и традиционно «мужские» характеристики (активность, решительность, стремление к соревнованию, бескомпромиссность, самоуверенность, авантюризм).

Важно отметить, что предложенные нами имиджевые стратегии далеко не всегда встречаются в «чистом виде»: смежные типы имиджа могут сочетаться в образе одной женщины–политика.

Анализируя тенденции применения женщинами данных типов политического имиджа, важно также проследить, какие из них являются наиболее активно используемыми. Изучая распределение наиболее часто применяемых женщинами имиджей по ветвям власти, можно заметить, что в исполнительной власти подавляющее большинство имеют «маскулинные» стратегии. Это объясняется как тем, что должности исполнительной власти являются назначаемыми, а не выборными, в связи с чем для них более актуальны профессиональные качества и управленческие способности, а не публичность и умение завоевать симпатии избирателей, так и тем фактом, что в исполнительной власти женщины занимают преимущественно второстепенные должности, и их деятельность практически не освещается.

В представительной власти более распространенными являются «феминнные» стратегии. Этому есть объективные причины: женщины-политики зачастую не рискуют идти против сложившихся в сознании избирателей стереотипов и выбирают имидж, соответствующий взглядам их потенциальных сторонников на женщину и ее роль в политическом процессе. Кроме того, в условиях выборов женщинам становится важным отстроиться от конкурентов, которыми преимущественно являются мужчины, поэтому именно «феминнные» стратегии способны выделить их на фоне кандидатов–мужчин.

Таким образом, имиджевые стратегии, используемые женщинами для достижения высот политической карьеры, обусловлены не только и не столько особенностями той или иной политической программы женщины, но скорее многочисленными гендерными стереотипами, необходимостью преодоления «стеклянного потолка», который они составляют. Разрушение стереотипов, в том числе и гендерных, – нелегкое дело, требующее немалых усилий и со стороны женщин–политиков, и со стороны общества, которое воспринимает и оценивает их деятельность.

Е.Ю. Рождественская,
Москва, Высшая школа экономики, факультет социологии ГУ ВШЭ

ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ: ХАКАМАДА

В основу доклада положено одно биографическое интервью с Ириной Хакамадой. Перед нашей рассказчицей стоял классический вопрос: *Кто я? Как сложилась моя биография?* Провоцируя к саморефлексии, разделению себя одновременно на субъекта и объекта, мы вправе ожидать нарративного изложения биографического пути. В рамках социолингвистического и дискурсивно-психологического подхода нарративная идентичность понимается нами как возникающая непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное отображение и производство ситуативно релевантных аспектов своей идентичности. Это локальная и прагматически размещаемая идентичность, которая производится и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.

Но наш респондент, включившись в задачу, опрокинула все ожидания, значимо пренебрегая нарративной формой рассказывания и селективно отбирая те события и интерпретации свой жизни, которые могут быть отнесены к особой форме идентичности – политической. Очевидно, что политическая идентичность – особое измерение социальной идентичности, подразумевающее самоопределение в политических категориях в процессе соотнесения с определенными политическими институтами, а также формы участия как в самом политическом процессе, так и во взаимодействии с другими участниками политической сцены. Не будет ново предположить, что это отчасти социально-конструируемый феномен. Перспективным для нашего анализа, произведенного в результате интервью текста, будет идентификационная триада М. Кастельса. Кастельс выделяет три вида идентичностей, конструкты которых могут иметь политическое значение. Легитимирующие идентичности, производимые доминирующими институтами, способны сформировать гражданское общество как структурированное поле действий

социальных акторов и институтов. Идентичности сопротивления, выстраиваемые ущемленными и/или стигматизированными акторами, могут образовывать локальные сообщества с высокой внутригрупповой солидарностью. Наконец, проектные идентичности позволяют (ре)конструировать уже существующие идентичности. Это различение эвристично для эмпирического анализа, поскольку помогает отследить процесс смены легитимирующих политических идентичностей проектными или протестными в ответ на политические и социальные изменения, равно как и закрепление новых легитимирующих идентичностей.

Но устроит ли нас подход к анализу меняющейся, развивающейся политической идентичности, который не проясняет вопрос гендера и других различий? Социальная и политическая идентичность формируются по отношению к серии социально осознаваемых различий. Если гендер, класс/группа, этничность, возраст, поколение не сосуществуют как различия, «проваливаясь» в дискурсивную пустоту, идентичность теряет в своей отличительности и устойчивости. Необходимость нормативно регулировать неполные идентичности открывает лицо власти, политики нормирования, дисциплинирования, предписания. И мы далеки от взгляда на политическую идентичность нашей героини как внегендерной только потому, что она не продвигает гендерную повестку. Но и вменять ей заранее позицию политически мобилизованной женщины мы так же не готовы, так как этот взгляд натурализует женщин, предполагая их интерес как существовавший до и вне политического контекста.

В таком случае, как возможно концептуализировать политическую идентичность женщины-политика, политикессы, гендерная, этническая идентичность которой вступает в игру в условиях маскулинизированной сцены российской политики, имеющей социалистический опыт девальвирования квотного участия женщин в политике? Как транслирует эту проблематику множественных идентичностей политический актор, тем более, избегающий нарративных форм, приоткрывающих меру субъективного переживания и смыслопроизводства?

Мы идентифицируем в тексте присутствие не нарративных текстуальностей, в том числе сугубо дискурсивных, претендующих на придание значения жизненному опыту с определенной позиции. Это обстоятельство послужило поводом обращения к концепции

Н. Фэркло, сфокусированной на соотношении социального института, в данном эмпирическом случае - политики, и собственно дискурса.

Текст Хакамады содержит несколько уровней контролируемого рассказчицей потока жизненной истории, сфокусированной на политическом становлении. Уровни рассказа о политическом становлении, которые И.Х. удерживает под фреймом, разведены на:

- не-нарративный рассказ о стадиях карьерного продвижения, звучат имена и обстоятельства конкретных ситуаций, им соответствует особый глагольный ряд активного освоения политического пространства,
- объяснительно-оправдательные конструкции, которыми сопровождаются или перемежаются упоминания о конкретных ситуациях и именах.

Эти два манифестирующих уровня отмечены различной текстуальностью, порожденной различными задачами: достоверного и хронологического описания происходящего, а также оправдания и придания личностного смысла происходящему. Противоречие этих задач (описание и смысл) заставляет рассказчицу пользоваться различным словарем, который уводит ее к различным же дискурсивным образованиям. В итоге мы получаем два конфликтующих образа: практикующего политика, причем женщину, а также политика, конструирующего свой имидж в публичности и отсылающего к известным ценностям.

Третьим значимым элементом дискурсивной практики в транскрипте интервью с И. Хакамадой являются метафоры, вмененные политической ситуации, политическим представлениям и возможным модусам политического действия. Широкое и обильное обращение Хакамады к метафоризированию является не только особенностью ее риторического интеллектуального стиля. Предположительно, использование ею метафор играет роль «закрытия» нарратива, его элиминации, поскольку они содержат эвфемизацию подлежащих, но не реализованных через нарратив сюжетов. В отношении задействованных метафор нас будут интересовать структура представляемого образа и роль автора в нем.

Рассматривая основные группы использованных метафор, обнаруживается лейтмотивная тематизация: проблематизация победы. Когнитивная конструкция основных метафор оказывается связанной с прагматическими неудачами: «предел выжат до конца»,

«никаких перспектив», «все равно ничего изменить не могу», «оказалась на улице», «меня выкинули». Ее дискурсивная репрезентируемая идентичность возникает через усвоение/перенимание *канонических риторических фигур, тех же метафор,* соответствующих социальным группам, к которым индивид испытывает чувство принадлежности, или к которым он/она институционально приписан(а). Остается задаться вопросом о причине выбора именно этих метафор, внутренняя когнитивная конструкция которых привела к прагматичной неудаче.

Если попытаться совместить все слои социальных и дискурсивных практик, попавших в поле деконструкции текста, то мы можем сформулировать следующие, претендующие на обоснованность, гипотезы. В случае И.Х. проживаемая политическая реальность выглядит как жесткая борьба за свое место на политической сцене, неуклонное карьерное продвижение наверх, перемежаемое опытами неудач, и, как итог, закрепление сегмента политического поля и обозначение видимого предела/барьера для дальнейшего продвижения. Но на уровне производства смысла и оправдания действия предлагается сознательно осуществляемый выбор в пользу «свободы», креатива, роли посредника между корпоративными интересами, положения над политическими партиями. Фактически отказ от карьеры происходит тогда, когда наметился ее видимый предел. Темпоральное измерение смягчает это противоречие за счет того, что дискурсивно в тексте не выстроено здание смыслопроизводства, обслуживающее процессуальность политического продвижения. Эта задача решается автором уже за пределами политического поля.

Н.Д. Тотьмянин,
Череповец, Череповецкий государственный университет

Х. КЛИНТОН – «ПЕРВАЯ ЛЕДИ» И ПОЛИТИК

Хиллари Родхэм Клинтон родилась в г. Чикаго и детство провела в его пригороде. После средней школы она закончила колледж Уэллесли (штат Массачусетс), где её политические взгляды стали более либеральными, чем до этого. Ещё будучи студенткой, она приобрела известность на всю страну тем, что однажды подвергла

критике присутствовавшего на её выступлении сенатора Э. Брука. Яркие выступления Хиллари уже тогда стали цитировать и публиковать в некоторых общенациональных журналах[1].

После окончания Уэллесли она поступила на учёбу на юридическое отделение Йельского университета, где заинтересовалась проблемами детей. Там же она встретила своего будущего мужа Б. Клинтона. Окончив университет в 1973 г., Хиллари недолго работает в «Фонде защиты детей», а в январе 1974 г. Юридический комитет Палаты представителей Конгресса США включил её в группу расследования по делу об импичменте президента Р. Никсона. После прекращения этого дела в связи с «добровольной» отставкой Никсона, Хиллари сразу же предложили несколько престижных должностей, но она предпочла поехать к Биллу в Арканзас, где стала преподавать право в Арканзасском университете (г. Фейетвилл). 11 октября 1975 г. она вышла замуж за Билла.

В 1976 г. её мужа избрали главным прокурором штата Арканзас, и Клинтоны переехали в г. Литл-Рок, где Хиллари стала работать в известной юридической фирме, занимаясь семейными, коммерческими и криминальными делами. Очень скоро она приобрела известность как один из лучших юристов города. Через два года Билла избрали губернатором штата, а «первая леди» Арканзаса основала «Арканзасскую адвокатуру для детей и семей». Вскоре об её успешной деятельности узнал президент США Дж. Картер и назначил её на пост председателя Корпорации юридической службы, которая оказывала финансовую помощь по юридическим делам для неимущих. Сама она специализировалась в ней по работе с фондами защиты детей. Однако деятельность молодой женщины на этой значительной

---

[1] Здесь и далее сведения о Х. Клинтон в основном взяты из следующих книг и журналов: The Presidency A to Z. Wash., D.C., 2008. P. 101, 106 – 108, 139, 223, 227; Pious R.M. The Presidency of the United States: A Student Companion. N.Y., 2001. P. 47, 102 – 103, 109; Pika J.K., Maltese J.A., Thomas N.C. The Politics of Presidency. Wash., D. C., 2002. P. 82, 150, 151, 224, 302, 305, 406; Graubard S. The Presidents. The Transformation of American Presidency from Theodore Roosevelt to George Bush. L., 2004. P. 621, 632, 643, 660, 661; «Time», 1990 – 2010; «U. S. News & World Report», 1990 – 2010.

должности, её прямота в сочетании с её либеральными взглядами превратили её в объект критики окрепших тогда консерваторов. Это повлияло на то, что мужа не переизбрали на пост губернатора в 1980 г. В этом же году у них родилась дочь Челси, и карьера Хиллари притормозилась.

В 1982 г. Билла вновь избрали губернатором Арканзаса, и он остаётся на этой должности в течение 10 лет. За это время Хиллари стала более реалистична в политике и даже преобразила свой имидж настолько, что её стали считать одной из самых популярных «первых леди» Арканзаса за всю его историю. Она возглавила Арканзасский комитет по образовательным стандартам, инициировала и успешно провела реформу системы образования штата. Не менее важным было и то, что она постоянно давала дельные советы своему мужу, обнаруживая при этом недюжинные политические способности. Некоторые политики даже увидели в ней кандидата в губернаторы штата, а профессиональный юридический «Нэшнэл Ло Джорнал» в 1989 г. включил её в список ста самых влиятельных юристов страны.

В президентской кампании 1992 г., в которой одним из главных кандидатов был Б. Клинтон, Хиллари проявила свои политические способности настолько, что сторонники Билла стали говорить о приходе в Белый дом «двух [талантливых лидеров – Н. Т.] по цене одного», если Билл победит. Такое отношение к возможной «первой леди» страны увеличило количество сторонников её мужа, а некоторые даже сочли её более подходящей на роль президента, чем супруга. Правда, консервативные республиканцы пугали народ тем, что она имеет «антисемейные взгляды» (они всегда обвиняют почти всех либералов в аморализме) и слишком сильно будет влиять на своего мужа. Эти же обвинения вменялись ей, когда она была «первой леди» США.

Как только Клинтоны вошли в Белый дом, президент назначил супругу главой Комитета по созданию программы для проведения реформы системы здравоохранения. Через 8 месяцев проект программы был готов, и Хиллари стала главным её толкователем и защитником. Республиканские оппоненты развернули против этой реформы дорогостоящую кампанию, называя её слишком сложной и опасной «социальной инженерией» и т. п. Противники реформы победили. Она не дошла до рассмотрения в Конгрессе, так как не получила достаточной поддержки в обществе.

Судя по всему, Хиллари стала одним из самых главных советников президента почти по всем вопросам. В Белом доме, особенно когда дело касалось чего-то важного, часто можно было услышать: «Спросите Хиллари!» Умная, прекрасно образованная и авторитетная «первая леди» влияла через своего мужа и сама лично на судьбу страны (а может, и всего мира) явно больше, чем любая другая жена президента за всю историю США. Она стала для многих американцев олицетворением современной американской женщины.

В период президентской избирательной кампании 1996 г. Хиллари вновь значительно способствовала переизбранию своего мужа. Однако второй президентский срок оказался тяжёлым для четы Клинтонов. Республиканцы предъявили им несколько скандальных обвинений. С февраля 1997 г. они стали обвинять Билла в том, что президентская кампания финансировалась частично из китайских правительственных источников, чего на самом деле не было, но Клинтонам пришлось это доказывать. В январе 1998 г. стало известно об интимных отношениях президента со стажёркой Белого дома Моникой Левински. Б. Клинтон лжесвидетельствовал под присягой при государственном расследовании, а также убедил свою жену в своей невиновности. Хиллари, поверив своему мужу, сразу и энергично встала на его защиту. В августе того же года Билл, из-за обнаруженных неопровержимых доказательств, вынужден был признать свой грех как перед народом, так и женой. Хиллари очень болезненно пережила признание своего мужа, но стоически осталась с ним.

В 2000 г., после окончания президентства супруга, Х. Клинтон сама в полной мере занялась политической деятельностью и смогла стать первой «первой леди» – сенатором США. Она также стала первой женщиной-сенатором от Нью-Йорка. В 2006 г. она без особых усилий (сэкономив в предвыборной кампании большую сумму денег) была переизбрана и является одним из самых деятельных и сильных сенаторов по сей день.

На этом посту, она стала получать поддержку даже от многих бывших своих оппонентов. Одна из них объяснила это тем, что Хиллари действует «с дальним прицелом» и «уже доказала свою состоятельность», и вообще она – лучшая «модель на роль» президента. Сенатор от республиканской партии Л. Грэхэм, говоря о росте её влияния в Сенате, заявил, что «она обладает способностью

менять умы»[1]. 20 января 2007 г. официально было объявлено, что Х. Клинтон стала претенденткой в президенты, и вскоре её стали считать главной кандидатурой. Однако, как известно, Б. Обама, будучи так же, как и она, представителем от Демократической партии, в дальнейшем немного превзошёл её и стал президентом. Хиллари же, по результатам опросов, и сегодня является первой среди женщин, которыми восхищаются американцы

В целом карьера Х. Клинтон – это самый яркий пример того, как женщины США занимают всё больше места и увеличивают свою роль в мире (в основном мужском) политики.

И.В. Иванова,
Тверь,
Тверской государственный университет

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

На сегодняшний день одним из важнейших показателей успешности человека, его самореализации является его профессиональная деятельность, в которой человек раскрывает и проявляет свои способности, личностные и профессиональные качества. Эта деятельность позволяет человеку добиться признания, значимости для других людей, для общества в целом, получить определенное подтверждение этому в виде высокого социального статуса, хорошего материального положения, но для женщины построение карьеры является сложным и противоречивым процессом. Высокий социальный статус, достигаемый, как правило, именно за счет карьеры, для женщины в России – большая редкость.

Сфера управления не является исключением. На сегодняшний день в российских органах власти наблюдается явная диспропорция гендерного состава кадров, как на федеральном, так и на региональных уровнях. Гендерные распределения внутри каждого

[1] Цит по: Gilgoff D. Hillary's Dilemma // U. S. News & World Report. November 20, 2006. P. 63 – 64.

отдельно взятого органа власти и представляют собой «пирамиду» – где больше власти, там меньше женщин. Пример Тверской области наглядно это иллюстрирует.

В исполнительных органах государственной власти Тверской области на руководящих должностях высшей группы работают 60 мужчин и 36 женщин, что в процентном соотношении составляет 62,5 и 37,5%, соответственно. Из них на должностях начальников управлений находятся 17 мужчин и 12 женщин. На должностях заместителей начальников управлений находятся 43 мужчины и 24 женщины.

Исследователи данной проблемы называют разные причины низкой представленности женщин в сфере государственного управления: двойной стандарт отношения общества к женщине, патриархальный подход к женщине, семейные обстоятельства, патриархатное воспитание, гендерные стереотипы.

Целью данного исследования было рассмотрение одного из вышеуказанных аспектов – гендерных стереотипов, причем предметом исследования стали стереотипы самих женщин-госслужащих.

Одной из задач исследования было дать описание пути продвижения женщин в органы власти. Проанализировав интервью, можно выделить общие для всех респондентов этапы. Все респондентки имеют высшее образование, но ни одна из женщин не получила образования по специальности «Государственное и муниципальное управление». Среди опрошенных встречаются люди в первую очередь с гуманитарным образованием.

Женщины стремятся повышать свой уровень образования. Среди тех, кто не имеет степень кандидата наук или второго высшего образования нет тех, кто не планировал бы его получить. Особенной популярностью при получении второго высшего образования пользуется юридическое образование.

Для того, чтобы понять причины вхождения женщин в органы власти, необходимо также проанализировать их психологические характеристики. Очевидным является тот факт, что каждая их исследуемых женщин обладает ярко выраженными организаторскими способностями. Респондентки были старостами класса, проводили школьные вечера, концерты, женщины старшего возраста вели активную деятельность в комсомоле («всегда по жизни, …обычно я всех организовываю. …Это врожденное, мне кажется». «Я была комсоргом в школе, комсоргом своего факультета»). Но, несмотря на

это, планы женщин при поступлении в вуз не включали в себя трудоустройство в органах власти. Первым местом работы для всех стала работа по специальности: «Нет, никогда не думала, что попаду в сферу управления»; «я не планировала работать в сфере управления».

На государственную службу женщины пришли уже позднее с целью иметь стабильную работу с социальными гарантиями и перспективами карьерного роста. Можно выделить два пути прихода женщин в органы власти.

1. Через общественную деятельность. Женщина во время обучения в университете или после его окончания начинает заниматься общественной деятельностью, и через некоторое время ей предлагают должность во властных структурах.

2. Появление возможности. Для респондеток предложение о работе в органах власти явилось привлекательным в первую очередь в материальном плане. Кроме того, значение имели стабильность, расширение круга знакомств. «На фоне кризиса, когда я потеряла работу, и мне подсказали, что в кризис удачно работать именно в органах госвласти. …Из-за стабильности, материального фактора».

Все респондентки заявили, что им нравится их работа, среди плюсов работы в органах власти женщины называли расширение связей, знакомство с интересными людьми, расширение кругозора, получение новых навыков.

При ответе на вопрос о минусах работы в органах власти респондентки вспоминали о большой загруженности, трудностях в общении с коллективом. При этом часть женщин считает, что трудности в общении в органах власти те же, что и в любом другом коллективе, другие же, напротив, говорили о повышенной конкуренции, зависти, интригах на госслужбе: «…Приходится очень часто задерживаться, зачастую и до 8 и до половины 10-го. У меня рекорд был – это половина 11-го». «Да, мне постоянно приходится задерживаться на работе. …Ну бывает, что мы и до часу работаем».

На проблему несоблюдения графика работы следует обратить особое внимание. Анализ результатов интервью показал, что частые задержки на работе и даже возможное отсутствие выходных при работе на госслужбе – один из важных факторов снижения карьерных амбиций женщин, так как на первом месте для них стоит семья и лишь потом работа. Совмещать работу по такому графику и семью,

домашнее хозяйство, а тем более материнство, по мнению респонденток, практически невозможно.

Семья же действительно стоит у современных женщин-госслужащих на первом месте. Причем их взгляды на семью достаточно традиционны и патриархальны. Домашнее хозяйство они считают целиком женской сферой, мужчина же воспринимается ими как добытчик. Таким образом, женщины, которые завели или только планируют завести семью, оказываются в условиях выбора – или семья, или карьера, потому что совмещать напряженный рабочий график и весь спектр семейных обязанностей им не представляется возможным. Для мужчин же, по мнению женщин, совмещение семьи и работы не представляет особых сложностей. Респондентки также упоминали и тот факт, что зачастую мужчины, занимающие ответственные посты, выбирают себе в супруги женщин неамбициозных, «домашних», тех женщин, которые берут на себя весь спектр бытовых проблем, давая возможность мужу строить свою карьеру. Такую модель семейных отношений респондентки считают правильной и эффективной: «Мужчинам, конечно, легче. Чаще мужчины с высокой, хорошей должностью, они вообще сажают жен дома для того, чтобы они занимались семьей, детьми, домом и т.д.».

В ходе анализа были выявлены и другие гендерные стереотипы. Один из них – вера в различное предназначение мужчины и женщины. Респондентки обнаружили стереотипное отношение к мужчине как мужчине-добытчику, мужчине-воину, а к женщине – как к женщине-созидателю, женщине-домохозяйке. «Мужчина – добытчик, он основной деятель и человек, который должен обеспечивать семью, а у женщины все-таки функция заниматься семьей». «… Вот так вот Господь бог устроил мужчину и женщину. Мужчина - воин по своей натуре, а женщина – созидатель».

Наличие этого стереотипа в сознании женщин–госслужащих является еще одним важным фактором снижения карьерных амбиций. Доказательством этому служат следующие высказывания респонденток: «…если мне сейчас бы пришлось выбирать, я, наверное, выбрала семейные ценности». Характерен ответ респондентки 23 лет на вопрос о том, готова ли она отказаться от карьеры ради семьи. «Я? Я да! … Мне кажется, главная роль женщины – это семья».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гендерные стереотипы действительно являются одним из важных факторов снижения карьерных амбиций женщин–госслужащих. Проблема партиархатного воспитания, которое отдает женщине в первую очередь роль хозяйки, матери, профессиональная же реализация для женщины не является обязательной. Из-за господства в нашей стране патриархатного воспитания и распространенности гендерных стереотипов женщина не стремится строить карьеру. В большинстве случаев женщины занимают должность специалиста, повышает свой уровень образования, развиваются профессионально, занимаются научной, общественной деятельностью, но при этом не стремятся получить должность начальника департамента, заместителя начальника департамента и т. д. Или женщины готовы отказаться от перспектив карьерного роста ради семьи и рождения ребенка.

Основными стереотипами, мешающими карьерному развитию женщин являются следующие стереотипы:

- Распределение ролей: мужчина–добытчик, женщина-хозяйка. Женщины - мягкие, заботливые. Мужчины – жесткие, сдержанные.
- Наличие «типично женских» и «типично мужских» сфер деятельности.
- Невозможность для женщины иметь более высокий материальный, социальный, профессиональный статус, чем у ее мужа/партнера.

Помимо этого было выявлено, что важным фактором снижения карьерных амбиций женщин является ненормированность рабочего дня и рабочей недели в госорганах. Женщины, вынужденные совмещать напряженный рабочий график с необходимостью решения домашних, бытовых проблем, встают перед выбором: или отказаться от карьеры и посвящать себя семье, или активно заниматься продвижением по службе, но при этом или вообще не иметь семью, или стать «плохой» матерью и женой, уделяя минимум времени своим близким.

М.Г. Котовская, Н.В. Шалыгина,
Москва,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-МаклаяРАН

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Новейшая волна независимого женского движения в России приходится на рубеж 1980–1990-х гг. Именно в это время деятельность женских организаций начинает реально отражать сложнейшие проблемы нашей страны. Преодоление негативных последствий социально-экономических реформ, помощь женщинам в адаптации к новым условиям жизни, организация профессиональной переподготовки женщин, создание условий для их творческой и личностной самореализации становятся наиболее приоритетными направлениями в работе женских центров на всей территории России. Более того, круг вопросов, составлявших компетенцию этих центров, быстро расширялся. И уже очень скоро в рамках самых различных женских организаций стали рассматриваться, например, такие глобальные проблемы, как экологические угрозы, физическое и духовное здоровье нации, веротерпимость и толерантность. Если не вдаваться в подробности, то уверенное развитие женских инициатив в нашей стране может восприниматься едва ли ни как альтернативная система ценностей в рамках демократического переустройства общества.

Почему же женская фракция в парламенте оказалась лишь эпизодом внутриполитической жизни России? Ведь с 1993 г. число женских организаций в нашей стране не только увеличилось, но и приобрело весьма ощутимое влияние. Один только Всероссийский женский форум «Женщины в национальных проектах: стратегический ресурс нации», проходивший в марте 2007 г. в Москве, собрал представительниц более 50 субъектов Российской Федерации.

Однако женская парламентская фракция начала свою деятельность в Государственной Думе, имея в багаже крайне противоречивые программные установки. С одной стороны, члены фракции говорили о защите прав женщин как о составной части прав человека. С другой стороны, женщины, входящие в состав парламентской фракции, в своих программных документах опирались на откровенно патриархатные архетипы, стремясь реализовать идеал материнского покровительства. Противоречивость, невнятность идейного выбора не могли не отразиться и на парламентской деятельности первой женской фракции.

Сама фракция «Женщины России» начала формироваться в тот момент, когда демократические перемены в нашей стране еще не набрали силу. И это, конечно же, не могло не отразиться на идейных позициях женщин-законодательниц. Людмила Завадская, будучи членом женской фракции Государственной Думы в 1995–1998 гг., провела собственное расследование, пытаясь определить степень уверенности женщин в своей компетенции как законодателей. По результатам ее опроса выходило, что абсолютное большинство женщин, являвшихся членами фракции в 1997 г., такой уверенностью не обладало. Однако подобное откровение респонденток, по мнению Л. Завадской, скорее делало женщинам–законодательницам честь, нежели действительно «уличало» их в некомпетентности. И мы готовы полностью подписаться под такой интерпретацией событий.

В стране, исторически лишенной возможности формировать навыки парламентской практики, трудно надеяться на то, что эти навыки вдруг появятся сами собой или мгновенно станут привычными только потому, что «кто-то наверху» принял такое решение. В некоторых странах Западной Европы парламентаризм существует более трех столетий, но даже сегодня нельзя сказать, что этот социально-политический институт имеет там законченную, совершенную форму. Что же говорить о России, веками развивавшейся в условиях абсолютной монархии, и практически сразу же после ее падения попавшей под давление тоталитарного режима? Несколько лет в новейшей истории нашей страны, которые были отмечены признаками парламентской деятельности, еще не дают права судить ни о чьей компетентности в органах законодательной власти, к какому бы полу сами российские парламентарии ни принадлежали. Именно поэтому самокритичность законодателей–женщин, работавших в Государственной Думе созыва 1995–1999 гг., должна была бы вызвать у россиян гораздо больше не только уважения, но и доверия, чем демонстративная самодостаточность многих законодателей–мужчин.

Новая гуманистическая составляющая российской ментальности сегодня явно носит оттенок так называемой женской ментальности, а проще говоря – человечности, т.е. открытости и внимания к насущным проблемам людей. В конце 2007 г. Татьяна Клименкова, координатор лаборатории феминистских практик Информационного центра Независимого женского форума (ИЦ НЖФ), заметила, что активисты женского движения в России за 10 лет, безусловно, научились «собирать людей». И это очень серьезная заслуга наших феминисток! Сам термин «феминизм» настолько тяжело

входил в массовое сознание россиян, что долгое время вызывал почти исключительно негативные ассоциации. Да и сегодня, пожалуй, первая реакция на слово «феминизм» даже в женских аудиториях нередко оказывается сродни импульсивному «чур меня!» Формирование в сознании наших людей понимания того, что феминисты (причем, как мужчины, так и женщины) – это те, кто борются за расширение прав человека в этом мире, казалось совершенно невыполнимой миссией. И, тем не менее, женщины взялись за эту работу.

Да, первыми были преимущественно представительницы научной и творческой интеллигенции, близко к сердцу принявшие исторические события начала 1990-х гг., которые в очередной раз перевернули нашу страну. Именно эти женщины восприняли идеи феминизма как демократические свободы, как шанс для самореализации. Именно они первыми осознали ущербность жизни по принципу «дополнительности», когда собственные интересы человека отодвигаются на задний план, уступая место общепринятым в советском обществе идеалам жертвенности. И именно они привили нашим женщинам чувство ответственности за все, что происходит в мире. Фактически российские феминистки стали лидерами нового общества, которые наравне с лидерами–мужчинами формировали наше сознание и, надо сказать, добились на этом нелегком поприще весьма ощутимых успехов.

Демократия как основа общественного устройства не является в полной мере востребованной всеми слоями населения современной России. В 2001 г. лишь 7% россиян, по данным социологических исследований, придерживались так называемой «либеральной» модели развития, когда государство обеспечивает права личности и предпринимательской деятельности, но социальную помощь предоставляет гражданам в минимальной степени. В этом же году 40% россиян готовы были принять «социал-демократическую» модель развития общества, при которой государство регулирует стратегически важные сектора экономики и защищает наиболее нуждающиеся слои населения. А вот большая часть – 53% – представляла себе будущее России исключительно как «патерналистскую» модель общественного устройства, при которой государство регулирует большую часть экономики и оказывает поддержку всем слоям населения.

Сегодня мы, скорее всего, имеем дело с патриархатной доминантой общественного сознания россиян, которая трактует

равноправие не как равные возможности *производства* материальных и духовных благ, а как равные возможности их *потребления.* Вполне возможно, что именно по этой причине идея гендерного равенства в России не имеет большого числа сторонников «снизу». Сами россиянки не связывают для себя перспективы улучшения ситуации в стране и процент представительства женщин в парламенте. Власть, по мнению большинства, должна заботиться о человеке, а уж какое у нее при этом будет лицо – мужское или женское – не имеет значения.

Отношение общественного мнения в России к женскому движению также формировалось довольно противоречиво. Впервые в новейшей истории нашей страны средства массовой информации начали уделять серьезное внимание этому гражданскому институту лишь в первой половине 1990-х гг. Но внимание российских СМИ вольно или невольно сразу же стало содействовать не разъяснению общественности актуальных проблем женского движения, а буквально наоборот – консервации патриархатных представлений о «естественном предназначении» женщины. Многочисленные «женские издания» откровенно артикулировали темы рукоделия, моды, кулинарии и т.д., внедряя, таким образом, в массовое сознание антифеминистские стереотипы восприятия женской активности.

Подобное однобокое рассмотрение «женской темы» было характерно и для «большой прессы» того времени, отводившей проблемам женщин в лучшем случае около 1% газетных площадей отечественной прессы, да и то исключительно в рамках пресловутого «естественного предназначения женщины». В 1998 г. Ассоциация журналисток России провела собственный анализ как наиболее влиятельных («Коммерсант», «Итоги»), так и наиболее массовых («Московский комсомолец», «Аргументы и факты») общероссийских изданий. В результате было констатировано, что тема гендерного равенства с трудом входит в социо-культурный контекст развития нашей страны и средства массовой информации, серьезно влияющие на формирование общественного сознания, фактически отражают сложившуюся ситуацию.

В региональной прессе под рубрикой «женская тема» чаще всего подразумевалось множество насущных и практически не решаемых местных проблем. В 1998–1999 гг. центральные газеты Поволжья, например, основное внимание, уделяли таким сюжетам, как детская смертность, помощь детским домам, детская наркомания и

проституция. А наиболее выигрышными, с точки зрения редакций большинства газет, являлись материалы из зала суда, когда на скамье подсудимых оказывались женщины. И, как пишет журналистка В.Н. Казанкова, в течение трех месяцев изучавшая сюжетику местных публикаций в этом регионе, «тут уж журналисты не жалеют красок, в подробностях смакуя (иногда до неприличия!) совершенное женщиной злодеяние». Постоянных же рубрик, посвященных серьезным женским проблемам, в газетах Поволжья не было.

Аналогичное журналистское расследование освещения женской проблематики в СМИ было проведено и в северо-западных регионах России. Анализу подверглись наиболее известные и, как правило, поддерживаемые государственными структурами газеты Северо-Запада. И здесь исследователи пришли к выводу, что региональная пресса настойчиво формировала в массовом сознании образ домохозяйки как единственный идеал российской женщины. А в наиболее популярных рубриках тех лет, касающихся политики и экономики, женская тематика вообще отсутствовала.

Изучение центральной прессы 1990-х гг. не изменило картины. Наиболее заполненными материалом по женской тематике оказались исключительно такие рубрики, как, например, «Культура», «Криминал», «Светская жизнь». Безусловно, такое тематическое распределение публикаций было адекватным отражением представлений о месте женщин в обществе.

Новый образ женщины, формирующийся сегодня в общественном сознании россиян, содержит в себе уже не только одномерные характеристики домохозяйки, а, скорее, многомерные и полифункциональные черты человека, стремящегося к полноценной самореализации в самых различных областях общественной жизни. И вряд ли будет преувеличением утверждать, что расширение рамок общественного восприятия женщины во многом является заслугой женского движения в нашей стране, проделавшего такой непростой, подчас даже неблагодарный, но такой плодотворный путь.

Н.А. Шведова,
Москва, Институт США и Канады РАН

ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ*

За последние десятилетия женщины стали активно вторгаться в политическую жизнь, что не может не привести к изменениям на политической арене. 2009–2010 гг. богаты на юбилеи, которые заставляют задуматься об итогах с точки зрения достижения гендерного равенства: 30-летие Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; 15-летие Всемирной (Пекинской) женской Конференции; десятилетие Протокола к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Резолюции 1325 Совета безопасности ООН, относящейся к женщинам, миру и безопасности, Целей тысячелетия. Страны Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) одобрили *Решение об участии женщин в политической и общественной жизни, которое определило направления для работы в этой сфере (2009 г.).*

Сегодня ООН придерживается главного организационного принципа: *без полного участия и наделения властными полномочиями женщин мира не может быть найдено устойчивых решений в обществе, которому угрожают социальные, экономические и политические проблемы.* Известно, что мировое сообщество выработало стратегию устойчивого развития, которая ставит двуединую задачу: достижение справедливости и повышение качества жизни. Эта цель не достижима без мира женщин.

Нынешний год может показаться вполне благоприятным с точки зрения продвижения женщин на высшие посты в государствах. В 2010 г. Лаура Чинчила стала первой женщиной – президентом Коста Рики, Мишель Башле в текущем году завершает свой пятилетний срок пребывания на посту президента Чили - первая женщина - президент в данной стране[1]. В Европе Ангела Меркель начала свой пятый год как Канцлер Германии, а в Африке – Эллен Джонсон-Серлиф занимает пост президента Либерии с 2006 г. В Азии – Шейх Хазина Уейзед

*Статья подготовлена на основании исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № «09–03–00810а/Р».

[1] http://www.idea.int/news/editorial_mar10.html

избрана Премьер-Министром Бенгладеш на второй срок в 2009 г. Еще в 2007 г. на самую высокую должность в государстве пришла Кристина Фернандес де Киршнер, которая заняла пост президента Аргентины, призвав своих соотечественников привыкать к новому обращению «сеньора пресидента», «госпожа президент»[1]. В 2007 г. в 60 парламентах мира имелись комитеты по гендерному равенству. В мире 192 государства входят в состав ООН, среди которых в 182 имеется парламент, в 173 – женщины представлены в высшем законодательном органе, а в 98 государствах (51% от 192 или почти 56,6% от 173) использованы или предложены квоты. *«Это означает, что женщины различных партий парламента стараются работать совместно, чтобы преодолеть различия политических партий»,* – справедливо подчеркнула президент Бельгийского Сената Анна-Мария Лизин[2].

Однако в глобальном плане реальность характеризуется нехваткой женщин, их представленности в политической жизни и исключением женщин из процессов демократического принятия решений. Успех упомянутых женщин скорее исключение, чем правило. Резкий дисбаланс представительства женщин в законодательной, исполнительной властях и в политических партиях на уровне принятия решений по-прежнему сохраняется[3].

Участие женщин во власти – не самоцель, а средство для изменения сложившихся диспропорций в жизни с точки зрения гендерного равенства. Дискриминация остается широко распространенным явлением. *Две трети всего рабочего времени в мире приходится на женщин, они производят половину мирового объема продовольствия, однако они получают лишь 10% мирового дохода и владеют на правах собственности менее чем 1% мирового капитала*[4]*.* В сокровищнице мирового опыта уже давно хранится

---

[1] Хо С. Женщины-лидеры на мировой арене. 07.01.2008 [электронный ресурс]: http://www.voanews.com/russian/2008–01–07–voa4.cfm

[2] http://www.iknowpolitics.org/

[3] http://www.idea.int/news/editorial_mar10.html

[4] Послание Верховного Комиссара ООН по правам человека. 10 декабря 2009 г. [электронный ресурс]: http://www.un.org/ru/events/humanrightsday/2009/hc_statement.shtml

апробированное убеждение, получившее достаточно широкое распространение, о том, что женщины вносят свой *особый вклад* в общественно-политическую жизнь: женщины не только могут лучше мужчин представить свои интересы, но и влиять на политическую систему, занимая руководящие посты. Мировой опыт парламентаризма показал: если в законодательном органе *меньше 10% мест* принадлежит женщинам, то это затрудняет принятие законов в защиту детей. Однако при наличии в парламенте страны *20-30% мест,* принадлежащих женщинам, можно надеяться на более быстрое и реальное проведение в жизнь программ, отражающих интересы женского населения. У женской парламентской группы появляется «чувство локтя», ощущение силы и веры в то, что женщина может коренным образом изменить собственную судьбу. Мировой опыт свидетельствует о том, что только там комфортное государство, где *«больше демократии*», где паритет женщин и мужчин в семье, и вне дома – в большой политике.

Приход женщин во власть – объективная историческая неизбежность, что обусловлено следующими факторами:

1. женщины привносят новые элементы в политическую культуру вообще, поскольку инициируют гендерную озабоченность;
2. женщины выдвигают законодательные инициативы, которые близки интересам женщин и которые на практике часто предаются забвению в «мужском» парламенте. Через женщин-законодателей вопросы легче ставятся на повестку дня парламентов - происходит трансформация женских интересов в политические курсы;
3. вопрос справедливости – половина населения должна быть представлена сама собой.

Отчуждение женщин как от власти, так и от собственности – один из серьезнейших просчетов модернизации общества. ООН выработала специальные индикаторы для объективной оценки статуса женщин.

В политической сфере – это политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, свободы выражения несогласия с официальным курсом; число мест, занимаемых женщинами в соответствующих ветвях власти; число женщин и мужчин – членов партий, составляющих парламент, число женщин и мужчин в

списках кандидатов от этих партий, число женщин и мужчин среди депутатов от этих партий.

Отличается ли и чем женщина-политик от мужчины–политика? Многолетнии дискуссии выражают разные позиции. Отрицать факт природных различий между мужчинами и женщинами не имеет смысла. *Вопрос заключается в том, как велики эти различия, универсальны ли они на самом деле, и каким образом они проявляются? Кроме того, в какой степени эти различия объясняют социальное и общественно-политическое поведение женщин и мужчин?*

Существует много стереотипов и ненаучных представлений, далеких от реальной действительности. Международный экономический Форум фиксирует т.н. «индекс различий полов» внутри различных стран, которые определяются по совокупности социометрических параметров, среди которых вовлеченность мужчин и женщин в экономическую жизнь, их успешность в приобретении знаний и другие. Многими научными исследованиями доказано, что если женщина-политик (женщина – законодатель) заявляет, что в политике «она – не женщина», то это означает, что она не отождествляет себя (осознано, а скорее не понимая) с интересами, объединяющими все женское население, что она полностью принимает мир, созданный мужчинами и живущий по мужским правилам, в рамках которого заставляют действовать и жить женщину.

Если страна делает выбор в пользу развития, то это значит, что она делает ставку на раскрытие потенциала своих граждан. Это возможно при условии раскрепощения человеческого капитала и инвестиций в него. А человечество состоит из двух констант – женщин и мужчин. Следовательно, если есть возможность экстенсивного развития – это трудности для гендерного равенства. (В случае с Россией – это ставка на нефть, женщины – это ресурс демографии для заселения большой территории, обслуживания рынка труда, безопасности страны). Нет стимула для раскрытия потенциала мужской и женской личности для развития через модернизацию страны. Узкоэгоистические интересы (это может быть и государство), опирающиеся на традиции, используют это положение, могут пользоваться незаслуженными преференциями. Мужской пол, по умолчанию, как социально-половой сегмент общества, получает эти бонусы. Однако в реальной жизни не все мужчины как половина

населения страны могут пользоваться этими преимуществами, поскольку система гендерного неравенства ударяет и по каждой отдельной личности мужчин.

Что происходит на практике? Мужчины меньше живут, нарушаются их родительские права, их здоровье подвергается разрушительному воздействию на вредных предприятиях, где запрет на труд женщин, тем самым выдается «индульгенция» для работодателя не заботиться, а значит не тратиться, на безопасное рабочее место. Возникает вопрос: если данная ситуация «нормальная», то почему алкоголизм, пьянство, наркомания, насилие мужчин не только в отношении женщин, но и внутри своего сообщества, стали тоже «нормой» жизни?

Ответ состоит в том, что все это – родовые признаки т.н. «традиционного общества», в основе которого система патриархата, т.е. сакральная система соподчинения, поскольку признается главенство одного пола над другим. Сторонники «традиционного общества», как правило, прибегают к аргументам об особой российской ментальности, о том, что «россиянке не нужна свобода», об «особом пути развития России и т.д. Бессмысленно отвергать наличие определенных национально-исторических особенностей каждой страны. Однако патриархат – универсальное явление, он и в Европе, и в Азии, и в Америке, и в Африке – патриархат – идеология превосходства мужского пола над женским, питающая мизогинию. Одежды могут быть разные.

Женщины в России *просто исчерпали возможности известного уклада жизни.* Поэтому они голосуют по-своему – отказом рожать. Не хотят быть демографическим ресурсом. Левада–Центр в феврале 2010 г. обнародовал результаты исследований, которые показали, что в период 1989–2007 гг. на 7% увеличилось количество респондентов, считающих необязательным вступать в брак и заводить семью. Также на 7% возросло число россиян, считающих предпочтительным не вступать в брак и жить в одиночестве. Семья и воспитание детей воспринимается лишь почти пятой частью россиян (22% в 1989 г. – 25%) *как нравственный долг каждого* человека. В *мотивации создания семьи превалирует нежелание рожать детей, а найти эмоционально-психологический комфорт и безопасность для личности.*

Россия занимает 85 место после Чили вместе с Замбией, опережая Камерун, по представительству женщин в парламенте (14% и 4,7%, соответственно, в нижней и верхней палате)[1]. Сегодня для России наступило время нового выбора.

[1] Данные IPU на 31 марта 2010 г. [электронный ресурс]: http://www.ipu.org/wmn–e/classif.htm

С.А. Короткова,
Москва, Государственный университет – Высшая Школа экономики

«КЕМПФОЛЛОВЕРЫ» (CAMPFOLLOWERS) АРМИИ ДЖ. ВАШИНГТОНА

Одни солдаты не являются армией. Они – ее самая главная, фундаментальная часть. Но существование и деятельность армии невозможно без вспомогательных сил. Война за независимость США (1775 – 1783 гг.) яркий пример того, что Континентальная армия являла собой нечто большее, чем иерархическую организацию из бригад, полков, батальонов и рот, сражавшихся с англичанами.

Во время первых вооруженных столкновений британских войск с американскими колонистами последние вообще не имели никакой армии. У каждой из 13 колоний было собственное ополчение, призываемое для целей местной самообороны. Нарастание напряженности в отношениях с метрополией привело американцев к реформированию ополчения. Предложение Р. Г. Ли организовать общеамериканское ополчение было отвергнуто первым континентальным конгрессом. 14 июня 1775 г. Второй континентальный конгресс принял постановление о создании регулярной армии во главе с генералом Дж. Вашингтоном. Были назначены четыре генерал-майора и восемь бригадных генералов. В 1775 г. Дж. Вашингтон организовал три дивизии. Армия набиралась из колонистов, их служба оплачивалась. На первом этапе срок службы был коротким – до года, зимой 1776–1777 гг. он был увеличен до трех лет или «до окончания войны». В 1777–1778 гг. численность была определена в 88 батальонов. Общее количество солдат в Континентальной армии никогда не превышало 17 тыс. человек.

В докладе британской разведки 11 августа 1781 г. сообщалось: «В последнее воскресенье армия повстанцев провела смотр войска на Уайт-Плейнс и заявила о 20 тыс. человек в ее рядах. Но наши друзья утверждают, что если их и было 14 тыс., то это максимум (при этом

женщины и возчики фургонов составляли едва ли не половину)[1]. В этом донесении упоминались те, кого историки до недавнего времени или намеренно не замечали, или упоминали мимоходом. Это были – «кемпфолловеры» – люди разного пола, возраста, наций.

Мои попытки найти эквивалент этому термину в русском языке не были успешными:

– «обоз» – но функции и роль этих людей, «следующих за лагерем» были шире и разнообразнее;

– «лагерники» – это слово приобрело в XX в. другой смысл и значение.

Поэтому я решила оставить этот термин без изменений – «кемпфолловеры», уделив при этом основное внимание в этом сообщении их женской составляющей.

Кто такие «кемпфолловеры»? 23 статья 13 раздела «Свода американских военных законов 1776 г.» дает такое определение: «…Все маркитанты и привлеченные в лагерь лица, а также все, кто каким-либо образом полезен армии Соединенных Штатов»[2]. Военный историк Р. Холмс пишет: «”Кемпфолловеры” – …гражданские лица, которые шли следом за армией или обслуживали армию, находясь в военном лагере, продавая товары и услуги, которые сами военные не могли обеспечить»[3].

«Кемпфолловеры» были необходимы для выживания армии, также как армия была необходима для успеха и выживания поднимающейся американской нации. Британский офицер Фредерик Маккензи в октябре 1776 г. сделал такую запись: «Если эта армия будет разбита или разогнана, то покорение американских колоний можно будет считать делом решенным»[4].

---

[1] Encyclopedia of Continental Army units – battalions, regiments, and independent corps / Ed. by F.A. Berg. Harrisburg, 1972. P. 143.

[2] A treatise on American military laws, and the practice of courts martial : with suggestions for their improvement / Ed. by J. O'Brien. Philadelphia, 1846. P. 322.

[3] Holmes R. The Oxford companion to military history. Oxford; New York, 2001. P. 170.

[4] Mackenzie F. Diary of Frederick Mackenzie, giving a daily narrative of his military service as an officer of the regiment of Royal Welch fusiliers during

Кто был среди женщин – «кемпфолловеров»? Сколько их было? Что приводило их в лагерь Континентальной армии? Что удерживало их там?

Женщин в лагере армии патриотов можно разделить на три неравные группы:

– самая многочисленная состояла из представительниц бедных слоев населения – солдатских жен, дочерей, иногда матерей. Их дома были разорены британцами, и чтобы выжить самим и прокормить своих детей, они приходили к своим мужчинам в армию, ища работы и пропитания;

– вторую группу составляли жены высших офицеров, которые не следовали за своими мужьями в походах, а присоединялись к ним на зимних квартирах, создавая там подобие «светских салонов»;

– третья группа, самая малочисленная, состояла из жен младших офицеров. Социально и экономически они являлись очень разнородным сообществом, где часть была похожа на первую группу, часть – на вторую.

Бедные женщины являли собой довольно неряшливую, крикливую компанию, появлявшуюся в лагере со скарбом на спине и детьми, которых они вели за руку. Их состав и количество менялись в зависимости от времени года и места, в котором шли военные действия. К 1777 г. их количество стало значительным, что создавало серьезные трудности армии, особенно во время маршей.

Из всех приказов военного времени Дж. Вашингтона около 25 касаются женщин – «кемпфолловеров». Сначала эти распоряжения носили в целом запретительный характер – главнокомандующий настоятельно рекомендовал старшим офицерам всячески избавляться от женщин в лагере, не позволять им следовать за полками, запрещал сажать их в повозки и лодки при передислокации войск[1]. Но поскольку война затягивалась, его отношение к присутствию женщин изменилось. 29 января 1783 г. генерал написал из своей штаб–квартиры в Ньюбурге Р. Моррису (суперинтенданту финансов США): «Я был вынужден

---

the years 1775–1781 in Massachusetts, Rhode Island and New York... Cambridge, Mass., 1930. P. 89.

[1] The Writings of George Washington, from the original manuscript sources, 1745–1799. 39 vols. / Ed. by J.C. Fitzpatrick. Washington, Wash., 1931 – 1944. Vol. 8. P. 347,375. Vol. 9. P.139, 213.

кормить больше женщин и детей в этих полках, иначе столкнулся бы с дезертирством, возможно даже в лагерь врага, части самых опытных и лучших солдат в армии…». «Наши женщины могли бы заработать себе на еду, но ни солдаты, ни офицеры не имели средств, чтобы заплатить им даже за стирку…»[1].

Многие женщины – «кемпфолловеры» занимались тяжелой, но очень нужной для армии работой – готовили пищу, стирали и чинили белье, заботились о больных и раненых, при этом оставаясь женами и матерями. Сара Осборн, жена сержанта-интенданта, рассказала, что обязанностями женщин в Йорктауне были «стирка, штопка, приготовление пищи и доставка говядины, хлеба и кофе… солдатам в окопы»[2].

Некоторые жены или вдовы солдат становились маркитантками, продававшими продукты и спиртные напитки. Если они подчинялись армейской дисциплине и имели покровителей среди офицеров, то им разрешали даже иметь торговую палатку в лагере. Другая группа женщин стала прачками. Часто задача стирки одежды возлагалась на них командирами, как отработка за провизию, которую выдавали им и их детям. Но были и те, кто самостоятельно организовал платные прачечные, становясь предпринимателями. Офицеры вмешивались в процесс ценообразования, следя за тем, чтобы эта услуга была доступна солдатам и младшим офицерам[3]. Эта работа была чрезвычайно важна для вооруженных сил. 27 октября 1775 г. один из современников сделал такую запись о положении в лагере Кембриджа: «Многие американцы заболели и умерли от дизентерии, которая возникла из-за несоблюдения чистоты. Когда они были дома, женщины заставляли их мыть руки и лица, содержать себя в чистоте. При отсутствии такого контроля лень и

---

[1] Ibid. Vol. 26. P. 78 –79.

[2] Hucker B. Women and military institution in early modern Europe: A reconnaissance / Sign: Journal of Women in Culture and Society. Vol.6. N 4 (1981). P. 655; Dann J. C. The Revolution remembered : eyewitness accounts of the war for independence. Chicago, 1980. P. 243.

[3] Orderly Books of the Fourth New York Regiment, 1778–1780; the Second New York Regiment 1780–1783. With diaries of Samuel Tallmadge, 1780–1782, and John Barr, 1779–1782. Published by A. W. Lauber. Albany, 1932. P. 610.

беспечность привели к пренебрежению своими здоровьем, он стали грязнулями и неряхами, чем и погубили свои организмы». В континентальной армии потери от болезней были в десять раз выше, чем от ран. Один из командиров, Б. Томпсон, писал: «…Сыновья свободы не хотели заниматься своей одеждой, предпочитая дать ей сопреть на их спинах, чем позаботиться о ее стирке…»[1].

Значительное число женщин нашло работу в госпиталях. Нескольким привлеченным гражданским врачам нужны были помощники - аптекари, экономы, санитары, сиделки. Обученного медперсонала не было. В ноябре 1776 г. комитет, посланный конгрессом в Тайкондерогу для контроля за ситуацией в Северной армии, в своем отчете писал о 400 больных и раненых в госпитале форта Джордж, которые «…хотели бы заботливых сиделок и удобных кроватей»[2]. Осенью 1780 г. доктор Уильям Эустис из госпиталя в окрестностях Вест-Пойнта просил полковника Джона Лемба «рекомендовать ему нескольких бедных, честных беженцев, способных быть санитарами в госпитале. Плата слишком незначительна, чтобы можно было привлечь людей, занятых другим делом»[3]. Работа эта была тяжелой и физически, и морально, но бедные женщины получали за нее провизию, что и удерживало их здесь. Приказы по армейским подразделениям с 1777 г. о выделении людей для работы в госпиталях не указывают пол, но обычно это были женщины, т.к. командиры не хотели освобождать так необходимых в военных действиях мужчин[4]. 31 мая 1778 г. в приказе Дж. Вашингтона по лагерю в Велли-Фодж было сказано: «…Командиры полков должны

---

[1] Germain Papers: Report on Stopford–Sackville materials in the William L. Clements Library. Published by A. Arbor, William L. Clements Library. Alumni press, University of Michigan. 1910. Bulletin 18. Vol. 2. P. 260.

[2] Orderly book of the Northern Army at Ticonderoga and Mt. Independence from October 17, 1776 to January 8, 1777 ... Ed. by J. Munsell. Munsell's Historical series. N 3. Albany, N.Y., 1859. P. 162.

[3] Dr. William Eustis to Lamb [Robinson's near West point, new York],12 October 1780. Jonn Lamb Papers (microfilm), reel 2. N.Y. Historical Society.

[4] McKenny J.E. Women in Combat: Comment / Armed Forces and Society. 1982. N 8. P. 688.

помочь полковым хирургам обеспечить как можно большее количество женщин для работы сиделками за обычную плату»[1].

Еще одна сфера, в которой были заняты женщины – забота о погибших на поле сражения. В этом деле была одна очень необычная деталь. На протяжении всей войны Континентальная армия не имела достаточно ресурсов. Это касалось и боеприпасов, и снаряжения, и амуниции, и одежды. 26 ноября 1782 г. Дж. Вашингтон с большим удовольствием отмечает, что вскоре по две рубашки будет выдано каждому мужчине в лагере»[2]. Поэтому, приходя на поле битвы, особенно в первой половине войны, женщины под покровом ночи сначала раздевали мертвых, забирая их одежду и обувь для живых, а затем стаскивали тела в большие ямы, забрасывая их сверху ветками и слоем земли[3].

Сколько женщин было среди «кемпфолловеров»? Эту цифру можно подсчитать только приблизительно, основываясь на данных из докладов командиров полков о выдаче продовольствия. В списках, отправляемых в штаб-квартиру, указывались имена женщин, которые выполняли различную работу и были приписаны к батальонам и полкам. Их численность в подразделениях составляла от 2 до 4% от общего состава. Количество людей в полках изменялось на протяжении войны от 250 до 500 человек, вместе с ним менялось и количество женщин, приписанных к ним – от 4 до более 20 человек. Так, в Первой Массачусетской бригаде в 1781 г. из 1104 человек была 31 женщина, в 1783 г. из 1669 человек было 46 женщин; в Третьей Массачусетской бригаде в 1781 г. из 811 человек было 28 женщин, в 1783 г. из 1119 человек было 34 женщины[4]. Кроме традиционной сферы домашней работы, ставшей теперь общественно необходимой, женщины нередко перешагивали невидимую черту, приходили вслед за мужьями на поле боя и становились героинями. Среди них были миссис Гриер и миссис Уорнер, которые выдержали суровый поход с генералом Арнольдом в

---

[1] The Writings of George Washington. Vol. 11. P. 497.
[2] Blumenthal W.H. Women camp followers of the American Revolution. Philadelphia, 1952. P. 62.
[3] Ibid. P. 84–85.
[4] The Writings of George Washington. Vol. 22. P. 203; Lesser Ch.H. The Sinews of independence : monthly strength reports of the Continental Army. Chicago, 1976. P. 202 –242.

Квебек, Маргарет Корбин в форте Вашингтон в 1776 г., Грейс и Речел Мартин, перехватившие британских курьеров с донесением, которое они передали генералу Грину, Анна Мария Лейн, получившая ранение в битве у Германтауна в 1777 г., Мери Хейс, участвовавшая в битве при Монмуте в 1778 г., и другие[1].

Женщины являлись постоянной, хотя временами и обременительной частью Континентальной армии. Без них, без их ежедневного, тяжелейшего труда армия не смогла бы выжить. В очень суровых условиях длительной войны они обеспечивали некое подобие домашней жизни, помогая солдатам бороться с усталостью от походного существования. Все многообразие и объем их помощи помогли довести изнурительную борьбу до победы.

И.Ю. Мартианова,
Краснодар, Кубанский государственный университет,

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ДЕВОЧКИ В ПОЛЬСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ XVIII В.

«…национальная воля и ум – в женщинах Польши»
Г. Гачев[2].
«Всему хорошему в нашей стране женщины наши первые давали пример» Я.Д. Охотский[3].

В центре внимания данного исследования – жизненный мир девочки в польской дворянской семье XVIII в., отображённый в

---

[1] Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1885. Vol. 9. P. 105; Nagle J. The Nagle journal : a diary of the life of Jacob Nagle, sailor, from the year 1775 to 1841 / Ed. by J.C. Dann. New York, 1988. P.6 –7; The Writings of George Washington. Vol. 9. P. 200; Roberts K.L. March to Quebec; journals of the members of Arnold's expedition. Maine, 1967. P. 337 –338.

[2] Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1998. С. 247.

[3] Охотский Я.Д. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского с рукописей после него оставшихся, переписанные и изданные И. Крашевским. СПб., 1874. В 2 т. Т. 1. С. 328.

мемуарах графини Анны Потоцкой, урождённой Тышкевич. Широко известно в Польше и за её пределами убеждение, что именно женщинам этого народа принадлежит честь быть хранительницами национального менталитета. Изучение формирования основ жизненного мира девочки проливает свет на понимание содержания бытия женщины привилегированного сословия в Речи Посполитой в XVIII в. Цель работы – выявление гендерной направленности жизненного мира девочки в воспоминаниях А. Потоцкой.

Жизненный мир человека включает в себя не только повседневность, многообразную, текучую и привычную, определяющую поступки людей[1], но и внеповседневную реальность, которая наделяется в его сознании уникальностью, вечностью и всеобщей значимостью. Элементы, образующие жизненный мир (повседневность и внеповседневная реальность) не изолированы друг от друга, а взаимодействуют и переплетаются, что становится заметным в момент их соприкосновения. Для достижения поставленной цели необходимо реконструировать детали повседневной жизни, способствовавшие усвоению своей гендерной роли девочкой в семье польских дворян по мемуарам А. Потоцкой, и выявить моменты её соприкосновения с внеповседневной реальностью как части её жизненного мира.

Повседневная составляющая жизненного мира польской мемуаристки в детстве определялась положением её рода в Речи Посполитой. Её мать, графиня Тышкевич, была племянницей последнего польского короля С.А. Понятовского. В детстве Анна с матерью постоянно жила у своей тётки, вдовы краковского кастеляна графа Браницкого. Графиню Браницкую взрослые представляли девочке как идеал женственности, так как она олицетворяла «возможность… совершенства. Набожность без ханжества, добрая без слабости, гордая и в то же время мягкосердечная, твёрдая и чувствительная, делающая добро без хвастовства, великодушная и бескорыстная она была примером соединения всех добродетелей»[2].

---

[1] Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 13.

[2] Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820. М.; Жуковский,

Непременной составляющей повседневной жизни девочки-дворянки был патриотизм, который в конце XVIII в. в гибнущем государстве заключался в ненависти к русским: «Утром и вечером няня заставляла меня молиться, чтобы Бог благословил наше оружие. Я горячо молилась, не вполне сознавая, в чём дело, и не понимая, почему нужно ненавидеть хорошеньких русских офицеров, которые так красиво гарцевали на своих великолепных лошадях»[1]. Политический подтекст внушаемой взрослыми молитвы был непонятен ребёнку. Постоянное запугивание девочки образом врага-москаля привело к тому, что когда она с матерью жила в гродненском замке вместе с пленным королём, «нужен был весь авторитет матери, чтобы заставить… переступить порог комнаты, хотя и не без сопротивления и слёз» со стороны Анны[2].

Детский жизненный мир многообразен, но ко времени написания воспоминаний о нём в памяти остаётся из всего пережитого только то, что представляется особенно важным в последующей жизни. Для мемуаристки наиболее ценным и важным, что было усвоено в детстве и сохранило значимость на всю жизнь, стал комплекс патриотических идей. Графиня считала, что прежде чем говорить о событиях прошлого, надо рассказать о себе, «…чтобы вызвать …доверие». Свой рассказ «о себе» она начинает именно со знакомства со своим патриотическим воспитанием в детстве. В жизненном мире польской девочки-дворянки это была центральная идея, которую формировали в ней как прямым внушением, так и организацией всего хода повседневной жизни. В Речи Посполитой, где господствовало домашнее воспитание девочек, не государство, а именно семья обеспечивала воспроизводство комплекса патриотических и национальных идей, на которых основывалась сама польскость.

В Польше XVIII в. дочь была для родителей не только «симпатичный капитал», который можно пристроить в выгодном браке, но и объект их эмоциональной привязанности и идеологических ожиданий. Когда семью мемуаристки посетил будущий король Людовик XVIII, в знак признательности за гостеприимство он

2005. С. 15.

[1] Там же. С. 16.

[2] Там же. С. 12.

предложил выдать Анну замуж за герцога Беррийского, повысив тем самым её статус. Но отец девочки, «…имея единственную дочь, …предпочитал выдать её за поляка»[1].

Мать в этой семье имела огромное влияние (об отце мемуаристка говорит лишь вскользь и редко), но между ней и Анной не было близких отношений: «Я нежно любила свою мать. Я чувствовала, что многим ей обязана; за её высокую добродетель и благородный характер я питала к ней глубокое уважение, но это чувство было как бы сковано чем-то похожим на страх, и в наших отношениях проскакивала какая-то натянутость»[2]. Графиня Тышкевич была строгой и властной, требовала от дочери полного повиновения, общаясь с ней в форме монолога: «Порой я сама чувствовала потребность излить ей душу, но стоило только мне пожелать или выразить мнение, несогласное с её взглядами, она тотчас же принимала суровый вид, и признание, уже готовое вырваться из глубины сердца, замирало у меня на устах». Отсутствие доверия между ними усугублялось тем, что графиня находила излишними «…шумную весёлость, любовь к светской жизни, нарядам и украшениям», то есть всё то, что привлекало девочку. Мать поступала вполне в духе своего времени, когда считали, что ребёнок не осознаёт пола и не следует условиями повседневной жизни давать это осознание раньше времени. Вредным признавалось общение со сверстницами, и Анна «росла совершенно одна». Жизнь в замке блистательной краковской кастелянши, напротив, предлагала девочке противоположные требованиям матери образы и впечатления. Всё вокруг способствовало усвоению Анной своей гендерной роли. Женственность в жизненном мире Анны во времена её детства представала как вещь привлекательная и желанная. Хозяйкой дома была тётка (её муж к тому времени уже умер), она же – образец для подражания, о чём девочке твердили все; мать – всецело распоряжалась дочерью. Лучшие собеседники для Анны – её гувернантка, m-lle Дюшен (лектрисса кастелянши), дамы семейства Бассомпьер и m-me Соболевская. Беседы этих женщин – любимое повседневное развлечение Анны, так как они «обо всём умели

[1] Там же. С. 21.
[2] Там же. С. 36.

говорить шутя и старались делать жизнь насколько возможно лёгкой и приятной»[1]. В замке постоянно устраивались праздники – соответственно, обсуждались наряды, танцы, поведение женщин и мужчин и тому подобное. Поэтому девочка «лучше всего… знала то, чему… меньше всего учили», несмотря на запреты матери.

Кроме будничных проблем и повседневных мечтаний, жизненный мир А. Потоцкой вмещал массу вещей, выходивших за грани обыденности и заставлял её с детства проникнуться пафосом исторического существования, чему немало способствовали пребывание в обществе высокопоставленных лиц и их отзывы о ней. Рассказы графини Браницкой постоянно напоминали о связи семьи Анны с великими событиями жизни Речи Посполитой: «Рассказчица, которая заставила нас своими рассказами, так сказать, соприкоснуться (выход за пределы повседневного – И.М.) с давно минувшими временами, сама была очевидицей всех этих событий, и её рассказы дышали такой наивной простотой, правдивостью и благородным прямодушием, что не оставляли ни малейшего сомнения в достоверности и точности излагаемых событий»[2].

Разворачивающиеся в стране события её грандиозного крушения также были наблюдаемы девочкой, которая пыталась их понять и вписать в свой жизненный мир, что и отобразилось в мемуарах. Она отлично запомнила «переворот, который положил конец… политической независимости» поляков[3]. Ей вспоминалось, как при обстреле Кракова она с матерью и тёткой укрывалась в подвале. После окончания стрельбы им пришлось пройти всё «предместье Кракова, где несколько часов тому назад кипел бой. При виде поля, усеянного сотнями трупов, я содрогнулась от ужаса, но это было единственное тяжёлое воспоминание, которое у меня тогда осталось». Эти и другие впечатления об увиденных исторических событиях жизни своей родины уже тогда вошли в жизненный мир девочки в виде воспоминаний, определяя её духовное развитие. Мать Анны, верная своему долгу польской патриотки, желала дать дочери достойный пример любви к родине и поэтому, по словам Анны, «возила меня в

---

[1] Там же. С. 25.
[2] Там же. С. 27.
[3] Там же. С. 15.

лагерь Костюшко, и я видела там, как красивые дамы в маленьких шапочках набекрень возили в тележках землю для постройки укреплений». Она не оставалась безучастной к такому зрелищу: «Я завидовала им, и уже тогда моё детское сердце билось, слушая рассказы о наших победах»[1].

Анализ жизненного мира девочки, представленного в мемуарах графини А. Потоцкой, на уровне повседневности раскрывает процесс усвоения гендерных идеалов и ролей, которые транслируются окружающими ребёнка взрослыми. Главную роль в этом процессе для маленькой Анны играли её мать и тётка. Именно в рамках семьи мемуаристка усвоила нормы принятого женского поведения. В своей семье она осознала ту свою гражданскую роль будущей матери–патриотки, которой ожидало от неё, как от женщины благородного сословия, польское общество. Созерцание исторических событий и представления о них (внеповседневная реальность), а порой и невольное участие, которое девочка принимала в этих происшествиях в силу сложившихся обстоятельств, закрепили усвоенные ею нормы женского поведения и создали прочную базу для формирования в будущем комплекса её национально-патриотических убеждений, отличавших женщину-польку последние триста лет.

О.И. Курто,
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ХИЩНИКИ–ЖЕЛТУГИНЦЫ: К ИСТОРИИ МУЖСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Произошедшая в середине XX в. «сексуальная революция» стала поворотным моментом не только в раскрепощении сознания людей, но и в ходе развития науки. Традиционная наука не знала «полов», для неё существовал лишь «мужской» взгляд (поскольку практически все крупные учёные были мужчинами), преподносимый как общечеловеческий. Однако интерес к гендерным исследованиям привёл к необходимости пересмотреть столь неполноценный подход. Удивительно, что, находясь столько веков у кормила науки, учёные-

[1] Там же. С. 16.

мужчины не сумели проблематизировать «мужское» (мужское мировоззрение, ценности, образ мысли, социальные роли, привычки, образы и пр.), и в результате остались «неизученными». Именно поэтому в настоящий момент перед учёными нового поколения стоит колоссальная задача – переосмыслить весь общечеловеческий опыт в рамках гендерных исследований.

На рубеже XIX и XX в. на российско–китайских приграничных территориях появились уникальные социальные образования. Ими были стихийно сформированные в местах добычи золота поселения. Созданные по берегам золотоносных рек Сибири и севера Маньчжурии, поселения, или, как их называли, «республики» за короткий срок своего существования сумели создать удивительную, самобытную форму хозяйствования и взаимоотношений. Особый интерес представляет тот факт, что общины старателей по своему населению были практически исключительно мужскими, а значит и сложившийся в них образ жизни был продиктован мужским мировоззрением и нормами.

«Республики» возникали в самых разных уголках региона, однако почти всегда они воспроизводили одни и те же нормы повседневной жизни и социального уклада, создавали схожие традиции. Всё это даёт возможность предположить, что в регионе был сформирована уникальная социокультурная среда – среда мужчин золотоискателей.

История «золотой лихорадки» на Дальнем Востоке началась с открытия вольными старателями во второй половине XIX – начале XX в. богатейших золотых месторождений на Среднем Витиме, Зее, Охотском побережье, в Олёкминском округе, на Чукотке и в Северном Китае. Наиболее известными золотыми приисками были прииски на реках Бом и Селемжа в Амурской области, «Миллионный ключик» на реке Гилюй, «Королонская республика» (р. Королон) близ Баргузина, прииск на р. Жуя в Олёкминском районе. На территории Китая это прииски на р. Урге (приток Гана), р. Желтуге, р. Фа-бир, прииск Гуань–и–сань, прииск в верховьях р. Мурэнь, в бассейнах р. Суйфун, р. Тумэнь-ула, р. Сунгари и др.

Формирующиеся в местах добычи золота общины, стихийные по природе, характеризовались целым набором особых признаков. Им были присущи самосознание и самоопределение («желтугинцы», «королонцы», «карийцы»). Их объединяли общие для различных поселений формы сосуществования (наибольшее распространение

получила «республиканская»). Старатели жили, придерживаясь единых принципов хозяйствования, основанных главным образом на золотодобыче, спиртоношестве и торговле. В силу сложившихся обстоятельств или по решению самих поселенцев на приисках не было женщин. Нарушившие этот закон подвергались телесному наказанию в виде 400 ударов палкой. В их среде существовали широко признаваемые типично мужскими формы проведения досуга: пьянство, азартные игры, драки, посещение балаганов, охота.

Наиболее известной и успешной среди этих республик стала так называемая Желтугинская республика. Жители самопровозглашённой республики, проводя параллели с «золотой лихорадкой» в Калифорнии, также называли своё сообщество «Амурской Калифорнией», а себя – «калифорнийцами». По роду своей деятельности они именовались «хитниками», или «хищниками», поскольку занимались «хищением», то есть незаконной добычей золота на территории соседнего государства.

Желтуга объединила людей самых разных социальных слоёв: беглых каторжников, приисковых рабочих, сибирских ремесленников, казаков, бывших исправников, инженеров по горному делу, золотопромышленников, авантюристов, циркачей, шулеров и пр.

Жизнь на приисках была очень тяжёлой. Вдали от семей, терпя холод и голод, старатели очень ожесточались сердцем. С целью отвлечь работников от мыслей о женщинах и выпивке, по воскресным дням и престольным праздникам на больших площадях проводились ярмарочные гуляния с аттракционами: качелями, столбами для лазания за призами, перетягиванием каната и пр. В некоторых случаях проводились пикники на природе, где рабочих угощали дополнительными угощениями: салом или маслом, гречневой или ячневой кашей, сахаром и чаем за счёт прииска.

Впрочем, такие народные гуляния сглаживали тяготы старательского труда ненадолго. Бытовая неустроенность и отсутствие женщин, длившиеся около полугода, накапливали в мужчинах дикую энергию, находившую выход по окончании сезона работ. Модель поведения формировалась ещё там, в тяжёлых условиях добычи золота. Адский труд, обилие золота и бурлившая энергия создавали в мужчинах желание развернуться во всю мощь своей натуры, показать всему миру, чего они стоят. Следствием таких душевных перемен были групповые изнасилования в близлежащих

деревнях, оргии в кабаках, свита из готовых на всё певичек и танцовщиц, толпы друзей–собутыльников, кружащие поблизости сутенёры и хозяйки притонов. Исполнить любую прихоть золотоискателя, обмануть, обокрасть, выманить добытое тяжким трудом всегда были готовы орды лавочников, ярмарочных торговцев, кабатчиков, владельцев притонов, «обольстительниц», извозчиков, картёжных шулеров, квартирных хозяек. К услугам «хищников» были алкоголь, женщины, роскошь. Куражившиеся старатели, соря деньгами, могли запрячь вместо лошадей с десяток молодых девок и проехать на них по деревне. Иные требовали, чтобы крышу их дома покрыли золотой черепицей. Третьи нанимали табор цыган и гуляли с ними пока не пресытятся.

Жили старатели в наскоро построенных хибарах, шалашах или бараках. Более капитальной формой жилища был бревенчатый сруб с плоской крышей, засыпанной песком, игольником или сухим листом. Для ломаной или покатой крыши нужны были доски, а в условиях тайги и отсутствия инструмента заниматься изготовлением досок ни у кого не было ни желания, ни сил. Стены сруба конопатили мхом. Пол был песчаным, либо покрывался наскоро изготовленными досками. Окон в таких срубах не делали. Внутри сруба находились либо печь, либо очаг. Печь делали из камней, которые обмазывали глиной. Очаг же представлял для себя обычное место для костра, в потолке над которым делалось отверстие для тяги. Вдоль стен располагались нары, покрытые шкурами или травой. В одном таком зимовье проживала одна бригада, хранившая свой инвентарь и лопаты здесь же, рядом с нарами.

Каждый старатель был мастером на все руки, иначе в тайге было не прожить, да и золотоискателем стать было невозможно. Даже в советское время специалисты–геологи отправлялись в экспедицию, имея за плечами навык работы как минимум по десяти специальностям, что и говорить о старателях XIX в. Они должны были уметь не только мыть золото, но и владеть навыками строительства, охоты, уметь плести корзины и верёвки, легко ориентироваться на местности и пр. Набор инвентаря, необходимого старателю на месте работы (бутар), претерпел не сильные изменения с течением времени. Работники, объединяясь в коллективы, имели каждый для себя и в расчёте на группу следующие вещи: нож, огниво, ружьё, котлы,

топоры, пилы, ломы, тросы, верёвки, бадейки. Ложки и другие мелкие предметы обычно вырезались из дерева уже на месте.

Труд золотничников неизменно был очень тяжёлым. Важным этапом добычи золота была его промывка в доводочном лотке. Мастер стоял в ледяной воде с тридцатикилограммовым лотком, промывая концентрат. Затем шлих сушили. После чего наступал не менее сложный этап. Концентрат помещали в лоток и со всей силы дули на него, отсеивая более лёгкие частицы и очищая остающееся на дне совка золото. Либо прибегали к очень вредному для здоровья методу амальгамации, при котором шлих сначала заливали ртутью или «царской водкой» (смесь соляной и азотной кислот), растворявших золото, а затем осаждали его. Ядовитые пары при таком процессе наносили непоправимый вред здоровью.

Результатом таких, пусть даже и не очень продолжительных работ, были лихорадки, сильнейший радикулит, артроз, лёгочные заболевания, гангрены, грыжи, лечить которые в условиях тайги было невозможно. Умерших хоронили, закапывая в ямы, неподалёку от приисков. А вынесшие все испытания жили так, как будто это последние дни их жизни.

Такие условия труда также сказывались на модели поведения старателей после окончания сезона работ. Ведь нередко те, кто оказывался на прииске, вовсе не имели семей либо родные отрекались от них из-за их недостойного поведения и ссылки. А, следовательно, всё приобретённое тяжелейшим трудом богатство принадлежало только работникам, и размахом разгульной жизни они как бы пытались показать всему миру, от каких людей отрёкся свет.

Золотничники любого уровня отличались целым набором ментальных характеристик. Традиционно в любом человеке, занимающемся такого рода промыслом, видели богача, который «загребает золото лопатой». А потому на всех уровнях старатели встречали массу преград и препятствий. Ничего удивительного, что в таких условиях ковался особый характер золотничника – хитрый, изворотливый, находчивый, живучий: отчёты для руководства составлялись «на глаз», закупалось современное оборудование, чтобы выслужиться перед горным начальством, осуществлялись разного рода авантюры, чтобы покрыть убытки прошлых сезонов.

Всё это позволяет говорить об особом явлении – мужских старательских общинах золотых приисков Сибири и Дальнего Востока.

А.В. Всеволодов, А.С. Котов,
Череповец,Череповецкий государственный университет

МЕЖДУ «ПРЕЖДЕ» И «ТЕПЕРЬ» (ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И ЯВЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО В ШКОЛЬНЫХ ТЕКСТАХ 1920-х ГГ.)*

Создание «нового человека» в 1920-е гг. было актуальнейшей задачей большевистского государства. Ключевую роль в ее выполнении играла система образования, непосредственно транслировавшая идеологию новой власти для подрастающего поколения. Большой интерес в этой связи представляют сохранившиеся школьные тексты того времени, в частности – ученические доклады и сообщения различной тематики, готовившиеся школьниками, как правило, по заранее данному учителем плану. В данной работе нами были использованы материалы школ Пачевской волости Череповецкого уезда Череповецкой губернии за 1924–1926 гг. Данные тексты, будучи специфическим жанром детского письма как единого источникового поля[1], иллюстрируют особенности индоктринации советского в сознании ребенка, протекавшей под знаком тотального отрицания всего наследия «старого» мира и противополагания его миру «новому». Наиболее ярко это отразилось в детских работах, посвященных истории дореволюционной России и некоторым аспектам повседневной жизни деревни уже советского периода.

Смыслообразующую роль играет здесь применяемое ко всей истории России до Октября 1917 г. Неопределенно–обширное понятие «раннего времени», завершающегося установлением Советской власти. Посредником между тем, что лежит по обе стороны

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., ГК П 360.

[1] Сальникова А.Е. «Детское письмо» как опыт, как факт и как знание // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2008. № 15. С. 290.

обозначаемого таким образом хронологического разлома, является ребенок-автор[1], находящийся в позиции и стороннего наблюдателя и, по существу, субъекта наблюдения, вынужденный прибегнуть к отчуждающей дихотомии «я / они» для описания того, что, так или иначе, еще является частью его собственной повседневности. С другой стороны, он должен усваивать предлагаемые ему школой идеологически нагруженные факты и модели объяснения событий прошлого. Учебный материал, преломляясь сквозь призму детского восприятия, порождал своеобразный детский миф об истории, в котором факты интерпретировались, дополнялись и перекомпоновывались силой фантазии[2].

Нерасчлененное время школьного текста причудливо контаминирует обобщенные представления о ранних стадиях общественного развития, распространяя их на дореволюционную Россию, которая нередко представляется средоточием почти первобытной дикости и варварства.

«Раннее время» характеризует далекое прошлое, и при этом течет параллельно настоящему, открывая доступный внешнему наблюдению мир маргинального не-советского, как бы вброшенного с *той* стороны разлома в новую жизнь. В исторической плоскости оно описывается как век всеобщего равенства, когда «все были крестьянами». Из этого эгалитарного состояния позднее выделяется слой эксплуататоров, «буржуазии» и «капиталистов», ими создаются властные институты. «Тогда, если человек был поразвитее, поумнее, покрасивее и т.д., того уже буржуазия избирала в цари, попы, офицеры», – писал об этом в марте 1925 г. ученик Пачевской школы Шура Белоликов. Буржуазия же щедро оплачивала труды своих избранников: «царю 2000000 рублей, князю 3000000 рублей, офицеру 20000 рублей, попу 300000 рублей, да он свои доходы еще получал, <…> уже около 800000 рублей в год»[3].

---

[1] См. там же. С. 267–268.

[2] См.: Чередникова М.П. Голос детства из дальней дали (игра, магия и миф в детской культуре). М., 2002. С. 79.

[3] Архив Череповецкого музейного объединения (ЧерМО). Инв. н. 554. Комплекс «СССР. Промышленность». Пачевская школа, 1924–25 г. Л. 54 (здесь и далее при цитировании сохранена орфография оригинала).

В качестве господствующего социального слоя в царской России фигурирует также дворянство: «…у них были свои права, которые дала им Екатерина II. По этим правам дворяне могли владеть землей и крестьянами по ним их не брали в солдаты. Наказывать их без суда было нельзя, а чтобы пороть об этом даже речи не могло быть. Зато помещик мог судить мужика за всякие дела, но мужик помещика никак не мог, потому что верили помещику, и на суде было такое правило, по которому полагалось верить мужчине, а не женщине <…> вся власть подчинялась дворянам. Цари и царицы воевали для дворян с турками и отняли у них Крым и Черное море. Чтобы дворянам было лучше жить, им раздали много земли и людей. Но дворянам этого показалось мало – и трех царей поэтому укокошили. Приходила дворянская армия к царю и говорила: уходи с престола и если царь возражал, то его сажали в тюрьму или убивали»[1].

В ином ключе описывается жизнь деревни при крепостном праве: «…У крестьянина изба была очень плоха, потолок покрыт сажею, пол в щелях, печь без трубы и дым каждое утро заполнял избу. Окна затянуты пузырем и едва пропускают свет. Иногда они ходили зимой босиком и часто умирали от стужи. Очень часто помещики били крестьян плетками, иногда забивая до смерти. Затем трупы бросали во рвы и зарывали как скотину. Например, в Череповецкой губернии Устье-Угольской волости деревни Кичино один из помещиков Агеев убил старика нагайкой, а другой делал ремни из крестьянских спин. От такой жизни крестьяне иногда уходили в чужие земли. Зато помещики раньше жили очень хорошо, они не знали ни какой нужды и бед у них не было. Делать они нечего не делали, кроме того, что издевались над крестьянами. Летом помещики жили в своих усадьбах разгуливали по садам, пировали, а на зиму уезжали в город. Ходить пешком они почти не ходили. Их возили на трамвае или лошадях»[2].

Диаметрально противоположная картина крестьянского довольства наблюдается «теперь», при Советской власти: «После революции крестьяне зажили очень хорошо. Их не бьют помещики, теперь крестьянин сам стал большевиком и хозяином земли и может сам совершенно справедливо согнать помещика из его бывшей земли т.к. у

---

[1] ЧерМО. Инв. н. 690. Комплекс «СССР». Группа Г. 1924–25 гг. Л.7 об.
[2] ЧерМО. Инв. н.690. Комплекс «СССР». Группа Г. 1924–1925 гг. Л. 6 об.

него на нее прав совершенно нет». И далее: «Управляет теперь Пачевской волостью ВИК служащих в нем 11 человек два постоянных и девять входящих работает ВИК с 1918 г. Раньше выбирались все, даже кулаки, а теперь только бедняки и средники. Деревней управляет председатель райсовета, который выбирается райисполкомом. В сельсоветы выбираются только бедняки и средники, так как у них ничего нет. Еще наша советская власть хочет завести совхозную форму землепользования, тогда жизнь еще больше улучшится. В совхозе нужно работать только 8 часов в день, а деревенский крестьянин работает все 18 часов. В совхозе работают тракторами, косят косилками, а у деревенского крестьянина этого нет. В совхозе одежда, обувь и разные другие увеселения даются крестьянину бесплатно»[1].

Как рудимент «ранних годов», когда «люди были дикие» и «верили во всяких чертов»[2], описывается в школьном тексте сфера религиозной жизни. Характерно синкретическое замещение веры предрассудком, которое не только в известной мере отражает глубокое взаимопроникновение канонического и народного православия, но и выступает как внедряемый в детское сознание идеологический конструкт.

Повышение сознательности, грамотности населения называется причиной постепенного изживания суеверий: «теперь» ему «стали верить меньше»[3]. Общий уровень религиозности населения зачастую оценивается как высокий[4].

Пережиточный характер предрассудков в детском изложении имеет гендерную подоплеку. Часто их активное бытование часто ограничивается кругом лиц старших возрастов, теснее связанных с «ранним» временем («всех больше верят старики и старухи, потому

---

[1] Там же. Комплекс «Наша волость». Группа В. Руководитель А.З. Заводчиков. Пачевская школа, 1924–25 гг. Л.9.

[2] ЧерМО. Инв. н. 554. Комплекс «Итоги зимних вакаций», 1926 г., л. 61; комплекс «Деревня и волость», 1926 г., л. 36 об.

[3] Там же. Комплекс «Деревня и волость». Л. 32 об.

[4] Ср.: «В деревне Притыкино 4 дома, они все средние и все верующие, а неверующих нет» (там же, комплекс «Наша деревня», л. 1).

что они неграмотные»)[1]. В случае с гаданиями, непременно указывается, что ими интересуются только девушки, «которым надо выходить замуж» («Барышни и теперь гадают, но мало: стукают о кобылку ложкой, запирают родники и гледятся в зеркало. И барышни делают эти все хитрушки против сочельника»)[2]. Обязательно в такого рода описания включается и требование «сократить», «запретить» или вовсе «уничтожить» гадания. Осуждению подвергают тексты традиционные беседы, на которых «…можно заразиться какой-нибудь болезнью, когда девка или парень зараженные поцелует девку, тогда и девка заболеет»[3].

«Суеверными» в детских работах именуются религиозные праздники, в частности, Рождество и Крещение. Событийно праздник, как правило, локализуется в «своем» пространстве («у нас в деревне / деревнях»), а его время в известной мере инерционно, так или иначе связано с его утверждаемой социальной инаковостью, чужеродностью: он, часто, или «сохранился», или «еще есть» (что, впрочем, не отменяет и утверждений о том, что он «часто встречается», подобных приведенным выше)[4]. Даже по-прежнему широко бытующие масленичные забавы предстают как архаичные, свойственные «раннему времени» («Ранний народ в Масленцу возили вдоль деревни, зажгут Масленцу и повезут …»[5]). Деревенскому празднику школьного текста непременно свойственны разнообразные проявления поведенческих девиаций (пьянство, хулиганство), что невыгодно отличает его от «культурного» городского[6].

---

[1] Там же. Комплекс «Итоги зимних вакаций». Л. 34 с об.

[2] Там же. Комплекс «Деревня и волость», л. 40; комплекс «Итоги зимних вакаций», л. 54 об.; инв. н. 554, комплекс «Наша деревня» (Антипинская школа), 1924–25 гг., л. 4.

[3] Там же. Инв. н. 690. Комплекс «Наша волость». Группа В. Руководитель А.З. Заводчиков. Пачевская школа, 1924–25 гг. Л. 25.

[4] Там же. Комплекс «Итоги зимних вакаций». Л. 54 об., 59 об., 61; комплекс «Деревня и волость», л. 42.

[5] Там же. Комплекс «Итоги зимних вакаций». Л. 61.

[6] Детский текст в самом тоне описания и оценки религиозного праздника во многом перекликается с источником, как информационные сводки ГПУ, в которых устойчивым коррелятом

С описанием праздника неразрывно связан образ православного священнослужителя – «попа («И в праздники они приглашают попов и молятся богу»[1]). Его роль в развертывании праздничного действа подчеркнуто механистична и сводится, в конечном итоге, к пассивному потреблению материальных благ – он «ходит по домам и служит какую-то обедню», после чего «збирает с крестьян деньги, хлеб, яйца и т.д.». И далее: «Когда поп входит в избу, то он будет петь какую-то молитву. После молитвы все подходят к кресту и целуют крест. И еще он, когда крест целуют, он всем намочит какой-то мазилочкой лбы. Крестьяне, которые знакомые попу, кормят их [здесь – попа и сторожа – А.В.] обедом, и они обжористо едят»[2].

Таким образом, понятие «раннего времени» в школьных текстах двадцатых годов обладает своеобразной двуплановостью. Оно предстает, с одной стороны, как мифологизированное время социальной архаики («ранние люди были дикими»), эгалитаристской утопии («когда все были крестьянами»), с другой же стороны, характеризует дореволюционное прошлое России как период социальной несправедливости, отсталости, дикости. Границей «раннего времени» в детском изложении служит 1917 г. Недавнее и при этом парадоксально удаленное от советской современности, предстающей как воплощаемый идеал всеобщего равенства, оно продолжается в ней, пронизывает повседневную жизнь череповецкой деревни, сохраняясь, в частности, в области традиционной народной культуры, по-прежнему актуальные явления которой в идеологизированном детском сознании изображаются как маргинальные.

Ф.В. Копылов,
Череповец, Череповецкий государственный университет

праздника также является упоминание о пьянстве, хулиганстве и иных «безобразиях» среди молодежи. См., напр.: Череповецкий центр хранения докум-ции, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 13, 88, 120, 123, 128, 131–132.

[1] ЧерМО. Комплекс «Наша деревня». Л. 3.

[2] Там же. Комплекс «Деревня и волость». Л. 42 с об.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ШКОЛЬНИКА 1930-х ГОДОВ КАК ОБРАЗЕЦ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ (СЛУЧАЙ ЮРИЯ ПИВУШКОВА)*

Юрий Михайлович Пивушков родился в 1926 г. в городе Череповце. Мать Зоя Владимировна Пивушкова работала учительницей в 1 школе города Череповца, отец Михаил Иванович Пивушков вёл курсы повышения квалификации учителей в Педагогическом техникуме. Сам Юрий учился в школе №1, ответственно относился к занятиям и был дисциплинированным учеником. После окончания школы был призван в Красную армию, погиб в 1944 г.

Пивушков оставил после себя дневник, в котором регулярно вёл записи. Сохранились записи за 1939–1940 гг., когда Пивушков учился в 7 классе[1]. Этот дневник заслуживает особого внимания как довольно интересный источник, характеризующий жизнь советского школьника. Отличительная особенность данного документа – повторяемость событий. Свои записи Пивушков вёл аккуратно – описываются события каждого дня жизни, и все они постоянно повторяются. Некоторые изменения в распорядке дня могли быть вызваны отнюдь не желанием самого школьника, а не зависящим от него стечением обстоятельств: закрытием школы, болезнью и так далее. Также распорядок дня менялся в зависимости от времени года. В целом же он был нормированным и однообразным. Объект нашего исследования отличался такими качествами как ответственность и исполнительность и стремился быть образцовым пионером.

Используя данный источник, попытаемся описать повседневную жизнь школьника Юрия Пивушкова. Необходимо предварительно заметить, что дневник как тип исторических источников обладает

---

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., ГК П 360.

[1] Архив Череповецкого музейного объединения. Ф.24. Оп.50. Д. Дневник ученика 7 класса «А» средней школы № 1 города Череповца Пивушкова Юрия. 89л. Дневник написан в одной тетради синими чернилами, довольно аккуратным, разборчивым почерком. Записи ведутся в хронологическом порядке (19.09.1939–07.06.1940), регулярно (за редким исключением).

специфическими особенностями, одной из которых является краткость излагаемых сведений. Дневник Юрия Пивушкова в этом отношении не является исключением.

Утро начиналось, как правило, всегда одинаково: «Встал, прибрал кровать, поел и сел учить уроки»[1]. Часто, но не всегда Юрий делал с утра зарядку. В выходные дни и летом утро начиналось несколько по-другому – Пивушков находил другое занятие – шёл гулять или помогал родителям по хозяйству. Время подъёма также варьировалось: чаще всего в 8–9 утра, редко – позже, независимо от того, выходной день или нет. Он всегда стремился к тому, чтобы вставать как можно раньше, например: «Правило прошлого года осталось “Вставать в 6 час”»[2]. Некоторое непродолжительное время ему это удавалось, но потом он вновь спал до 8–9 часов. После завтрака Юрий начинал делать уроки – устные и письменные. Официальные директивы по вопросу образования были сформулированы следующим образом: «ЦК ВКП(б) поставил в центре внимания пионерорганизации задачу выработки у школьников социалистического отношения к учению. <…> Чтобы каждый пионер везде и всюду был действительно «всем детям пример» и добивался сознательного, добросовестного, аккуратного и точного исполнения каждым школьником своих учебных и общественных обязанностей»[3]. Пивушков неуклонно выполнял все эти задачи. Учёба в его жизни занимала одно из главных мест и отнимала большую часть времени. С утра он делал устные и письменные уроки, о чём давал отчёт своему дневнику: «Сделал немецкий и географию. Решил пример по алгебре. Начал подготовку к контрольной, но одному решать плохо. <…> Контрольная за четверть одна уже была. Та у меня плохо. Это уже не отметка, а мне алгебру надо знать на “отлично”»[4]. Слово «надо» в отношении учёбы очень часто фигурирует в дневнике. Если что-то не получалось, Юрий прилагал все усилия к тому, чтобы это исправить, просил помощи у других и всегда

---

[1] Дневник… Пивушкова Юрия. Л. 50.
[2] Там же. Л.2.
[3] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (1917–1941 гг.) / Отв. Ред. Н.П. Кузин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкин. М., 1980. С. 322.
[4] Дневник… Пивушкова Юрия. Л. 19.

планировал свою деятельность. Он проявлял своё усердие к изучению тех предметов, которые давались ему плохо: «Теперь буду немецкий изучать лучше, чем раньше. Каждый день, в свободное время, буду учить немецкие слова. У нас дома есть немецко-русский словарь. Вот по нему и буду учить»[1].

Уроки Пивушков делал регулярно и тщательно. Только после этого он шёл гулять или заниматься другими делами. Как правило, к 11 часам утра все уроки были сделаны. Иногда после этого он слушал новости по радио. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Пивушков интересовался международными событиями и отражал их в своём дневнике. При этом никакой своей точки зрения не высказывал, а верил всему, что говорили. Другими словами, он находился под влиянием советской идеологии тех времён: «Как хорошо, когда говорят, что наша доблестная армия занимает один город за другим. А как встречают красноармейцев. Занято Вильно и ещё много селений»[2]. В другом месте: «Отдан приказ Красной армии, что если со стороны финнов будут новые провокации, то можно перейти границу и нанести сокрушительный удар поджигателям войны. Финский народ не против СССР, а правительство действует по указке английских империалистов»[3]. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе пионерской организации» требовало: «воспитывать ребят в духе советского патриотизма и интернационализма»[4]. Таким «слепым» патриотом, безоговорочно верившим в свою Родину, и был Пивушков уже в 7 классе. «День прошёл хорошо, а завтра, я надеюсь, что пройдёт ещё веселее, т. к. в нашей стране нет заботы о завтрашнем дне. Все дни весёлые и счастливые»[5]. Случались, и довольно комичные высказывания, которых сам автор дневника, похоже, не замечал: «Наша страна увеличилась и теперь белорусы и украинцы будут жить также счастливо, как и мы. В школе меня не спрашивали и свет у нас потух»[6]. Пионеров воспитывали и в политическом отношении:

---

[1] Там же. Л.67.
[2] Там же. Л.1.
[3] Там же. Л.29.
[4] Очерки ист. школы и педагогической мысли народов СССР… С. 326.
[5] Дневник… Пивушкова Юрия. Л.24.
[6] Там же. Л.43.

«Примечательной чертой передового опыта идейно-политического воспитания учащихся в процессе обучения было в те годы усиленное внимание к формированию у них основ марксистско-ленинского мировоззрения, последовательное осуществление принципа партийности в преподавании основ наук»[1]. Уже в 7 классе Пивушков, находясь под влиянием школы и, возможно, родителей (мы не можем с уверенностью утверждать о степени этого влияния, так как никакими свидетельствами не располагаем), занимался самостоятельным изучением истории ВКП(б). Никаких собственных оценок в дневнике не даётся. Также он читал книгу о жизни и деятельности Карла Маркса.

С 11 до 14 часов Юрий чаще всего помогал родителям по хозяйству или шёл гулять. Пионерская организация была призвана воспитывать у детей любовь к труду. В случае Пивушкова эту любовь удалось привить – он помогал родителям по хозяйству: пилил дрова, убирал снег, с утра прибирался в своей комнате, делал другую работу. Юрий был очень активным, и никогда не было такого, чтобы он сидел без дела. Если все дела были сделаны он шёл гулять, кататься на лыжах, коньках, а в летний период на велосипеде или по реке на лодке. Даже в этом деле он всегда планировал то, что ему нужно сделать, каких успехов нужно добиться, а потом отчитывался в дневнике о выполнении или невыполнении задуманного: «Отдохнул и поехал кататься на лыжах. Сначала катались там, где утром. Результаты по прыжкам с трамплина улучшил»[2]. Также в свободное время Пивушков занимался конструированием моделей самолётов – это было для него интересно.

Пионерам старались привить и интерес к чтению: «П.о. (*пионерская организация – Ф.К.)* заботится о том, чтобы все пионеры были читателями библиотек, создавали свои личные библиотеки, проводит коллективные обсуждения книг, литературные вечера, утренники и др.»[3]. О литературных вечерах, утренниках и каких либо других формах обсуждения прочитанных книг в дневнике речи не идёт, но Пивушков являлся активным читателем школьной библиотеки и

---

[1] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР… С. 304.

[2] Дневник… Пивушкова Юрия. Л.41.

[3] Педагогическая энциклопедия. В 4–х тт. Т.3. М., 1966. С. 396.

довольно быстро прочитывал книги. В основном это была идеологически выдержанная художественная литература, описывающая в героических тонах революционные события 1917 г., а также приключенческие романы, реже – русская классика. Никаких обширных отзывов о прочитанных книгах Пивушков в дневнике не даёт. Чаще всего он очень кратко характеризовал книгу, например: «Сел читать книгу «Бедный Генрих». Дочитал до конца. Книга мне не очень понравилась»[1]. Иногда он описывал основной сюжет особо понравившейся книги. На прочитанные произведения писал отзывы. До 14 часов или после школы Пивушков также ходил в кино: в основном смотрел военно-патриотические и приключенческие картины и давал им столь же лаконичные характеристики, как и книгам.

В 14 часов Юрий обедал и шёл в школу. Отношение к обучению в школе кратко и понятно выражено в следующем высказывании Пивушкова: «В школу, т.е. на работу. Получать знания и применять их»[2]. Он испытывал сильную тягу к получению новых знаний и с нетерпением ждал окончания затянувшихся зимних каникул. 24 января 1940 г. он пишет: «Наконец–то в школу. Сколько времени потеряли зря»[3].

Промежуток с 14 до 20 часов ещё более скудно насыщен событиями, чем другие отрезки времени. В это время он занимался в школе, после окончания уроков иногда посещал авиамодельный кружок. Характеризуя свои занятия в школе, Пивушков также очень краток: «В 2 часа поел и пошёл в школу. Меня не спрашивали. Было 5 уроков»[4]. Второй вариант – кратко отчитывается о своих отметках, полученных на занятиях, не давая при этом никаких комментариев. Следует также отметить важную черту в отношении Пивушкова к своим сверстникам: он часто жалуется на то, что его одноклассники вели себя шумно, не слушали учителя на уроках. Он сам ответственно относился к учёбе и, хотел, чтобы и другие тоже были более ответственными. В своём дневнике он, подражая своим родителям-педагогам, довольно подробно описывает ситуацию, которой явно

---

[1] Дневник… Пивушкова Юрия. Л.21.
[2] Там же. Л.71.
[3] Там же. Л.47.
[4] Там же. Л.54.

обеспокоен: «О нашем классе у меня создалось такое мнение: «Класс наш недружный, недисциплинированный, и даже девочки плохо себя ведут. Правда, есть считанное число, которые сидят, как полагается. Ребята доходят до того, что на уроках, буквально под носом учителя, курят. <…> Изредка теперь буду давать сведения, как исправляется класс»[1]. К этой теме Пивушков возвращается ещё несколько раз, но решить проблему бессилен.

После занятий Юрий посещал некоторое время авиамодельный кружок. Он сильно увлёкся авиацией: «Лётная карьера моя уже началась. Осмотра не будет, но я себя чувствую совсем крепким для лётной работы»[2]. Кружок некоторое время функционировал, потом был закрыт – инструктора забрали в армию. Пивушков очень старательно готовился к занятиям, изучал специальную литературу. Другие же школьники, посещающие кружок, часто не приходили на занятия, о чём с упрёком и горечью сообщает автор дневника. Некоторое время Юрий также ходил на исторический кружок, где основным его занятием было чтение древних летописей. После школы он также иногда, если было время, посещал кинотеатр, ходил в гости к друзьям, потом возвращался домой. Основные занятия дома вечером – это подготовка уроков, чтение книг, помощь по хозяйству. В 22–23 часа Пивушков ложился спать. И так проходил каждый день. При этом никакого однообразия своей жизни Пивушков не ощущал, уже в этом возрасте он привык к строгому нормированию своей повседневности.

Таким образом, в лице Юрия Пивушкова мы видим перед собой пример того, каким должен быть настоящий пионер. В жизни он подчиняется определённому распорядку и дисциплина для него важнее всего. Иногда он отходит от установленных правил, но всегда стремится вернуться к ним. Общественные нормы полностью усвоены им в качестве единственно верных. Пивушков ответственно относится к учёбе, трудолюбив, проявляет усердие при достижении поставленных целей. Школьник находится под влиянием государственной идеологии и принимает её, даже не задумываясь. Говоря о политических событиях международного плана, Пивушков с точностью воспроизводит всё то, что услышал по радио или прочитал

---

[1] Там же. Л.66.
[2] Там же. Л.51.

в газете. Можно сделать вывод, что этот человек в целом соответствовал заданному образцу советского пионера. Подтверждает этот вывод тот факт, что имя Юрия Пивушкова через некоторое время после его гибели было присвоено одному из пионерских отрядов города Череповца.

И.С. Островская,
Москва, Международное общество «Мемориал»

ОБРАЗЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДИТЕЛЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АУДИО И ВИДЕОИНТЕРВЬЮ, ЗАПИСАННЫХ В РАМКАХ ПРОГРАММ «СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ» И «ДЕТИ АЛЖИРА»

«Семейная память» и «Дети АЛЖИРа» – проекты Центра устной истории и биографии Международного общества «Мемориал». Наши информанты – это дети, родившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х гг., чьи родители были репрессированы, а сами они прошли через специальные детдома для детей «врагов народа». Многие их них не имеют представления об истории своей семьи. От них скрывали сведения о происхождении, социальном положении, о послужном списке репрессированных родственников. Тоталитарная система прятала свои преступления, и люди старались не хранить домашние архивы. Поэтому дошедшие до нас семейные документы и реликвии обрывочны и случайны: редкие уцелевшие письма, набор разрозненных фотографий – вот, зачастую, то немногое, на чем зиждется документальная память о прошлом. Официальные же источники не дают объективной и достоверной информации, из следственных дел архивов НКВД-КГБ-ФСБ удается почерпнуть только те сведения, которые хотела сохранить карательная система, вылепливая образ «врага народа».

Карл Краевский: *Отцовских родителей я не знаю. И вообще не знаю, были ли у него родственники. Ничего абсолютно. Об отце я знаю только то, что я прочёл в его автобиографии, когда смотрел «Дело».*

Сегодня дети репрессированных пытаются по крохам воссоздать судьбу родителей, реконструировать их жизнь. Однако подчас образы родителей приобретают в таких реконструкциях совершенно различную окраску.

Информанты говорят о неповторимом образе утраченного отца. Он остался в их памяти самым-самым: способный, красивый, мужественный, благородный. Боль утраты с годами не только не притупилась, а даже увеличилась.

Елизавета Ривчун: *Я искала какие-то следы, я с ним не расставалась очень долго, и даже вот теперь уже столько лет прошло, он у меня остался молодым в памяти. Всю жизнь я собираю по клочкам, поскольку мне было 13, когда я его потеряла, а мне очень с моим взрослением хотелось больше о нем знать. Я собирала о папе разные сведения. Копила, вспоминала, мечтала*.

Все самые лучезарные воспоминания связаны с отцом, который, как сейчас кажется, в наибольшей степени влиял на формирование, мировоззрения детей, занимался образованием, досугом.

Сурма Туманян**:** *Я была помешана на папе! Я маме говорила: мама, я тебя очень люблю, но, ты не обижайся, я папу люблю больше! Я папу любила потому, что он мне отдавал очень много времени. Он со мной ходил в лес гулять, цветы собирал, природу изучали, он читал. Он меня водил в театр, не мама.*

Симптоматично и полное отторжение тех реалий отцовской биографии, способных бросить хотя бы малейшую тень на его светлый образ. Перед арестом отец нашего собеседника мог быть, например, функционером НКВД, исправно служить сталинской системе, непосредственно осуществлять репрессии. Однако в рассказах детей он – безупречный «рыцарь революции». Для подтверждения этого образа тщательно собираются свидетельства родственников и знакомых, публикации, энциклопедические статьи.

Лидия Хлибутина**:** *Он есть в энциклопедическом словаре, в нескольких изданиях, но в последнем словаре… уже нет. А до этого все время был.*

Рассказывая об отце, уже очень немолодая дочь с гордостью восклицает: *«Мой отец – герой Гражданской войны! Он Советскую власть устанавливал».*

Идеализация образа отца с годами только усиливается. Она впитывает в себя детские мечты, былую надежду на встречу, сожаления о том, что жизнь могла бы сложиться счастливее, если бы отец остался жив.

Евгения Смирнова**:** *Я все мечтала, что таких военачальников, полководцев, как папа, выпустили, они все на фронте. У меня сложилось убеждение, что он обязательно вернется генералом.*

Неожиданным (на первый взгляд!) парадоксом в рассказах детей репрессированных родителей становится контраст героического образа утраченного отца, навсегда оставшегося молодым в памяти ребенка, с вернувшейся из лагеря матерью. Дети представляли ее молодой, красивой, а встретили постаревшую, прошедшую лагерь и ссылку, совсем не похожую на воображаемый образ. Такая встреча через 8–10 лет часто была крайне болезненной.

Гертруда Чупрун**:** *Когда я научилась писать, меня регулярно заставляли писать письма маме. Сажали и велели: пиши. У меня сложился образ невообразимо хорошей, прекрасной мамы, которая где-то там живет.*

Марк Нейфельд**:** *Когда мама вернулась из лагеря, она думала, что вернулась к своим прежним детям, маленьким. А я-то отвык от мамы. И мама не могла с этим смириться. Это был такой… момент стыковки, не очень благоприятный.*

Гертруда Чупрун**:** *Мы ее встречали на Казанском вокзале. И вдруг выходит из вагона женщина, в какой-то овчине, мехом наружу, с торбой, причесанная на прямой пробор, косички сзади корзиночкой вокруг головы, и от нее ужасно пахнет. Мне говорят: «Герта, помоги маме помыться». А где помыться? В ванной соседи жили. На кухне. Нагрели воду, я помогаю маме мыться, и вижу, что эта тетка мне – чужая.*

После долгой разлуки встречались, по существу, чужие люди: повзрослевшие, вошедшие уже в самостоятельную жизнь дети и постаревшие, сломленные лагерем, до неузнаваемости изменившиеся матери. Ситуация осложнялась тем, что вернувшиеся матери долгие годы мечтали о том, что все будет как раньше, и они будут воспитывать своих детей.

Ирина Ватман*: У мамы были принципы. В 9 часов ребенок должен быть дома. «Детонька, куда ты идешь?» – «Как, куда иду? Иду» Почему я должна отчитываться, куда я иду? Мы очень много ссорились.*

Привыкание, фактически новое знакомство с матерью происходило к тому же в крайне тяжелых бытовых условиях. Жить в больших

городах бывшим лагерницам было запрещено, приходилось браться на любую работу, снимая углы или койки в землянках или бараках.

Гертруда Чупрун**:** *Был большой барак, деревянный, рубленый, в этом бараке жило несколько семей. Было печное отопление, стены были из бревен, в которых были щели. В этих щелях жили клопы и тараканы. Тараканы полчищами ходили. Нужно было правой рукой есть, а левой стучать по столу, чтобы отогнать тараканов!*

Для мизерного заработка женщины устраивались дворниками и уборщицами, санитарками в больницах и яслях, по вечерам подрабатывая на швейной или печатной машинке. Жизнь была убогой. А в памяти ребенка оставалось счастливое детство, связанное с образом успешного отца.

Леонид Гальперштейн**:** *Ее моральный авторитет упал в моих глазах. Я был очень близок с отцом, с матерью нет. Мещанство неискоренимое в ней сидело.*

Понимание, что именно пришлось пережить матери, приходило не сразу и с трудом. К тому же почти все бывшие лагерницы рассказывали о собственных переживаниях скупо, не посвящали детей в подробности своих «крутых маршрутов».

Карл Краевский**:** *Мама ничего не хотела рассказывать мне. Когда она вернулась, она просто старалась избегать таких разговоров. Переводила на что-то другое. А потом это уже вошло в привычку. Я знал, что она не хочет разговаривать на эту тему. Я ей не задавал вопросов.*

Даже после реабилитации между матерями и детьми не всегда возникало взаимопонимание, потому что прошедшие через лагеря женщины зачастую оставались с прежними убеждениями, тогда как у большинства детей сложились прочные демократические взгляды.

Мария Кузнецова**:** *Уже был XX съезд, 60-е годы. А мама отстаивала коммунистические идеалы, Советскую власть.*

Очень часто вернувшиеся матери смотрели на детей, особенно дочерей, как на то, что должно всецело принадлежать только им: замужество воспринимался трагично, как повторная потеря ребенка. И дочери принимали эту ситуацию, отказывались от личной жизни, считая своим долгом заботиться о матери, пережившей столько страданий.

В случае же замужества муж сравнивался с отцом, и всегда в пользу отца.

Маргарита Андрющенко*: И скоро появляется мой муж* [...] *И въезжает мой муж, с которым мы благополучно скоро расходимся, потому что мама сказала: «Разве это муж? Вот у меня был муж!» Ну, действительно, конечно, ничего общего нет.*

А в сознании выросшего ребенка продолжают противопоставляются образы самих родителей: отец – лидер и трибун, а мать – домохозяйка.

Леонид Мильграм**:** *Отец все время тянулся к знаниям. А мать была работницей, она ей и осталась. Она не была глупой, нет. Но ему с ней, было, видимо, скучно.*

И до сих пор многие дети репрессированных, стремясь вернуть отцу честное имя, стараются публиковать о нем газетные и журнальные статьи, увековечить его память в названии улиц и т.д., а прошедшая многолетние лагеря мать в устных воспоминаниях иногда даже и не упоминается.

Сегодня постаревшие дети ЧСИР рассказывают о сложных отношениях в своих собственных семьях. Пережившие слом семейных отношений в детские годы, вынужденные жить без родительской заботы, уже очень немолодые люди и сейчас жалеют, что не умеют проявлять чувства, ласку и любовь.

Ольга Цыбульская**:** *В жизни-то получилось, что я была лишена всей вот этой и ласки, и заботы, и все-все своим трудом нужно было пробиваться, и кроме того, вот это отложило еще такой, поскольку мама нас как-то не ласкала, то я также вот не ласкаю свою дочку. Я с ней не ласкова, я даже не могу как-то вот переступить. Я стараюсь, я ей очень помогаю и все, но что-то вот внутри меня ограничивает.*

Таким образом, репрессивная машина тоталитаризма не только трагически ломала реальные семейные узы, но и разрушала человеческие чувства – любви, благодарности, уважения. Эти разрушительные последствия дают себя знать долгие годы. Печать «ЧСИР» наложила отпечаток на последующую жизнь всех поколений.

И.В. Реброва,
Краснодар, Кубанский государственный технологический университет

СЕКС, НАСИЛИЕ И ВОЙНА: ЖЕНЩИНА НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Одной из важных проблем в дискуссионном поле «женщина и война», прежде практически не рассматривавшемся в отечественной

историографии, становится тема сексуального насилия. Уже ни для кого не секрет тот факт, что «погибающие на войне мужчины удостаиваются чести героев, …а изнасилованные и убитые женщины не числятся в героях, им не ставят памятников. Те, кто выжил, носят свое унижение в себе»[1]. Современная военная история свидетельствует о многочисленных фактах издевательств солдат над женщинами – в мундире или из числа мирных жительниц. Массовые изнасилования зачастую используются в качестве средства ведения войны. Помимо этого, в ходе конфликтов в результате физического и экономического давления женщины порой вынуждены прибегнуть к проституции, иногда чтобы обеспечить элементарное выживание своей семьи. Воздействие войны на женщин проявляется еще и в том, что именно женщины и дети составляют основную часть беженцев и перемещённых лиц[2]. Однако в истории изучения Великой Отечественной войны тема сексуального насилия долгое время была запретной.

В 1990-е гг. феминистки ориентированные исследовательницы смогли приоткрыть завесу табуированности травматического женского опыта во время военных кампаний благодаря появлению отдельных сообщений в средствах массовой информации, возможности поговорить с самими женщинами. Изучение истории Великой Отечественной войны в российской историографии во многом осуществляется в рамках официальной государственной идеологии. Изучение женского опыта осложняется поиском информантов, которые предпочитают забыть и никогда не вспоминать свой опыт унижения. Статья Н. Тэк «У партизан: судьба женщины»[3] – одна из первых, в которой сделана попытка прояснить «покрытую мраком» тайну женского опыта жизни в лесу среди мужчин. Использование командирами своего служебного положения для сексуального

---

[1] Мещеркина Е. Массовые изнасилования как часть военного этоса // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 255.

[2] Насилие в отношении женщин в фактах и цифрах [электронный ресурс]: http://asiapacific.amnesty.org/pages/373–19032004–digest–rus (15.05.2010).

[3] Тэк Н. У партизан: судьба женщины // Женщины на краю Европы / Под ред. Е.И.Гаповой. Мн., 2003. С. 168–188.

домогательства к подчиненным военнослужащим-женщинам в годы войны подтверждаются отдельными, весьма фрагментарными свидетельствами. Так, связистка В.С. Ерохина указывает на доведение такими преследованиями отдельных женщин до самоубийства[1]. В мемуарах об этом прежде было не принято писать, что объясняется расхождением с официальной политикой памяти о войне. В настоящее время большинство рассказчиц отказываются говорить на тему сексуальности на войне.

Известно, что на войне обостряются все отношения социального порядка. Люди жили последним днем, потому что каждого смерть могла настигнуть уже в следующую секунду. Сексуальные отношения могли происходить и по взаимному согласию. Для женщин секс мог стать поводом для появления покровительственных отношений и, соответственно, малейшей возможностью выжить на войне. «Были такие девчата, которые поддавались им, все что хочешь. Немцам, конечно, если они там чем-то там угощают, они там с ними бывают, и все потом их наказывают за это дело»[2]. Искали покровительства у лиц, которые обладали властным ресурсом: советские офицеры, которые могли оставить женщину «при себе», в тылу (как, видимо, в случае с информанткой), противники, которые имели как минимум провиант.

Властью обладали не только генералы и старший офицерский состав. Над женщиной власть имел любой мужчина с части согласно патриархальной модели поведения. Наказать провинившуюся женщину, извлекая при этом выгоды для себя, мог каждый мужчина в корпусе. «В памяти, ну как вам сказать, что было самое неприятное, наши предатели были такие дешевые, что они могли и тебя продать, и скажут: а чего ты не идешь с немцем? А чего ты не погуляешь с ним? Так скажут тебе, а ты ему дулю скрутишь, а он тебе по морде тебе за это даст, или штрафные, или даст трое суток дежурить, и так бывало»[3]. Информантка подчеркивает, что «были такие девчата,

---

[1] Не женское это дело – война // Комсомольская правда. 2000. 14 апреля. С. 6.

[2] Интервью с Разумной Н.С. // Архив Устной истории СНО КубГТУ. Ф. СКК-07. Д. № КК13.

[3] Интервью с Разумной Н.С. // Архив Устной истории СНО КубГТУ. Ф. СКК-07. Д. № КК13.

которые легко поддавались им [немцам], а им потом наши давали прикурить»[1]. Секс, таким образом, являлся товаром для «своих» и «чужих»[2].

Жизнь девушек на войне осложнялась ввиду зависимости биологии и сексизма. Существуют особые точки напряжения, такие как циклы менструации, беременность, аборты, рядом с которыми находятся другие стороны напряжения, порожденные сексизмом, такие как унижение, приставание, надругательство, сексуальный обмен. За сношения с немцами девушек наказывали, «заставляли работать в нашем корпусе, где мы жили. Они уборкой занимались, они что-то еще делали, а потом их посылали в разведку, а потом их посылали на передовую»[3].

На вопрос «какое отношение было у солдат к женщинам в части» информант ответил: «У нас медсестра одна была и все. Отношение было к ней как к солдату. Вообще запрещалось это всё»[4]. Отвечая на вопрос об отношении к противоположному полу, информант сразу пресек попытки исследователя узнать подробности межличностных отношений. Следуя логике анализа вербального текста, смеем предположить, что сексуальные отношения между мужчинами и медсестрой были на лицо в данной части (зачем же тогда запрещать то, чего не было в действительности?). Информант не хочет говорить об этом, во-первых, чтобы не скомпрометировать себя в глазах настоящей жены, присутствовавшей на интервью, а во-вторых, открыто говорить ему мешает созданная государственной идеологией официальная память о войне, в которой нет места подобным сюжетам. Наоборот, в советское время постоянно тиражировался миф о дружбе между представителями различных национальностей, равно как и между мужчинами и женщинами, ковавшими Победу.

---

[1] Там же.

[2] См. Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // /Антология гендерной теории / Сост., комментарии Е.Гаповой, А.Усмановой. Минск, 2000. С. 254–280.

[3] Интервью с Разумной Н.С. // Там же.

[4] Интервью с Гарковыми С.И. и Е.М. // Архив Устной истории СНО КубГТУ. Ф. СКК-07. Д. № КК04.

Официальная политика памяти о Великой Отечественной войне не могла включать женский опыт сексуального насилия ввиду его дискредитирующего характера концепта героизации участников войны. Женщины, столкнувшиеся с проявлением сексизма и насилия, в мирное время становились заложницами официальной политики памяти и, соответственно, вынуждены были «проработать свое прошлое». Идеологические установки советского времени глубоко врезались в коллективную память и нашли отражение в памяти индивидуальной. Благодаря рассказам участников и очевидцев Великой Отечественной войны о своем опыте, создаются образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти. По ним можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношения зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся общественно-политической реальностью.

В устных воспоминаниях настоящего времени все меньше можно встретить официальные штампы прошлых лет. Тем не менее, нарратив остается в массе своей политизированным. Коммунистическая идеология стала частью индивидуального сознания бывших участников и свидетелей той войны. Поэтому они вспоминают советское прошлое с ностальгией. В их сознании не наблюдается внутреннего противоречия между заветами коммунизма и реальной обстановкой.

Своеобразным способом адаптации к фронтовым условиям, продиктованным как стремлением избежать насилия, так и найти «легкие» возможности для удовлетворения тех или иных потребностей, можно считать появление «походно-полевых жен» («ППЖ»). В обмен на сексуальные услуги, оказываемые вышестоящим офицерам, нередко имевшим семьи в прежней, гражданской жизни, такие женщины получали покровительство и защиту, более калорийную пищу, для них снижался риск погибнуть в бою. Впрочем, положение «ППЖ» было нестабильным, их могли «отставить» по тем или иным обстоятельствам, и тогда они чаще всего лишались всех благ[1].

---

[1] Более подробно см.: Кринко Е. Ф., Реброва И. В., Тажидинова И. Г. Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в

Сексуальные отношения на войне могут быть отнесены к проблеме существования проституции. Естественно, что многие женщины оказывали интимные услуги в силу определенных обстоятельств и в мирное время не могли быть отнесены в разряд проституток. Экстремальная ситуация, жизнь последним днем, трагические события личной и семейной жизни могли способствовать падению морали. Однако не были исключением и такие женщины, которые специально заводили любовные отношения для сохранения своей жизни. Удовлетворение маскулинного субъекта состоит в подтверждении своей власти, а феминного – в получении социальных или материальных благ и т.п. «Ну, так мало кто об этом говорит, конечно, было, что найдёшь себе офицера, и с ним, потом в часть другую перекинут, и там уже с полковником каким-нибудь. Некоторые поженились»[1]. Проституция, порожденная патриархатом, в экстремальных условиях ведения войны продолжала легитимировать неравенство субъектов в поле сексуального Желания и Наслаждения[2]. Указание информанта на невысокий процент женитьбы в послевоенное время указывает на властный характер интимных отношений в военное время. В мирное время женщине не нужно было искать покровителя среди командного и офицерского состава, поэтому такие отношения прекращались.

Тема сексуальности была табуирована идеологией советского времени, остается нежелательной в настоящее время. Информантки сами редко затрагивают тему отношений с немцами и советскими офицерами во время войны. Показателен пример одного устного интервью с участницей войны. Информантка ни разу не говорила прямо о своем личном опыте. Озвучивая опыт других девушек в корпусе, она сама сразу переключает разговор в иное русло

годы Великой Отечественной войны // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей. Ростов н/Д., 2008. С. 257–265.

[1] Интервью с Гарковыми С.И. и Е.М. Архив Устной истории СНО КубГТУ. Ф. СКК-07. Д. № КК04.

[2] Суковатая В. Сакральная проституция и Власть: феминистский анализ дискурсов // Иной взгляд. № 2 [электронный ресурс]: http://envila.iatb.by/g–center/another2/index/html

(предлагает перекусить) или долго молчит. Если в случае с доказательством своего участия в войне информантка просит проверить ее слова непосредственно в военкомате и ветеранских организациях, то когда она рассказывает об опыте падших женщин и своей незапятнанной репутации, ее слова мы проверить не можем. О своих однополчанках она говорит во множественном числе и обезличено. Постоянно в рассказе присутствует противопоставление «я-они». «Да Боже сохрани, чтоб я к немцам пошла, нет. Но разговаривать с ними могла. Если они придут и начинают, а у нас же девчонки были такие дешевые, что могли пойти. Ты их выругаешь, если я старшиной была, так они еще ему доложат, а он тебе грубить начинает, а ты ему по-немецки, что нельзя так делать, нельзя. Она ж приедет и домой, и что она скажет дома родителям, как она себя вела там. Тяжело»[1]. Когда люди стоят на грани жизни и смерти, они меньше всего будут думать о морали и о том, «что скажут родители». Информантка говорит о своих наставлениях девушек, чтобы в который раз подчеркнуть свое превосходство над ними, предстать в образе невинной девушки, которая даже во время войны думала о нравственности. Позже она оговорится, что ее муж упрекал, когда она ходила в театр. Возможно, он ревновал к ее военному прошлому, не доверял ей. В молодости она была привлекательна и даже красива (о чем свидетельствуют многочисленные фотографии в семейном альбоме), интерьер квартиры с вырезанными из журналов и наклеенных на стены кухни и коридора иллюстрациями девушек наглядно доказывают внимание информантки к внешности, телу. У информантки не было детей. Не потому, что она не хотела иметь их: объяснение тому – в ее военной молодости. Известно, что женщины на войне прибегали к различным способам народной медицины, чтобы избавиться от нежелательных последствий отношений с мужчинами. В результате «народных экспериментов» над своим телом, а также различного рода венерических заболеваний женщина в лучшем случае становилась бесплодна. Нередки случаи смертельного исхода девушек.

Война прежде всего направлена против женщин. Женщина на войне умирает не единожды. Она умирает каждый раз, когда погибают

---

[1] Интервью с Разумной Н.С…

ее дети, когда в одночасье рушится ее дом, ее семья, будущее, когда ее сопровождает постоянный страх быть изнасилованной. Женщины действительно боятся, боятся своих и чужих мужчин, поскольку мужчины не оставили свою агрессивную маскулинность на поле боя или у порога своего дома. Эта маскулинность вошла в их дом, вторглась в сферу их личной жизни[1].

Долгое время в отечественной историографии господствовал «героический» взгляд на участие женщин в Великой Отечественной войне, влияние которого продолжает сказываться и в настоящее время. Параллельно ему в последние годы сформировалось «трагическое» направление, акцентирующее внимание на трудностях и проблемах, которые пришлось пережить женщинам во время войны. Сложившиеся шаблоны в изображении событий военного времени не отражают всей специфики рассматриваемой проблемы, а в воспоминаниях женщин–участниц войны тесно переплетаются элементы официального и личного.

Н.А. Белова,
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: БЫТ И УСЛОВИЯ ТРУДА КОСТРОМСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ В 1941–1945 ГГ.

Женская повседневность в годы Великой Отечественной войны – тема, исследованная пока недостаточно. Несмотря на значительное число работ по истории взаимодействия фронта и тыла, специального внимания именно женщинам и особенностям их быта не уделялось. Поэтому в данном случае я ставлю перед собой задачу собрать те редкие свидетельства жизни провинциального учительниц, которые могут помочь в воссоздании общей картины женской повседневности в экстремальных (военных) условиях.

Об учителях и образовательной политике в нашей историографии всегда писалось довольно много. В советское время идеологи ясно

---

[1] Папич Ж. Национализм, война, гендер. Экс-феминизм и экс–маскулинность экс-граждан экс–Югославии // Гендерные Исследования. 1999. № 2. С. 17.

осознавали, что учителя – не просто носители знаний, которые следовало передать подрастающему поколению, но проводники государственной идеологии, и потому именно на педагогов возлагалась ответственность за то, какая молодая смена растет в стране. На реальное же положение, уровень оплаты труда, повседневную жизнь этих «проводников» обращалось мало внимания, как мало внимания уделялось образу жизни и потребностям интеллигенции в целом, ее учительской части, в частности. Не удивительно в этом контексте, что за долгие годы развития советской историографии повседневная жизнь учительской интеллигенции практически не исследовалась.

Сложность осуществления подобных задач в том, чтобы увидеть большое в малом, выявить и доказать типику явлений, схожесть судеб, жизненных сценариев, показав общее и особенное. Важным методологическим подспорьем в этом отношении могут быть новые аналитические подходы и исследовательские методики, которые демонстрирует современная социальная история, изучающая не только эволюцию обществ и больших классов (социальных страт), но и малых социальных когорт, групп и слоев в постоянно изменяющемся мире.

Ставя задачу рассмотреть повседневность женщин–педагогов в годы Великой Отечественной войны, я умышленно ограничиваю себя только тем районом, чьи архивы удалось обработать – речь о Костромском крае. Костромской области в то время не существовало, а город Кострома был самостоятельной административной единицей в составе Ярославской области до августа 1944 г. Собственно, речь пойдет именно о городе Костроме и той части Ярославской области (согласно тогдашнему административному делению), которая к ней прилегала.

Опуская известные подробности начала Великой Отечественной войны, подчеркну еще раз, что эти события определили суровые условия для работы школ. Тысячи учащихся старших классов, студентов, преподавателей и учителей быстро ушли на фронт добровольцами или были призваны в действующую армию. Учителя своим примером активного участия в строительстве оборонительных сооружений, в противовоздушной обороне, в повседневном труде народа по оказанию помощи фронту (в том числе и особенно в

сельской местности) являли образцы самопожертвования, которым должно было следовать тогдашнее младшее поколение[1].

Не забудем и того, что с осени 1941 г. перед всеми педагогами встала нелегкая задача по переустройству работы школы в условиях военного времени. Поскольку перед страной стояли задачи укрепления боевого духа воинов, основного на единстве фронта и тыла, во всех школах усилилось внимание к воспитанию советского патриотизма, к военно-физической подготовке учащихся, к трудовому воспитанию и обучению. Широкий размах приняло участие старшеклассников и учителей в сельскохозяйственных работах, в многообразной общественно–полезной деятельность[2]. В последних по времени издания мемуарах нередки упоминания о помощи учителей и воспитываемых ими школьников в сборе ранее незначимых «мелочей» на нужды фронта, в частности, пустых бутылок – их заполняли затем горючей смесью («коктейлем Молотова»)[3].

На трудовой фронт отзывали немалую часть населения, в том числе и буквально всех учительниц, не имеющих маленьких детей. Между остальными происходило перераспределение нагрузки, учителям-предметникам приходилось брать начальные классы. В старшем звене количество детей во много раз превышало норму – это было следствием того, что старшие классы приходилось объединять, число педагогических кадров резко уменьшилось.

Условия трудовой повседневности учителей в те годы так же легкими не назовешь. Поскольку с первых же дней Великой Отечественной войны жизнь стала перестраиваться на военный лад, поскольку промышленность края столкнулась с огромными трудностями (не хватало прежде всего топлива, а зима 1941 г. выдалась очень морозной), постольку из-за нехватки дров школы практически не отапливались. По воспоминаниям учителей, температура в тот год в зданиях была такой, что замерзали чернила, а заниматься приходилось в пальто и рукавицах.

---

[1] Миловидов В.Л. Избранные сочинения. Кострома. 2006. С.131.
[2] Там же. С.133.
[3] Пушкарев Л.Н. Хочу рассказать правнуку… // Народное образование. 2010. Вып. 5 (Альманах Победы). С. 67.

Практически отсутствовало освещение, чтобы экономить керосин, изготовляли самодельные светильники, именовавшиеся почему-то «фигасы». Экономили спички, вместо них употреблялись так называемые «кресала»[1]. Не было не только чернил и бумаги, отсутствовал и мел. По воспоминаниям Петровой Майи Ивановны, которая пошла учиться в школу в 1943 г., «зимой было очень холодно в классе, учительница, одетая в светло-коричневое пальто, собирала нас вокруг себя. Был один букварь на всех учащихся. И вот в школе по этому единственному экземпляру учила нас читать. Тетрадей, карандашей и ручек вообще не было. Ручки и перья были самодельными. Чернила делали из свеклы, глины и сажи. Брали старые книги, а учительница помогала шить из них тетради и между строк, между букв учились писать»[2].

Летом 1942 г. учителя отказались от отпусков[3]. В области в то время происходила большая работа по заготовке топлива для города. Учителя работали вместе со своими учениками, организовывая бригады. Одни работали на выкатке леса из Волги. Затем распиливали его на берегу. Эта работа продолжалась до зимы. Другие бригады отправлялись в леса на заготовку дров. Пилили деревья, выкорчевывали пни и разделывали их самостоятельно[4].

В 1943 г. заготовки дров были организованы за 15–17 км от города, учителя уезжали на 10 дней, оставляя семью на самообслуживание. На деревянных тачках им приходилось вывозить дрова к железной дороге. Это была тяжелая и изнурительная работа. «Утром и вечером в лесу холодно и сыро. Днем душно: комары, мухи кусаются, из-за чего появляются расчесы. Спина горит от пота, мучает жажда, а пить много нельзя». За такую тяжелую работу получали хлебную норму и иногда выдавали мыло. Зимой грузили дрова на вагоны, выезжая к местам

---

[1] Из истории Островской средней школы. Воспоминания бывшего учителя средней школы Варенцова Павла Сергеевича// Музей памяти Островской средней школы. Кострома. Апрель. 2010.

[2] Петрова Н.Н. 1927 г. рожд, с. Рождественское Костромской обл. // Архив автора. Запись 10.01.2010, Кострома.

[3] Ф. Р-551. Оп.1. Д. 23. С. 99.

[4] Фонд управление образования администрации Костромской области, Р-551, Опись 1. Дело 23. С. 97.

заготовки, а в городе разгружали их на «вертушке», приходилось работать и по ночам, а утром шли в школу[1].

Крайне редкая находка в современных архивах – дневники учительниц, однако в Костромском архиве сохранилось несколько таких тетрадок, написанных ровными учительскими почерками. Один из авторов такого дневника – Т.В. Птицина, ныне ветеран педагогического труда, – вела свои записи в военное время. 23 апреля 1943 г. она была включена в рабочую бригаду по заготовке дров для госпиталя. По ее словам, сложной оказалась уже проблема предоставления рабочим бригадам обмундирования, но «начальство быстро разрешило эту проблему: списанное после носки ранеными солдатми имущество, было дано нам. Мы получили: пару кальсон с рубашками, пару зимнего теплого белья, портянки, рукавицы и кирзовые сапоги, в запас дали ещё и резиновые. Хуже дело было с сапогами у меня размер 34, а дали 42»[2]. Подобные бригады составлялись по принципу «Восемь девок, один я», таким образом, возглавлял женскую бригаду один из мужчин, как правило, солдат, который имел легкое ранение. Жили такие бригады в землянках, которые сами и строили. Подъем был в шесть утра, норма заготовок была по 3,5 кубометра леса на человека в день (в целом выходило по 13 кубометров на бригаду), работали пока не сядет солнце в три смены, ночью грузили дрова на машину и погрузка дров в вагоны. «В наши обязанности входило заготовка чурок для машины, очистка делянки от мусора… За все это время одежда наша пришла в такую негодность, что смотреть на себя было смешно и грустно… Хуже дело было с сапогами: худые, огромные и вечно мокрые, они очень сильно затрудняли передвижение по болоту»[3]. Продовольствие таким бригадам поставляли с перебоями, летом с едой стало лучше – выручал лес, так как лето и осень 1943 г. были грибными[4].

С весны до осени 1944 г. были созданы дополнительные бригады для помощи колхозам и совхозам. Они сортировали семена,

---

[1] Ф. Р-551. Оп.1. Д. 23. С. 100.
[2] Ф.Р-551. Оп. 1. Д. 39. С. 140.
[3] Ф.Р-551. Оп. 1. Д. 39. С. 143.
[4] Ф.Р-551. Оп. 1. Д. 39. С. 156.

пропалывали поля, убирали урожай. Группа учителей после уроков ходила на фанерный завод делать минометные ящики[1].

В годы войны возросло значение транспорта. С максимальной нагрузкой работали железнодорожники станций Кострома, Буй, Шарья, Нерехта и других городов, обеспечивая бесперебойные перевозки военной техники, оружия, боеприпасов, воинских частей. Для учителей, проживающих в отдаленных районах, возникло множество дополнительных трудностей. Железнодорожным транспортом ездить было запрещено, таким образом им приходилось ходить пешком. Территориальная удаленность затрудняла связь, письма шли неделями. Снабжение учителей было плохое. Продовольственные карточки не отоваривались тогда, как в три месяца полагалась: кондитерских изделий 600 грамм; чай 100гр., мыло 400 гр., спички – 9 коробок; керосин – 3 л.(1,5 л.), соль 1 кг 200 гр.[2]

Многие учителя фактически оказались на улице из-за того, что вопрос с их размещением временно остался нерешенным, в деревнях и селах учителям местные жители давали комнаты в избах, но в годы войны из-за нехватки сырья учителей лиши льготы на получение дров и жители отказывались сдавать им комнаты.

Летом 1943 г. наш город и ближайшие районы принимали беженцев из блокадного Ленинграда, в результате этого осенью ко всем другим проблемам добавилась и проблема санитарная. Многих детей из-за большого количества вшей остригли наголо. Санитарный вопрос в школах стоял остро ещё из-за того, что многие врачи и сестры были мобилизованы на фронт.

Несмотря на все эти трудности, учителям приходилось реализовывать учебную программу в сжатые сроки. Перед ними стояла задача повышения уровня учебно-воспитательной работы. В этих целях были установлены выпускные экзамены по окончании семилетней школы и экзамены на аттестат зрелости; была введена пятибалльная система оценки успеваемости и поведения учащихся; установлено награждение золотой и серебряной медалями выпускников[3].

---

[1] Ф.Р-551. Оп. 1. Д. 23. С. 103.
[2] Ф. Р-551. Оп.1. Д. 23. С. 99.
[3] Ф.Р-551. Оп. 1. Д. 23. С. 106.

В годы войны продолжалась и общественная работа: происходили совещания в местных комитетах, работали методические секции, общие профессиональные собрания. Учителя готовили доклады на различные темы среди местного населения, особенно в деревнях и селах. В них они разъясняли цели войны, рассказывали о положении на фронтах, в стране, области, районе.

В течение 1941–45 гг. различными школами устраивались акции в помощь фронту. Так учителями были организованы такие виды помощи: выкупы облигаций государственных займов, за годы войны рабочие, колхозники, служащие, интеллигенция, студенты, учащиеся Костромской области внесли в фонд обороны, на строительство военной техники более 92 млн. рублей; сдавалась теплая одежда для воинов; собирали посылки и подарки; многие учителя и школьники писали письма на фронт; стирали маскировочные халаты. Учителями организовывались и календарные праздники, продолжался приему в партию, комсомол и пионеры[1]. Все эти мероприятия приходилось организовывать учителям во внеурочное время.

Огромные трудности и лишения приходилось переносить тогда не только на фронте. Конечно, суровыми были законы военного времени. Они не позволяли уклоняться от трудовых мобилизаций или плохо работать. Но не они определяли чувства большинства людей. В эти годы особенно проявились такие качества советских учительниц – как и всех советских людей, – как патриотизм, трудолюбие, исключительная выносливость, негасимая вера в победу. За самоотверженный труд на заводах и фабриках, на транспорте, в леспромхозах, колхозах, совхозах, на ниве просвещения и культуры, в здравоохранении тысячи костромичей были удостоены высоких наград. Только медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждены были многие учителя – среди них большинство женщины.

Повседневная жизнь советских учительниц – как это показали материалы Костромского края, – была жизнью наполненной тяготами, которые приходилось переносить всем советским людям в те годы. Как жилось семьям этих женщин, как они воспитывали своих детей, что ели сами и чем вынуждены были кормить своих ребятишек, больше (или меньше) они уставали, по сравнению с мужчинами, оставшимися в тылу и

[1] Из истории Островской средней школы…

работавшими на предприятиях, – все это вопросы, которые остались за пределами скудных записей костромских учителей и на которые еще предстоит искать ответы.

Ф.А. Хуснутдинова,
Волгоград,
Волгоградский государственный педагогический университет

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

На современном этапе приобретают актуальность поиски на уровне государственной политики новой социальной стратегии, важнейшим условием которой является гендерный компонент. При этом непременно следует обращение к опыту реализации государственной политики в отношении женщин в СССР, где впервые в мире были официально закреплены равные права мужчин и женщин. В решении женского вопроса нуждалась и Сталинградская область послевоенного десятилетия ввиду особенностей демографического развития. Одним из последствий войны стала диспропорция половозрастной структуры: заметное повышение в населении области доли женщин и уменьшение доли мужчин. В 1939 г. мужское население составляло 1069 тысяч человек, женское – 1 218 тысяч человек. Великая Отечественная война усугубила ситуацию. Разница ещё больше увеличилась. В 1959 г. доля женского населения по сравнению с мужским была выше на 25,2%. Мужчины составляли 823,3 тысячи человек, женщины – 1 030,3 тысячи человек[1]. Наибольшие потери мужчин наблюдались в возрасте от 30 до 44–х лет (доля мужчин в этих возрастах ко всему населению составляла 15%)[2]. Это способствовало значительному повышению роли женщин в послевоенном строительстве. Их доля в народном хозяйстве на протяжении десятилетия несколько

[1] Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962. С. 79.
[2] См.: Таблицы по сглаживанию возрастной структуры живущих и умерших по области за 1958 и 1959 годы // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 686. Оп. 18. Д.186. Л.49.

варьировалась в большую или меньшую сторону, но не опускалась ниже 45%, а в первые послевоенные годы превышала 50%.

В современных исследованиях послевоенный период связывают с трудовой мобилизацией женщин и формированием «контракта работающей матери», под которым понимается государственная система поддержки женщины, совмещающей материнские обязанности с оплачиваемой работой на производстве, при сохранении лидерства мужчин в публичной сфере и их отчуждения от роли отцовства[1]. Привлечение женщин в развитие советского хозяйства началось еще со второй половины 1930-х гг., времени форсированной индустриализации страны. Последствия Великой Отечественной войны и их преодоление сделали мобилизацию женского труда на восстановление и последующее развитие задачей первостепенной важности в гендерной политике СССР.

Одним из выразителей государственной идеологии в решении женского вопроса может выступать праздник Международный женский день 8 марта, который становится сегодня важным объектом гендерного анализа социальных отношений и политики[2]. Анализ постановлений ЦК ВКП(б) и Сталинградского горкома ВКП(б), посвященных Международному женскому дню, позволяет выявить

---

[1] Здравомыслова Е., Темкина А. История и современность: гендерный порядок // Гендер для «чайников». Москва, 2006. С. 56 – 84; Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. М., 1998. С. 69–91.

[2] Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1998; Ярская-Смирнова Е.Р., Рыгина Л.С. Социальная политика в гендерном аспекте // Женщина в Российском обществе. № 3. 2003. С. 2–7; Карпова Г.Г. Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе Международного женского дня, 1920 – 2001 гг. // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сборник научных статей. Самара, 2003. С. 258 – 275; Ражбаева М.В. Гендерные аспекты социальной политики: стратегии и уровни реализации // Общество и гендер. Материалы летней школы в Рязани. Рязань, 2003.

приоритеты государственной политики в отношении женщин в СССР в послевоенное десятилетие.

С принятием Конституции 1936 г. на уровне государства фиксировалось, что женский вопрос в СССР решен окончательно, освобождение женщин осуществилось. И теперь возможность активно участвовать во всех сферах жизни страны превратила женщин, согласно официальной идеологии, в «великую силу советского общества» и, прежде всего, в «великую армию труда», к тому же, это диктовалось еще и необходимостью быстрого послевоенного восстановления и дельнейшего развития.

Наиболее актуальным и часто повторяющимся в официальных документах этого периода становится лозунг *«еще большей мобилизации всех резервов женского труда»*. Однако задачи ставились разные в зависимости от политической и экономической конъюктуры. Так, 1943–1945 гг. для Сталинградской области – это первые годы восстановления разрушенного Сталинграда и промышленных предприятий. В связи с этим, главной целью мобилизации женщин объявлялось *«восстановление города и работа в действующих предприятиях»*[1]. А так как война длилась еще 2 года, подчеркивалась роль женщин на фронте и в тылу:

«В отечественной войне советская женщина стоит в рядах активных борцов против немецко-фашистских извергов. Никогда еще в истории женщина не участвовала так, самоотверженно в защите своей родины, как женщина страны Советов в Великой отечественной войне»[2].

1946 г. открыл начало четвертого послевоенного плана. Постепенно лозунг о «мобилизации женщин на восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства» сменяется новым: «*успешное выполнение и перевыполнение послевоенного плана»*[3].

---

[1] См.: О проведении Международного женского дня 8 марта в 1944 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 4. Д. 12. Лл. 168 – 168 об.; О проведении Международного женского дня 8 марта в 1945 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 5. Д. 6. Л. 97 об.

[2] См.: О проведении Международного женского дня 8 марта в 1944 г…

[3] См.: О проведении Международного женского дня 8 марта в 1947 г.//

В связи с некоторой стабилизацией в начале 1950-х гг проведение Международного женского дня предполагалось «*под знаком мобилизации сил советских женщин на борьбу за новый мощный подъем советской экономики и культуры*»[1].

Широкое привлечение женщин в развитие народного хозяйства обеспечивалось агитационно-массовой работой среди них. Согласно постановлениям горкома, районные и городские комитеты Сталинграда были обязаны проводить беседы, доклады, лекции на темы: «Советская женщина – великая сила», «Участие советских женщин в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства» и т.д. Цели включения женского труда в общественное производство служили проводимые мероприятия по организации производственного обучения женщин, выдвижения их на руководящие должности, забота о культурно–бытовых нуждах. Подобные предписания встречаются в каждом постановлении Сталинградского городского комитета ВКП(б), посвященном 8 марта.

Кроме того, постановления горкома обязывали посредством печати, стенных газет и т.д. показывать участие женщин в обороне, восстановлении Сталинграда, а также в последующем развитии народного хозяйства. Средства массовой информации, которые представляли государственную точку зрения по данному и другим вопросам, формировали образ советской женщины-труженицы. Многочисленные фотографии в праздничных выпусках газеты «Сталинградская правда» показывали женщин за работой в медицинских и образовательных учреждениях, на промышленных предприятиях и в поле.

Немаловажной функцией женщин в СССР считалось материнство, которое должно было, в первую очередь, разрешить демографическую проблему. Постановления ЦК ВКП(б) ежегодно оповещали о поддержке государством материнства:

Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 7. Д.9. Л. 199 об.; Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1948. 3 марта.

[1] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1952. 4 марта.

«Ни в какой другой стране женщина – мать не пользуется таким почетом и уважением, как в СССР. Советское государство проявляет постоянную заботу о женщине – матери»[1].

Вторя центральным органам управления, Сталинградский горком требовал от местных органов *«усилить заботу о женщине – матери, оказывать постоянную помощь в деле воспитания подрастающего поколения, взяв под особый контроль выполнение постановлений советского государства об оказании помощи беременным женщинам, роженицам, многосемейным и одиноким; всемерно улучшать работу родильных домов и детских учреждений, условий труда и быта женщин»*[2].

Еще одна роль советской женщины в послевоенном мире – активная участница международного женского движения:

«В авангарде Международного демократического движения женщин выступают женщины Советского Союза и стран народной демократии»[3]. Партийное руководство страны призывало женщин *«расширять и укреплять интернациональные связи с женщинами всех стран, вместе с ними активно бороться за мир во всем мире, за дружбу между народами, против империалистических поджигателей новой мировой войны»*[4]. Такие призывы за мир приобретали особую актуальность ввиду разворачивающейся Холодной войны и необходимости демонстрировать миролюбивую позицию советского государства в делах внешней политики.

Констатируя факт о «счастливом» положении советских женщин, советское руководство сравнивало его с положением женщин капиталистических стран:

---

[1] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1946. 6 марта.

[2] О проведении Международного женского дня 8 марта в 1948 г. // ЦДНИВО. Ф.71. Оп. 8. Д.10. Л. 197.

[3] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1953. 1 марта.

[4] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1952. 4 марта.

«Как непохожа счастливая и радостная жизнь советских женщин на угнетенную и бесправную жизнь женщин в капиталистических странах!»[1].

Советские женщины подавали пример всему остальному миру:

«Завоевания советского народа в деле полного раскрепощения женщин и широкого приобщения их к активной общественно-хозяйственной и культурной деятельности вдохновляют эксплуатируемых и порабощенных женщин капиталистического мира на борьбу за уничтожение империалистического гнета, за свое политическое и экономическое освобождение»[2].

Таким образом, забота о женщине – матери в СССР имела конкретную цель и являлась одним из главных элементов системы «контракта работающей матери». В первую очередь женщины рассматривались в качестве трудовой силы. Однако немаловажной была также материнская функция, которая отрывала женщин от производства, чего нельзя было допускать в условиях послевоенного восстановления и развития. При этом сложная демографическая ситуация диктовала необходимость поддержки роста рождаемости в стране. Выходом из этой противоречивой ситуации стала государственная система помощи женщинам в воспитании детей без потери рабочих места и времени.

Последующее развитие гендерной политики шло в рамках данного направления. События 1990-х гг. ослабили деятельность государства по женскому вопросу. На современном этапе, в условиях снижения уровня рождаемости, остается актуальным использование послевоенного опыта в политике российского государства по поддержке материнства.

Р.С. Колокольчикова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

---

[1] См.: Сталинградская правда.1951. 7 марта.
[2] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне» // Сталинградская правда. 1948. 3 марта.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960 – СЕРЕДИНА 1980-х ГГ.) *

Индустриальные города Европейского Севера – это крупнейшие в стране центры черной и цветной металлургии, целлюлозно-бумажной индустрии, формировавшиеся как побочные продукты промышленного строительства, что обусловило низкокачественную городскую среду, экономическое неблагополучие, отставание жилищного строительства от промышленного, социокультурного от жилищного, а также гендерные особенности населения.

Реализация больших программ промышленного и гражданского строительства в суровых климатических условиях, относительно слабой заселенности региона обусловила формирование состава горожан преимущественно за счет механического прироста, который в основном складывался из навербованных на новостройки «по оргнабору», по направлению трудоресурсов, по общественному призыву, обращенному прежде всего к комсомольцам, молодежи. Большие встречные миграционные потоки на территории индустриальных городов, в том числе за счет вынужденных мигрантов – условно-осужденных, условно-освобожденных из ИТК других областей, а также из ИТК, располагавшихся на территории отдельных индустриальных городов региона или поблизости от города, лиц, отбывших наказание в ИТК, также влияли помимо отраслевой структуры градообразующих предприятий на гендерные особенности населения.

Половозрастная структура населения индустриальных городов – новостроек отличалась преобладанием мужчин молодых возрастов. Например, в городе-новостройке Костомукше в 1979 г. мужчины составляли 62,2% постоянного населения, молодежь в возрасте 20–34 лет – 50,4%. Средний возраст населения равнялся 26,3 года[1]. По мере

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., ГК П 360.

[1] Илюха О.П., Антощенко Л.В., Данков М.Ю. История Костомукши. Петрозаводск. 1997. С. 130.

завершения формирования градообразующей основы преобладание мужчин в составе населения городов становилось менее заметным.

На территории индустриальных городов региона, история которых началась в годы первых пятилеток, как, например, в Мончегорске, Кировске, или в конце XVIII в., как, например, в Череповце, который поменял градообразующую основу в послевоенные годы со строительством ЧМК и начал развиваться по модели индустриальных городов, – несмотря на реализацию больших программ промышленного строительства в изучаемый период, в составе населения преобладали женщины, что объяснялось в основном отдаленными последствиями Великой Отечественной войны. Однако средний возраст населения оставался молодежным – 27–30 лет. Так, например, в городе Череповце по переписи 1979 г. было учтено 130 111 мужчин и 135 822 женщины. Превышение численности женщин на 5701 человека было учтено в возрасте 50 лет и старше. При этом средний возраст горожан составлял 31 год[1].

Преимущественно молодежный состав населения индустриальных городов Европейского Севера способствовал увеличению брачности населения. Например, в Мончегорске и пригородной зоне в 1979 г. по сравнению с 1970 г. численность населения увеличилась на 19%, а число лиц, состоявших в браке, на 23,8%[2]. По сравнению с мужчинами, среди женщин г. Мончегорска по переписи 1979 г. был установлен меньший удельный вес состоящих в браке и больше вдовых и разведенных. Если на 100 мужчин в возрасте 16 лет и старше в браке состояло 74,2%, то на 100 женщин 16 лет и старше – 64%, соответственно, процент вдовых мужчин 1,1%, женщин – 13,6%[3]. Это тоже обусловливалось в основном превышением численности женщин над численностью мужчин в старших возрастах. В целом в индустриальных городах Европейского Севера структура населения была достаточно благоприятна с точки зрения естественного воспроизводства.

---

[1] Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 435. Оп. 4. Д. 531. Л. 12 – 22

[2] Государственный архив Мурманской области (ГАМО) в г. Кировске . Ф. 106. Оп. 3. Д. 215. Л. 3 – 4

[3] ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. Оп. 3. Д. 215. Л. 4.

Несмотря на острый дефицит трудовых ресурсов на территории индустриальных городов региона, здесь, как и в целом в государстве, морально и материально поощрялось материнство. Женщинам гарантировалось право на равное с мужчиной вознаграждение за труд, право на бесплатную переквалификацию и восстановление квалификации после вынужденного перерыва, вызванного выполнением материнских обязанностей. Для беременных женщин и кормящих матерей на предприятиях индустриальных городов Европейского Севера создавались облегченные условия труда, в случае необходимости обеспечивался перевод беременных и кормящих матерей на более легкую работу с сохранением заработка по прежней работе, нередко достаточно высокооплачиваемой, но связанной с вредными или тяжелыми условиями труда. Удельный вес женщин на градообразующих предприятиях региона, несмотря на их отраслевую специфику, был высок и постоянно увеличивался, составляя от 40 до 50% от числа работающих, в том числе и на рабочих местах с вредными условиями труда. Например, на Череповецком азотно-туковом заводе в 1980 г. от числа работающих женщины составляли 48,5%, из них 45% занимали рабочие места с вредными условиями труда[1]. Это обстоятельство заставляло создавать для беременных специальные цеха легкого труда, нередко располагавшиеся не на территории завода, а на территории города, поблизости от постоянного места жительства женщин, в более благоприятных условиях с точки зрения экологии. Такой цех легкого труда, именовавшийся «Аист», в конце 1970-х – в первой половине 1980-х гг. успешно функционировал на Череповецком производственном объединении «Аммофос».

Для поощрения материнства по беременности и родам предоставлялся отпуск в 112 дней, который полностью оплачивался в размере 100% заработка женщины, независимо от трудового и профсоюзного стажа. Женщины, имевшие ребенка до года, пользовались дополнительными перерывами для кормления, матерям предоставлялся оплачиваемый отпуск для ухода за больным ребенком. Законодательство запрещало увольнять или отказывать в приеме на работу по мотивам беременности и родам. Оказывалась

[1] ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 852. Л. 56.

материальная помощь незамужним и многодетным матерям[1]. Для того, чтобы женщина имела возможность совмещать выполнение семейных и материнских обязанностей с трудовой и общественной деятельностью в изучаемый период высокими темпами развивались учреждения, обеспечивающие уход за ребенком: детские ясли, детские сады, группы продленного дня для школьников. По данным отдела госстатистики исполкома горсовета г. Апатиты, на содержание одного ребенка в изучаемый период в детских яслях в год расходовалось более 1020 рублей, в детских садах – более 800 рублей, при этом 80% расходов оплачивало государство[2]. Проводимые меры обеспечивали большой удельный вес женщин–матерей среди работающих. Например, на 01.02.1971 г. на Череповецком металлургическом заводе 92,5% работающих женщин являлись матерями[3].

С начала 1980-х гг. поощрение материнства усилилось. Стал предоставляться частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком по достижении им возраста одного года, место работы сохранялось за женщиной в течение трех лет после рождения ребенка, незамужние матери получили большие льготы на получение отдельной благоустроенной жилой площади, была введена выплата единовременного денежного пособия при рождении первого, второго, третьего ребенка, введена выплата пособий на детей малообеспеченным семьям и другие меры[4].

Благоприятная структура населения индустриальных городов для естественного воспроизводства, политика государства и руководства градообразующих предприятий по поощрению материнства привели к тому, что, несмотря на некоторое снижение рождаемости в изучаемый период на территории индустриальных городов, до конца 1970-х гг. и особенно с начала 1980-х рождаемость здесь была выше среднеобластных показателей. Низкий уровень смертности в городах с преимущественно молодежным населением и относительно высокий уровень рождаемости делали показатель естественного прироста

---

[1] Архивный отдел адм-ции г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 92–93.
[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 331. Оп. 1 Д. 259. Л. 13.
[3] ЧЦХД. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3622. Л. 2.
[4] ЧЦХД. Ф. 435. Оп. 4. Д. 1007. Л. 15.

населения городов весьма значительным, выше среднеобластных показателей. Осуществление в начале 1980-х гг. мер по поддержке материнства благоприятно повлияли на демографические показатели в индустриальных городах, где обозначилась тенденция к увеличению рождаемости[1]. Однако весь изучаемый период беременности чаще завершались абортами, чем родами. Например, в Коряжме в 1970-е гг. ежегодно рождалось 870 – 900 детей, а абортов производилось 2 300 – 2 500 ежегодно[2]. В отчете отдела здравоохранения Мончегорского Совета народных депутатов за 1965 г. отмечалось: «…Снизилось количество родов, нет тенденции к снижению абортов. Большой удельный вес внебольничных абортов»[3]. Помимо общей тенденции к снижению рождаемости это объяснялось слабыми знаниями по предотвращению нежелательной беременности, планированию семьи, отставанием, несмотря на высокие темпы развития, от потребностей системы детских дошкольных учреждений, жилищного строительства, когда ожидание получения отдельной благоустроенной квартиры длилось в среднем 8 – 10 лет и на многие годы затягивалась жизнь в общежитиях, препятствуя созданию семьи, рождению детей; низкой общей культурой некоторых женщин и т. п. А также и тем, что главной ценностью считался общественно-полезный труд, как мужчин, так и женщин. Беременность, рождение ребенка пусть на время, но отвлекали женщину от производительного труда.

На территории индустриальных городов всячески приветствовалось участие женщин в производительном труде, в том числе на металлургических предприятиях, химических, целлюлозно-бумажных, в строительных организациях. Нередко интеграция женщин на таких предприятиях происходила через овладение женщинами «мужских» или близкими к «мужским» профессиями. Женщины были вынуждены «встраиваться» в мужской образ жизни и труда в условиях дефицита трудовых ресурсов на строительных площадках городов Европейского Севера, на вновь вводимых промышленных объектах.

Важнейшим фактором, обеспечивающим потребность общества в максимальной мобилизации женских трудовых ресурсов, стало

---

[1] Там же. Л. 14.

[2] Архивный отдел администрации г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 17.

[3] ГАМО в г. Кировске. Ф. 87. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

повышение общеобразовательного уровня и подготовка квалифицированных кадров из женщин. Образовательный уровень населения городов Европейского Севера постепенно повышался. В 1979 г. из расчета на 1000 населения в возрасте 10 лет и старше показатели по высшему и среднему образованию (полному и неполному) в индустриальных городах региона были выше аналогичных показателей по СССР, РСФСР, среднеобластных в регионе и составляли, например, в Череповце и Мончегорске соответственно 766 и 732 человека (по СССР – 638 человек, РСФСР – 645 человек, по Вологодской области – 606 человек)[1]. При этом образовательный уровень женщин индустриальных городов Европейского Севера был выше, чем мужчин. В 1970 г. в г. Мончегорске и пригородной зоне из 2 053 специалистов с высшим образованием 1 159 человек – женщины, а из 4 014 человек со среднеспециальным образованием женщины составляли 2 476 человек[2]. В 1979 г. в Кировске от общего количества населения города с высшим и среднеспециальным образованием удельный вес женщин составлял 58%. Среди экономистов, плановиков, товароведов женщины составляли 88% от общего количества, врачей – 68%, педагогов, работников культуры – 89%[3]. Образцовая трудовая деятельность женщин отмечалась наградами, званиями, иногда открывала женщинам дорогу в органы власти. На Череповецком металлургическом заводе в 1970 г. 35 женщин–работниц были награждены правительственными наградами за производственные успехи, звание «Заслуженный работник завода» имели 32 женщины, 200 череповецких женщин–металлургов являлись рационализаторами, в 1970 г. 17 женщин–работниц завода были занесены на заводскую доску почета[4]. Нередко награждение женщин приурочивалось к празднованию Международного женского дня 8 Марта.

---

[1] Колокольчикова Р.С. Череповец как феномен индустриального города. Череповец. 2009. С. 271; ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. Оп. 3. Д. 215. Л. 5

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. Оп. 2. Д. 81. Л. 75.

[3] Там же.. Ф. 187. Оп. 1. Д. 600. Л. 8.

[4] ЧЦХД. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3622. Л. 2.

Специфика половозрастной структуры населения на территории индустриальных городов Европейского Севера обусловила высокую степень его занятости в экономике городов, причем, как мужчин, так и женщин. Большая доля женщин была занята в отраслях тяжелой промышленности, с большим удельным весом рабочих мест с тяжелыми и вредными условиями труда, на стройплощадках, трудясь в суровых климатических условиях, в приполярье, за полярным кругом, нередко под открытым небом, в неблагоприятных экологических условиях наравне с мужчинами, при этом, сочетая нелегкий «мужской» общественно полезный труд с выполнением материнских и семейных обязанностей, несла таким образом «двойное бремя».

А.А. Деманов,
Чебоксары, Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ ВПК: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВВЭР)

Человеческий фактор в развитии НТП принадлежит к социальным условиям, определяющим его характер и глубину. Его решающая роль проявляется в том, что, во-первых, при наличии всех необходимых компонентов социального порядка судьба результатов технического творчества всецело зависит от социальных условий. Во-вторых, в период вызревания объективных факторов социальные условия играют важную роль в мобилизации сил и средств, в удовлетворении потребностей через разрешение задач производства и техники. В-третьих, назревшие социальные потребности ориентируют творческий поиск в таких направлениях и масштабах, что становится возможным разрешение техники и производства на иных путях и основах, чем предполагалось ранее. И, наконец, при прочих равных условиях от социальных факторов в решающей мере зависят производственное применение и степень влияния изобретения на научно-технический и социальный прогресс[1].

---

[1] Белозерцев В.И. К вопросу о формах социальной детерминации в развитии техники и технического творчества // Источники и движущие

Расширение масштабов промышленного производства, тем более в таких отраслях, как электротехника, приборостроение, машиностроение, не было, да и не могло быть в сложившихся условиях подкреплено в должном объеме кадровыми ресурсами.

Экзогенный фактор пополнения специалистов иссяк с прибытием последних работников, сопровождавших перемещенные предприятия, более того, некоторая их часть впоследствии реэвакуировалась в освобожденные районы.

Высшая школа была представлена лишь педагогическими и сельскохозяйственными институтами, в которых доминировала отраслевая специфика. Профильные вузы находились в столице и крупных индустриальных центрах, и их выпускников не хватало для интенсивно развивающихся территорий. Особенно остро эти обстоятельства проявились в Чувашии и Мордовии. Вопросы о необходимости открытия в ЧАССР вуза технического или электронного профиля неоднократно поднимались на республиканских партийных форумах[1] и сессиях Верховного Совета.

По-иному складывалась ситуация в Марийской АССР. Во-первых, наиболее крупные предприятия, воплощавшие передовой уровень НТП, заводы № 297, № 298 находились в системе ВПК, где предъявлялись самые серьезные требования к профессиональной подготовке кадров. В конструкторские службы предприятий направлялись специалисты высшей квалификации для работы в Особых КБ, структура которых постоянно видоизменялась: под возникающие технические проблемы открывались новые отделы, подотделы и группы[2]. В Йошкар-Оле с 1932 г. функционировал Поволжский лесотехнический институт им. М. Горького, который, хоть и имел достаточно узкую специализацию, но давал основательную общетехническую и инженерную подготовку, и его выпускникам было легче адаптироваться в индустриальной сфере.

В 1945/46 учебном году в институте преподавательский коллектив состоял из 69 научных работников, в том числе профессоров – 7 (5 доктора наук), доцентов – 24 (17 канд. наук), студентов обучалось 551

силы научно-технического прогресса. С. 112.

[1] ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 25. Д. 230. Л. 236.

[2] ГА РМЭ. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

человек (женщин – 454, мужчин – 97), в 1949/50 учебном году студентов было 753 человека[1].

В дальнейшем демографическая картина менялась в сторону увеличения доли мужчин. Необходимо добавить, что Поволжский ЛТИ имел казанские «корни»: в свое время это был факультет Казанского сельскохозяйственного института впоследствии отделившийся и перепрофилированный полностью на лесную отрасль. Казань же имеет давние и глубокие традиции квалифицированной организации высшей школы и вузовской науки.

В Марийской АССР в 1945 г. ремесленные и железнодорожные училища окончили 627 человек из них 327 по Наркомату вооружения, ФЗО – 675, по НВ – 221 человек, т. е., половина и треть выпускников данных учебных заведений стали работать на оборонку[2]. Как видно из таблицы 1, работники ВПК были сосредоточены в г. Йошкар-Оле.

Таблица 1. Численность рабочих по оборонным наркоматам в Марийской АССР
(ГА РМЭ. Ф. Р-692. Оп. 6. Д. 13. Л. 88)

Наркомат	Всего рабочих	Из них в городе
Вооружения	3734	3734
Главвоенпромстрой	1250	448
Электропромышленности	1275	1275

Таблица 2. Состав работников Наркомата Вооружения
(ГА РМЭ. Ф. Р-692. Оп. 6. Д. 13. Л. 58)

Группы	Численность (чел.)	Сред. зарплата в руб.

[1] Там же. Ф. Р-377. Оп. 2. Д. 190. Л. 9, Л. 13, 15, Д. 288. Л. 1.
[2] ГА РМЭ. Ф. Р-692. Оп. 6. Д. 13. Л. 2.

Рабочие	2353	752
ИТР	362	1172
Служащие	132	765
ПСП	146	423
Всего	3442	

От общего числа работников женщин было – 51,5% (1773 чел.), рабочих – 54,4% (1259 чел.), в 1946 г. эти цифры существенно не изменились, в общей массе работников женщины составляли – 59,3% (1809 чел.), среди рабочих – 54,9% (1134 чел.)[1]. Из таблицы 3 видно, что данное соотношение в пятой пятилетке не претерпело существенных изменений.

Таблица 3. Количество женщин занятых на заводах № 297 и № 298 на 1.окт. 1952 г
(ГА РМЭ. Ф. Р-692. Оп. 6. Д. 28. Л. 35, 39)

Показатель	**№ 297**	**№ 298**
Всего работников	4642	1482
Из них женщин	2404	838
в %	51,8	56,5

Можно сделать вывод, что женщины продолжали во многом заменять мужчин у станков оборонных предприятий. Их доля была примерно две трети от общего количества работников.

Важную роль сыграло движение за звание «бригады отличного качества». Под руководством коммунистов движение за право называться бригадой отличного качества ширилось из года в год, втягивая все новые и новые бригады, смены и цехи завода ЧЭАЗ. Если в середине 1949 г. за звание бригад отличного качества соревновались 54, в начале января 1950 г. – 60 бригад, то в октябре того же года на заводе таких бригад стало 158. Соревнование за звание бригад отличного качества выявило десятки и сотни замечательных мастеров своего дела. Среди них бригады

[1] ГА РМЭ. Ф. Р-692. Оп. 6. Д. 13. Л. 60, Д. 18. Л. 87.

Ю.А. Андреевой, неоднократно завоевывавшая почетное звание по Министерству электропромышленности, В.К. Асянина, О.П. Николаевой, К.П. Авдеева.

Развернулось соревнование между комсомольско-молодежными бригадами. В апреле было 47 соревнующихся бригад, в том числе в первом сборочном – 11, изоляционном – 8. Многие бригады добились высокой производительности труда. В их числе бригада намотчиц из крепежного цеха, руководимая секретарем комсомольской организации З.С. Семеновой, шлифовщика инструментального цеха А.И. Дешевова. В июне 1946 г. Министерство электротехнической промышленности и ЦК профсоюзов электромашиностроения передали коллективу завода на вечное хранение переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомата электропромышленности, которым в годы войны предприятие награждалось много раз.

Однако в целом коллектив ЧЭАЗ в 1946 г. не выполнил производственную программу, выпустил продукции па полпроцента меньше, чем в 1945 г. Снижение объема производства было вызвано тем, что освоение и расширение производства мирной продукции требовали внедрения и освоения новых технологических процессов, повышения квалификации работников[1].

Немало передовиков производства выдвинуло соревнование по профессиям. В августе звание лучшего по профессии завоевали накатчица З.А. Федорова и револьверщица Е.П. Петрова из крепежного цеха. В сентябре звания лучшего заслужили накатчица А.В. Шолина из крепежного, прессовщицы П.В. Кузнецова и другие рабочие.

Активно участвуя в движении новаторов производства, чебоксарские электроаппаратчики в 1946–1950 гг. по итогам социалистического соревнования неоднократно занимали призовые места среди коллективов предприятий своего министерства и среди предприятий союзных министерств Чувашской АССР.

На производстве происходили несчастные случаи, их динамика показана в таблице 4. Как видно, благодаря постоянной борьбе за повышения уровня техники безопасности, к началу пятой пятилетки их

---

[1] Кузнецов И.Д. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. С. 76–77.

количество сократилось втрое. Среди женщин количество данных случаев было гораздо ниже, чем у мужчин, что можно объяснить гендерными особенностями.

Таблица 4. Количество несчастных случаев на ЧЭАЗ
(ГИА ЧР. Ф. 1517. Оп. 26. Д.9,12,18,19, 26, 36, 38)

Год	Мужчин	Женщин
1945	79	34
1946	53	18
1947	76	31
1948	44	21
1949	62	24
1950	34	21
1951	23	23

Большие задачи, поставленные перед коллективом ЧЭАЗ в первой послевоенной пятилетке, требовали дальнейшего роста кадров, совершенствования системы подготовки и повышения культурно-технического уровня работников. С учетом этих требований осуществлялись мероприятия по обучению новых рабочих кадров, повышению их деловой производственной квалификации.

К началу четвертой пятилетки на предприятии было занято 2700 человек, в том числе рабочих (вместе с учениками) 1978 человек (из них 951 женщина). В конце 1950 г. на заводе работало 3278 человек, в том числе, 1707 женщин. Численность рабочих (вместе с учениками) в конце пятилетки достигла 2543 человек. Инженерно–технических работников на 1 января 1951 г. на предприятии работало 438.

Произошли значительные перемены в составе работников завода. В 1947 г. на предприятии работало 1756 человек из местного населения (67% от общего количества работников), в том числе городского – 838 и сельского – 918 человек. Из других областей страны работало 848 работников, в числе их прибывшие с цехами Харьковского электро-механического завода по эвакуации 225 человек и из Ленинградского завода «Электрик» – 59 человек. В 1948 г. в составе работников завода из местного населения было 58% (или 1664 человека, в том числе из городского – 987 и сельского – 677

работников). Сократилась численность эвакуированных рабочих в связи с возвращением их в Ленинград и Харьков. В 1950 г. из числа бывших рабочих с заводов ХЭМЗ и «Электрик» осталось 145 человек[1].

Произошли изменения в возрастном составе работников. В 1947 г. число работников в возрасте до 27 лет составляло 63%, в 1949 г. более 50% всех работающих было в возрасте до 25 лет. В 1950 г. на заводе работало в возрасте до 16 лет – один, от 16 до 18 лет – 201, от 18 до 25 – 1390, от 25 до 40 – 1252, старше 40 лет – 437 человек. Таким образом, в годы первой послевоенной пятилетки коллектив работников Чебоксарского электроаппаратного завода по возрасту был молодым. В послевоенные годы шел процесс закрепления рабочих па предприятии. Молодежь, пришедшая на завод в период Великой Отечественной войны, переходила в состав основных кадров, составляя основной костяк работников завода. Практически половина молодых кадров была представлена девушками.

О качественных изменениях в составе работников завода в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны говорят сравнительные данные по стажу непрерывной работы. Так, в 1947 г. немногим более 31% работников работало на данном предприятии до трех лет, подавляющее большинство работников (88,5 %) работало не более шести лет. В последующие годы пятилетки в составе работников завода число рабочих с более высоким стажем работы на данном предприятии еще больше сократилось: в 1949–1950 гг. больше половины всех работающих на заводе имели стаж работы на данном предприятии менее трех лет. В 1950 г. 77,6% работающих имели стаж работы на данном предприятии менее пяти лет[2].

Оценивая итоги послевоенного развития до начала 1960-х гг., необходимо сделать вывод о том, что этот период стал временем радикальных преобразований, в ходе осуществления которых республики ВВЭР сменили свой статус и перешли в разряд индустриальных развитых регионов страны. Глубокие модернизационные изменения, вызванные эвакуацией в годы войны промышленных предприятий и форсированное освоение их

---

[1] ГАСИ ЧР. Ф. П–44. Оп. 1. Д. 71 а. Л.74.
[2] ГАСИ ЧР. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 71 а. Л.81.

мощностей стали основой дальнейшего индустриального развития с включением в структуру народного хозяйства предприятий высокотехнологичных отраслей, по некоторым из которых республики заняли лидирующие позиции в стране.

Существенную катализирующую роль сыграли реформы 1950-х гг., особенно переход от отраслевого к территориальному принципу управления, которое заметно интенсифицировало индустриализацию. Руководством республик была избрана правильная стратегия вовлечения в промышленную сферу трудоизбыточного населения в условиях расширявшейся механизации сельского хозяйства. Индустриальное развитие адекватно вписалось в общий процесс возникновения и углубления в стране и мире НТР, требованиям которой в целом соответствовали передовые предприятия республик. Доля женщин в высокотехнологичных отраслях индустрии постоянно возрастает, растет и их уровень образования. Все это можно отнести к результатам начавшейся НТР в СССР.

А.А. Гагарин,
Екатеринбург,
Центр документации общественных организаци
Свердловской области

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В 1900–1940 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА)

Одним из спорных вопросов истории, экономики и права является применение женского труда в промышленности. Особенно в таких ее отраслях, как металлургия, различные добывающие отрасли. В советский период женщинами рабочими, тем более передовиками производства гордились. Сейчас все чаще слышны высказывания, что подобный труд – не женское дело. Разобраться в вопросе без анализа исторического прошлого крайне затруднительно. Одним из наиболее перспективных для изучения проблемы нам представляется период 1900–1940 гг. – эпоха смены не только государственных и социальных структур, но и производственно-технической парадигмы, время масштабного внедрения в промышленности женского труда.

Данное исследование посвящено изучению процесса внедрения женского труда на примере Верх-Исетского металлургического завода (ВИЗ) – одного из старейших металлургических заводов Урала. До 1930-х гг. он являлся крупнейшим предприятием столицы Среднего Урала – Екатеринбурга-Свердловска. В исследуемый период завод подвергся масштабной технической реконструкции, сделавшей его одним из показательных предприятий региона, объектом пристального внимания властей.

В 1900–1913 гг. на предприятии, насчитывавшем в разные годы от 1 до 2 тыс. человек, трудились преимущественно совершеннолетние рабочие мужского пола. Количество подростков и малолетних среди трудящихся было крайне незначительно. По официальным, подаваемым горному инженеру отчетам, женский труд на предприятии не применялся. Однако в некоторых воспоминаниях трудящихся и в неопубликованной «Истории Верх-Исетского завода в 1901–1917 гг.» Лундберга присутствуют сведения, что женщины использовались на неквалифицированных работах в ряде подсобных цехов[1]. Иногда говорится о наличии женщин–трудящихся и в материалах единовременных внутренних обследований.

Отсутствие сведений о работниках женского пола в официальных отчетах может быть обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, временным характером их найма – работники, нанимаемые на короткий срок, а тем более единовременно, зачастую не учитывались в официальной статистике. Во-вторых, что более вероятно, из-за необходимости в случае официального признания их наличия создания для женщин особых условий труда. В любом случае, можно констатировать, что в основном производстве и тем более в металлургических цехах женский труд в 1900–1913 гг. не применялся. Подобный тип комплектации трудового коллектива был в целом характерен для Урала с его избыточными массами рабочих мужчин, поставляемых исторически и экономически связанными с заводами горнозаводскими поселками. Использование женского труда в

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 318–р. Оп. 1. Д. 47. Л. 18.

цензовой промышленности региона было в 4 раза ниже, чем в среднем по России[1].

Еще одной причиной незначительного использования женского труда на заводе является во многом сходный с деревенским быт большинства рабочих семей, наличие у многих семей подсобного хозяйства. В таких условиях женщины зачастую просто не имели ни возможности, ни времени для работы на предприятии. Женщина в этот период воспринималась главным образом как хозяйка дома. На заводских работах обращались преимущественно жены наименее обеспеченных местных рабочих и пришлых рабочих, во-первых, не имеющие развитого подсобного хозяйства, во-вторых, вынужденные искать любого приработка.

С началом Первой мировой войны ситуация в значительной степени изменилась. Мобилизации оторвали от производства 27–28%, т.е. более четверти промышленных рабочих Урала[2]. С Верх-Исетского завода в течение войны было призвано более 700 человек, что привело к значительному сокращению производства[3]. Поначалу мобилизации подлежали в основном рабочие из числа вспомогательных, однако со временем мобилизации начали захватывать и рабочих производственных цехов[4]. Число заводских рабочих, в предвоенные месяцы составлявшее 2086 человек, уже осенью 1914 г. сократилось до 1710 человек[5]. С этого времени рабочий вопрос стал, пожалуй, основным для Верх-Исетского завода и горнозаводского округа. Как и в большинстве горнозаводских округов, решалась возникшая проблема за счет использования

---

[1] 6% по Уралу, 24,5% по России (Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1940 гг. С. 84).

[2] Постников С.П. Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала. С. 68.

[3] Рябинин Б.С. Указ. соч. С. 57.

[4] При этом заводоуправление активно использовало страх призыва в армию для поддержания трудовой дисциплины. Так, известны слова начальника листопрокатных цехов Шпынова: «Кто не будет выполнять приказы мастеров – фронт недалеко» (ГАСО. Ф. 318–р. Оп. 1 Д. 62. Л. 105).

[5] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 103. Л. 205–206.

принудительного труда военнопленных и заключенных, привлечения иностранных, главным образом китайских рабочих. Едва ли не основным источником восполнения убыли заводских рабочих стало увеличение числа несовершеннолетних, занятых на работах, привлечение к заводскому труду женщин. На начало 1917 г. при общей численности коллектива почти в 2,4 тыс. человек на заводе работало 223 подростка и 10 малолетних рабочих обоего пола, 89 женщин (т.е. почти 4% коллектива)[1].

В период революционных потрясений и Гражданской войны численность трудового коллектива завода испытывала значительные колебания. С февраля по конец 1917 г. рост заводского коллектива продолжался: на начало 1918 г. на заводе было уже 2724 рабочих[2]. Увеличение численности произошло во многом благодаря усилению вовлечения в трудовой процесс военнопленных и женщин. На начало 1918 г. на заводе трудилось 199 женщин, что составляло 7,3% коллектива, и было почти в два раза больше, чем накануне Февральской революции[3].

Однако с началом широкого применения на Урале трудовых армий использование труда женщин и подростков вновь стало сокращаться. На начало 1921 г. в заводском хозяйстве было занято 99 женщин, что было почти в два раза меньше, чем в 1917–1918 гг. При этом наибольшее количество женщин – 77, было занято на неквалифицированных работах; 21 женщина была служащим низших должностей; лишь одна женщина входила в категорию квалифицированных рабочих; среди административного персонала завода женщин не было вообще[4].

После окончательной победы советской власти был провозглашен курс на феминизацию труда. В результате в период НЭПа вовлечение женщин в заводское производство усилилось. Процесс всячески подстегивался сверху. Однако даже заинтересованные органы были

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108а. Л. 138–139.
[2] Подчивалов Е.Ф. Первопроходцы огневых дел: очерки истории Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, Средне уральское книжное издательство, 1989. С. 39.
[3] ГАСО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 136. Л. 103.
[4] ГАСО. Ф. 122–р. Оп. 1. Д. 72. Л. 13.

вынуждены признать, что в подавляющем большинстве женщины были заняты на наименее квалифицированных и низкооплачиваемых видах работ, зачастую связанных с тяжелым физическим трудом. Показатели вовлечения женского труда в производство по заводу отставали от общесоюзных и были гораздо меньше плановых. На начало 1926 г. на заводе трудилось 210 женщин, что составляло 8% от численности коллектива (в среднем по Уралу 13,5%)[1]. Одной из главных причин недостаточного вовлечения женщин в заводской труд была неразвитость социально-бытовой сферы, в особенности детских садов и столовых. Женщина в тот период продолжала выполнять множество домашних функций и зачастую даже при соответствующем желании просто не могла полноценно трудиться на предприятии. К тому же заводу в тот период в целом хватало для комплектации рабочих–мужчин.

Новый виток борьбы за вовлечение женщин в производство последовал после начала индустриализации. В этот период к причинам идеологического характера добавилась реальная проблема острой нехватки в промышленности рабочих рук. Ситуация была актуальна и для чрезвычайно динамично развивающегося в те годы Верх-Исетского завода.

Масштабное расширение заводских производств, начавшееся после освоения на заводе изготовления высококачественных сталей, потребовало значительного увеличения численности трудового коллектива. В начале 1927 г. трудовой коллектив завода равнялся двум тысячам человек; в 1928/1929 хоз. году численность коллектива достигла 3,5 тыс. человек, т. е. увеличилась за год в 1,75 раза; к середине 1930-х гг. численность коллектива завода увеличилась еще почти в полтора раза и превысила 5 тыс. человек. Численность трудового коллектива достигла своего максимума в 1937 г., когда на заводе работало более 5,5 тысяч человек. В итоге численность коллектива увеличилась за 10 лет в 2,75 раза. При этом численность коллектива постоянно отставала от запланированной.

Произошел столь значительный рост во многом благодаря привлечению женского труда. На начало 1930 г. на ВИЗе работало 224 женщины. Этого, по мнению партийных органов, было крайне

[1] Красный кровельщик. 1931, 19 июля.

недостаточно. Постановлением Наркомата труда СССР от 19 мая 1931 г. было предписано довести долю женщин на предприятиях черной металлургии до 35%[1]. В результате ряда указаний и кампаний последовало резкое увеличение количества женщин. На начало 1931 г. на заводе трудилось 696 женщин, на начало 1932 г. – 1270[2]. Количественный пик применения женского труда на заводе пришелся на ноябрь 1933 г., когда на заводе трудилось 1877 женщин (около трети численности трудового коллектива). Возможным полноценное вовлечение в трудовой процесс стало во многом благодаря появлению при заводе полноценной столовой и сети детских садов. Процесс расширения применения женского труда шел по двум основным направлениям: благодаря внедрению механизации, позволившему увеличить области женского труда, что было явлением в целом позитивным, и одновременно очередному пересмотру списка разрешенных для женщин работ, что следует рассматривать как негативное явление. Структура занятости женщин продолжала оставаться неблагоприятной. Подавляющее большинство женщин было занято на рабочих должностях – 72%, к категории младшего обслуживающего персонала относилось 12% женщин, категории служащих – 16%, среди администрации и инженерно-технического персонала женщин не было вовсе[3]. Прием на работу, а тем более руководящие должности зачастую сопровождался сопротивлением со стороны начальников мужчин. В ходе опроса, проведенного в 1932 г. заводской газетой среди начальников цехов, причины нежелания брать на работу женщин назывались самые разные, в том числе даже такие, как невозможность полноценно ругать подчиненных женщин матом: «Что я буду с ними буду делать, ее поматькать нельзя, а мы поди – привыкли ругаться». Еще хуже обстояло дело с практическими занятиями девушек студенток заводского ФЗО, которых мастера зачастую отказывались допускать до станков и инструментов[4].

---

[1] Трансформаторная сталь. 1932, 2 апреля.
[2] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Л.71.
[3] Там же.
[4] Трансформаторная сталь. 1932, 2 апреля.

В дальнейшем, по мере снижения шумихи вокруг вовлечения женщин в трудовой процесс, количество и доля женщин на заводе вновь начали постепенно снижаться: в 1939 г. на заводе трудилось 1068 женщин, что составляло 20% от численности трудового коллектива и было в полтора раза меньше, чем в среднем в металлургии Урала (30,87%)[1].

На примере завода видна как региональная специфика применения женского труда, так и направленность политики власти. В досоветский период каких-либо инициатив со стороны власти в отношении внедрения женского труда не было. Даже наоборот, необходимость создавать для женщин особые условия труда являлась одной причин нежелания промышленников работать с этой категорией трудящихся. В советский период партия провозгласила курс на феминизацию труда. Связан он первоначально был с идеологическими причинами. С началом индустриализации к ним прибавилась острая нехватка рабочих рук. При этом одновременно с попытками продвижения женщин на управляющие должности, определенной заботе об условиях их труда, происходит расширение списка допустимых для женщин работ, включение в него различных тяжелых и вредных производств.

Значительное применение женского труда на заводе имело место только в периоды острой нехватки рабочих мужчин (период Первой мировой и Гражданской войн, начало индустриализации). Как только ситуация выправлялась, начинался своеобразный регресс. При этом доля женщин на предприятии традиционно отставала от среднеуральских показателей, что объясняется самим чрезвычайно энергоемким и физически тяжелым характером металлургического производства. Еще одним препятствием для полноценного использования женского труда являлась неразвитость социальной и коммунально-бытовой сферы заводского поселка. Определенные сдвиги в этой сфере в 1930-е гг. позволили резко увеличить

---

[1] ГАСО. Ф. 122–р. Оп. 2. Д. 1236. Л. 106. Вовлечение женщин в трудовой процесс в значительной степени тормозилось недостатком яслей, а также пренебрежительным отношением к ним начальников ряда цехов, отказывавшихся допускать женщин до производства (Красный кровельщик. 1932, 2 апреля.)

количество женщин трудящихся, однако до конца периода женщины продолжали выполнять значительное количество различных хозяйственных и бытовых функций. В течение всего периода наибольшая часть женщин трудилась на неквалифицированных работах. Это имело под собой как объективные причины, в металлургии того периода квалифицированный труд предполагал очень большие физические нагрузки, а система подготовки женщин на инженерно-технические и административные должности только начала складываться, так и субъективные причины. В том числе весьма негативно влияло на структуру использования женщин предубежденное отношение к их труду со стороны рабочих мужчин. Несмотря на появление на заводе в 30-е гг. ряда передовых женских бригад, большая часть рабочих завода, в том числе начальников цехов и управленцев, продолжала сомневаться в эффективности и главное необходимости применения женского труда на производстве. Сломать сложившиеся стереотипы удалось гораздо позднее, во многом способствовал этому самоотверженный труд женщин в годы Великой Отечественной войны.

Т.А. Посохова,
Тверь, Тверской государственный университет

ЖЕНЩИНА–ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ)

Советская власть постоянно уделяла внимание привлечению женщин в деревне в руководящие кадры колхозов. На 15 съезде ВКП(б) был провозглашен курс на коллективизацию сельского хозяйства, а также было сосредоточено внимание на воспитании социалистического сознания женщин–крестьянок, среди которых также рос интерес к общественной жизни. На 17 съезде ВКП(б) в своем отчетном докладе И.В. Сталин с удовлетворением отметил изменение в половозрастной структуре управленческого аппарата колхозов[1].

[1] Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Большевистская мысль. 1934. № 1. С. 34.

Взгляды отечественных и зарубежных исследователей на роль и возможности участия женщин в управленческих процессах на селе весьма полярны. Так, например, исследователь Ш. Фицпатрик[1] считает, что женские управленческие ресурсы были гораздо скромнее мужских, как в силу меньшей образованности первых, так и подверженности патриархальным порядкам в деревне. По ее мнению, привлечение женщин к руководству встречалось неодобрительно как сельскими мужчинами, так и самими женщинами. Л.А. Козлова, напротив, считает, что появление женщин на управленческих должностях в деревне, помогло им занять практически равное с мужчинами положение, изменить существующие патриархальные стереотипы и взгляды на роль и место женщины-крестьянки[2].

Использование в данной работе метода биографического интервью обусловлено тем, что его отличием можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека и на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры, истории. Направленность биографического метода на воссоздание исторической, развернутой во времени, перспективы событий, позволяет рассмотреть переживания и определения одного лица, в той форме, в которой это лицо интерпретируют данные переживания. Особенность биографического метода – его направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени, перспективы событий. Это открывает дополнительные возможности для пересмотра «официальных» версий истории, и сопоставления этих версий с основанным на повседневном опыте знанием социальной жизни[3].

За основу статьи была взята история женского руководства, на примере женщины-председателя колхоза «Борец», Московской области, Можайского района Максимовой Ксении Васильевны, которая явила собой пример мудрого и талантливого управленца.

---

[1] Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

[2]Козлова Л.А. Деятельность партии по привлечению женщин к социалистическому преобразованию сельского хозяйства // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981.

[3] Девятко И.Ф. Методы социолог-кого исслед-ния. Екатеринбург, 1998.

Рассматривая феномен женского руководства на селе, хочется обратить внимание на стартовые возможности деревенских мужчин и женщин в то время. Если взять за основу такие их качества как наличие образования и знание сельскохозяйственного дела, то можно сделать следующие выводы. Начнем с того, что, по мнению некоторых исследователей, крестьянские женщины являли собой наиболее бесправный пласт сельского общества, были менее грамотными и постоянно находились под гнетом патриархальной семьи, факт которого отмечал еще И.В. Сталин. Однако в описываемом в статье случае это было не совсем так. Во-первых, анализ интервью показал, что получить начальное образование в деревнях могли дети обоих полов: в церковноприходских и сельских школах того времени мальчики и девочки обучались на равных. Во-вторых, несмотря на то, что во время проведения сельскохозяйственных работ труд женщин и мужчин обычно делился, и те и другие обладали знаниями о тонкостях и особенностях всех сфер крестьянского труда. Об этом можно судить, анализируя описанную в интервью ситуацию, когда во время войны большинство мужчин ушло на фронт, и весь комплекс сельских работ выполнялся женщинами и детьми[1]. В-третьих, в интервью был отмечен интересный факт: в небогатой крестьянской семье родители первым делом старались «женить» сыновей, чтобы те привели в хозяйство дополнительные «рабочие руки» и получили приданое (обычно скот). Выдавать замуж дочерей для такой семьи было экономически не выгодно, потому, что для них требовалось приданое, к тому же, выйдя замуж, девушки должны были уйти в семью мужа. Возможно, поэтому родители не торопились отдавать дочерей замуж, отправляя их на временную работу в город, где молодые девушки могли служить в богатых семьях гувернантками и помощницами по хозяйству. За свою работу они получали жалование и могли почувствовать себя экономически независимыми: «Через некоторое время обе дочери вернулись домой, Татьяна «сбежала» от мужа-татарина, за которого ее выдали замуж в Казани, а Ксения вернулась по окончанию работы и привезла в семью большую сумму денег (как вспоминала сама Максимова К.В., денег ей хватило не только для того,

[1] Текст интервью с дочерью Максимовой К.В., председателя колхоза «Борец» Московской области Можайского района Супранковой С.С.

чтобы отдать в семью, но и на то, чтобы купить себе новую красивую одежду: шаль, сапоги, шапку и т.д.)»[1].

Кроме того, нельзя не отметить роль государства в поддержке и продвижении женщин–крестьянок на руководящие должности. Как считает исследователь Ш. Фицпатрик, в 30-е гг. советская власть питала предубеждение против мужчин в пользу женщин на селе, поскольку отрицательные образы, например, кулака, в основном были мужскими, а положительные, например, крестьянки-ударницы, часто оказывались женскими[2]. М.И. Калинин, как наиболее тесно связанный с крестьянскими проблемами член партийного руководства, неустанно выступал за выдвижение женщин в руководство. Таким образом, политотделы выдвинули из среды колхозниц множество талантливых и успешных организаторов, руководителей и специалистов социалистического производства, а также развернули работу по их специальной подготовке и обучению.

Также следует сделать вывод о том, что сам процесс назначения председателя позволял занять руководящую должность как мужчине, так и женщине. Поскольку назначаемый «сверху» председатель выбирался из числа колхозных управленцев и руководства сельской инфраструктуры, среди которых такие должности как, например, старшая доярка или заведующий фермой были преимущественно женскими.

В 1934 г. в СССР насчитывалось около 6 тысяч женщин–председателей колхозов. Спустя 10 лет, в 1944 г. на руководящей работе в деревне было занято свыше 250 тысяч женщин. Среди председателей колхозов были 21 656 женщин, или 12% от общего числа. В 1943 г. 1146 женщин возглавили колхозы Московской области, их число из года в год возрастало. Если рассмотреть цифры по различным районам страны и республикам, то можно сделать вывод, что не везде представительство женщин в руководящих кадрах на селе было большим. Так, например, в Северном крае в 1934 г. среди председателей колхозов было 19 женщин, то есть в лучшем случае имелась одна женщина-председатель колхоза на район. А в 1938 г. в Архангельской области из 2165 председателей колхозов было всего 34

---

[1] Там же.

[2] Фицпатрик Ш. Указ. соч.

женщины, что составляло только 1,6%. На 1 января 1939 г. в 2133 колхозах Архангельской области продолжали работать 31 женщина председатель колхоза и 63 заместителя председателя. В1943 г. в Казахской ССР должность председателя колхоза занимали 212 казашек вместо 87 в 1940 г.[1]. Вероятно, факт уменьшения количества женщин–председателей от центра страны к периферии объясняется тем, что контроль со стороны государственного управления за уравниванием позиций женщин и мужчин на селе в центре (ближе к столице) был сильнее.

Интересен тот факт, что рядом с описанным в интервью колхозом «Борец» находилось еще несколько колхозов, которые возглавляли женщины. И, как отмечено в интервью, «в народе бытовало мнение, что в колхозах под руководством председателей-женщин дела шли лучше»[2]. Успешное ведение хозяйства, возможно, объяснялось тем, что председатели этих колхозов не соперничали друг с другом, а наоборот, оказывали соседям взаимопомощь.

В заключение хотелось бы привести слова В.И. Ленина: «Среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах…»[3]. Эти слова с особой силой подчеркивают роль женщин при формировании руководящих кадров колхозов.

---

[1] Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.

[2] Текст интервью с дочерью Максимовой К.В…

[3] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 24–25.

Н.Н. Козлова,
Тверь, Тверской государственный университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ 8 МАРТА КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ

Политические/государственные праздники, как известно, являются частью культуры, выражением ценностей, способом фиксации значимых в конкретном социуме событий. Какую роль в советской/российской политической системе выполнял Международный женский день 8 марта – этот вопрос интересует автора данной статьи.

Согласно специалистам по женским и гендерным исследованиям, история праздника связана с движением женщин за свои права в Западной Европе и США, организованное начало которой было положено во второй половине XIX – начале XX в. В 1910 г. на Второй Международной социалистической женской конференции, проходившей в Копенгагене 7 августа в рамках Восьмого конгресса Второго Интернационала, Клара Цеткин предложила учредить «день борьбы за права женщин» и «праздновать 8 марта как международный женский день социалистического движения – женский вариант праздника Первого мая»[1].

Первый Международный женский день отмечался в России в 1913 г. в первое воскресенье февраля[2]. К февралю 1917 г. тяготы Первой мировой войны спровоцировали протест петроградских женщин, который, как известно, перерос в вооружённое восстание и низвержение монархии.

---

[1] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 348.

[2] Женщины в революции. М., 1959. С. 112–116. Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 65–70.

В самые первые годы советской власти – в годы гражданской войны и иностранной интервенции – День 8 марта не отмечался. В 1921 г., по решению 2–й Коммунистической женской конференции, было решено праздновать Международный женский день 8 марта в память о женской забастовке в Петербурге 8 марта 1917 г., послужившей началом Февральской революции.

Постепенно проведение праздника становилось неотъемлемой частью советско-партийной работы среди женщин по вовлечению их, прежде всего, в процесс индустриализации и модернизации советской промышленности. Первоначальный смысл праздника, выражающий женскую солидарность, отходил на второй план.

Активной политической кампанией сопровождался Международный женский день 8 марта с 1927 г. С этого момента и затем ежегодно на региональном уровне при президиуме губисполкома создавалась специальная комиссия по проведению женского праздника, которая намечала основные мероприятия на целую неделю, а также ставила практические задачи женщинам-общественницам на год[1].

В Тверской губернии кампания начиналась с воззваний к трудящимся женщинам, которые публиковались в местной прессе. «День 8 марта, – отмечалось в воззваниях, – является днем смотра сил миллионов работниц и крестьянок»[2]. Соответственно, 8 марта власти давали установку на рекордные результаты в работе в этот день. После рабочей смены следовала официальная часть праздника, концерт художественной самодеятельности, и женщинам предоставлялась возможность бесплатно посетить кинематограф[3].

При этом важно, что инициатива придать празднику широкий политический размах, как впрочем, и многие другие инициативы в решении женского вопроса, исходила не от женщин, а от партийных органов. В результате ликвидации женотделов в 1930 г. вместо женских организаций работницы и крестьянки получили праздник – Международный коммунистический женский день 8 марта (далее – МЖКД).

---

[1] ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 11. Д. 115. Л.9–17.
[2] ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 11. Д. 76. Л. 9.
[3] ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 11. Д. 115. Л. 9, 48.

На мой взгляд, с конца 1920-х гг. в СССР МЖКД 8 марта становится ядром формирования гендерной культуры нового типа, стержнем новой гендерной политики советского государства. Наиболее ёмко суть новой тоталитарной гендерной системы выразили А. Тёмкина и Е. Здравомыслова, обозначив её как этакратический гендерный контракт[1]. «Женщина-работница-домохозяйка-мать» – таков был новый набор социальных ролей, предназначенный государством для женщин.

Формирующаяся жёстко централизованная модель власти имела логику, противоречащую артикуляции, агрегации и представительству интересов социальных групп. Именно партия-государство определяло цели и ставило задачи перед гражданами. В ежегодных празднованиях 8 марта власть создавала нового референта для женских масс – государство, которое добровольно-принудительно предлагало женщинам осваивать новые социальные горизонты.

Агитация и пропаганда, направленная на вовлечение женщин в процесс государственного и экономического строительства и приуроченная к 8 марта, не являлись единственной целью власти. Наиболее важным для создания и поддержания имиджа «заботливого» государства являлась презентация результатов политики, направленной на равноправие полов. 8 марта государство-партия «отчитывалось» за успехи в деле улучшения положения женщин в СССР. В агитках, в периодике, посвященных 8 марта, изобиловала статистика об электоральной активности женщин, их реальном вкладе в экономику страны, выражавшемся в выплавке миллионов тонн чугуна или сборе миллионов тонн зерна, повышение уровня образования женщин и т. д. Освоение женщинами новых профессий – трактористки, лётчицы и т. п. – демонстрировало открытие государством новых возможностей, новых степеней свободы.

МЖКД 8 марта советское государство продолжало проект Просвещения и использовало в пропаганде неведомое доселе самопревосхождение женщин. Советская женщина стала новым типом человека, который доказывал, что «нет крепостей, которые бы мы не

---

[1] Темкина А., Роткирх А. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // Idantutkimus. 1997. № 4. С. 6–24.

брали». Из маргинального периферийного социального субъекта женщина превратилась в активного строителя коммунизма. Мужская биография до и после революции не давала столь разительного революционного контраста – класс мужчин занимал все те же публичные ниши, тогда как женский удел демонстрировал мощный разрыв с традицией. Советская женщина освоила все виды и сферы деятельности, которые ранее занимали мужчины – экономику, науку, спорт, а впоследствии и космос. Можно утверждать, что именно советская женщина, а не советский мужчина представляла новый тип советского человека.

Советская женщина в день 8 марта преподносилась пропагандой как предмет гордости советского строя и доказательство его прогрессивности. В связи с празднованием 8 марта на новую высоту были подняты мифологизация и героизация женщин, служащих интересам советского государства. В качестве образцов для подражания отбирались конкретные женские персонажи, выстраивались и тиражировались их биографии. Из газет, выходящих 8 марта, можно было узнать «героинь нашего времени». В 1930-е гг. была сконструирована модель истории женского движения, в которой больше не было места для активных, независимых женских организаций. Судьбы революционерок, участниц Гражданской войны уступали место женщинам-передовикам производства. Перефразируя М. Фуко, можно сказать, что тирания глобального дискурса – дискурса марксизма-ленинизма – дисквалифицировала и погребла всех дискурсы борьбы. Отсутствие независимых женских интересов, жёсткая привязка женщин как социальной группы к государству делает МЖКД 8 марта памятником не столько истории женского движения, сколько памятником советскому государству.

Типичную схему празднования 8 марта содержит газета «Правда» за 1935 г**.** Передовица открывается Постановлением ЦК ВКП(б) «О международном коммунистическом женском дне 8 марта», в котором мы читаем, что «…в СССР… раскрепостили трудящуюся женщину, сделали ее фактически равноправной мужчине и открыли всем трудящимся женщинам широкую дорогу культурного и политического развития». Новые общественные рубежи, обозначенные властью, состояли в «вовлечении работниц и колхозниц в оборонную санитарно-просветительную работу и физкультурное движение». На второй странице мы находим две статьи, которые посвящены

достижениям женщин–работниц и рекордсменкам. Здесь же опубликовано и произведение пролетарского пиита Д. Бедного «Привет растущей силе», создавшего в художественной форме квинтэссенцию образа новой советской женщины.

Про «бабу» злые прибаутки
У нас уж больше не в ходу.
Про «бабу» старые погудки
С культурной новой не в ладу.
Цена такому балагурью –
Антисоветская цена.
Мы распростились с этой дурью
Бесповоротно и сполна.
Поставив крест на мире старом,
Верша великие труды,
Колхозной женщиной недаром
Мы так восторженно горды.
Её житейская дорога
Уж не «от печки до порога»,
Пред нею новый, светлый путь
Туда, где легче дышит грудь,
Где неоглядные просторы,
Где жизни радостной узоры
И краски творческой весны
Уже отчетливо ясны. <…>
Конечно, Сталин знает это!
Он знает, знает, кто она!
Но также знает он заочно
– С ним вместе знает вся страна!
И уважает имена
И подвиги таких же точно
Колхозниц славных, как она.
Они лавиной мощной, бурной,
К той жизни ринулись культурной,
Которой в мире краше нет.
Родной, колхозно–деревенской,
Растущей новой силе женской
Наш братский, пламенный привет!

Как мы видим, начиная повествование о замечательной советской женщине–колхознице Петровой Дуне, которой посчастливилось стать делегаткой второго крестьянского съезда, в середине стихотворения

поэт переходит к личности Сталина, выделенной в газете крупными буквами. Рукоплескания «отца народов» на речь Петровой Дуни является главным мерилом её заслуг – ударного труда и учёбы.

Третья и четвертая страницы соответственно посвящены темам «Женщина в царской России» и «Под гнётом капитала и фашизма». Вся женская тема является иллюстрацией величия советского строя и культа личности Сталина. Новые возможности, которые дала советская власть женщинам, не являются их собственной заслугой, новые права выступают как дарованные властью привилегии. Принятие дара требует эквивалентного ответа – оправдать надежды власти самоотверженным трудом и защитой отечества.

Все газетные статьи отражают патерналистский дискурс заботы государства о женщинах. Привлечение к ним внимания, казалось, должно работать на пользу женщин. Но в результате проведения советской гендерной политики женщина из субъекта плавно превращалась в объект. Я согласна с мнением С. Айвазовой, что идеология государственного протекционизма по отношению к женщине означает ее «социальную инвалидизацию» и ведет к воспроизводству патриархатной системы гендерных отношений[1]. Благодаря интенсивной государственной политике по работе с женским населением в период 1920–1930-х гг. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества в тоталитарной советской системе.

Идеологически определялось в общественной системе не только место, но и время женщин: им выдали специальный день – 8 марта, день для трансляции и получения «ценных указаний» от власти. Если проводить аналогию советской системы с учреждением, то можно сказать, что 8 марта напоминало приём по личным вопросам. В другие дни «женские вопросы», проблемы, интересы не артикулировались властью.

Поэтому Постановления ЦК ВКП(б) к МЖКД 8 Марта ежегодно выдвигали какую-либо проблему перед женщинами. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) «О МКЖД 8 Марта» (1939 г.) отмечалось, что «ЦК ВКП(б) указывает на необходимость усилить заботу о

---

[1] Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.

женщине-матери, помня, что воспитание детей, нашего будущего поколения, является одной из важнейших задач женщины».

Битва с фашизмом, поддержка освободительной борьбы в странах Третьего мира, движение за мир стали с начала 1940-х гг. основной темой в МЖКД 8 марта. В постановлении ЦК партии «О МКЖД 8 Марта» 1942 г. говорилось: «…Священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту».

В 1960-х гг. после реконструкции разрушенного ВОВ народного хозяйства новые общественные горизонты для освоения их женщинами были исчерпаны. За исключением сферы принятия решений все социальные показатели были выполнены, а по ряду отраслей даже перевыполнены. Можно утверждать, что в женский вопрос в том виде как его задумывали большевики, был решён. Армия тружениц и рожениц была сформирована. К середине 1960-х гг. проявляются уже и первые результаты планомерного построения этакратической гендерной системы: гендерная сегрегация в национальной экономике, «двойная нагрузка» в условиях неразвитости социальной сферы, снижение рождаемости и т. д.

Попытка по-новому взглянуть и переопределить задачи женщин в деле реализации государственного интересов вылилась в институционализацию 8 марта как нового нерабочего праздничного дня.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г., т. е. в канун 20–летия Победы в Великой отечественной войне, Международный женский день 8 марта объявлен в СССР нерабочим днём «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир» (Ведомости. 13.05.1965. №19 (1262)). Исключительно любопытная аргументация, приведённая в обоснование решения, опять-таки не связывает женские интересы с данным праздником, не содержит намеков на революционный настрой женщин в 1917 г. День 8 марта был вписан в цикл праздников, посвященных Дню Победы[1].

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля. 1965. №17 (1260).

Одной из задач, поставленных перед женщинами в этот период – период «холодной войны» и американской агрессии во Вьетнаме, – являлась борьба за мир. Впервые за годы советской власти было актуализировано международное звучание праздника 8 марта. Женский день был единственным международным праздником в системе национальных торжеств, «боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире». Провозглашая задачи женщин и женсоветов, созданных в это время, в деле борьбы за мир во всем мире, советское государство использовало «опыт решения КПСС женского вопроса» в своей имперской экспансии и распространяло его на свои геополитические зоны влияния.

Расширение социалистического лагеря нашло своё отражение в статьях газеты «Правда», выходивших 8 марта. Например, в 1966 г. газета опубликовала материалы о том, как празднуется этот день у братских народов, письма и обращения женщин Йемена, Монголии, которые выражали благодарность за то, что «тяжелую ношу гнета и бесправия снял с женских плеч социалистический строй, открывший перед нами все дороги».

В СМИ советские женщины горячо поддерживали внутреннюю и внешнюю политику нашей партии и правительства, и в свою очередь КПСС и советское правительство считали «своим долгом и впредь неустанно заботиться об улучшении труда, …построить в новой пятилетке – столько-то детских садов и т. д.» В результате история передовиц 8 марта приобретает характер «заезженной пластинки».

В дальнейшем, в 1970–80 гг. появляются новые акценты в праздновании 8 марта. Демонстрация готовности женщин к очередному съезду уже сопровождалась либерализацией и приватизацией дискурса, деполитизацией праздника. В передовицах газет, агитках, обращениях, открытках изображались цветы, а женщинам желали частных ценностей – крепкого здоровья, большого счастья и т. д. Девальвация политического содержания праздника укрепила его популярность в советском обществе. Можно согласиться с М.М. Жванецким, что 8 марта стал днём «мужской расплаты». В этот день мужчины как частные лица и мужчины как правящий класс «извинялись» за те формы гендерной дискриминации, которое породило советское государство.

Утрата первоначального смысла праздника сделала его своего рода культурным парадоксом: праздник приобрёл биологическую основу и противоречил одному из базовых принципов социализма – равноправию полов. Отражая несправедливость такой ситуации с середины 1970-х гг. стал неформально отмечаться в СССР и «мужской день». Дата 23 февраля, день рождения советской армии, один из профессиональных праздников, праздника военных, как нельзя лучше подходила для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Актуализация этого торжества была призвана уравновесить не только женский день, но и способствовать преодолению дефицита мужественности.

В России с 2002 г. МЖД празднуется 8 марта в списке других «Нерабочих праздничных дней», согласно статье 112 Трудового кодекса РФ. В нем наряду с «женским» официально узаконен и «мужской» праздник –23 февраля – День защитника Отечества, хотя конституционную обязанность защищать отечество несут все российские граждане независимо от пола. Таким образом, создаётся юридическое основание для воспроизводства и тиражирования гендерных ролей традиционного типа. Женские роли в связке с 8 марта вызывают биологические ассоциации, а мужские роли определяются социальной функцией защитой отечества.

Регулярные опросы социологических фондов показывают, что праздник 8 марта пользуется большой популярностью среди населения[1]. На мой взгляд, это объясняется тем, что в структурах российской повседневности статус женщины по-прежнему вторичен и, перефразируя Маркса, 8 марта является и выражением гендерного убожества, и протестом против этого убожества. Поэтому, играя в российской культуре роль опиума для женщин, праздник 8 марта практически не имеет шансов вновь обрести социальную направленность, превратиться в день борьбы за права женщин. В то же время настойчиво проявляется тенденция гламуризации МЖД 8 марта. Сайты изобилуют предложениями подарков самого широкого спектра, тем самым всё больше напоминая День святого Валентина.

---

[1] Ломакина Е. Один пол – не воин. Зачем понадобились гендерные праздники и почему они так прижились // РБК. 2010. № 3. С. 134–137.

Таким образом, история праздника 8 марта прошла следующие этапы – от борьбы женщин за свои права, через подмену женских интересов государственными, до почитания в России женщин, перед «которыми общество в неоплатном долгу». На мой взгляд, только деполитизация 8 марта позволила этому дню сохраниться в качестве государственного праздника. И если праздник – это всегда повод для радости, а в родном отечестве не будет других поводов для радости, кроме торжества своего пола, российский гендерный порядок будет стабильно архаичен.

Н.М. Щербина,
Минск, Институт экономики НАН Беларуси

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследование особенностей формирования и развития гендерных отношений связано с трансформационной спецификой их содержания на каждом этапе общественного развития и характеризуется комплексом черт, присущих только данному этапу. В процессе эволюции гендерных отношений можно выделить три группы отношений. Во-первых, традиционные экономические гендерные отношения, основанные на первичном разделении труда, где роли и функции в воспроизводственном процессе распределены между мужчиной и женщиной на основе естественных половозрастных признаков. Они преобладали в доиндустриальном периоде развития общества и характеризовались ярко выраженной жесткой взаимодетерминацией биологической, экономической и социальной составляющих хозяйствующих субъектов, и где специфическое биологическое начало предопределяло ограниченную социально-экономическую роль женщин[1]. Как подчеркивает Р. Зидер в своем исследовании семьи, гендерные отношения «врастали в

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избранные сочинения. Т. 6. М., 1987.

производственные отношения»[1], а разделение труда по полу вело к специфицированным по полам типам социализации и моделей жизнедеятельности индивидов. Особенности разделения труда и формы общественной активности семьи в доиндустриальный период определяли патриархатный уклад социальных отношений как на микро так и на макроуровнях социальной реальности. Обобщая характерные черты традиционных (патриархатных) гендерных отношений, Р. Зидер отмечает, что женщины в доиндустриальную эпоху всегда выполняли не связанную или мало связанную с товарным производством работу, при этом, если работа, ранее выполняемая исключительно женщинами, принимала товарный характер, приносила доход, тем самым повышая социальный статус работающего, в данную сферу занятости активно включались мужчины[2] (например, профессиональные ткачи в Англии XVII–XIX вв. были преимущественно мужчины). Патриархатность традиционных гендерных отношений выражалась в абсолютном господстве мужчин в общественной жизни, где общественные функции мужчин имели решающее значение, формировали идеологию и систему ценностей[3].

Вторая группа гендерных социально-экономических отношений – модернизированные экономические отношения, формировавшиеся в условиях углубляющейся специализации крупного машинного производства и характеризовавшиеся активным участием женщин в общественном воспроизводстве. Модернизация меняет сущность производственных отношений, постепенно перемещая репродуктивные функции на второй план, выдвигая на первый план социально-экономические функции. В условиях индустриального общества роль женщин в системе общественных отношений существенно изменилась в силу экономической значимости не только воспроизводственного (репродуктивного) труда женщин, но и

---

[1] Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18–20 вв.). М., 1997. С. 113.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 35.

производительного труда (продуктивного)[1]. В индустриальном обществе феминизация занятости, способствующая снижению стоимости рабочей силы, привела к глубоким изменениям рынка труда, которые проявились не только посредством массового вовлечения женщин в оплачиваемую сферу занятости, но и посредством возникновения новых видов занятости, ассоциируемых исключительно с женским трудом (легкая промышленность). Переход к новому способу производства, основанному на промышленном наемном труде, способствовал постепенным трансформациям гендерной системы индустриального общества как на макроуровне – появление поначалу ограниченных форм участия женщин в местной и региональной общественной жизни, движение к полноправию в политической и экономической сфере, так и на микроуровне жизнедеятельности общества – изменение мотивационных механизмов брачного и репродуктивного поведения, ценностных установок индивидов обоего пола и пр.

Современные (эгалитарные) гендерные отношения отличают качественно новые черты, сформировавшиеся в результате влияния нового технологического уклада на макроуровень воспроизводства гендерных отношений. В системе эгалитарных гендерных отношений индивиды обладают большей мобильностью, возможностью организации собственного существования в меньшей зависимости от таких биологических характеристик, как пол, возраст; социальные роли мужчин и женщин заданы не так жестко, как в условиях патриархатной системы гендерных отношений, в экономическую сферу жизнедеятельности включены и мужчины, и женщины на основании законодательно закрепленного равенства прав полов.

Экономический рост в Западной и Центральной Европе в 60–70-х гг. XX в. сформировал устойчивый спрос на женский труд, при этом наряду с увеличением женской занятости в целом в этот период происходил кардинальный рост количества занятых среди замужних женщин. Увеличение с 60-х гг. численности работающих по специальности замужних женщин можно объяснить ростом доли

---

[1] Hartmann H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // The Signs Reader: Women, Gender and Scholarship / Ed. by E. Abel and E.K. Abel. Chicago, 1983.

женских профессий, которые требовали высокой квалификации, обеспечивали высокий уровень самоидентификации, позволяли занимать определенное положение в обществе[1]. Увеличение числа занятых в оплачиваемой сфере женщин обострило структурные противоречия между традиционными представлениями о половых ролях мужчин и женщин и социально-экономической значимостью участия женщин в общественном производстве. Внедрение технических достижений в сферу быта изменило структуру времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства; развитие массового производства в сочетании с урбанизационными процессами обеспечили устойчивый рост спроса на женский труд; совершенствование образовательной системы привело к накоплению значительного человеческого капитала, в том числе и женского. Все это сопровождается изменениями на микроуровне гендерной структуры – изменениями системы общественных ценностей, самосознания индивидов, поведенческих установок.

В качестве основных тенденций в развитии современных гендерных отношений можно рассматривать, во-первых, изменение поведенческих моделей на уровне индивидов в результате получения большей социальной и экономической свободы, мобильности, осознания этих возможностей; на уровне государства в результате изменения гендерной стратегии на основе признания необходимости решения проблемы гендерного неравенства[2]; во-вторых, изменение ролевых позиций женщины в обществе, расширение доступа женщин к социально-экономическим, политическим ресурсам, расширение сфер приложения труда для женщин и изменения положения в сфере труда; расширение возможностей приращения человеческого, социального, культурного капитала. Результатом происходящих трансформаций гендерной системы современного постиндустриального общества на микроуровне является изменение брачно–семейных отношений: индивидуализация брака, снижение экономических мотивов заключения брачных союзов, уменьшение размеров семьи, повторные браки, альтернативные союзы, формирование новых моделей

---

[1] Зидер Р. Указ. соч. С. 244.

[2] Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е. Мезенцева. М., 2002.

сексуального поведения. На макроуровне происходит процесс постепенного выравнивания позиций мужчин и женщин в социально-экономической сфере, о чем свидетельствует рост образовательного и профессионального уровня женщин, активное участие женщин в общественно-политических движениях и структурах власти. Вместе с тем в настоящее время в роли негативного фактора развития и совершенствования гендерных отношений выступает и экономический кризис: ужесточается конкуренция на рынке труда между мужчинами и женщинами, в результате чего женщины из-за снижения личных доходов рискуют попасть в категорию наименее обеспеченных граждан, либо пополнить «резервную армию труда» (подобная тенденция наблюдалась в период экономического кризиса 30-х гг. в США)[1]; сужается пространство жизненной карьеры, например, когда альтернативой отсутствия работы становится рождение детей и ведение домашнего хозяйства.

Из вышесказанного следует, что гендерные отношения возникают в результате взаимодействия двух многочисленных социальных групп мужчин и женщин как «специфических социумов»[2], отличающихся конкретными демографическими характеристиками, многоролевыми функциями и определенным социальным статусом, с окружающей макро (общество в целом или его отдельные сферы) и микро (семья, коллективные сообщества) средой. Эволюция гендерных отношений обусловлена изменениями технологических и социально-экономических укладов и прошла в своем развитии несколько этапов – традиционные (доиндустриальные) гендерные отношения, модернизированные гендерные отношения и современные эгалитарные гендерные отношения. Современные эгалитарные гендерные отношения характеризуются снижением резкой дифференциация труда между полами в семейной и общественной жизни, интеграцией гендерных ролей и высокой степенью их взаимозаменяемости. На фоне позитивных глобальных изменений

---

[1] Litoff J.B., Smith D.C. To the rescue of crops. Women's Land Army // Prologue. Winter, 1993.

[2] Силласте Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социс. 1994. № 2. С. 15–22

гендерных отношений – переход от «патриархатного уклада»[1], характеризующегося отношениями власти и подчинения полов, к партнерским, полноправным гендерным отношениям, – в современном обществе наблюдаются негативные эффекты эволюции, которые проявляются на микро- и макроуровнях гендерной системы общества: катастрофическое снижение рождаемости в развитых странах, где эволюция гендерных отношений проходила наиболее быстрыми темпами, высокая смертность мужчин в результате рискового или саморазрушительного поведения, распространение рискового и саморазрушительного поведения среди женщин и т.д.

Т.П. Липай,
Минск, Минский областной институт развития образования

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ

Рыночные реформы показали, что социально-экономические трансформации не могут быть гендерно нейтральными. Женская «рабочая сила» обременена комплексом социальных факторов: женщина рожает, получает оплачиваемый отпуск, нуждается в большем количестве больничных листов и социальной помощи[2].

Характерной чертой современного рынка труда как России, так и Беларуси является высокая доля женщин в составе зарегистрированных безработных, формирующих предложение рабочей силы на официальной части рынка труда. Их активно вытесняют с рабочих мест, в результате чего они занимаются вспомогательным трудом, который не приносит морального удовлетворения. Например, часто от женщин при устройстве на работу требуется не только наличие трудового стажа не менее 2 лет, но и возраст детей от 6 лет. В результате на рынке труда преобладанием

---

[1] Hartmann H. Op. cit.

[2] Гендерные стереотипы в современной России / Сост., общ. ред. И.Б. Назарова. М., 2007; Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Увольнение на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 13.

женской безработицы во многом вызвано не столько профессионально-квалифицированными характеристиками, сколько гендерными стереотипами в обществе. Конкурентоспособность женщин на рынке труда подтверждается их более высоким образовательным уровнем по сравнению с мужчинами. По-прежнему спрос нанимателей в большей степени ориентирован на мужчин. Это находит отражение как в средних сроках поиска работы, так и в численности ищущих работу. Если безработные мужчины находили новую работу достаточно быстро – в течение 1,5 месяцев, то у женщин этот период составил 3,1 месяца (конец 2009 г.)[1]. Женщины имеют более продолжительный период безработицы – 5,4 месяца против 4–х месяцев у мужчин. Во многом под влиянием общественных стереотипов мужчины и женщины демонстрируют различное поведение, оказавшись безработными. Женщины в такой ситуации оказываются «вынужденными не просто менять в массовом порядке свой социальный и профессиональный статус, но и в большинстве случаев его снижать»[2].

Гендерное неравенство в сфере занятости регулирует и внутрисемейные позиции супругов. Исследования показывают, что главный фактор, определяющий сегодня качество брака – это удовлетворенность супругов разделением труда в сфере ведения домашнего хозяйства и «ухода за детьми». Неудовлетворенность взрослых своим положением в обществе, в семье отражается очень часто и на «внутреннем самочувствии» детей[3]. Проблема гендера, особенно в рамках просоциального поведения, является актуальной и, в то же время, одной из наименее разработанных в психологической и социологической науках[4]. Э. Игли выдвинула предположение, что гендерные стереотипы, в сущности, являются социальными нормами[5]. Акцентируя внимание на отдельных «вещах», гендерные схемы

---

[1] Труд и занятость в Республике Беларусь // стат. сб. Минстат. Республики Беларусь. Минск, 2009. С. 120.

[2] Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Указ. соч. С. 13.

[3] Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / Отв.ред. О.В. Синявская. М., 2009.

[4] Берн Э. Гендерная психология. СПб., 2001.

[5] Майерс Д. Социальная псих. / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 123–125.

влияют на имеющиеся представления, тем самым зачастую дают начало для психологического насилия над ребенком.

Среди различных видов психологического насилия, пожалуй, самым распространенным является стигматизация детей или «наклеивание» на них различных ярлыков, подчеркивающих их отдельные физические недостатки, низкие умственные способности, особенность неблагополучия в семье, недостаточный уровень ее материального положения и т.д.

Но за ребенком нередко на всю жизнь закрепляется обидная кличка, от которой при всем своем желании он не может избавиться. При этом данная кличка не просто деформирует психику ребенка, но и в известной мере определяет низкий его социальный статус в детской группе, как бы закрепляет отклонение от нормы и символизирует это отклонение как своеобразную социальную неполноценность ребенка. Во многих случаях стигматизация служит причиной девиантного, а том числе и деликвентного или преступного, поведения детей и подростков[1]. В то же время, причиной такого дискриминационного положения ребенка в детском коллективе и различных форм его отклоняющегося поведения нередко выступает сам учитель, который вместо защиты прав ребенка на достойную жизнь, выступает основным источником стигматизации. Среди различных видов насилия над детьми со стоны учителя, стигматизация выступает, пожалуй, самой «безобидной» из его форм, на которую никто всерьез не обращает внимания. Особенно распространенным явлением она выступает в начальной школе, когда ребенок делает лишь первые шаги на пути к своей социализации через включение из мира повседневной культуры или «мира детства» во «взрослую» символическую культуру общества. Именно здесь чаще всего возникает разительный контраст между отношением к ребенку со стороны своих родных и близких, ближайшего соседского окружения и отношением к нему сверстников в классе и со стороны учителя. Любимый в своей семье он становится вдруг объектом насмешки со стороны детей и взрослых.

---

[1] Гилинский, Я.И. Девиантное поведение подростков: состояние, проблемы, перспективы // Бюллетень защиты Прав ребёнка. СПб.,1994. С.7–12.

Современному состоянию превентивной теории и практики предшествовал длительный исторический путь развития научного знания, объясняющего причины преступности и намечающего научно обоснованные подходы к решению данной острой социальной проблемы. Различные теории межличностного взаимодействия основываются, прежде всего, на: теории обмена Джерджа Хоманса; символическом интеракционизме Джерджа Герберта Мида и Герберта Блаумера; этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, теории управления впечатлениями Эрвина Гоффмана, психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и другие теории.

Основная идея *теории обмена* сводится к тому, что люди взаимодействуют друг с другом на основе своего опыта, взвешивая возможные вознаграждения и затраты. Теория обмена проливает некоторый свет на то, почему дети ведут себя с другими так или иначе, однако явление стигматизации не объясняет.

Согласно *теории символического интеракционализма*, поведение людей по отношению друг к другу и предметам окружающего мира определяется тем значением, которое они им придают. Представители каждой культуры всегда использую ту или иную систему значимых жестов. В этом случае люди не реагируют автоматически на воздействие извне. Они разгадывают значение поступка, прежде чем ответить на него. И поскольку одно и то же действие или жест может иметь различное значение, понять представителя иной культуры не так-то и просто. И, наоборот, наше сходное понимание символов облегчает общение, обычно мы понимаем значение чужих поступков, определяем, что подразумевает другой человек. Активность других оказывает позитивное воздействие на наше собственное поведение. Сторонники символического интеракционизма считают, что наше осознание себя как личности формируется на основе социального взаимодействия. Предметы становятся значимыми для нас только тогда, когда мы придаем им значение. Это значение не является сугубо личным. Оно выражает идеологию той или иной культуры.

К символическому интеракционализму примыкает *этно-методология* – образ мышления, основоположником которого стал Г. Гарфинкель. Предметом изучения в этнометодологии является принятие на веру правила, регулирующего взаимодействие между людьми. Эти правила определяют, когда уместно что-то сказать или промолчать, прошутить или уклониться от насмешки, деликатно

прекратить разговор и т.д. Идеология этнокультуры превращается здесь в определенную систему социокультурного ценностно-нормативного взаимодействия.

Совершая то или иное действие, мы чаще всего неосознанно создаем определенное впечатление о себе у других людей. Э. Гоффман отводит важную роль такому виду *управления впечатлениями* в социальном взаимодействии. Он считает, что люди сами создают ситуации, чтобы выразить символические значения, с помощью которых они производят хорошее впечатление на других. Люди, по его мнению, действуют подобно актерам на сцене, используя «декорации» и «окружающую» обстановку для создания определенных впечатлений. Руководствуясь представлениями о норме, социально-одобряемом и осуждаемом поведении, они стигматизируют каждого, кто выходит за рамки установленного норматива, навешивая на него тот или иной ярлык.

Теория межличностного общения З. Фрейда основана на убеждении, что в процессе взаимодействия людей воспроизводится их детский опыт. Согласно Фрейду, в различных жизненных ситуациях, мы применяем понятия, усвоенные в раннем детстве.

В процессе социологического исследования нами была предпринята попытка применить современные инструменты анализа социальной информации для поиска латентных (скрытых) связей и отношений в матрицах данных, составленных по материалам проведенных нами социологических опросов[1].

К примеру, нас интересовало, прежде всего, влияние и взаимообусловленность таких параметров, как частота высказываний наших респондентов по поводу столкновений с проблемой «отверженных» и, в частности: с фактами предвзятого отношения к учащимся и студентам; с характеристиками его ближайшего окружения и т.д.

---

[1] Липай Т.П. Стигматизация в образовательной среде: предпосылки, проявления, профилактика (из опыта проведения социологического исследования в учреждении последипломного образования) // Последипломное образование: достижения и актуальные направления развития: тез. докл. II Междунар. науч.–практ. конф., Минск, 27 – 28 нояб. 2008 г. В 2 ч. Ч. 2 / ГУО «Акад. последиплом. образования». Минск, 2008. С. 21–24.

Полученные результаты нашего исследования могут быть применимы в разработке методологических подходов создания программ профилактики девиантного поведения, в разработке направлений превентивной педагогики и социального воспитания в целом.[1]

Следует отметить, чтобы лучше понять природу гендерных различий в просоциальном поведении, следует учитывать гендерные стереотипы, которые часто действуют на социальные нормы.

А.Л. Рочева,
Москва, Институт социологии Российской Академии Наук

ЖЕНСКИЙ ОПЫТ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Согласно статистике, на начало XXI в. половину мигрантов в мире составляют женщины (49%)[2]. В России доля женщин–мигрантов ниже, около 15%[3]. Однако присутствие женщин в статистике и в реальных миграционных потоках не тождественно включению женского опыта в исследования миграции: несмотря на высокую долю женщин среди мигрантов на протяжении XX в. и ранее, в исследовательском мейнстриме миграционные потоки рассматривались как однородные и состоящие из мужчин. Классический homo migrans – «молодой, сильный, независимый и не связанный ничем, бесконечно мобильный,

---

[1] Липай Т.П. Влияние социальной стигматизации на формирование феномена «самореализующее пророчество» // Законы медицинской сферы общества: Материалы 12–й Международной Нижегородской Ярмарки идей, 37 Академ. симпозиума. Н.Новгород, 2009. С. 249–251.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Трудовая миграция в мегаполисе: ситуация Санкт-Петербурга», №09–06–00075а.

[2] Feminization of Migration. 2007. Working Paper of UNISTRAW. P.1.

[3] В зависимости от посылающей страны, данные колеблются от 12–15% среди мигрантов из Таджикистана до 30% среди мигрантов из Киргизии. См.: Оценка нужд и потребностей женщин трудящихся – мигрантов: Центральная Азия и Россия. Юнифем, 2009. С. 16.

в расцвете физической силы»[1]. Символом изменения этой тенденции стал вышедший в 1984 г. специальный выпуск *International Migration Review*, озаглавленный «Женщины в миграции» и призванный обратить внимание исследователей на тему женской миграции.

В развитии исследований на пересечении гендерной и миграционной тематик вслед за американской исследовательницей П. Хондену-Сотело[2] в западных социальных науках можно выделить несколько стадий:

1) женщины и миграция,
2) гендер и миграция,
3) гендер как конститутивный элемент миграции[3].

Исследования первой стадии (1970-е – начало 1980-х гг.) ставили перед собой задачу компенсировать предыдущее невнимание ученых к женщинам-мигрантам как активным субъектам миграционного процесса и подорвать доминировавшие тогда в исследованиях сексистские и андроцентристские предубеждения. На этой стадии подверглись критике исследовательские практики, когда на основе опросов мужчин–мигрантов делались заключения, распространявшиеся на всю группу мигрантов; когда женщины-мигранты воспринимались лишь как иждивенцы, следующие за мужем и не включенные в рабочую силу.

---

[1] Harzig C. Women Migrants as Global and Local Agents. New Research Strategies on Gender and Migration // Women, gender, and labour migration: historical and global perspectives / Ed. bySharpe. New York–London, 2001.

[2] Hondagneu–Sotelo P. Gendering Migration: Not for “feminists only” – and not only in the household. CMD Working Paper #05–02f. Prepared for the Mexico–U.S. Conference on Immigration, Princeton–IISUNAMM. University of Southern California, January 2005.

[3] Несмотря на серьезный корпус работ, созданных по миграционной тематике в российской науке, тема женской миграции освещена весьма слабо, за исключением работ Тюрюкановой Е., Бритвиной И., Киблицкой М., Космарской Н., Бредниковой О. Поэтому в данной работе мы остановимся прежде всего на включении женского опыта миграции в западные исследования.

Критика исследований этого периода связана, в первую очередь, с примитивностью практиковавшихся тогда подходов. Первый связан с асимметричным изучением исключительно женских опытов миграции в отрыве от общего контекста миграционных исследований, что способствовало еще большей маргинализации и сегрегации изучения женщин–мигрантов. Суть второго подхода под названием «добавить женщину и перемешать» («simplistic “add and stir” approach»)[1] заключалась в том, что женщины «добавлялись» в качестве переменной для измерения таких параметров, как например образование или включенность в рынок труда, а затем сравнивались с моделями мужчин–мигрантов.

Таким образом, оба подхода ограничивали понимание того, каким образом «гендер как социальная система формирует иммиграционные процессы для всех мигрантов, мужчин и женщин»[2], и оставляли за рамками рассмотрения вопросы соотношения гендера и власти, позиций привилегии и подчинения.

Постепенно с конца 1980-х гг. в понимание миграционных процессов все более широко встраивается гендер как набор социальных практик, которые оказывают влияние на миграцию и в то же время сами трансформируются под ее воздействием. Несомненно, на становление исследований, характерных для этой стадии, оказал влияние феминизм второй волны, а именно его вклад в разрушение универсальной категории «женщины», признание подвижности гендерных отношений, привлечение внимания к пересечениям расовых, классовых и гендерных отношений (последнее получило название интерсекционального подхода)[3].

---

[1]Hondagneu–Sotelo P. Op. cit. P.5.

[2] Ibid. P. 6.

[3] См.: Brah A., Phoenix A. Ain’t I A Woman? Revisiting Intersectionality // Journal of International Women’s Studies. 2004. Vol. 5. No.3; Collins P.H. Black Feminist Thought. Knowledge, Consciousness and the Politics of Empowerment. New York–London, 2000; Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum, 1989. P.139–167; Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence

Основными аспектами, привлекшими наибольшее внимание исследователей на этой стадии, были гендерная определенность миграционных моделей и то, каким образом миграция перестраивает системы гендерного неравенства для женщин и мужчин.

Значительная часть исследований в этот период сфокусировалась на мезоуровне, критикуя модели домохозяйства, в которых оно представлено как унитарная единица с едиными интересами, не разделенная гендерными и поколенческими иерархиями власти, авторитета и ресурсов. Фокус исследований второй стадии на мезоуровне, с одной стороны, позволил открыть некоторые характерные особенности миграционных моделей и взаимоотношений в домохозяйстве, а с другой стороны, повлек за собой невнимание к другим уровням, на которых роль гендера не менее значима, что явилось причиной критики работ, созданных в этот период.

Среди западных исследований гендера и миграции в настоящее время начинают появляться работы, для которых характерно понимание гендера как ключевого, конститутивного элемента иммиграции. Исследователи обращают свое внимание на то, в какой степени гендер пронизывает множество социальных практик, идентичностей и институтов, связанных с миграцией: «изучаются модели трудовой занятости, глобализация, религиозные практики и ценности, этнический бизнес, гражданство, сексуальность и этническая идентичность, с тем чтобы раскрыть, как гендер встраивается в мириады повседневных действий и институциональные политические и экономические структуры»[1]. Предметом исследований становится то, какие разные последствия миграция может иметь для мужчин и женщин в контексте рассмотрения их в качестве родителей, пар и

---

against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. No. 6. () P. 1241–1299: http://www.jstor.org/stable/1229039 (дата обращения 08/02/2010); McCall L. The Complexity of Intersectionality// Signs: Journal of Women in Culture and Society. 2005. Vol. 30. No. 3.

[1] Hondagneu–Sotelo P. Gender and Immigration // Gender and U.S. immigration: contemporary trends / Ed. by P. Hondagneu–Sotelo. University of California Press, 2003. P. 9.

семей (например, транснациональное родительство, дистанционное родительство, фрагментированные семьи)[1].

Фокус смещается с эссенциалистского рассмотрения отдельно женщин или женщин и мужчин в качестве статических переменных в сторону вопросов о том, как гендерная асимметрия выступает в качестве продукта социального порядка и в то же время сама его воспроизводит. Кроме того, благодаря отказу от универсалистских трактовок мужского и женского открываются просторы для изучения властных отношений внутри одной гендерной категории, например, при исследовании домашней прислуги[2].

Выделенные стадии могут производить впечатление разворачивающихся телеологически, тем не менее эта схема не означает, что первые стадии пройдены и забыты, а третья стадия эквивалентна высшей ступени развития: и сегодня в западной науке проводятся исследования, которые можно отнести к первой или второй стадии. В частности, Р. Парренас настаивает на том, что, понимая гендер в первую очередь как социальное неравенство, в феминистском исследовании миграции можно фокусироваться исключительно на женском опыте, а не проводить работу по сопоставлению мужского и женского опыта. Более того, это позволит принять во внимание пересечения расы, класса, гражданства, сексуальности и гендера в женских опытах миграции[3].

---

[1] Hondagneu–Sotelo P., Avila E. “I’m Here, but I’m There”. The Meanings of Latina Transnational Motherhood // Gender and U.S. immigration: contemporary trends / Ed. by P.Hondagneu–Sotelo. University of California Press, 2003.

[2] Lutz H. At Your Service Madam! The Globalization of Domestic Service // Feminist Review. 2002. No. 70, Globalization. P. 89–104. – URL: http://www.jstor.org/stable/1395972 (дата обращения: 16/11/2009).

[3] Parreñas R.S. Inserting Feminism in Transnational Migration Studies. – URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/6334c0c7298d6b396d213ccd19be5999/RParrenas_InsertingFeminisminTransnationalMigrationStudies.pdf (дата обращения: 24/12/2009).

Л.И. Столярчук,
Волгоград,
Волгоградский государственный педагогический унииверситет,
научно исследовательский Центр гендерных исследований

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На протяжении многих столетий трудовая и социальная деятельность неизменно являлись мужской прерогативой, официальное внесемейное образование существовало только для мальчиков; школа первоначально являлась исключительно мужским институтом. Традиционное воспитание было раздельным не потому, что этого требовали неодинаковые способности мальчиков и девочек, а потому, что оно обслуживало гендерный порядок, основанный на жестком разделении труда между мужчинами и женщинами[1].

Гендерное образование имеет длинную предысторию и короткую историю – оно существует фактически лишь второе десятилетие XXI в. Активное развитие психологии в 70-х гг. XX в. и феминизма во второй половине того же двадцатого столетия привлекли внимание общества и научного сообщества и действительно создали предпосылки для исследования гендерных проблем в современном образовании, однако было бы неправомерным рассматривать этот период началом предыстории гендерного образования и некорректным считать психологические и феминистские исследования названного периода историей педагогических исследований проблем гендерного образования.

К предыстории исходят истоки идеи гендерного образования, выявленные в работах античных авторов (М. Квентиллиан, Платон, Сенека), христианских авторов – Винсента, Иероним и др.).

В X в. идея гендерного образования реализовывалась через создание дифференцированных учебных заведений по половому

---

[1] Кон И.С. Кризис бесполой педагогики // Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сб. науч.ст. по итогам Междунар. науч.–практ. конф. Волгоград, 15–18 апр.2009 г. Волгоград, 2009. С. 3–11.

признаку: мужские и женские монастыри, учрежденные на Руси князем Владимиром. Киевский женский монастырь был одним из первых учебных заведений в Европе, а не только в Киевской Руси. Идея женского образования, распространившаяся в Европе, нашла практическое применение в России в XVIII в. В период царствования Елизаветы Петровны, дочери Петра I, в России было создано 27 закрытых женских учебных заведений и частных пансионов для начального обучения девочек из дворянской среды[1].

В 1765 г. в России «по великому соизволению» Екатерины II было создано первое среднее женское учебное заведение при Смольном монастыре, вошедшее в историю под названием Смольный институт благородных девиц. Обучение в нем было закрытое (вначале «дворянское», а позже «мещанское» отделения), 12–летнее (с 6 до 18 лет полностью изолировавшее девочек от семьи), ставившее цель – создание «новой породы» русских людей женского пола, пользовавшееся большой популярностью и просуществовавшее полтора века; жениться на выпускнице Смольного института, считалось престижным, несмотря на смену времен. Серьезных знаний у смолянок не было, к практической жизни они не были подготовлены, но зато были «невинны, прелестные создания, отличающиеся в обществе особой элегантностью, изящными манерами. Большой вклад в совершенствование Смольного института был внесен известным русским педагогом К.Д. Ушинским, основателем теории женского образования в России. Проработав в нем инспектором в течение двух лет, он внес немало демократических, творческих преобразований в учебно-воспитательный процесс, ориентированный на развитие внутренних качеств воспитанниц – развитие души и ума (ввел математику, разделил учебный процесс на четверти, ввел каникулы, в которые девочки могли ездить в родительский дом и пр.).

В 1857 г. в Костроме было открыто первое всесословное женское училище для приходящих. В 1858 г. по инициативе профессора Н.И. Вышнеградского было создано Мариинское женское училище в Петербурге (в честь императрицы Марии Александровны). После утверждения в 1870 г. Положения о женских гимназиях Министерством

---

[1] Головачев Г. Ф. О женских учебных заведениях // Русский вестник. 1860. № 7. С. 267 – 285; № 8. кн. 1. С. 457–480.

народного образования, их число стало быстро расти. В 1894 г. в России было 275 средних женских учебных заведений, 163 гимназии Министерства народного просвещения, 30 гимназий ведомства императрицы Марии, 31 институт благородных девиц, 51 училище Св. синода[1].

Философское осмысление гендерных проблем, проходило в остром противоборстве сторонников и противников образования женщин наравне с мужчинами, которое не утихало на протяжении веков вплоть до начала XX в. К противникам женского образования относились выдающиеся ученые – Гегель, Ч. Дарвин, И. Кант, Ф. Ницше, Ж-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, А. Шопенгауэр и др., отзываясь, одни – с цинизмом, другие, – со страхом об идее женского образования, которое, как они опасались, выведет женщину из традиционной гендерной иерархии мужского доминирования, лишит ее традиционной женственности, поэтому видели в женском образовании грядущие беды и для мужчины, и для самой женщины «что бы было с миром …что было бы с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его? Без женщин–врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все, то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, — без таких женщин плохо было бы жить на белом свете»[2].

Сторонниками образования женщин наравне с мужчинами являлись Н.А. Бердяев, К.Н. Вентцель, Я.А. Коменский, П.Ф. Каптерев, Н.И. Пирогов, Д.И. Писарев, К.Д. Ушинский, которые считали, что образованная женщина выгодна обществу: если молодые девушки будут заниматься в школах, то будут приобретать знания, важные для

---

[1] Анастасиев А. К вопросу о распространении грамотности среди женской части крестьянского населения // Образ. 1892. № 7–8. С. 73–81; Аппельрот Г.Я. Образ-е женщин среднего и высшего состояний // Отечественные записки. 1858. № 2. С. 653–690; Герье В. Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4. С. 615–700; Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50–60-е гг. XIX в. Л., 1988.

[2] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1988. Т. 37. С. 559–560.

образования и воспитания своих детей, а успехи науки, цивилизации, возвышающие, укрепляющие и облагораживающие людей, будут проникать в семью, влиять на жизнь и нравы народов; «правильно воспитывая своих детей, каждая мать подготовляет для отечества добрых, полезных граждан и тем оказывает ему великую услугу»[1].

Однако, человеческая культура и система образования вплоть до XX в. носили отчетливо выраженный маскулинный характер. Мужчины доминировали в обществе, женщины занимали подчиненное положение. Одной из причин подобной гендерной иерархии в обществе являлось отсутствие возможности для женщин получить полноценное, равное мужскому, образование. Женщины получили право на получение среднего и высшего образования только во второй половине XIX в. Это был важнейший шаг, позволивший женщинам влиять на собственную карьеру и судьбу. Сегодняшнее все большее присутствие женщин в политических и общественных кругах, которое еще несколько десятилетий назад воспринималось как феномен, обязано происходящему процессу феминизации в обществе и системе образования.

Ослабление и ломка гендерного порядка закономерно актуализирует обновление, модернизацию образования, порождающего новые проблемы и трудности. Педагогическая наука находится в самом начале пути гендерных исследований в образовании. В педагогической науке можно выделить следующие направления исследований по названной проблеме: междисциплинарный подход в образовании (И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева), гендерная социализация в образовании (А.В. Смирнова, Е.Р. Ярская-Смирнова), гендерный анализ школьных программ и курсов и гендерные стереотипы в учебниках (О.А. Константинова, Т.Б. Котлова, Р.В. Тельтевская), влияние гендерных стереотипов на воспитание и образование (Л.Н. Надолинская), гендерные аспекты преподавания в вузах (Л.А. Булатова, И.С. Клецина, Л.В. Штылева), особенности профессиональной деятельности учителя-мужчины и женщины (Л.Ю. Орлова, Э.Е. Чеканова), гендерные аспекты управления в образовании (Н.Ю. Ерофеева), механизмы формирования гендерной компетентности педагога (Е.Н. Каменская, М.А. Ра-

[1] Ельницкий К. В. Избранные педагогические статьи. М., 1996. С. 150.

дзивилова, С.Л. Рыков, Л.И. Столярчук) и др.

Результаты исследований, проведенных научно-исследовательским Центром гендерных исследований Волгоградского государственного педагогического университета[1], который возглавляет автор данной статьи, показали целесообразность развития гендерного образования на основе перехода от гендерной иерархии подавления, доминирования, конкуренции к доминанте понимания андрогинной природы человека, постижения сущности женской и мужской индивидуальности, развитию эгалитарных, гармоничных гендерных взаимоотношений, нацеленной на преодоление «кризиса бесполого образования».

В теории женского образования как одной из предтеч современного гендерного образования немало ценных идей, актуальных и сегодня: о гуманистической направленности образования, равноценного для девочек и мальчиков, об андрогинной природе человека, требующей исследования индивидуальных различий и интересов девочек и мальчиков для повышения качества образования, а не из физиологических различий; положения о профессиональной педагогической подготовке учителей.

Теоретический анализ проблем современного гендерного образования показал, что при очевидном разнообразии исследований и точек зрения их объединяет: включение в систему образования знаний о сущности гендерного подхода, понимание гендерной компетентности в качестве условия профессионализма педагога. Под *гендерной компетентностью* исследователи понимают характеристику, позволяющую личности не быть субъектом и объектом ситуаций гендерного неравенства, а состоящую в способности мужчин и женщин замечать ситуации гендерного неравенства в окружающей их жизни; противостоять сексистским, дискриминационным воздействиям и влияниям; самим не создавать ситуации гендерного неравенства; обладание эгалитарными гендерными представлениями без гендерных предубеждений, слабая выраженность гендерных стереотипов[2]. Гендерную компетентность определяют как умение

---

[1] Введение в гендерные педагогические исследования / Под общ. ред. Л.И. Столярчук. Волгоград, 2009.

[2]Клецина И.С. Гендерная компетентность личности // Гендерная

интегрировать психологические, педагогические знания о сущности гендерного подхода в образовании и умения осуществлять гендерную стратегию в организации педагогического процесса для решения практических задач обучения, воспитания, обеспечивающее высокий уровень профессионального гендерного самопознания. Гендерную компетентность относят к числу ключевых (базовых) компетентностей, так как она обладает такими характеристиками, как многофункциональность, междисциплинарность, многомерность, и включает в себя различные личностные качества, интеллектуальные способности, коммуникативные умения педагога, связанные с его гендерной культурой[1].

Индивидуальная составляющая гендерной компетентности педагога рассматривается как характеристика, проявляющаяся в сфере межполового эгалитарного взаимодействия, является не биологически предопределенной, а социально сконструированной и основывается на положении о том, что социальные статусы и позиции мужчин и женщин в публичных и приватных сферах жизнедеятельности не должны выстраиваться по принципу иерархичности, доминирования над другими, а должны выстраиваться на основе паритета, равенства прав и возможностей, партнерских взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Биологические особенности каждого пола не могут быть основанием и оправданием ситуаций гендерного неравенства; выполнение гендерных ролей должно быть задано не половой принадлежностью, а соответствовать склонностям, интересам, желаниям, потребностям женской/мужской индивидуальности, жизненными обстоятельствами.

Гендерная компетентность педагога – далеко не единственная проблема гендерного образования и не панацея решения гендерных

психология. Практикум. 2–е изд. СПб., 2009. С. 316–339; Каменская Е.Н. Гендерная компетентность педагога: понятие, структура и уровни // Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сб. науч.ст. по итогам Междунар. науч.–практ. конф. Волгоград, 15–18 апр.2009 г. Волгоград, 2009. С. 44–49.

[1] Загайнов И.А. Формирование гендерной компетентности педагога в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. … канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2007.

проблем в образовании (важно также создание информационной базы гендерных проблем в образовании и пути их преодоления; формирование гендерной культуры детей, молодежи и взрослых, становление гендерной идентичности, гендерной толерантности и др.). Однако сформированность гендерной компетентности педагога позволит эволюционным путем более эффективно осваивать гендерные знания в системе непрерывного образования: от признания гендерных проблем, к учету гендерных различий и изучению индивидуальных особенностей, интересов, способностей девочек и мальчиков, девушек и юношей в учебно-воспитательном процессе в дошкольных, школьных, средних и высших профессиональных образовательных учреждениях, обеспечивающих равноценные возможности доступа к образованию, участию в процессе обучения, приобретению опыта эгалитарного гендерного поведения для максимальной самореализации потенциала женской/мужской индивидуальности внутри и за пределами образовательной системы.

М.В. Тулузакова,
Балаково, Институт техники, технологии и управления (при СГТУ)

ПРАКТИКИ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Значительная потенциальная возможность влиять на представления о положении мужчин и женщин, о гендерных отношениях в российском обществе есть у двух больших групп специалистов – педагогов и социальных работников. Пока же гендерная проблематика слабо интегрирована в практику обучения и социализации специалистов самого разного профиля. Но возможности получить правильные представления о гендерных отношениях и гендерной идентичности по-прежнему лишены студенты других специальностей. Так, Федеральный образовательный стандарт третьего поколения вновь не имеет даже курса социологии. Он подменен политической социологией. Можно предположить, что традиционные гуманитарные дисциплины – история, философия, культурология, психология при определенных условиях могут создать как мозаичность, фрагментарность гендерного видения социума, так и

задать основы преемственности в гендерном видении социальных проблем.

Примечательно, что, например, еще в мае 2003 г. в Российской Академии государственной службы при Президенте РФ состоялась презентация финансируемого Канадским агентством международного развития инновационного проекта «Образовательные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных служащих, включающие гендерный подход». Реализация проекта должна была осуществляться одновременно с программой «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)». Реализация этого позволила бы не только внедрить гендерные аспекты в практику государственного управления, но и способствовать становлению гражданского общества в российском обществе. Но пока это все остается на уровне благих пожеланий. Министерство образования РФ, в свою очередь, также разработало рекомендации об изучении основ гендерных знаний в системе образования. Если обучение новых кадров уже во многих педагогических ВУЗах страны ведется с учетом этих рекомендаций, то практикующие педагоги, особенно в провинции, не всегда владеют подобными знаниями.

Образовательная деятельность подобной направленности служит налаживанию благоприятной и гармоничной гендерной политики, реализуясь в присутствии гендерных идей в локализированном пространстве конкретного муниципального образования. Это тем более важно, что наш ВУЗ осуществляет подготовку социальных работников, которые остаются работать в городе, где градообразующим фактором по-прежнему являются потенциально вредные и опасные производства химической промышленности и атомной энергетики.

Трансформационные процессы актуализируют значимость индивидуального бытия и женщин, и мужчин. Видение проблем гендерного неравенства, коммуникативные навыки, способные влиять на представления о гендерных ролях и статусах, связаны с деструкцией традиционных ценностных оснований современного российского общества. Гендерное знание касается и должно касаться всех людей без исключения. А потому необходимо систематически и последовательно просвещать общество по гендерным проблемам, а

подготовку всех специалистов гуманитарной сферы ориентировать на гендерную чувствительность изучаемых проблем.

Инновационным направлением в системе высшего профессионального образования выступает компетентностный подход. Анализ Государственного образовательного стандарта специальности «Социальная работа» предполагает формирование основ гендерной компетентности будущих специалистов. Данная компетентность включает в себя не только теоретические знания о существующих ситуациях гендерного неравенства, факторах и условиях их вызывающих, но и практические умения. К ним относятся, прежде всего, умение замечать и адекватно оценивать ситуации гендерного неравенства в разных сферах жизнедеятельности; умение реализовать гендерную экспертизу социальных проектов; способность планировать использование гендерного подхода в практике социальной работы в сфере здравоохранения, политики занятости, в работе с различными группами населения.

Но сформировать у студентов основы гендерного мышления, умение владеть практикой гендерного анализа невозможно, используя только традиционные теоретические практические занятия. Значительную роль в этом процессе играет самостоятельная работа самих студентов, рассматриваемая автором как средство формирования навыков и умений по применению гендерного анализа через использование социального материала, актуального для студентов, и их собственных жизненных, биографически детерминируемых ситуаций. Цель организации процесса самостоятельной работы студентов состоит в ориентации на самоопределение, самоактуализацию, обучаемость и развитие индивидуальности специалиста в области социальной работы. Собственная познавательная активности студентов, на наш взгляд, способна повысить качество профессионального образования, а также конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Опыт педагогической деятельности автора позволяет утверждать, что высокая эффективность подготовки специалистов социальной работы заключается и в практической направленности выпускных квалификационных работ, отражающих местную специфику. Это, например, авторские проекты «Социальная защита женщин, занятых на вредном производстве», «Гендерные аспекты социальной адаптации лиц пенсионного возраста», «Гендерные различия в

репродуктивном поведении и практики социальной работы» и др.

Умение ориентироваться в вопросах гендерной теории, оперировать важнейшими гендерными понятиями и категориями, находить и анализировать новую экономическую информацию, грамотно разъяснять основные экономические события в России и за ее пределами – это и есть наглядная возможность о применения гендерного подхода в теории и практике социальной работы.

Но изучение гендерологии и феминологии необходимо не только будущим социальным работникам, призванным активно разрешать социальные проблемы, но и всем специалистам. От навыков осуществления гендерного анализа статистических показателей, отражающих динамику развития социально-экономических процессов на микро– и макроуровне зависит внедрение и осуществление гендерной экспертизы действующих и принимаемых законодательных актов и программ, разрабатываемых и реализуемых нормативно-правовых и программно-целевых документов.

Автор полагает, что организация личностно-ориентированного гендерного образования не может быть реализована в полной мере в рамках современной системы высшего образования. Причина этого состоит в том, что практически по всем гуманитарным специальностям наблюдается феминизация студенческих групп. На специальности «Социальная работа» в отдельные годы эта феминизация достигает 100%. Следовательно, практика профессионального гендерного образования на настоящий момент должна быть дополнена гендерным просвещением широких кругов общественности.

О.И. Ключко,
Саранск, Мордовский государственный педагогический институт

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ*

*Подготовлено при поддержке программы «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки РФ (проект № 2.1.3/4438).

В современном познании и образовании интегративная тенденция постепенно становится ведущей, что выражается через междисциплинарность, гетерогенность, холизм, ориентацию на актуальную социальную проблему, неоднозначность понятий, их метафоричность, отказ от традиционного дихотомичного мышления. Все это требует от исследователя особой критической рефлексии в отношении используемой методологии. Одним из ярких примеров интегративной методологии являются гендерные исследования. Методологической базой гендерных исследований явились различные по содержанию направления социального познания – прежде всего философия феминизма с идеей о том, что пол не сводится только к первичным и вторичным половым признакам, а пронизывает все сферы социальной и культурной жизни человека и общества; социальный конструктивизм, постулирующий социально-культурный статус любого знания, в том числе и о мужчинах и женщинах; философия постмодерна, в которой осознается потребность в новых средствах получения знания о людях разного пола в обществе; исследования антропологов, показавших вариативность понимания социальных ролей и статусов мужчин и женщин.

Становление гендерной методологии стало возможным лишь на определенном этапе развития общества с быстрым изменением традиционных ролей в силу интенсификации производства и вовлечением в него женщин, появлением массовой рефлексии и трансформацией понимания интимного, с особым вниманием к самоидентичности и универсальным правам. Гендер в современном прочтении – знание о том, что есть пол, совокупность социальных репрезентаций, а не природой закрепленная данность.

До недавнего времени гендерные исследования развивались как междисциплинарная сфера знания, которая инициировала обсуждение, изучение, попытки решения множества актуальных проблем современного общества: сексизма, порнографии и проституции, домашнего и сексуального насилия, торговли людьми, модели маскулинности и феминности, разделение по половому признаку сфер экономики и профессиональной деятельности, уровней заработной платы и карьерного роста, семейных, родительских обязанностей и домашнего труда.

Лишь в последние годы гендерная проблематика начинает концентрироваться в отдельных научных дисциплинах: философии, социологии, истории, культурологии, лингвистике и психологии. Поэтому, с нашей точки зрения, правомочно говорить не о гендерных исследованиях, а о гендерном подходе как одном из направлений социального познания, совокупности феминистских, постмодернистских, конструктивистских теорий в рассмотрении социокультурных аспектов половой принадлежности человека.

В настоящий момент основная функция гендерного подхода выражается в проблематизации представлений обо всех свойствах, ролях, функциях, особенностях, приписываемых людям на основании их половой принадлежности, рассматривая как вариативные и вероятностные.

Анализ становления и современного состояния гендерного подхода позволил выделить его общеметодологические и специфические принципы. Общеметодологические принципы являются сходными для современных социально-гуманитарных наук: это принципы холизма, гетерогенности и толерантности. Специфические принципы гендерного подхода – антиэссенциализм, неиерархичность, социальный конструктивизм, активизм.

Преодоление первоначальной изоляции гендерного подхода в силу его критической направленности позволяет определить основные пути интеграции в современную науку и образование. Во-первых**,** налицо стратегия академизации – движение от критического дискурса к внедрению в содержание научных исследований, образовательных программ и университетских структур, например, создание Научного совета по проблемам гендерных отношений Отделения общественных наук РАН, создание центральных и региональных ЦГИ. Во-вторых, мужчины позиционируются в качестве активных участников, объектов и субъектов гендерных исследований. В-третьих, преодолевается тенденция рассмотрения пола как единственного или самого важного фактора в социальных исследованиях, гендерные различия позиционируются как вариативные и вероятностные, а исследователи обратились к нахождению не только различий, но и сходств. И наконец, в четвертых, весьма существенным является расширение предмета гендерных исследований, изучение не только микро-, но и

макроуровня общественных отношений, в частности гендерных аспектов глобализации[1].

Интеграция гендерного подхода в отечественное образование представляется важнейшим инструментом для достижения гендерного равенства, необходимая предпосылка для социальных реформ. Переход к более гуманному социальному порядку возможен при условии продвижения гендерного измерения в общественное сознание через образование и воспитание, организацию публичного дискурса, чтобы гендерное измерение реальности стало частью социальной рефлексии. Система образования в России по-прежнему носит дифференцированный по полу характер, определяя в дальнейшем разные сферы профессиональной реализации, разную оплату труда и, соответственно, разные уровни и стили жизни для мужчин и женщин.

Целью гендерного подхода в психолого-педагогическом образовании является легитимация обсуждения и решения гендерных проблем, развитие социальной идентичности личности на основе эгалитарного мировоззрения и толерантного сознания, освоение гуманистических форм образовательной практики[2].

В соответствии с рекомендацией Министерства Образования РФ (09.07.2003 № 36–56–51ин/36–13) об изучении вопросов по основам гендерных знаний, гендерным проблемам в системе образования, последние годы в российском образовании идет процесс интеграции гендерного компонента. Возникает вопрос, насколько интенсивно и эффективно протекает этот процесс в высшем психолого-педагогическом образовании Республики Мордовия?

Исследование процесса интеграции гендерного подхода в педагогическое образование региона показало, что в содержании профессионального образования педагогов и психологов гендерная проблематика практически не разработана. Специальные курсы единичны. Как следствие, разработка подобных курсов по выбору (спецкурсов) остается делом энтузиастов в рамках их собственной

---

[1] Ключко О.И. Общероссийские и региональные особенности гендерного подхода в социальном познании // Регионология: научно-публицистический журнал. 2009. № 2. С. 218–227.

[2] Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М., 2008.

научно-исследовательской работы. Распространено механическое включение гендерной тематики в курсы. Данная тема игнорируется факультетами повышения квалификации и переподготовки кадров для системы образования региона.

Анализ государственных образовательных стандартов по психолого-педагогическим специальностям показал, что лишь в двух дисциплинах («Социальная педагогика» и «Социальная психология») упоминаются понятия «гендерная роль» и «гендерный подход». Редко используется стратегия внедрения гендерного подхода сразу в несколько предметов общей и предметной подготовки. Десятилетний опыт преподавания гендерных курсов показывает, что единичные курсы по выбору не меняют общей картины гендерной стереотипии в сознании студентов, не способствуют развитию гендерной толерантности и культуры.

Многие преподаватели не только средней, но и высшей школы не знакомы с разработками в этом направлении, минимальное количество учебно-методической литературы является еще одним сдерживающим фактором на пути гендерной интеграции. Большинство используемых в психолого–педагогическом образовании учебников и пособий не содержит гендерной тематики. Представляется, что именно недостаточная осведомленность педагогов в области гендерных исследований приводит к обоснованию раздельного по половому признаку обучения гендерными различиями[1].

Каковы же меры по решению указанных проблем, предпринятые в Мордовском государственном педагогическом институте в целях интеграции гендерного подхода в психолого-педагогическое образование?

Не будет преувеличением сказать, что эта работа началась в 1996 г., когда представитель кафедры психологии МордГПИ Ж.В. Коробанова приняла участие в Первой Российской летней школе по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». Актуальность гендерной проблематики для нас была столь высока, что практически сразу образовалась группа горячих «поклонников» гендера. С тех пор

---

[1] Ключко О. И. Проблемы интеграции гендерного подхода в систему высшего педагогического образования (на примере Республики Мордовия) // Регионология: научно–публицистический ж-л. 2007. № 4. С. 169–176.

члены кафедры успешно защитили несколько диссертационных исследований по гендерной тематике[1], апробировали ряд спецкурсов, интегрировали гендерный подход в содержание профессиональной подготовки педагогов-психологов.

С 2001 г. вводятся курсы по выбору и факультативы, включающие гендерную проблематику: «Гендерные аспекты обучения и воспитания» (2001–2003), «Теория и история феминизма» (2003–2004), «Психология одаренности» (2001–2004), «Психология агрессии» (2003–2006), «Гендерная педагогика и психология» (с 2004 г. по наст. время).

В 2005 г. на базе факультета коррекционной педагогики разработана, апробирована и внедрена методика развития гендерной толерантности, на ее основе выпущено коллективное учебное пособие «Гендерная педагогика и психология», серия тренингов и программа для общеобразовательной школы[2]. Благодаря поддержке РГНФ и Правительству Мордовии эти материалы поступили во все образовательные учреждения республики. Во многом благодаря этому проекту в 2006 г. в конкурсе «Учитель Года» победила педагог с проектом, посвященным развитию гендерной культуры у школьников.

В течение трех лет (2004–2006) гендерная проблематика обсуждалась в рамках республиканского научного семинара «Современная школа и психология», изучались гендерные характеристики (идентичность, установки, стереотипы) всех субъектов образовательного процесса.

В 2006–7 гг. проведены экспертиза ГОСТов и учебных программ по специальности «Педагогика и психология», а также анкетирование профессорско-преподавательского состава, позволившее очертить проблемное поле гендерной интеграции.

---

[1] Коробанова Ж.В. Влияние полоролевых представлений родителей на формирование личностных особенностей одаренных девочек. Автореф. … к. психол. н. М., 2002; Сухарева Н.Ф. Гендерные особенности прояаления агрессии учащимися младшего школьного и подросткового возраста. Автореф. … к. психол. н. М., 2006; Ключко О.И. Интегративная стратегия гендерного подхода в социальном познании. Автореф. дисс. … д.филос. н. Н.Новгород, 2009.

[2] Гендерная педагогика и психология : учеб. пособие. Саранск, 2005.

На факультете психологии и дефектологии было выполнено более 30 выпускных квалификационных работ, посвященных изучению гендерных аспектов психики, подготовлено и опубликовано более 20 статей, из 10 – в рекомендованных ВАК журналах. Выпушено 12 программ с методическими рекомендациями. Результаты исследований представлялись на шести международных и более чем двадцати всероссийских конференциях и семинарах.

Поддержка федеральной программы «Научный потенциал высшей школы» в 2009 г. позволила обобщить проделанную работу[1]. Кафедра специальной и прикладной психологии МордГПИ переработало содержание двадцати основных образовательных программ с учетом тенденций современной психологии, включив гендерный подход в большинство из них.

В 2010 г. мы продолжаем интеграцию гендерного подхода в содержание психолого-педагогического образования. Идет внедрение курса «Перинатальная психология», программы дополнительного образования «Гендерный подход в государственном управлении» и программы повышения квалификации для работников образования «Гендерный подход в образовании».

Таким образом, мы можем констатировать как серьезные проблемы на пути гендерной интеграции, так и существенные достижения. В настоящее время наиболее остро стоят вопросы обеспечения практического компонента интеграции гендерного подхода в региональную систему образования. Необходимо разработать диагностический инструментарий для изучения гендерных характеристик, включить гендерную проблематику в содержание учебной и производственной практик студентов, создать систему заданий для практикумов. Решение этих задач позволит преодолеть разрыв между теоретическими исследованиями и реальной образовательной практикой.

Л.П. Окулова,
Чайковский,
Чайковский государственный институт физической культуры

[1] Ключко О.И. Интегративные тенденции в современной науке и образовании (на примере гендерного подхода). Саранск, 2009.

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ СОТРУДНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Распространение гендерной проблематики как концепция политики гендерного равенства, имеет определенные изменения в перспективе женских исследований и указывает на гендерные исследования в системе образования. Реалии гендерных исследований подчеркивают инновационную силу и консультативную роль для науки в содержании обучения в области высшего образования. Сочетание реформирования высшего образования и гендерного равенства является стратегической целью политики высшей школы и государства.

На университетах, как учреждениях с интеллектуальной базой и государственных органов власти лежит особая ответственность по осуществлению гендерного равенства. Они оказывают существенное влияние на конституцию социальной системы и связанных с ней отношений между полами, они также решают, какие знания будут предлагаться и распространяться. Университет, реализуя гендерное равенство, ориентируется на современные концепции качества, которые фокусируются на принципах равенства и справедливости и концепции демократической организации.

Гендерная проблематика в образовании задумана как стратегия в университете, который постоянно генерирует и реализует гендерные аспекты образования. Гендерные отношения в такой организации должны соблюдаться всеми сотрудниками на всех этапах принятия решений, процессов и действий. Целью гендерных связей является появление общества с равным гендерным распределением общественных ресурсов и обеспечением доступа к знаниям для всех поколений. Реализация гендерной стратегии в университете это сквозной вопрос, затрагивающий интересы всех членов организации, реализуя стратегию «сверху вниз», которая берет на себя управление организацией. Для ее воплощения требуется согласованность включения в процесс лиц обоих полов, мужчин и женщин, через многие различные инструменты, такие, как анализ представленности женщин и мужчин в организации, распределение ресурсов, таких как деньги, власть, время, а также принятие решения о социальной дифференциации по возрасту, этнической принадлежности.

Стратегия гендерного равенства ни в коей мере не может пониматься как стратегия ликвидации объективно обусловленных гендерных различий. Ее главное предназначение – создание социально-политических условий для наиболее полной реализации способностей женщин и мужчин во всех сферах социальной жизни в целях общего благосостояния и прогресса, в том числе в системе высшего образования.

Учет гендерного фактора происходит на стыке политики, управления и исследования новых путей приобретения знаний, связи и управления знаниями, потому что современные знания о гендере должны быть пересмотрены и, возможно, расширены. Гендер должен реализовываться комплексно в развитии гендерных знаний. Важно рассмотреть организационную культуру, поскольку не все информационные и коммуникационные каналы организованы во всех организациях независимо. Для расширения знаний о гендере, гендерной компетентности требуется современное знание. Это должно быть отражено в положении гендерной экспертизы в организации путем соответствующих знаний. Зачастую не ясно, что является необходимой информацией, какие методы быть определены и как анализировать и оценивать. Таким образом, целесообразна систематическая разработка новых гендерных знаний в университете. На всех этапах должна создаваться информационная база с помощью знаний сотрудников, которая позволит им признать свою ответственность в области гендерных вопросов. Один из наиболее распространенных препятствий на пути внедрения управления знаниями гендера является то, что часто связано с отсутствием желания делиться своими отдельными знаниями. Особенно это касается гендерных знаний, так как это знание не закреплено, как другие специализированные знания. Гендерные знания в организации подчинены гендерной экспертизе. Задача руководителей состоит в управлении нисходящего процесса мотивации сотрудников, таких, как докладчиков и лекторов, и убеждения их в том, чтобы поделиться своими знаниями с другими. Кроме того, это важно для передачи данных в восходящем процессе между сотрудниками для развития их собственных гендерных знаний. Таким образом, менеджеры могут обеспечить целевую подготовку по гендерным знаниям. В этом помогут целевые альянсы и взаимодействие между электронным правительством и гендерной проблематикой. Знания индивидуальны

и это важно для систематического знания, которое связывает коллег, избегая, тем самым, «мусора, отходов» от гендерной информации в организации. Сотрудникам это позволит иметь гибкое использование рабочего графика. Примером таких форм является телеработа, что дает примирение между работой и семьей. Управление знаниями на государственном уровне привлекает новые формы работы, такие, как вышеупомянутые телеработы, а также электронное правительство, с новыми элементами, такими, как Интранет.

Таким образом, мы видим, что включение новых форм гендерного образования сотрудников университетов позволит грамотно наладить их гендерные отношения на работе и в повседневной жизни, а гендерная составляющая в системе высшего образования изменяет социальные процессы.

В.Н. Чижова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Обращение к названной теме обусловлено потребностью реформирования образования в современном мире и в России. Изменения в системе образования в России вызваны демократизацией жизни общества, гуманизацией образования и необходимостью построения гражданского общества. Гуманизация образования проявляется в том, что основным элементом образовательного процесса рассматривается творческая личность, а основными задачами – формирование свободного мышления человека, его способности к самостоятельному ответственному выбору, психологической зрелости. Построение гражданского общества предполагает формирование нового уровня политической культуры, формирование активной жизненной позиции членов общества. Особая роль в решении этих вопросов отводится образованию в целом и гендерному образованию в частности, т.к. образование как социальный институт обеспечивает воспроизводство и развитие социума путем передачи культуры, системы ценностей, норм, ролей между поколениями, обучениям определенным знаниям и навыкам. Гендерное образование, должно способствовать

формированию навыков анализа социальной реальности и индивидуального опыта мужчин и женщин с целью преодоления последствий несправедливой дифференциации мужских и женских ролей, неравенства их статусных позиций[1]. Гендерное образование – это одна из первостепенных задач общей программы построения гражданского общества, развития демократических идей и взглядов в нашей стране. Поэтому гендерные курсы и дисциплины содействуют формированию таких компетенций, как: гуманистическая ориентированность, готовность к социально-культурному диалогу (путем формирования правил социально-культурной и политической коммуникации), способность к критическому осмыслению своего профессионального и личностного социального опыта, формирование адекватного представления об индивидуальной и групповой идентификации т.е. формировать компонент гражданской культуры[2]. Это, как известно, широко используется системой образования в западных странах.

Оговоримся, что здесь под гендером понимается «сконструированная под влиянием культуры система различий», «социальная конструкция, обозначающая особенности поведения, социальных стратегий под влиянием культурной системы различий»[3]. Таким образом, гендерное образование является насущной необходимостью, а формирование демократических стереотипов в сознании подрастающего поколения – его приоритетной целью.

Основные задачи гендерного образования заключаются в объяснении природы стереотипов, показе их исторической изменчивости и социальной обусловленности, поскольку часто стереотипные представления, усвоенные от других, приходит в противоречие с личными склонностями и желаниями человека. Базовыми идеями гендерного подхода должны быть положения о том,

---

[1] Клёцина И.С. «Компетентностный подход» и гендерное образование в высшей школе [электронный ресурс]: http://www.humanpsy.ru/klyotsina/gender–educ

[2] Якунина Е.И. Образовательные возможности курса «Гендерные исследования» для формирования гражданского общества в России [электронный ресурс]: http://www.prof.msu.ru/publ/omsk1/1_10htm

[3] Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 209.

что: 1) «мужчины и женщины, как представители социальных групп, скорее похожи, чем различны, как и психологические характеристики и личностные качества мужчин и женщин», необходимые для выполнения различных социальных ролей», «нет оснований для полоролевой дифференциации»;

2) «социальные статусы и позиции мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности не должны выстраиваться по принципу иерархичности». В рамках гендерного подхода отношения между представителями разных полов должны строиться на основе равенства прав и возможностей. Партнерская модель отношений между полами должна стать основной, а эгалитарные (основанные на равенстве полов) представления должны разделяться большинством членов общества»; 3) «биологические особенности каждого пола не могут быть основанием и оправданием для гендерного неравенства в обществе»[1].

Отличительной особенностью гендерного подхода в образовании является признание того, что в образовательные учреждения приходят не «безликие учащиеся», а представители различных полов, которые нуждаются в дифференцированном подходе со стороны преподавателя. Большая сложность заключается в том, что учащиеся (школьники, юноши и девушки, взрослые) сталкиваются в реальной жизни с меняющимися представлениями о поведении, внешнем виде, мышлении, приемлемого для представителей различных полов, и эти стереотипные представления, усвоенные ранее в процессе социализации от других, приходят в противоречие с пожеланиями и склонностями человека и препятствуют их самореализации.

В зависимости от возраста учащихся гендерное образование рассматривается как образование школьников, студентов и взрослых[2]. Мы остановимся на гендерном образовании для студентов.

Гендерное образование в России развивается с начала 1990-х гг., хотя, как отмечает Костикова И.Е. и «раньше в вузах читались курсы по гендерной тематике, а в школах «стихийно» учитывался гендерный аспект воспитания»[3]. Такие курсы были рассчитаны для специалистов

---

[1] Клёцина И.С. Указ. соч.

[2] Якунина Е.И. Указ. соч.

[3] Костикова И.В. Из опыта работы над созданием и чтением гендерных

и студентов, занимавшихся гендерной проблематикой как наукой и не стремившихся к просветительской деятельности. Постепенно гендерная тематика вошла в учебный процесс. В России была принята государственная программа «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии», был введен предмет «феминология», открыты кафедры, в состав которых вошли специалисты по женским движениям, проблемам женской занятости, женского образования и т.д., в учебники по философии, политологии, экономике, культурологи были включены соответствующие разделы, изданы первые учебные пособия. В России сформировались научные центры, занимающиеся гендерными исследованиями (университет и ЦГИ г. Иваново, МГУ, педуниверситет г. С.–Петербург, университеты в г. Тверь, Саратов, Мурманск и др.). Большой вклад в пропаганду гендерных знаний вносит Лаборатория развития гендерного образования педагогического факультета МГУ. Специалистами лаборатории был разработан общий курс по гендерной проблематике «Проблема гендера: история, общество, культура», который читается на разных факультетах и является, по сути, новаторским общегуманитарным курсом для неспециалистов. Этот курс имеет очень важное значение для популяризации гендерных знаний в России, т.к. многие студенты факультетов естественных и точных наук планируют работать в качестве школьных учителей, и эти знания будут способствовать их лучшему взаимопониманию с учениками, да и с собственными детьми[1].

Этот курс вызывает у студентов негуманитарных специальностей большой интерес, несмотря на общее скептическое отношение. По мнению студентов, участвующих в опросах, данный курс позволяет по-новому взглянуть на старые проблемы, в частности на разные стандарты поведения для мужчин и женщин, проблемы взаимоотношений в семье, трудности взросления, двойная занятость женщин. Студенты подчеркивают практическую ценность курса, поскольку курс предполагает не только чтение лекций для изложения теоретического материала, но и применение экспериментальных

курсов в МГУ им. М.В.Ломоносова [электронный ресурс]: http://www.gender–cent.ryzan.ru/kostikova_i.htm

[1] Там же.

методик. Наряду с лекциями и семинарами в рамках курса проводятся тренинги, вместо рефератов студентам предлагается выполнить «практическую работу», что повышает количество самостоятельных работ. Все это в свою очередь заставляет студентов задуматься не только над своими личностными и повседневными проблемами, но и познакомиться с новейшими философскими (постструктурализм, постмодернизм и др.) теориями.

Говоря о курсах гендерной проблематики, необходимо коснуться и методики преподавания. Как отмечает Костикова И.Е.[1], можно использовать и традиционные методы обучения (преподаватель говорит, а студенты слушают и записывают). Однако использование новых методик (ролевые игры, психологические тренинги и др.) необходимы, потому что основная цель гендерного обучения не просто дать знания учащимся, а изменить стереотипы их поведения и мышления. Особое внимание следует обращать на психологическую атмосферу во время семинара, «его руководители должны быть максимально равноправны с остальными участниками, не впадать в менторство и выполнять задания вместе со всеми»[2]. Методика гендерного образования предусматривает диалог, творчество преподавателя и учащегося[3]. В отличие от названного выше подхода к методике обучения, есть и другая точка зрения (Сафина), согласно которой «субститутом гендерного курса признается не лекции, а перформанс, диалог и полилог». Подобные (и другие, например, упражнения по самопрезентации) нестандартные упражнения и методы вызывают живую реакцию студентов не только информационной новизной, но и образующимися возможностями перемены лидерских ролей, деконструкцией стереотипов не только на интеллектуально-логическом, но и на телесно-экзистенциальном уровне[4].

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Сафина Р.Ф. Гендерное образование – концепция демократического общества [электронный ресурс]: http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2002/issue1/Obrasov%5B2%5D.html

Таким образом, образовательный процесс на гендерных курсах – это «не просто процесс передачи знаний от преподавателя к студентам, но и явление ресоциализации, при которой происходит обмен опытом между преподавателем и студентами, между студентами внутри студенческой группы». Поэтому «преподавание гендерной проблематики требует применения интерактивных образовательных методик, расширяющих участие обмен опытом»[1].

Содержательно гендерный курс может включать такие темы: «изучение роли женщины в истории мировой культуры от древних времен до новейшей истории, а также в контексте Отечественной истории; ознакомление студентов с моделями взаимоотношения полов в различных культурах Запада и Востока. Для России особенно важен кросс-культурный анализ из-за особого географического положения России, которое влияет на характер отечественной культуры и на российскую действительность; феминистские движения, феминистские теории, отраженные в новейших исследованиях ученых; введение тем и идей либерального, марксистского и психоаналитического феминизма, критическое осмысление опыта Запада, чтобы правильно применить его в России»[2] (для сравнения: Костикова И.В., Успенская В.И.).

Обобщая сказанное, отметим, что введение гендерного образования в вузах России своевременно. Важность гендерного образования обусловлена необходимостью подготовки студентов как активного типа личности, с демократическими моделями социально-политического поведения, которая будет жить в условиях глобализации общества и связанными с нею неопределенностью и рисками.

Н.Ю. Конева,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

---

[1] Костикова И.В. Указ. соч.
[2] Успенская И.В. Женские гендерные исследования в системе университетского образования [электронный ресурс]: http://www.a–z.ru/women/texts/genderrd.htm

Применение гендерного подхода основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых – понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена и его релятивизация. Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития[1].

Новейшие концепции, сформировавшиеся в лингвистике в результате привлечения к лингвистическому описанию данных психологии, биологии познания, культурологии, философии и ряда других антропоориентированных наук изменили точку зрения на традиционный когнитивный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность. Согласно концепциям, возникшим под влиянием Дж. Лакоффа и нового осмысления идей Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной области. Язык, таким образом, рассматривается как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль.

Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает. Пол человека – одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка.

Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов. Гендерные исследования находятся в тесной связи с психологией, социологией, лингвистикой, т.е. являются междисциплинарными. Особой актуальностью и научно-исследовательским потенциалом обладают гендерные исследования в

[1] Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

области педагогики и методики преподавания иностранных языков, поскольку в данном случае они носят прикладной характер и могут быть непосредственно применены на практике. К этому же кругу проблем относится гендерный анализ учебников по иностранному языку. Известно, что в странах Западной Европы и США все учебники в обязательном порядке проходят гендерную экспертизу, прежде чем попадут в руки школьников или студентов. Это связано, прежде всего, с возрастающей феминизацией общества[1].

При рассмотрении учебников английских авторов можно заметить, что в них при помощи всевозможных средств (иллюстрации, страноведческие материалы, тексты для аудирования и т.д.) воспроизводятся гендерные стереотипы маскулинного и феминного поведения. Часто обрисовываются распределение гендерных ролей мужчин и женщин в обществе и сфере личностного общения, приводятся примеры гендерного взаимодействия, в том числе и проблемного характера. Указанной проблеме посвящены исследования на основе немецкого языка[2].

Очевидно, что гендерная экспертиза учебников по иностранному языку, изданных в России необходима с учетом изменений, происходящих в обществе. Однако простое копирование западного опыта не подходит, поскольку система ценностей, сформированная в российском обществе, имеет определенные различия. Необходима разработка системы требований, отвечающих реалиям российского общества.

Гендерный анализ учебников должен учитывать межкультурный компонент в обучении иностранному языку, который подразумевает адекватное отражение социальных и культурных гендерных реалий страны изучаемого языка. Необходимо формировать гендерную культуру в среде студентов, в том числе основанную на многонациональности России.

Кроме того, возникает вопрос о том, кто обладает лучшими способностями к изучению иностранных языков: мужчины или

---

[1] A Glossary of Feminist Theory / Ed. by S. Andermahr, T. Lovell, C. Wolkowitz. London; New York, 2000. P. 102.

[2] Демина М.С. К проблеме гендерного анализа учебников иностранного языка [электронный ресурс]: http://festival.1september.ru/articles/412782/

женщины. Согласно Д. Сандерленд[1], существует ряд гендерных различий в стратегиях и стилях изучения языка. По мнению автора, различие состоит в более широком использовании женщинами социальных моделей поведения в изучении иностранного языка. Женщины демонстрируют более частое использование коммуникативных стратегий. И наконец, существенные гендерные различия проявляются в степени аутентичности употребления языка, а также в поиске и использовании более точного значения того или иного слова[2].

Нельзя не согласиться с мнением Ю.И. Семеновой[3] о том, что в настоящее время игнорировать существование феномена гендерных различий по меньшей мере нелогично, а проведение исследований по данной проблеме следует считать оправданным и крайне необходимым.

С.В. Подшибихина, Н.К. Радина,
Нижний Новгород,
Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

«ГЕНДЕР» КАК ОСНОВА ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ*

Неизбежность социальной дискриминации утверждается в ряде исследований в социальных науках[4]. Однако в том случае, когда

---

[1] Sunderland J. Gender in the EFL classroom/Power pedagogy and practice. Oxford, 1996.
[2] Spender D. Invisible Women. Lomdon, 1982; Stanworth M. Gender and Shooling. London, 1983.
[3] Семенова Ю.И. Роль гендера в обучении иностранным языкам // Теория языка и межкультурная коммуникация (Электронный научный журнал). 2007. №2 [электронный ресурс]: http://tl–ic.kursksu.ru
*Выполнено по стипендиальной программе Фонда им. Г.Белля 2009 – 2010 учебного года (научный руководитель – проф. Н.К.Радина).
[4] Теория и методология гендерных исследований / Под общей ред. О.А. Ворониной. М., 2001.

оснований для дискриминации может быть несколько (гендер, возраст, этничность), важно определить доминирующие тенденции в дискриминировании людей в группах. Дж. Смит считает, что именно совокупность категорий «класс», «раса», «возраст» наряду с гендером определяет гендерную систему общества, то есть общий дискурс социальных отношений обусловлен конструктом «гендерные отношения», а все остальные отношения значимы, но являются по влиянию производными от гендерных[1]. Следовательно, в том случае, когда исследователи анализируют социальное неравенство и социальную дискриминацию в общем контексте, учитывая в качестве оснований для дискриминации и пол, и возраст, и этничность, гендерная дискриминация будет ведущей, наиболее очевидной в сравнении с другими вариантами конструирования социального неравенства и дискриминации.

Представляемое исследование проводилось в городе Тында, население которого многонационально и в большинстве своем состоит из осевших строителей всесоюзной стройки БАМ из разных республик и регионов СССР. В городе так же проживают представители «коренного» малочисленного народа – эвенки и граждане КНР (в Амурской области упрощен визовый режим с КНР).

В большинстве случаев трудовые коллективы Тынды многонациональны. Цель данного исследования – определить возможные сценарии социального дискриминирования в многонациональных трудовых коллективах для реконструкции общей «карты» социальной дискриминации, позволяющей понять, принадлежность к какой социальной группе в большей степени сделает человека уязвимым к дискриминации на рабочем месте.

Представляемое исследование проходило в УСНГЧ (узловая специализированная дистанция тепловых сетей) – одном из подразделений градообразующего предприятия – Тындинского отделения ДВЖД филиала ОАО «Российские железные дороги». Фактически это предприятие–монополист, обеспечивающее теплом и горячей водой железнодорожные предприятия и иные городские строения.

---

[1] Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003.

Поскольку исследование носило очевидно поисковый характер, мы избрали стратегию качественного исследования как основную в изучении дискриминации в трудовом коллективе[1]. В исследовании приняли участие 30 интервьюируемых – управленческий персонал, начальники участков, мастера среднего звена и старшие по смене.

При интервьюировании (слабоструктурированное проблемно-ориентированное интервью) мы использовали понятие «несправедливое отношение», поскольку планировали в интервью использовать ресурсы респондентов по осмыслению повседневности. Понятие «социальная дискриминация» было использовано экспертной группой в процессе анализа.

Анализ текстов интервью показал, что случаи дискриминации в трудовом коллективе УСНГЧ, составили шестую часть от всех ситуаций «несправедливого отношения», озвученных респондентами. В подавляющем большинстве рассказанные истории респондентов не связанны с дискриминацией (интервьюируемые повествовали о том, что им кажется несправедливым в организации).

Более половины ситуаций дискриминирования в трудовом коллективе из тех, что были идентифицированы экспертами, составили случаи женской дискриминации в сфере труда: умственные, аналитические и управленческие способности женщин, а именно способность руководить, управлять мужским коллективом, ставятся под сомнение как администрацией УСНГЧ, так и рядовыми работниками: «*… например, как щас, щас вот вообще практикуют не брать на теплосети женщин, а знаете там ведь мужской характер нужен. Предпочитают брать все-таки мужчин… Нет, даже пытаться не стоит. Лично я против, что ба меня на участке женщина работала*…» (Начальник транспортного цеха, 53 года).

В ряде случаев, женщинам было отказано в трудоустройстве без объяснения причин, после того как работодатель узнавал, что они воспитывают детей дошкольного возраста: ***«****Если есть малыш – точно не возьмут. Я устраивалась два раза. В первый раз не отказали, но не взяли. Спросили про ребенка. Я сказала, все как*

---

[1] Радина Н.К. Изучение гендерной идентичности методом фокус-групп // Практикум по гендерной психологии / Под ред И.А.Клециной. СПб., 2003. С. 243–258.

есть, сразу – все. Собеседование быстро свернули, сказали: позвоним. На то место взяли парня. Молодых людей всегда берут, они с детьми не сидят, на больничный не ходят...» (Оператор абонентского отдела, 26 лет).

Отмечен случай женской дискриминации при отказе в трудоустройстве. Причиной отказа стали существующие в обществе стереотипы относительно физических стандартов «красоты» женщины-секретаря, которыми руководствовался работодатель при приеме соискателя на вакантную должность: *«Было такое, когда к нам приходила девушка устраиваться на работу, и подходила по ее личным данным, но как бы, выглядела, как … не как все. Вот как бы она – не красавица. И поэтому она им не подошла. Была другая девушка, ее взяли, потому что она подходила им по внешним данным. Хотя другая была лучше и по моральным, и по всем данным…»* (Инженер по материально-техническому снабжению, 30 лет).

Абсолютное большинство испытуемых не смогли вспомнить ни одного случая несправедливого отношения к мужчинам, обусловленного исключительно принадлежностью к гендерной группе. Единственный случай, идентифицированный в интервью как «дискриминация мужчин», был спорный и относился как к гендерной дискриминации («позитивная дискриминация женщин», благодаря которой в командировки отправляют мужчин), так и к нарушению режима труда: *«Мой муж не работает у нас, но все равно работает на дороге (…) Пришлось ему постоянно ездить в командировки. По закону у него должен быть сменщик. Он, значит, один пахал, пахал. Вышла с больничного инженер ПТО. В командировку опять Вову отправили (…) Он потом отказался ехать… Как у нас считают: молодой мужчина. Не женщину же отправлять – у них семьи, дети. Вот с тех пор его гнобить стали все его вышестоящие начальники…»* (Бухгалтер, 29 лет).

Шестую часть случаев дискриминирования в сфере труда, составили ситуации связанные с возрастной дискриминацией (пенсионеры): *«Видите, я сама немолода… Каждое сокращение трясемся, гадаем на кого бог пошлет, кого в этот раз отправят на пенсию по собственному желанию, а кому будут пособие платить (…) по сокращению штатов положено…»* (Оператор ЦТП (…), 57 лет).

Встречаются единичные случаи дискриминации по национальному признаку и индивидуальным особенностям сотрудников: «*Я бы не сказала, что это несправедливо, но она отличалась от нас…. Ну не то, что недоразвита (…), это была киргизка. Она очень старалась, как-то влиться в наш коллектив. Но, были неприятные моменты, конечно, с моей стороны, и со стороны коллектива. Н–да…да… (…)… средняя Азия – они же недалекие. Так, со стороны, это, да, так есть. Это как, по жизни, азиаты – это туповатые …*» (Оператор ЦТП (…), 49 лет).

Результаты проведенного исследования согласуются с данными других социологов относительно существования в современной России женской дискриминации на рабочем месте как доминирующего варианта социальной дискриминации[1]. Важно отметить, что по результатам нашего исследования, ни возраст, ни этническая группа не делают человека настолько уязвимым в трудовых отношениях, насколько его делает уязвимой принадлежность к женской гендерной группе. Следовательно, по-прежнему актуальным является вопрос о функционировании специальных юридических служб, специализирующихся на помощи женщинам, дискриминируемым на рабочем месте.

И.В. Ветер,
Череповец, Череповецкий государственный университет

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА В ГЕНДЕРНОМ РАЗРЕЗЕ

Экономические преобразования в России в начале 1990-х гг. внесли кардинальные изменения в социально-экономические аспекты обустройства общества. Реформирование российской экономики сопровождалось существенными трансформациями во многих сферах, в том числе и на рынке труда. Вследствие этих процессов он поделился на два сектора – мужской и женский. Особенно остро

[1] Хоткина З.А. Стереотипы и дискриминация на рынке труда / Гендерные стереотипы в современной России / Сост., общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. М., 2007. С. 49 – 61.

экономические реформы оказали влияние на женскую часть населения. Именно женщины оказались в наиболее неблагоприятных экономических и социальных условиях. Это подтверждается в докладе, озвученном Европейской экономической комиссией по российским проблемам, где говорится, что «роль женщин в переходных процессах концептуально не определена, и женщины утрачивают многие преимущества, которые имели в прошлом, практически не оказывая никакого воздействия на формирование институциональных, структурных и политических изменений в России»[1].

В дореформенный период Россия характеризовалась самым высоким в Европе показателем занятости женщин трудоспособного возраста и составляла около 89%. Однако постепенно эта цифра менялась в сторону снижения, и к концу 1998 г. она достигла отметки 47%. Резкое сокращение работающих женщин произошло в период начала экономических реформ.

Отрицательно повлиял на экономическую активность работающих женщин процесс приватизации государственного сектора экономики. Если раньше практически все трудоспособное население, в том числе и женщины, было занято на государственных предприятиях, то в период разгосударствления экономики, когда число таких предприятий резко уменьшилось, часть женщин вынуждена была перейти к частным работодателям, другие, которые не смогла найти работу, пополнили ряды безработных граждан. Появилась категория женщин, добровольно покинувших рынок труда, получивших статус домашней хозяйки.

Поэтому после того, как в 1991 г. безработица была официально признана, стали говорить о её «женском лице». Это отчасти верно, если учитывать только статистические данные, полученные через государственную службу занятости. Так, по ее данным, к концу 1992 г. среди лиц, официально получивших статус безработных, 72,2% были женщины. Тенденция их преобладания среди зарегистрированных

---

[1] Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса) / МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Т. I. М., 1998. С. 5.

безработных не менялась на протяжении многих лет. Действительно, женщины чаще обращаются в службы занятости с целью найти работу, в то время как мужчинам свойственно реже искать работу таким способом, поиск работы они осуществляют с помощью личных связей или посредством прямого обращения к работодателю.

Однако существует и другая статистика, учитывающая состояние занятости населения в неформальном секторе, т.е. среди той части населения, которая не получила и не пыталась официально получить статус безработных. Так, согласно данным, рассчитанным в соответствии со стандартами МОТ, число безработных мужчин и женщин в России примерно одинаковое, даже наблюдается небольшой перевес в сторону мужчин[1].

Ситуация с занятостью осложняется тем, что женщины в сравнении с мужчинами более продолжительное время находятся в состоянии поиска подходящей работы. Это объясняется с одной стороны тем, что активность самих женщин на рынке труда проявляется неоднозначно. Оставшись без работы, они по-разному реагируют на сложившуюся ситуацию. Одни начинают вести активный поиск другой работы (таких примерно 43%), другие надеются на помощь родственников и знакомых (33%). Но есть и те, кто вообще не занимается ее поиском, формируя особый тип женщин, по определению Г.Г. Силласте, – «пассивные фаталистки». Смысл их позиции такой – «найти работу сейчас невозможно», поэтому им «уже ничто не поможет»[2].

Такая позиция объясняется реалиями современного российского рынка труда, который выдвигает неравные возможности для мужчин и женщин при трудоустройстве.

Примерно треть руководителей предприятий различных форм собственности отдают предпочтение при приеме на работу мужчинам, а не женщинам. В обыденном сознании многих работодателей сформировалось предвзятое отношение к женщинам как к работникам «второго сорта», принижающее тем самым их профессиональные

---

[1] Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2000. № 3.

[2] Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социс. 2000. № 11.

возможности. Так, выбирая кандидата на определенную должность, работодатель чаще склонен отдавать предпочтение кандидату-мужчине, прикрываясь формулировкой статьи 3 ТК РФ об исключениях, которые «определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите».

К сожалению, часто такое состояние «второсортности» воспринимается самими женщинами как естественное. Оно становится причиной того, что женщины оказываются в состоянии наименьшей мобильности на рынке труда. Они склонны реже увольняться по собственному желанию и имеют тенденцию держаться за низкооплачиваемую работу, опасаясь, что не найдут другой. В этом проявляется острое осознание ответственности за свою семью (часто, неполную или если заработная плата мужа невелика), заставляет держаться за рабочее место, несмотря на его недостатки[1].

Безвыходность такого положения становится причиной дискриминационных процессов на рынке труда по отношению к женщинам. Нередки случаи, когда работодателей при приеме на работу интересует семейное положение женщины или наличие у нее несовершеннолетних детей. Такие действия, как известно, противоречат российскому законодательству, где говорится о равных правах и свободах мужчин и женщин, возможностях для их реализации, а также о недопустимости получения каких-либо преимуществ, в том числе независимо от половой принадлежности.

Однако, несмотря на все формальности, российский рынок труда охвачен рядом негативных явлений в отношении женщин, что способствовало формированию и становлению двухсекторной модели. Согласно этой модели рынок труда поделён на два неконкурирующих между собой сектора: первичный, характеризующийся стабильностью, хорошими условиями и оплатой труда и перспективами продвижения по службе, и вторичный, где нет стабильности, перспективы профессионального роста весьма ограничены, плохие условия труда и довольно низкая заработная плата. Первичный сектор, как правило,

---

[1] Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социс. 2000. № 11.

образуют предприятия негосударственной формы собственности. Вторичный сектор составляют государственные предприятия, где сегодня как раз и происходит постепенная феминизация состава работников (учителя, врачи, работники культуры).

В сфере занятости усиливается профессиональная сегрегация. Она обусловлена, во-первых, неравным распределением мужчин и женщин по отраслям и профессиям (горизонтальная сегрегация) и, во-вторых, низкой доступностью для женщин престижных профессий и должностей, связанных с ответственностью и принятием решений (вертикальная сегрегация).

В результате усиления профессиональной сегрегации наблюдаются неблагоприятные изменения в сторону сокращения доли женщин в традиционно женских отраслях и вытеснение их на менее престижные и менее оплачиваемые. Все это происходит под влиянием многих факторов, в том числе и изменения размера заработной платы, сложившейся в отрасли. Сохраняется дискриминационное положение женщин в системе оплаты труда. В аналогичных условиях женский труд обычно ценится на 10–30% дешевле, чем мужской.

В той отрасли, где заработная плата невысокая, обычно преобладает женский труд. Так, например, банковская сфера, считавшаяся ранее чисто женской сферой деятельности, сегодня поменяла «лицо», став уделом мужчин. А в социальных отраслях (образовании, культуре и здравоохранении) женщины остаются главным трудовым потенциалом.

В настоящее время в высокооплачиваемом секторе экономики занята лишь небольшая доля женщин – около 6% (в основном они занимают руководящие должности)[1].

В современных условиях производства, когда наблюдается быстрый рост развития техники, процесс разделения труда по половому признаку зависит не столько от физиологических условий, сколько от общественных стереотипов, сформированных на уровне общественного сознания, благодаря которому в обществе устоялось традиционно-условное деление на «мужские» и «женские» виды профессиональной деятельности. В результате этого деления

[1] Белоконная Л. Гендерная стат. в России. // Вопр. Экон. 2000. № 3.

должность начальника практически всегда занимает мужчина, а на должность секретаря обычно приглашают женщину.

Гендерное разделение труда и неравенство в доступе к реализации трудовой деятельности оказывают негативное влияние на благополучие женщин, порождая серьёзные психологические, социальные и экономические последствия для их семей, вплоть до распада. Кроме того, гендерное неравенство снижает эффективность экономической деятельности всей страны. Поэтому на современном этапе российскому обществу необходимы меры политико-правового и экономического плана, связанные с искоренением традиционно-дискриминационных условий труда для незащищенных слоев населения, к числу которых относятся женщины. Мировая практика показывает, что повышение общественного и трудового статуса женщин может способствовать повышению как экономического потенциала государства, так и оздоровлению общества в целом.

Г.А. Кононова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Молодежная субкультура – это образ жизни, мышления и поведения групп молодежи в определенный период, стиль жизни, система норм и ценностей, отличающих данную группу от большинства общества и от других групп молодежи.

Под молодежью мы понимаем поколение людей в возрасте от 14–16 до 25–30 лет, переживающее период социальной зрелости и адаптации к взрослой жизни.

Возрастные рамки понятия «молодежь» определяются по-разному и зависят от социально-экономического и культурного уровня развития соответствующего общества. Понятие «молодежная субкультура» как социо-культурный феномен зародилось в 60-е годы XX в. как оппозиция традиционной культуре общества, и связано с глобальными переменами в общественной жизни и сознании людей в эпоху постмодернизма.

Количество и разнообразие молодежных субкультур в Германии очень велико. Классовые, этнические, религиозные и региональные

различия во многих молодежных субкультурах не имеют значения. Традиционная семья и церковь утратили свое монопольное положение.

Для немецких молодежных субкультур релевантно понятие «Szene» – сцена (ср.: «Techno–Szene», «Punk–Szene» и т.д.) как обобщенное наименование всех, кто относится к данной группе: и активных участников данной субкультуры, и просто симпатизирующих им.

Большинство молодежных субкультур являются преимущественно мужскими, вернее, юношескими субкультурами. До сих пор в Европе не существует чисто женской (девичьей) молодежной субкультуры. В большинстве молодежных субкультур количество девушек составляет от 20% до 30%. Их роль определяется как украшение, красивое дополнение к «Szene». Активными участниками той или иной молодежной субкультуры являются, в основном, юноши. И это не всегда зависит от мужского доминирования в той или иной субкультуре. Многие молодежные субкультуры желали бы видеть в своих рядах больше девушек.

Основным препятствие для активного участия девушек и молодых женщин в молодежных субкультурах является воспитание. Большинство девушек не готово к подобного рода эмансипации. Из этого следует, что вхождение в ту или иную молодежную субкультуру для девушек более серьезный шаг, чем для юношей и сопряжен с более серьезными вызовами и семье, и школе, и обществу в целом.

Гендерное распределение ролей в различных молодежных субкультурах неодинаково. Так, например, у панков существует достаточно эмансипированное и равноправное распределение ролей.

В молодежной субкультуре скинхедов девушки составляют менее 20%, у правых (неонацистов), еще меньше. В среде молодежной субкультуры «Hooligans» (хулиганы) девушек вообще нет.

Девушки с детства воспитываются таким образом, что свою агрессию они выражают скорее вербально. Эксцессивные акты насилия пугают и отталкивают их от той или иной субкультуры.

В молодежной субкультуре «Sprayer» («спрейеры»), которая довольно широко представлена на территории Германии, одной из причин отсутствия или малой представленности женского начала является то, что свои творения в подземных переходах, на стенах домов и т.д. молодые люди большей частью рисуют ночью. Для

молодой 16–летней девушки ночные прогулки могут быть достаточно опасными.

Среди спортивных молодежных субкультур, таких как Skater (скейтеры), Snowboarder (сноубордисты) и др., доминирование юношей и молодых людей может быть объяснено стремлением продемонстрировать свое мужское превосходство, силу и мужество лицам женского пола. И хотя в последние годы количество женщин в данных субкультурах значительно увеличилось, тем не менее, на обложках самых модных журналов и в рекламных роликах по прежнему «красуются» юноши и молодые мужчины.

И даже в такой молодежной субкультуре как «хиппи», которая позиционировала себя как свободная от традиционного клишированного распределения ролей, девушки сохранили свою «женскую ментальность». Девушки–хиппи носили длинные волосы и выражали свои чувства непосредственно и эмоционально и олицетворяли собой женщину, сохранившую связь с природой.

Молодежная субкультура «Gothes» (готы), является, пожалуй, одной из самых популярных и привлекательных для девушек и молодых женщин. Особая романтически-меланхолическая эстетика готов, утонченность восприятия, особое значение вербальной коммуникации и т.п. делаю эту закрытую и «темную» молодежную субкультуру сегодня достаточно популярной как в Германии, так и в России.

Доминирование мужского начала в молодежных субкультурах современной Германии находит свое отражение и в лексике немецкого языка. Большая часть названий молодежных субкультур пришла в немецкий язык из английского языка. Некоторые англоязычные заимствования легко уживаются с типично-немецким «мужским» суффиксом «er» (Raver, Scater, реже – Raverin, Scaterin).

Но: Punk, Fussballfan → преимущественно обозначают лиц мужского пола. Для того, чтобы подчеркнуть гендерные различия, используются другие лингвистические средства: Punk–boy, Punk–girl, männliche Fans, weibliche Fans.

На наш взгляд, гендерное распределение ролей в молодежных субкультурах как в Германии, так и в России, напрямую связано с характером данной субкультуры. Чем меньше насилия, риска, криминала, тем больше представлена женская составляющая в данной молодежной субкультуре. И с другой стороны, молодежные

субкультуры с достаточно эмансипированным гендерным распределением ролей являются альтернативой для многих подростков и молодых людей, отрицающих жестокость и насилие.

А.В. Кругликова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ СЕМЬЕ

Как известно, гендерный аспект социологического знания о современном обществе находится в центре академических дискуссий, ведущихся во всем мире. Ни одна социально-экономическая проблема не может быть отражена адекватно вне этого угла зрения. В ряду наиболее важных и интересных исследований социально-экономического положения населения, находится проблематика распределения власти (ответственности) внутри домохозяйств и различного вклада мужчин и женщин в ресурсы семьи. Популярность этой проблематики (особенно на Западе) обусловлена практической задачей социальной политики (в частности, необходимостью, совершенствовать существующую систему социальной поддержки семьи).

Проблема главенства в семье рассматривается учеными с точки зрения, как управления, так и власти. Человек, который ответствен за расходование денег, не всегда тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет, и более того – не тот же самый, кто принимает решения, на что деньги должны быть потрачены с точки зрения стратегии развития домохозяйства.

Существующие объективные социокультурные различия и традиции накладывают свой отпечаток на распределение ролей и ответственности в семье в зависимости от типа сообщества (будь то государство, этнос или регион)[1].

Еще несколько десятилетий назад в традиционной немецкой семье мужчине отводилась роль добытчика и кормильца. Сейчас времена изменились. Мужчины в Германии не только стараются помогать

[1] Давыдова Н.М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность, 2000. № 4. С. 51.

своим женам в воспитании детей, но и даже охотно уходят в декретный отпуск[1]. И все благодаря новому закону, вступившему в силу с 1 января 2007 г. (Bundeselterngeld– und Elternzeitgesetz – BEEG)[2].

Германия прочно заняла одно из последних мест в мире по уровню рождаемости[3]. В 2009 г. в стране появилось 8,2 ребенка в расчете на 1000 жителей (для сравнения: в Ирландии на 1000 жителей пришлось 16,9 ребенка, во Франции – 13). Коэффициент рождаемости в Германии уже давно упал до 1,3 – столько детей приходится в среднем на каждую женщину. Для воспроизводства населения этого мало. Рождаемость в стране существенно ниже смертности (в первом полугодии 2009 года родилось 675 тысяч человек, а умерло 844 тысячи)[4].

Попытку затормозить падение рождаемости в стране предприняла Урсула фон дер Лейен (Ursula von der Leyen)[5]. Она настояла на введении нового вида пособия. Пособие появилось в начале 2007 г. и было названо Elterngeld, что дословно можно перевести как

---

[1] Хавронин А. Истории Запада и Востока. Мужчины в Германии уходят в декретный отпуск. Берлин, 2008 [электронный ресурс]: http:// www.svobodanews.ru

[2] Интернет-ресурс: www.de.wikipedia.org

[3]Auswaertiges–amt. Tatsachen über Deutschland. MEDIA CONSULTA Deutschland GmbH [электронный ресурс]: http://www.auswaertiges–amt.de

[4] Агаев В. В Германии родительские пособия не способствуют росту рождаемости. 2009 [электронный ресурс]: http://www.DW–World.de

[5] Урсула Гертруд фон дер Лейен. Род. 8 октября 1958, Брюссель. Немецкий политик и министр по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи при правительстве А. Меркель. Изучала экономику и медицину в университетах Геттинген, Мюнстер, Ганновер, в Английской школе экономики и в Стенфордском Университете. 1887–1992 – ассистент доктора в мед. университете Ганновера. Мать 7 детей, активно борется за предоставление возможностей женщинам растить детей и продвигаться по карьерной лестнице [электронный ресурс]: http://www.kindo.com

«родительское пособие». Его главная цель, по словам министра, помочь деньгами молодым работающим родителям среднего достатка.

Пособие выплачивается в течение года тому из родителей, кто оставит на это время работу. При этом размер родительского пособия составляет 67% от последней заработной платы (Nettolohn/Nettogehalt) (но не больше 1800 евро). Средняя месячная зарплата в Германии после выплаты налогов и страховок составляет около 1400 евро. Фактически, это ⅔ средней по Германии зарплаты. Родительское пособие не облагается налогами. Главная особенность этого пособия в том, что теперь в Германии правом на оплачиваемый декретный отпуск обладают как женщины, так и мужчины. Если молодой папа берет для этой цели минимум два месяца, то оплачиваемый отпуск (в расчете на обоих партнеров) увеличивается с 12 до 14 месяцев. Кто, когда и насколько уйдет в отпуск, – вправе решать сами родители.

В 2007 г., когда пособие только начали выплачивать, на свет появилось почти на 12 тысяч младенцев больше, чем в 2006 г. Это было первое заметное увеличение рождаемости в стране за 18 лет[1]. По данным специалистов института экономического анализа в Кёльне, благодаря пособию, в 2007 г. существенно сократилось число семей, претендующих на социальную помощь[2].

По мнению У. фон дер Лейен, государство должно показать родителям, что готово помочь им в решении всего комплекса проблем, связанных с воспитанием детей. Родители должны знать, что у них будет оплаченное государством время на занятия с детьми, а у самих детей будут и места в детских садах, и хорошие школы, где дети смогут провести весь день. Предприниматели тоже должны думать о демографии. Они должны создать в своих компаниях климат, помогающий родителям решать их задачи, связанные с воспитанием детей. Министр уверена, что предприниматели должны откликнуться, если хотят сохранить специалистов и думают о будущем страны.

---

[1] Хавронин А. Истории Запада и Востока. Мужчины в Германии уходят в декретный отпуск. Берлин, 2008 [электронный ресурс]: http://www.svobodanews.ru

[2] Агаев В. Указ. соч.

Немецкий женский совет (Deutscher Frauenrat)[1] настаивает на том, чтобы декретные отпуска по закону предоставлялись не только матерям, но и отцам. И не на три месяца, а на полгода как минимум.

Социолог Роберт Рихтер, один из соавторов книги «Справочник по отцовству», отмечает, что маленькие дети лучше развиваются, если их воспитанием занимаются оба родителя[2].

Хотя число отцов, уходящих в декрет, растет в Германии ежеквартально, все же немногие решаются на такой шаг. Ведь уйти в декретный отпуск – это означает потерять определенный круг знакомых, зарплату и порой даже карьеру. Руководители многих предприятий неохотно отпускают мужчин в декрет[3].

В консультационную службу по вопросам отцовства часто обращаются мужчины, которые хотят уйти в декрет, однако боятся при этом окончательно потерять работу. Около 70% предприятий в Германии ничего не предпринимают для того, чтобы мужчины могли спокойно уйти в отпуск по уходу за ребенком[4]. Работающим на государственных предприятиях в декретный отпуск уйти проще, так как руководство вынуждено учитывать правительственную демографическую политику[5]. Очень важно, «чтобы работник мог успешно совмещать работу с семьей. И руководитель каждого предприятия в Германии должен понимать это»[6].

---

[1] Немецкий Женский Совет – немецкая ассоциация женских организаций, объединяет свыше 50 федеральных женских обществ и организаций. Сюда относятся религиозные организации и союзы предпринимателей, женские партийные союзы, женские профсоюзы и спортивные объединения, кроме того не ограниченные принадлежностью к определенному вероисповеданию и внепартийные рабочие организации, выполняющие разнообразные социальные и политические задачи // Интернет-ресурс: www.de.wikipedia.org

[2] Алекс М. Пособие для родителей // «Neue Zeiten», 8/2008. № 86 [электронный ресурс]: http://www.rusverlag.de

[3] Deutschland. Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft. № 4 / 2007 [электронный ресурс]: http://www.magazine–deutschland.de

[4] Агаев В. Указ. соч.

[5] Deutschland. Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft…

[6] Алекс М. Указ. соч.

В настоящий момент в среднем почти каждый шестой молодой отец в Германии использует возможность остаться с ребенком как минимум на два месяца. Более 1000 евро «родительских денег» Elterngeld получают 16% матерей и 50% отцов. Так во втором квартале 2009 года средства на уход за детьми получили около 35 тысяч мужчин[1].

Таким образом, отмечается тенденция к перераспределению ролей в современной немецкой семье. Все больше молодых отцов стараются помогать своим женам в воспитании детей, и даже охотно уходят в декретный отпуск. Очевидно, что отношение к детям и родителям в Германии улучшается с каждым годом, и в будущем каждый из родителей сможет внести полноценный вклад в воспитание ребенка.

М.В. Золотухна,
Москва, Московский Государственный университет дизайна и технологии

МАТЕРИНСТВО VS ОТЦОВСТВО: СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ В США

Основной замысел автора – анализ главных тенденций в транформациях феномена родительства США и его гендерной составляющей. Речь идет преимущественноо среднем классе как главном генераторе новых веяний. Источники – статистические данные, материалы СМИ, художественные фильмы, обширная литература, и, наконец, собственный опыт включенного наблюдения на протяжении двадцати лет.

Восприятие детей. В 2007 г. в США родилось больше детей, чем когда-либо раньше – свыше 4,3 миллионов[2]; всего же на сегодняшний день в Америке насчитывается более 73 миллионов детей[3]. Как и принято утверждать во многих социологических и социально-антропологических работах, современные американцы в большинстве

---

[1] Хавронин А. Указ. соч.
[2] US Births to teen–age moms reach all–time high. Mike Stobbe // The Associated Press. March 18, 2009.
[3] Ibid.

своем убеждены, что именно рождение ребенка превращает супружескую пару в семью. Эта установка носит скорее метагендерный характер. Дети, с уверенностю смотрящие в будущее, счастливое детство – элементы «американской мечты», а возможность дать детям образование в надежде на то, что они будут жить лучше, чем родители, всегда являлась ее неотъемлемым элементом. Желание завести ребенка или детей воспринимается как абсолютно естественное – и далеко не всегда заслуживающее осознанной рефлексии, однако и не строго обязательное. Около 1% населения заявляют, что не хотят иметь детей вообще[1]. Гендерный аспект на данном этапе рассуждений не очевиден. По моим собственым наблюдениям, отношение к продолжению рода совершенно не обязательно привязано к полу.

Принципиальными моментами, которые определяют, будет ли родившийся малыш желанным и запланированным или неожиданным и даже не очень ожидаемым, является вопрос ресурсов и личной ответственности, которая с позиции общепринятой морали в идеале ложится на обоих родителей (правда – что совершенно принципиально – уже в некоторой независимости от биологического пола, что прекрасно видно по телевизионным сериалам общенациональных каналов). Наиболее общие показатели «готовности» – наличие стабильной работы у одного или обоих супругов и собственного (читай – ипотечного) жилья.

Расчеты на примерное содержание ребенка носят вполне конкретный характер: они включают и стоимость материального обеспечения ухода за ребенком (в зависимости от того, кто этим занимается), расходы на образование. Готовность супругов работать или не работать (и фактом не–работы экономить на оплате заботы о детях) – показатель ответственности и умения искать компромиссы.

Родительство больше не рассматривается в упрощенно-позитивных тонах – ведь только с серьезным подходом можно обеспечитьь счастливое и безоблачное детство. Конечно, американцы вдруг не «перестали» любить детей. и многие продолжали верить в то, что воспитание детей представляет собой приятный, веселый процесс;

---

[1] Rivas J.V. Gallup Poll: Over ½ Americans Believe Two Children is Ideal Number // Associated Content. June 29. 2007.

что дети всегда прелестны, очаровательны, забавны, улучшают отношения супружеской пары и обязательно вырастают хорошими, если получают хорошее воспитание хороших родителей. Просто и по отношению к родительству как к жизненному выбору, и усилиям, и к детству (во многом, результату оных) применяются высокие стандарты. А успешное, счастливое детство – залог успешного родительства, которое (особенно «профессиональное» материнство в современной идеологии) – социально значимое дело, сродни занятости в общественной сфере (по крайней мере, так принято считать значительной частью американского общества). Подоным образом (чаще – на уровне идеологии, реже – на практике) может трактоваться и отцовство.

Взаимоотношения родителей и детей в раннем детстве. Именно в этой связи безответственным считается само противопоставление материнства отцовству. Успешность взаимодействия каждого из родителей с ребенком – детьми и их взаимодействия друг с другом во многом определяется комфортностью ролей и их потенциальной взаимозаменяемостью.

На стадии беременности приоритетная роль матери компенсируется активным участием мужа в ожидании малыша (правда, ритуал «ждем первенца» (бэби шауэр – baby shower) иногда подразумевает участие не обоих родителей, а только жены). А вот присутствие мужа во время родоразрешения (в независимости от его формы) практически универсально – и как установка, и как практика.

Конечно, в большинстве случаев этап «вскармивания-выкармливания» в младенчестве – прерогатива жены (если, с 2–3 мес. оно не происходит в яслях). Однако и здесь отцы максимально ангажированы: сменяя жену после работы (логика проста – она работала весь день с ребенком, следовательно, отец сменяет ее на этой работе, или участвует, вставая ночью или чередуясь в утренние часы. Примечательна сама готовнсть супругов придумать оптимальную схему, гордиться ею или недовольствовать в том случае, если она не устраивает кого-либо из них. С точки зрения «обратной связи», т.е. предпочтения ребенком кого-либо из родителей, то и здесь приоритет матери не очевиден, эта тема не педалируется (а если подразумевается, то аккуратно).

Непосредственный контакт с детьми. Есть уходящие в прошлое гендерно обусловленные родительские символы – мать, качающая

ребенка на кресле-качалке. А вот папа, приучающий ребенка (теперь в независимости от пола) к спорту – папа-тренер – вполне актуален. Дежурство в детском саду – скорее мама, но и пап ждут; чтение на ночь- неспецифично, посещение врача традиционно ассоциируется с матерью, однако опять же вовсе не автоматически. Благодаря появлению в обществе новых стандартов, кажется, мужчины все чаще начинают испытывать чувство вины, если их собственное поведение не отвечает этим утвердившимся нормам. Отцы тем более склонны активнее заниматься детьми на публике – это модно и «правильно» и не является более требованием феминисток.

При расторжении брака оба родителя обычно бывают включены в воспитание: обычно ребенок (дети) проводят поочередно время в двух домах, разделяя свою повседневность между обоими родителями. Факт многочисленности таких примеров – иллюстрация новых социокультурных норм. И все же около 1,5 млн детей из неполных семей живут с отцами.

В том, какие ролевые модели предлагают родители детям – можно увидеть новые реалии: выборность ролей, их гибкость. Немало примеров и традиционного распределения ролей – но как результат сознательного выбора матери и отца, при существенном сближениии и взаимном дополнении материнских и отцовских ролей вплоть до их взаимозаменямости.

Раздел 12.
Особенности конструирования женской идентичности.

А.В. Кожикова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В сознании многих людей немецкая литература ассоциируется, прежде всего, с именами И.В. Гете, Ф. Шиллера, Э.Т.А. Гофмана, Ф. Кафки и других знаменитых писателей–мужчин. Имена немецких писательниц до сих пор остаются малоизвестными широкому кругу читателей, у многих складывается устойчивое впечатление, что до К. Вольф и А. Зегерс в Германии не было писательниц. Действительно, в Германии традиционно считалось, что жизнь женщины основывается на трех постулатах, ее удел – это церковь, дети и кухня, однако, это не говорит о том, что литературное творчество было сугубо мужским делом.

В истории немецкой литературы есть множество примеров, доказывающих, что женщины сыграли немаловажную роль в ее становлении и развитии. Уже в средневековой рыцарской лирике мы находим свидетельства первых робких шагов женщин в литературном творчестве. Так, в конце латинского любовного альбома, датируемого XII в., мы находим стихи, написанные неизвестной монахиней монаху Веринге ру из Тегернзе[1]. Эти простые незатейливые строки наполнены понятными всем любовными чувствами:

Du bist mein, ich bin dein.	Я с тобой, ты со мной.
Dessen kannst du ganz sicher sein.	Этому верь, друг мой!
Du bist verschlossen	Замкнулась дверца
In meinem Herzen:	Моего сердца,
Verloren ist das Schlüsselchen:	Потерян ключик – не найти:
Du must für immer drinnen bleiben.	Век ты будешь взаперти.

[1] Пуришев Б.И. Зарубежная литература средних веков. М., 1975. С. 87.

Пройдет несколько столетий, несколько литературных направлений сменят друг друга, и только в середине XVIII века, в эпоху сентиментализма, мы снова встретим упоминание о женщине, Софи фон Ла Рош (1731–1807), которая вошла в историю немецкой литературы как первая писательница, автор романа в письмах «История девицы фон Штернляйн» (1771), который трактовался как развлекательное чтение для женщин.

В научной литературе, репрезентирующей творчество первых женщин–писательниц, мы сталкиваемся с некоторыми стереотипами. Характерен интерес к личной стороне жизни женщины-автора. Очень часто под сомнение ставится ее творческая самостоятельность и усиленно подчеркивается роль именитых писателей-мужчин, оказавших на нее большое влияние.

Так, в биографии С. Фон Ла Рош мы находим сведения о том, что «эта получившая образование дочь врача некоторое время была обручена со своим кузеном К.М. Виландом, благодаря которому были опубликованы ее произведения, сломавшие стереотипные представления о традиционных семейных и любовных романах XVIII в.» Упоминается также факт знакомства писательницы с Гете, «который очень ценил ее и ее дочь, ставшую впоследствии матерью знаменитого Брентано»[1].

Нельзя недооценивать роль женщин в популяризации произведений ранних романтиков, которые впервые зачитывались и обсуждались на вечерах в так называемых литературных салонах в Берлине в начале XIX в. Инициатором создания таких салонов выступила Рахель Варнхаген (1771 – 1833). Активное участие в дискуссиях принимали жены братьев Шлегель, Каролина и Доротея. Спустя несколько лет на суд общественности представила свои произведения под псевдонимом Тион Каролина фон Гюндерроде (1780–1833). Ее подруга, Беттина фон Арним, сестра Клеменса Брентано, опубликовала в 1835 г. «Переписку Гете с ребенком». Ее произведения, например, «Эта книга принадлежит королю» (1843), носят ярко выраженный политический характер, в них она требует от

[1] Baumann B. Oberle B. Deutsche Literatur in Epochen. Ismaning, 1996. S. 74.

прусского короля политической свободы и отмены королевских привилегий. Все это свидетельствует о том, что женское литературное творчество принимает, наконец, легитимный характер. Женщины заявляют во весь голос о своем праве на литературную деятельность.

О трудностях и проблемах женщин XIX в., которые все еще ограничены в своей свободе, писала известная поэтесса эпохи бидермайера Аннете фон Дросте-Хюльсхоф (1797–1848). В стихотворении «У башни» она сетует на то, что она не мужчина, а потому должна чинно сидеть дома подобно послушному ребенку:

Wär ich ein Mann doch mindestens nur,
So würde der Himmel mir raten;
Nun muss ich sitzen so fein und klar,
Gleich einem artigen Kinde,
Und darf nur heimlich lösen mein Haar
Und lassen es flattern im Winde![1]

Немецкие литературные критики подчеркивают своеобразие стиля поэтессы, в котором переплелись краски, звуки и эмоции. При этом они отмечают, что большая часть ее стихотворений написана под влиянием Левина Шюкинга, с которым Аннете связывали любовные отношения, которые закончились разрывом, тяжело переживаемым поэтессой.

Незадолго до начала первой мировой войны известным в Германии становится имя поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер (1869 – 1945), которая была знакома со многими художниками и писателями–экспрессионистами и принимала активное участие в выпуске журнала «Шторм». Наряду с мужчинами-поэтами она выступала со своими провокационными стихотворениями в «Неопатетическом кабаре», месте встречи литературного авангарда того времени. Тем самым она стремилась разрушить стену, разделявшую писателей и публику и также доказать право женщин быть среди писателей-мужчин.

Международное признание получила немецкая писательница Анна Зегерс (1900 – 1983), которая, находясь в годы второй мировой войны в изгнании в Мексике, сумела представить реалистичную картину

[1] Ibid.

гитлеровской Германии в романе «Седьмой крест»(1942). Несмотря на то, что роман написан женщиной, главный герой этого произведения – мужчина, коммунист Гейслер, которому удается побег из немецкого концлагеря.

В послевоенные годы в ФРГ появляется целая плеяда женщин–авторов, писавших специально для женщин. Центральной темой феминистских произведений Верены Штефан, Карин Штрук, Гизелы Эльснер стала проблема дискриминации женщин в современном обществе. В романе «Мать» (1975) К. Штрук рассказывает от первого лица о трудной роли жены, матери и художницы: «Wer nie putzen musste, weiss von nichts. Das Kind spielt nur. Das Mädchen lernt nur. Die Studentin liest nur. Die Schriftstellerin schreibt nur. Die Mutter ist ein einziges grosses Nur.»[1] («Тот, кому никогда не приходилось убирать, ни о чем не ведает. Ребенок только играет. Девочка только учится. Студентка только читает. Писательница только пишет. Мать – это одно единственное великое Только» – *перевод Кожиковой А.В.*).

С одной стороны, воспользовавшись возросшим интересом к дебатам на феминистские темы, немецкий книжный рынок получил неплохую выгоду от публикации такого рода произведений. С другой стороны, он же дал шанс несправедливо забытым произведениям писательниц прежних эпох быть прочитанными вновь, быть оцененными свежим взглядом.

В 1969 году Ингеборг Древиц написала биографию Беттины фон Арним. Новые трактовки женских судеб периода классицизма и романтизма представили Карин Решке («Verfolgte des Glücks. Findebuch der Henriette Vogel», 1982), Зигрид Дамм («Cornelia Goethe», 1985) и Карола Штерн («Ich möchte mir Flügel wünschen. Das Leben der Dororhea Schlegel», 1990).

В наши дни писательницы–женщины стали неотъемлемой частью немецкой литературы. Их творчество отмечено престижными литературными премиями. Среди них Шарлотта Кернер, поднимающая в своих произведениях проблемы генной технологии и клонирования людей; Корнелия Функе, автор более 40 детских книг, названная в 2005 г. на страницах журнала «Таймс» «самой влиятельной немкой в мире», которая прежде чем стать писательницей была социальным

[1] Struck K. Die Mutter. Berlin, 1975. S. 43.

работником и занималась проблемами детей-инвалидов; и, конечно, Герта Мюллер, автор стихов, прозы, эссе, лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 г. с формулировкой «с сосредоточенностью в поэзии и искренностью в прозе описывает жизнь обездоленных».

Серьезность женского творчества в Германии уже давно не ставится под сомнение. Признание исторической роли женщин–писательниц стало одним из факторов переосмысления всего немецкого литературного процесса.

Gouri Nilakantan Mehta,
JNU University, India

FEMINIST DIRECTIONS IN INDIAN THEATRE: A STUDY OF FEMALE DIRECTORS OF INDIA

Subjectivities and human agency within work conditions are constructed by powerful cultural and historical forces. Individuals are thus constrained and created within set parameters rather than being free in their occupation. We have to thus rethink about the self– attitude of individuals and we need to turn our attention towards exploring the social conditions of knowledge production and work. My paper proposes to study the role of the individual female self in motivating and changing her social conditions of career choice and attitude of others towards it hereby creating a new knowledge production. For this purpose, I propose to study female theatre directors of India and explore their feministic intakes in their occupations.

The power of “aesthetic resistance”, to subvert, to demolish dominant cultural frames, is far greater than the power of “politics of resistance”, the tremendous psychological strength that it generates is unbelievable–something, that is so essential to the “being” of women[1].

I argue that "aesthetic resistance" by Indian women in performing arts to existing work norms and patterns is a clear indication to presence of the "being" of the women. This aesthetic resistance and its consequent impact have to be realized in defined social settings. Cultural production and subsequently human action in it and its conditions within the society can be

[1] Chakraborthy. P. 96.

therefore seen in diverse ways and are capable of multiple readings. In this thinking internal desire, roles of individuals, the social body and its conditions of occupation and self motivations within it are observable dimensions of culture.

This can be best seen by the study of Indian women theatre directors. Women directors in India are fighting not only against the difficulties of attempting non–traditional work, but also determining the fabric of their own social conditioning towards it. Directing is a non–traditional occupation for women in theatre. A director is responsible for the artistic vision and coherence of the production. It is a role which is inherently powerful. A director is a leader and society has been slow to see women as natural leaders or holders of authority and hence Indian female directors are facing several restrictions. According to Michelene Wandor, "the traditional notion of the male artist allows him to combine the two extremes of 'hard' and 'soft' qualities, but it has been less easy for women to do so, since female artistic authority is rarely seen in public."[1]

Directors in India like Anamika Haksar, Amal Allana, Tripurari Sharma and Aditi Desai are refocusing on social codes of masculinity and being female and are challenging the work conditions that have been long imposed on them. For example in Amal Allana's *Mother Courage* we see the actor Manohar Singh playing the female protagonist, Mother Courage. Amal in this production questions what constitutes to be female and how answers to break down stereotypes in gender roles in acting. Tripurari Sharma has worked extensively with marginalized groups such as women and children. Her first play *Bahu* centered on the lives of women, it was unconventional and not linear and it was an intimate way of revealing and connecting the lives of women audiences and sharing their perspective with the world.

Thus gender roles in artistic occupations are being re–conceptualized and the questions of agency operating in theatre are being reexamined today. Power, status and authority in gender relations in theatre direction needs to be given a new focus and detailed study of it is much needed. The whole gamut of power and artistic authority in career choices needs to be restudied. Foucault, the famous French philosopher remarks, "power works by producing impure subjects, they are always also the elements of its

---

[1] Wandor M. P. 109.

articulation"[1]. Power, therefore is a part of the social process and is shaped by cultural and historical processes that are a collection of many fragments that collide and intersect with each other. The Foucaldian model of human subjectivity and Bio power can fit to explain how feminist directions take place in theatre occupation. Human power and in this case female power cannot be undermined.

Directing is a task which requires qualities that are usually associated with both masculine and feminine modes of behavior. Wandor says "the traditional notion of the male artist allows him to combine the two extremes of 'hard' and 'soft' qualities, but it has been less easy for women to do so, since female artistic authority is rarely seen in public".[2] One way to explain this would be the focus of women in traditional work models such as child rearing and domesticity. Sherry Ortner realizes that the involvement of women with reproduction limit women's social functioning in society and this in one way can explain the problems of female artistic authority in theatre in India.

Since women are still expected to demonstrate traditional gender–defined qualities, women directors encounter difficulty in gaining acceptance. They confront these set and rigid attitudes when they take control of decision making in their work conditions. For instance, Women directors in India are judged as a category of women, while their male counterparts are accepted as individuals. However interpersonal relationships between men and women are not the only factor that determines the workings of female artistic authority. Authority and power of the women have to be studied in connections within multiple contexts. According to Irene Gedelof, "women's multiplicity can be referred back, not only to morphology of the female body, but also/rather to the ways in which the female, the feminine 'woman' and 'women' circulate across and between the discourses, practices and institutions that produce gender, race, nation and community"[3].

Resistance of any group to existing occupation patterns has also to move beyond the individual and has to be studied in the light of the individual's relations to others. Foucault, correctly remarks "resistance

---

[1] Foucault M. History of Sexuality P. 93–94.
[2] Wandor M. Op. cit. P. 109.
[3] Gedelof I. P. 93.

appears in mobile and transitory forms of temporary unities and regroupings, in which even individuals' relationships to their bodies and identities are in a process of flux"[1]. The director in theatre creates a space where the artists all collaborate to present a final multi–dimensional product. The space becomes the seat of dialogues and practices between several people who manage the artistic product, the lighting designer, set designer, actors and ultimately the audiences both male and female. The female director's authority has to be studied within these multiple contexts and in relationships with many others both men and women. According to Tanika Sarkar, "extended domestic, feminine ritual into the world of men and public affairs (of the women caused)… a mingling of male and female spaces and practices. The sharing mingling opened up possibilities for the reordering of gender relations"[2].

However the individuality of the female director cannot be underdetermined. Directing a theatre production is an exercise in managing an artistic project and while it is a collaborative exercise, directors are unanimously responsible as being overall for making its artistic choices and decisions. It is the singular focus and guidance that directors have over a production that lends them their invisibility. Female authority in theatre hence has to be also studied in the role of the individual agency and practical self action that questions subjective emotions such as shame and honor. "Reflexive sociology" of Bourdieu can best explain the individual functional process of female directors. The given model of involvement and internal desire can be seen in the idea of practice and functionality of women directors in individualistic work styles. Bourdieu describes this as habitus, they are the empirical tendencies to act in a particular manner. According to him, habitus is "…systems of durable, transposable dispositions, structured structures predisposed to function as structuring structures, that is, as principles and structuring of practices"[3].

They are thus the motivations, preferences, tastes and emotions of an individual. The internal habitus of the female director in theatre therefore motivates her to function in particular way or fashion. She thus reacts as an individual of her own self– right and produces practical results within her set

---

[1] Foucault M. Op. cit. P. 96.
[2] Sarkar T. P. 2014.
[3] Bourdieu 1977:72

orientations, attitudes and notions of work conditions. Family and school play a crucial role in the allocation of habitus, which can be well observed in the working of several female directors who come from families that have been involved in theatre as in the case of Amal Allana, Aditi Desai Kirti Jain etc.

My paper will find new ways of exploring gender relations in artistic authority and power and subsequently in the working style and occupational conditions of female directors in theatre today. The workings and the functionality of female directors in India thus is much needed field of study and analysis. It is hoped that this paper will be able to carve new idioms in theatre research and will reach out to new challenges in the way that females have been perceived in aesthetic genres of India.

О.Н. Павлова,
Москва, Национальный институт им. Екатерины Великой

ИНТРАПСИХИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

В современном мире понимание как научное, так и просто человеческое, бытовое «женского» по-прежнему в крайней степени затруднено в силу неанонсированности в культуре особенностей экзистенциального собственного содержания женской самоидентичности. Традиционный консервативный стереотип «женского» патриархальной системы отживает свои «последние дни», и в то же время современные модели существования «деловой женщины» с акцентом на «унисекс», не находят всеобщего одобрения и признания. Именно поэтому можно говорить о том, что проблема женской идентичности сегодня стоит остро и в науке, и в культуре и в социуме вообще. Причин для «моды» на разговор о «женском» много, но основной горячей точкой, эпицентром проблемы является то, что сегодня мы живем в эпоху кризисных трансформаций женской идентичности, и в современном мире наблюдаются все основные составляющие этого кризиса.

Когда идет разговор о кризисных изменениях в женской идентичности, мы пытаемся провести аналогию с кризисом

идентичности в подростковом возрасте[1], имея ввиду тот самый важный момент становления, когда личность человека испытывает, и довольно длительно, очень сложные и болезненные трансформации, которые в норме должны привести этого индивидуума к взрослому состоянию, характеризующемуся, в отличие от детского зависимого способа жить, автономностью, независимостью собственного существования, выраженному в способностях заботиться о себе самому, а так же о других, самостоятельно благополучно жить как в физическом, так и в психическом плане[2], Точно так же как и на подростковом этапе это может пройти (в соответствии с определенными условиями, как внешними социальными, так и внутрипсихологически обусловленными) успешно, а в некоторых случаях кризис заканчивается провалом, и личность не может в силу своего нездоровья, откатываясь к старым детским регрессивным позициям, стать полноценным членом общества. Можно предположить, что женская личность в филогенезе, подобно личности в онтогенезе, росла и «взрослела» из «детских», инфантильных зависимых от мужской личности форм к своему конечному состоянию сформированности в качестве целостной и интегрированной автономной единицы. Поэтому сегодня мы наблюдаем высокую и всевозрастающую женскую активность в социуме, вытесняющую мужчин из их исторически сложившихся сфер деятельности, переходящую все чаще и чаще в наступательную (если не сказать завоевательную) агрессию, сопровождающуюся чрезвычайно высоким тревожным фоном, на почве которого произрастают всевозможные психические расстройства: фобии, депрессии и т.д., а так же анормальную сексуальность и гипертрофированную самостоятельность женщин. Обратная сторона этой медали – все это социально наблюдаемое внешнее поведение, глубинные корни которого, как мы предполагаем, уходят в кризисные трансформации, происходящие во внутрипсихическом поле идентичности современных женщин, сильно напоминающие поведение подростков по отношению к своим родителям в соответствующий этап. Женщина эволюционно

---

[1] О нем впервые начал говорить Э. Эриксон.

[2] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996.

«выросла» и пытается «освободиться» от взрастившего ее мужского контура, в котором она «вызрела», как ребенок от материнской опеки, стремящийся ощутить себя личностью, а не частью и продолжением своих родителей. Здесь стоит отметить так же сопротивление этим процессам «мужской среды», как в случае подростковых перемен в семье со стороны родителей (и даже тех, кто настроен на своего ребенка и готов к изменениям). Именно эти, предполагаемые мной женские филогенетические эволюционные трансформации приводят к обострениям во внешнем плане, повышая конфликтность в отношениях «мужчина – женщина», обостряя обстановку в социуме и создавая серьезные последствия для цивилизации в целом.

В качестве критериев кризиса современной женской идентичности можно предложить следующие шесть основных ключевых пунктов, которые были выделены мной по аналогии с критериями переломного подросткового этапа в формировании личности.

Критерий 1. Диффузность женской идентичности. Сегодня, имея достаточный научный базис и инструментарий, обладая большим накопленным за столетия информационным капиталом, мы все равно по-прежнему можем констатировать факт неопределенности, размытости в определении и понимании женской идентичности.

Критерий 2. Размывание границ между полами. Современная сексуальность обусловлена процессом размывания границ полов и формирования так называемого «третьего пола», «унисекс», соединяющего в себе мужское и женское начало. Например, духи и одежда стиля «унисекс», активно разрабатывающиеся ведущими модельерами, которые можно носить вне зависимости от физического пола, пользуются большим спросом. В этом ситуация с женским и мужским очень похожа на неопределенность в половой ориентации в подростковый период, в данном возрасте порой бывает трудно определить какого пола этот подросток – не мальчик и не девочка, или и мальчик, и девочка.

Критерий 3. Разрушение магически-мифологической структуры мира женской идентичности. В патриархальном сообществе женское бытовое существование столетиями было обусловлено традициями и обычаями, передававшимися из поколения в поколение и свято соблюдавшимися. Женская сущность существовала на почве этого мифическо – магического пространства, структурно опираясь на него и обуславливаясь им. Жизнь женщины была предельно

ритуализирована: святочные гадания, свадебные обряды. Каждый возрастной интервал в жизни русской женщины заканчивался своеобразной мини-инициацией и сопровождался обязательными по этому случаю событиями. В день отлучения девочки от груди перед ней раскладывали веретено, пяльцы, челнок и разрешали ей взять любой из этих предметов, символизировавших женское начало: к какому из этих предметов девочка потянется рукой, в том деле и будет особенно искусна. В 7 лет волосы девочки заплетали в косу, а поверх рубахи надевали сарафан. Этот ритуал отмечал новый этап в ее жизни: теперь она принадлежала к женскому сообществу и под руководством матери начинала готовиться к роли «доброй жены»[1].

Отметим, что в подростковом возрасте детям очень характерно обсессивно-компульсивное устройство их мира, магичность подросткового мышления создает сонмы ритуалов и суеверий. Отживание патриархальной системы приводит к разрушению старых традиций женского бытия, предлагаемые новые «обычаи» жизни деловой женщины, равной мужчине, способствуют нарастанию и преобладанию нарциссических репрезентаций в личности.

Критерий 4. Нарастание нарциссических тенденций. Стремление к нарциссическим ценностям (слава, власть, богатство) и девальвация объектных ценностей (семья, дом (хозяйство), дети, любовь), наблюдающееся как повсеместно всевозрастающая в современном цивилизованном обществе, ставит перед женщиной определенные культурно обусловленные цели и идеалы, к которым она должна стремиться и которым она должна соответствовать. Усиление нарциссических тенденций, проявляющее себя в стремлении к нарциссическим ценностям взамен эмоциональных – предпочтение объектов душевного мира объектам материального, приводит к формированию искаженного (патологического) внутреннего объекта женственности, оторванного от реальных женских целей и предназначений. Все о чем мечтает такая больше королева, чем реальная женщина, выглядит в крайней степени совершенно, по-царски дорого, роскошно и благородно. Основные вектора относительно, которых выстроен идеал женского «Я», к которому она

[1] Шангина И. И. Русские девушки. СПб., 2007. С. 9.

стремится – респектабельность, совершенство, элегантность, элитарность, эмоциональная закрытость.

Критерий 5. Борьба за автономность и независимость. Повышенная потребность в автономии и независимости, борьба за личностную свободу и самоопределение фактически сегодня имеет утрированные формы своего выражения и в большей степени похоже на протест. Феминизм и женское движение в основном могут быть восприняты посторонним наблюдателем как освободительная война, направленная на противостояние многовековому мужскому «засилью» и «геноциду»[1], а также на огульное отрицание всего «мужского». Конечно же, неоспоримым фактом является ситуация, при которой всю историю женщина находилась во власти мужчины[2]. Используем цитату из Михаэля Гюнтера, который в своей статье о подростковой идентичности ссылается на миф о Нарциссе в целях интерпретации происходящих в подростковый период изменений. «Эхо была обречена Юноной повторять лишь окончания фраз без возможности что-либо сказать самой. Таким образом, тема Эхо – быть отзвуком, не способным развить свою собственную идентичность»[3]. В свете обсуждающегося подобия процессов, имеющих место в подростковой и женской идентичностях, может быть можно было бы экстраполировать идею М. Гюнтера и сделать некоторое предположение о том, что женщина, как и нимфа Эхо, исторически не имела своей идентичности, являясь всего лишь «частью», «продолжением» мужчины, как в физическом, так и в психическом плане. Неоспоримые факты, которые дают нам возможность выдвинуть эту гипотезу, зафиксированы исторически как минимум в двух «краеугольных камнях» культуры двух различных эпох, разделенных достаточно большим временным интервалом – античном Домострое Ксенофонта и древнерусском варианте Сильвестра.

---

[1] Точнее женоциду.

[2] Здесь намеренно опускается предположение о матриархате И. Бахофена в силу научной недоказанности этой теории.

[3] Гюнтер М. «Если он не узнает себя» – любовные отношения и отношения в обществе в позднем подростковом периоде [электронный ресурс]: http://www.psychoanalyse.ru, 2007

Критерий 6. Манифестирующая и первезная сексуальность. Современные женщины стремятся и создают для себя идеалы, наполненные сексуальными стимулами, которые не воспринимаются мужчинами как вызывающие у них сексуальный отклик, скорее пугая их. Соблазн современной женщины оказывается по своей сути направленным в «никуда».

С.Л. Алмазова,
Екатеринбург, Институт специального образования
Уральского государственного педагогического университета

ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

Гендерные стереотипы как социально и культурно обусловленные представления о качествах и особенностях поведения, общения, занимаемом статусе, интересах, желаниях представителей мужского и женского полов являются одними из самых значимых среди других социальных стереотипов и влияют на общественное и индивидуальное самосознание. Вопросы пола, взаимоотношений мужчин и женщин, роли в обществе представителей того и другого полов, иерархии полов рассматриваются различными науками: философией, историей, политологией, культурологией, социологией, психологией.

О влиянии гендерного фактора на различные сферы жизни общества говорится в трудах А. Адлера, Т.В. Бендас[1], Н. Бердяева, Ш. Берна[2], Платона, З. Фрейда[3], Э. Фромма и др. Проблема фемининности, осмысления роли женщин в политической, культурной, социальной, семейной жизни рассматривалась такими учёными, как К. Гиллиган, Д. Майерс[4], Н. Ходоров, К. Хорни[5] и др.

Изучая гендерные стереотипы, можно выделить их традиционные (вневременные, вечные, не поддающиеся изменениям) и

[1] Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб., 2005.
[2] Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2002.
[3] Фрейд З. Психоанализ и теория сексуальности. СПб., 2000.
[4] Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2002.
[5] Хорни К. Женская психология. СПб., 1993.

современные (зависящие от конкретного исторического периода, политического строя, культуры страны и др.) показатели.

Традиционно мужественность и женственность жёстко поляризовались. Разделение мужского и женского начал всегда строилось по таким основаниям, как субъект-объект, сила-слабость, активность-пассивность, жесткость–мягкость, инструментальность-экспрессивность, изменчивость–наследственность и т.п.

Тенденции современности связаны с ослаблением поляризации гендерных стереотипов, развитием андрогинности, взаимопроникновением маскулинности в феминнинность и наоборот: «маскулинизация женщин» и «феминизация мужчин», «ломка» стереотипов, идеалов.

И.С. Кон говорит об исторической традиционной русской культуре, которая всегда была противоречива: жёсткий патриархат сочетался с фемининным национальным характером и синдромом «сильной женщины»[1]. В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша отмечают, что традиционные, исторически сложившиеся стереотипы отводят женщине подчинённую, обслуживающую роль, а современность часто опровергает эти устоявшиеся стереотипы, особенно относительно неспособности женщин выполнять функции руководителей и занимать достойное место в деловом «мужском» мире[2]. Р.Г. Яновский, А.И. Перминова, Т.А. Мельникова в один ряд по значимости ставят женский и социальный вопросы[3].

Большинство философов и психологов высказывают точку зрения об изначальной ущербности женского пола по сравнению с мужским. Платон в произведении «Республика» писал, что женщина может принимать участие во всех делах, но она во всём немощнее мужчины. О. Вейнингер говорил о женщине как о «низшем типе»[4]. Е. Маккоби и

---

[1] Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 29–41.

[2] Куницына В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / Сост. В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. СПб., 2001.

[3] Яновский Р.Г. Женщина и общество в России // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 173 –176.

[4] Вейнингер О. Пол и характер. М., 1999.

К. Джеклин пишут, что один из самых «прозрачных» стереотипов полоролевого поведения связан с зависимостью женщин[1].

Но тенденции последующего развития общества привели к изменению положения женщин в мире. Ю.В. Гаврилов и А.А. Меренков говорят, что разделение труда по половому признаку, которое возникло ещё на начальных этапах истории человечества и в какой-то мере сохраняющееся и сейчас, привело к уменьшению доли тяжёлого ручного труда и возрастанию удельного веса умственного, что активно включило в материальное производство и во все сферы деятельности женщин[2]. Постепенно в истории «женского вопроса» появились тенденции к изменениям. Здесь можно говорить о феминизме, эмансипации, амазонках.

Исследователи фемининности выделяют различные женские роли, идентичности. Традиционно сущность женщины на основе её способности к деторождению приравнивалась к сущности матери, далее появляются образы женщин – воинов, революционерок, общественниц, учёных, чиновников, «бизнес-леди» и др.[3]

Во многих исследованиях, носящих экономическую направленность, поднимаются вопросы о положении женщин в современном материальном мире (Л. Дегтярь[4], Е. Мезенцева[5] и др.). Исследования показывают, что, несмотря на все изменения, отношение к женщине в основном осталось традиционным. На рынке труда женщины остаются объектами дискриминации. Исследования в области гендерной экономики задевают вопросы домашнего труда женщин и его отнесения к трудовой или досуговой деятельности;

---

[1] Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 167–181.

[2] Гаврилов Ю.В. Ребёнок и сексуальная культура: учебное пособие / Ю.В. Гаврилов, А.В Меренков. Екатеринбург, 1993.

[3] Самарина О. Социальная защита женщин и семейная политика в современной России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 131–136.

[4] Дегтярь Л. Процесс трансформации и положение женщин // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 66–73.

[5] Мезенцева Е. Гендерная экономика: Теоретические подходы // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 54–65.

оплата женского труда составляет 3/4 мужской, что говорит о патриархальности взглядов на роль женщины в обществе; в социальной политике, образовании и здравоохранении происходят отрицательные для женщин изменения: сокращение сети детских учреждений, сферы бытовых услуг; возникает ролевой конфликт, чувство вины у работающей женщины[1]. Ш. Берн использует понятие «стеклянный потолок», предложенное Л. Мартин, которое обозначает искусственно создаваемые барьеры для женщин, основанные на различных предрассудках[2].

Ю.Е. Алёшина и А.С. Волович анализируют проблему совмещения традиционно женских и профессиональных ролей, их иерархиях и часто –противопоставлении в сравнении с приравниванием данных ролей у мужчин[3]. Поэтому воспитание в женщине традиционных и современных качеств даёт повод говорить о «маскулинизации» женского пола.

Таким образом, традиционные и современные взгляды смешиваются, к современным женщинам предъявляется много требований, часто – противоречивых, что приводит к ролевым перегрузке или конфликту, вызывает чувство вины у работающих женщин, иногда заставляющее их сделать выбор той или другой роли. Модернизация гендерных стереотипов привела к ряду противоречий в отношении представительниц женского пола, в связи с этим необходимо осмыслить и проанализировать положительные и отрицательные стороны «ломки» стереотипов, развития андрогинности, проникновения женщин во все сферы жизни и деятельности общества, и в дальнейшем попытаться сделать выбор основных составляющих женственности.

Г.В. Вержибок,
Минск, Минский государственный лингвистический университет

---

[1] Гаврилица О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 65–70.
[2] Берн Ш. Указ.соч.
[3] Алёшина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–81.

ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОСТРОЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Вариативность социальных ситуаций влияет на процесс становления идентичности подрастающего поколения, которое, взрослея и социализируясь, пытается перенять всё многообразие существующих паттернов поведения и сформировать свою собственную идентичность. Трудности и противоречия взросления оказываются отправной точкой при самоопределении в социокультурном пространстве, самоутверждении, принятии себя и окружения (И.С. Кон, В.Н. Павленко, Н.Е. Харламенкова и др.). Важность изучения *гендерной идентичности* определяется положениями о том, что половой диморфизм относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции (Б.Г. Ананьев), Я-концепция полотипизирована и многокомпанентна, дифференцирована и иерархична (В.А. Ядов, Р. Бернс, У. Джемс и др.), идентификационный опыт индивидов является одной из базовых структур самосознания субъекта (М.В. Заковоротная, В.С. Мухина и др.) и играет важнейшую роль в процессе его психосоциального развития (А.В. Микляева, П.В. Румянцева, М. Мид, Э. Эриксон и др.), образуя внутренний мир человека как определенное взаимосоответствие тенденций и потенций (Б.Г. Ананьев), составляя в единстве гармонию индивидуальности (В.М. Бехтерев)[1].

Развитие личности представляет выстраивания «Я» относительно эталонных норм в процессе отождествления (идентификации), хотя В.А. Ядов разграничивает понятия *идентичности* как определенного состояния и *идентификации* как процесса, который ведет к данному состоянию. Идентичность функционально придает целостность,

---

[1] Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2002; Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4; Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты.Ростов/на-Дону, 1999; Микляева А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. СПб., 2008; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006.

непрерывность и определенность личности, обеспечивая сходство с одними людьми, категориями и отличия от других в социально-групповом пространстве на основе разграничений на «своих» и «не своих» (В.С. Агеев, Н.Л. Иванова, Х. Тайфель, Дж. Тернер и др.), лежит в основе внутриличностной согласованности всех аспектов «Я» и принятия собственного своеобразия (Н.В. Антонова, И.С. Кон, Э. Гидденс и др.) и регуляции поведения в соответствующих условиях[1]. Многоуровневая идентичность является частным случаем множественной идентичности, или множества идентичностей, где выделяются: этническая, профессиональная, гендерная, гражданская, расовая и др[2].

Существенным и значимым является изучение *гендерной идентичности* – осознание себя как представителя определенного пола, становление Я–концепции и Я-образа, ценностно-смысловых ориентиров и жизненных позиций, это базовая составляющая полоролевого воспитания. Гендерные исследования в аспекте изучения *идентичности* освещают проблему преобразования биологического различия субъектов в полоролевые формы субъектности и фокусируют внимание на социальных нормах, предписаниях и ролях, которые «делают» поведение субъекта маскулинным или феминным. Гендерная идентичность соотносится с половой дифференциацией (В.Е. Каган) и различиями полов (И.В. Грошев), социокультурными параметрами (И.С. Клецина), исследуется как сложный системный конструкт (Н.Н. Ожигова), как часть культуры (И.С. Кон) и более широкой схемы развития (Э. Эриксон), включая в себя не только ролевой и социальный аспекты, но и образ человека в целом. Обретение гендерной идентичности предполагает интегрирование различных гендерных ролей и создание целостного представления о себе как человеке того или другого пола в прошлом, настоящем и будущем[3].

---

[1] Иванова Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования: монография. Ярославль, 2001.

[2] Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003; Короленко Ц.П. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: монография. Новосибирск, 2007.

[3] Весна Е.Б. Гендерная вариативность образа мира личности:

Была исследована представленность «Я–концепции» на уровне ее базовой структуры – идентичности, выявление в ней устойчивых состояний и моментов перехода между ними при помощи алгоритмизированного варианта (Г.В. Вержибок) методики «Кто Я?» (М. Кун и Т. Макпартлэнд, модиф. Т.В. Румянцевой) и комплекса разработанных автором экспериментальных методик на примере студенческой молодежи (1587 чел., 17–24 года). Диспозиция модальностей «Я» (рефлексивное, гендерное, социальное, коммуникативное, перспективное) и идентификационных признаков (значимость, целостность, окрашенность) рассматривались как единицы анализа и согласованности структурных элементов «Я». По результатам обработки выявлено разнообразие и динамичность изучаемых компонентов.

При анализе «Персонального Я» в полной мере прослеживается поле *резервных* возможностей индивида (ярко выраженное «рефлексивное Я», достаточно стабильное «социальное Я», включающее многообразие ролевых позиций, и становление «гендерного Я» как интериоризация мужских/женских черт), отмечается включение достаточно полного и актуализированного потенциала при позитивно направленной тенденции принятия себя. Выявляются и *проблемные* задачи юношества («коммуникативное Я» и «перспективное Я»), зафиксированные при возрастных контекстах проявлений: данные параметры имеют наименьший удельный вес, наиболее выражены в 18–19 лет с тенденцией к снижению. Стремление к независимой и равноправной позиции в общении с разными группами (по полу – мужская, женская и смешанная группы, степени дистанцирования или включения во взаимодействие с Другими) соотносится с рассогласованием внутреннего «Я». При этом присутствует стабильность толерантного отношения (к другому поколению, полу, этносу, культуре), преобладание индивидуальных ценностей над социальными при постоянстве рассогласованности между «желаемым» и степенью «достижимости», установка на «настоящее» и «будущее» при снижении оценивания «прошлого», удовлетворенность семейной, образовательной и личной сферами.

монография. Петропавловск-Камчатский, 2009; Кон, И.С. Ребёнок и общество. М., 2003.

Наблюдается снижение значимости самооценки в соотнесении с идеальным вариантом: направленность на феминнные черты с достаточно высокой долей значимости мужских характеристик. Отмечается большая подверженность стереотипам у 1/3 юношей, снижение эмоциональной позитивности у девушек при высокой степени значимости оценивания. Акцентируются внутренние, личностные характеристики при расплывчатости оценивания внешних идентификационных признаков. Результаты свидетельствуют о расширении границ идентификационного пространства: неустойчивости представлений о себе и других, несформированности целостности «Я». Изменения обусловлены трансформацией гендерных стереотипов и модификацией нормативных канонов гендерного поведения.

Проведенное исследование подтверждает, что кризисные явления становления идентичности юношества выражены в слабой дифференцированности внешних и внутренних характеристик, рассогласовании идентификационных признаков. Ведь переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности возможен только при наличии рефлексии, а осознание времени связывает воедино представления человека о себе самом, появившиеся на различных этапах его жизненной истории. Признаком *зрелости* личности является оптимальное соотношение между направленностью в будущее, осмыслением прошлого, удовлетворенностью настоящим (К.А. Абульханова, Е.П. Белинская, Е.Б. Весна, А.А. Кроник и др.)[1]. Поведение изменяется тогда, когда изменяется представление о себе, а представление о себе изменяется тогда, когда модальности Я изменяют свое местоположение на шкале конструкта. До тех пор, пока диспозиция устойчива, константным будет и поведение.

После обработки данных стало возможным построение индивидуального профиля обследуемого (рис.1). Персональные показатели представленного варианта характеризуют практически

---

[1] Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: (проблемы, методологии, теории и исследования реальной личности). М., 1999; Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной Рос. М., 2001. С. 30–53.

преобладающее большинство ответов опрошенных, в связи с чем его можно считать неким шаблонным показателем сформированности и устойчивости идентичности в молодежной среде. Представленные данные позволяют утверждать, что построение подобной модели действительно возможно и позволяет описывать «Я–концепцию» как единство устойчивого и изменчивого, как интегрирующее личностное образование, способствующее согласованности действий и поведения. Обладая чертами проективных техник, предложенный вариант измерения и анализа идентичности представляет информацию в стандартном виде, что способствует ее одинаковой интерпретации специалистами разной квалификации.

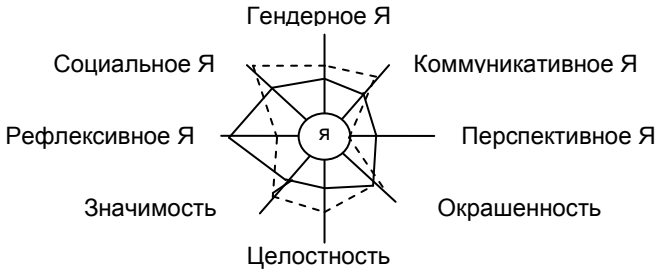

Рисунок 1. Матрица индивидуального профиля сформированности «Я» (пунктирная линия – индивидуальный вариант, сплошная линия – усредненный показатель для данной выборки).

Возможности гендерного подхода могут быть ориентированы на выявление факторов и границ гендерного консенсуса, *гендерная стратегия* с опорой на гибкие технологии проектирования способствует удовлетворению жизненно важных личных и социальных потребностей гендерных групп, в том числе, изменение стереотипов в отношении мужчин и женщин, динамику их статуса в обществе, формирование активной жизненной позиции, позволяет выйти на необходимый уровень рефлексии гендерных отношений (Г.С. Батыгин, В.А. Луков, В.А. Ядов и др.), рассматривать данную позицию как «превентивное, долгосрочное планирование сбалансированного социального развития» (С.Г. Айвазова, Е.В. Фофанова, Н.А. Шведова и

др.)[1]. Смысл молодежной активности сегодня представляется не как субкультурный «вызов» или «сопротивление» доминантной культуре или нормативным канонам, а как процесс конструирования себя, своей идентичности. Изучение *идентичности* как смыслового ядра жизненных позиций молодежи дает возможность выявить степень ее адаптации к новым социальным условиям и раскрыть ее инновационный потенциал.

Н.Ф. Сечко
Минск, Международный Гуманитарно-Экономический институт

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА

Картина жизненного пути создается посредством понимания своей индивидуальности, в том числе и как представителя определенного пола. Пол человека – естественная основа индивидуальности. По мнению И. Кона, бесполая личность – не что иное, как абстракция, т.к. пол – это комплекс репродуктивных, телесных, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мужчину или женщину[2]. Живущий в той или иной культуре человек соотносит свое поведение с присущими этой культуре стереотипами, стремясь соответствовать либо, напротив, не соответствовать им. А. Игли утверждает, что гендерные различия являются продуктами социальных ролей, которые поддерживают или подавляют в мужчинах и женщинах определённые варианты поведения. Отношения с миром, «Я – концепция», самооценка, также зависят и от формирования половой идентичности. Личностный смысл активизирует механизмы развития, формирует позитивное мироощущение и самоотношение, «чувство себя», оказывает влияние на успешность деятельности.

Особенности нашего поведения во многом зависят от социального контекста. Л. Колберг утверждает, что вся информация, касающаяся

---

[1] Фофанова К.В. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). Саратов, 2005; Шведова Н. Просто о сложном: гендерное просвещение. М., 2002.
[2] Кон И.С.Введение в сексологию. М., 2004.

гендерного поведения, кодируется, организуется и отражается в сознании в виде гендерных схем. Половая типизация – результат гендерно схематизированной переработки информации, связанной с понятиями «мужское» и «женское». В каждой культуре имеются представления о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы качеств и моделей поведения. Поэтому всегда и везде люди стараются поддерживать социально желательный образ «Я»: как для соответствия представлениям общества, так и собственному мнению о себе, однако следуют гендерным ролям в различной степени.

В процессе социализации важным фактором является учет половых различий, поскольку «почти все онтогенетические характеристики являются половозрастными, а первая категория, в которой ребенок осмысливает собственное «Я», – это половая принадлежность»[1]. Как отмечают В.Д. Еремеева и Т.П. Хризман, в процессе воспитания необходим учет возможностей раскрытия уникальных способностей, дарованных ребенку его полом[2]. Усвоение и принятие установок, связанных с выполнением гендерной роли, осуществляется в процессе первичной социализации и служит точкой отсчета в отношениях с представителями другого пола, однако, по мнению О. Вейнингера, «дифференциация полов и их разделение никогда не бывает совершенно законченной»[3].

На полноценное развитие личности, успешную социализацию большое влияние оказывают состав семьи и взаимоотношения в ней. Модели семейных отношений родителей часто становятся основой сценариев, на основании которых ребенок строит свои отношения с другими людьми[4]. Представления о половой роли служат точкой отсчета в отношениях с представителями другого пола. К. Юнг считал самыми значительными архетипами архетипы анимуса и анимы. Он

---

[1] Кон И.С. Указ. соч.

[2] Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2006.

[3] Вейнингер, О. Пол и характер. М., 1992.

[4] Хорни К. Женская психология. СПб., 1993.

писал, что «женщина с психологией, столь непохожей на мужскую, есть источник информации о вещах, недоступных мужчине»[1].

Рядом зарубежных и отечественных психологов изучались типологические особенности мужчин и женщин. Как показывают результаты исследований, высокофеминные женщины и высокомаскулинные мужчины несколько хуже справляются с несовпадающей с традиционными нормами полоролевой дифференциации деятельностью. Более богатый поведенческий репертуар у лиц, свободных от жесткой половой типизации[2].

Социальный прогресс, совместные обучение, работа, стирание границ между «мужскими» и «женскими» профессиями, демократизация отношений полов способствовали изменению нормативных представлений о мужских и женских половых ролях, а современный уклад жизни привел к возникновению новых психологических характеристик полов. Изменилось представление о возможностях мужчин и женщин. Происходит ломка системы половых ролей и культурных стереотипов, они стали менее полярными. Наблюдается тенденция маскулинизации женщин и феминизации мужчин. Жесткая нормативность сменяется индивидуальной вариабельностью. Индивид может одновременно иметь высокие показатели и по шкалам маскулинности, и феминности, лучше адаптирован в социуме. Это благоприятно сказывается на карьере, что особенно важно при работе в сфере отношений системы человек – человек.

С. Бем полагает, что андрогинные мужчины и женщины обладают более богатым поведенческим репертуаром и «гендерным дисплеем», более гибким мышлением, вбирают в себя лучшее из половых ролей, и предпочтительно быть андрогинным. Исследования В.М. Погольши показали, что с андрогинностью связаны успешность и личное влияние. Выявлена связь андрогинии с ситуативной гибкостью, самоуважением (Дж. Орловски), мотивацией к достижениям (Дж. Спенс, Р. Хелмрайч), хорошим исполнением родительской роли

---

[1] Юнг К.Психология бессознательного. М., 1994.

[2] Ильин Е.П. Указ.соч.

(Д. Баумринд), успешностью в учебе (Г.В. Вержибок), субъективным ощущением благополучия[1].

Фактически гендерные стереотипы – это характеристики статуса. Мужчинам в обществе предоставлены более широкие возможности для реализации: для них характерно доминантное поведение, высокостатусные роли, а для женщин – подчинённое. Лишь у незначительной части женщин выявлена тенденция к профессиональным достижениям; мужчины гораздо чаще ориентированы на профессиональную карьеру[2]. Исследованиями выявлено, что добившиеся высокого статусного положения в обществе женщины оказались более маскулинными. Также выявлена значительная связь между показателями маскулинности – феминности и профессиональными достижениями. Исследования В.М. Погольши показали, что с андрогинностью также связаны успешность и личное влияние[3]. М. Хорнер пришла к выводу, что тормозящим достижения женщин в любой сфере деятельности является страх успеха[4]. Оказалось, что образованные и высокоинтеллектуальные женщины имеют более выраженные маскулинные показатели, а у мужчин с художественными способностями более выражены феминные характеристики по сравнению с нормой[5].

Целью проведенного исследования явились типологические особенности студентов и мотивация к достижению успеха. Предполагалось, что мотивация достижения успеха окажется выше у лиц с андрогинным типом поведения. Для проверки предположения использованы методики «Гендерные роли» С. Бем и «МУН» (Мехрабиан). Объектом исследования явились 84 студента, девушки и юноши, в возрасте от 18 до 21 года, обучающиеся в МГЛУ.

Как показали результаты исследования, у 81% (68 чел.) представителей обоих полов преобладает андрогинность; фемининность выявлена у 14,3% (12 чел.), маскулинность – только у 4,7% (4 чел.). По методике МУН, мотивация достижения успеха

---

[1] Там же.
[2] Хорни К. Указ.соч.
[3] Там же.
[4] Ильин Е.П. Указ. соч.
[5] Кон И.С.Указ. соч.

представлена следующими показателями: высокий уровень достижения отмечен у 63% (53 чел.), недифференцированная мотивация – у 24% (20 чел.) и мотив избегания неудачи выявлен у 13% (11 чел.) студентов. Установлена статистически значимая связь (r=0,6) обратно пропорциональной направленности, т.е. чем выше андрогинность, тем выше степень мотивации на достижение успеха, что подтвердило правильность теоретических конструктов и исследовательских предположений других авторов.

Социализация молодого поколения является важным условием социальной стабильности, понимаемой как воспроизводство социальных структур, процессов и отношений в рамках определенной целостности самого общества. Гендерно-ролевая социализация является фактором воспитания личности и определяется как процесс, обусловленный знанием о многообразии проявлений мужского и женского во взаимодействии, о статусах, стереотипах и нормах, гендерных ролях и ценностях; отношением человека к своему «второму» полу; выработкой на основе ценностей и опыта деятельности в соответствии со статусом личности стиля гендерно – ролевого поведения при выполнении гражданских, семейных и профессиональных ролей. Это процесс самоопределения личности как субъекта своей деятельности, обладающего способностью выбора соответствующих паттернов поведения и поведенческих реакций.

Таким образом, у студентов–гуманитариев наблюдается тенденция сочетания как женских, так и мужских качеств. Выявленный андрогинный тип поведения является хорошим основанием для гибких поведенческих линий в соответствии с жизненными ситуациями, что важно для представителей профессий в сфере отношений человек-человек. Необходимостью становится обращение к этико-деонтологическим аспектам подготовки будущих специалистов психолого-педагогического профиля, формирования у них направленности на ценности профессиональной и личной самореализации Выводы проведенной работы имеют существенную значимость для разработки практических мер по внедрению гендерного подхода в образовании и достижению гендерного партнерства в социальном взаимодействии.

Т.П. Машихина,
Волгоград, Волгоградский институт бизнеса

ГЕНДЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

На протяжении всей истории человеческой мысли над ее попытками разгадать тайну человеческой натуры неизбывно тяготела диада: душа и тело, мозг и сознание. С возникновением науки о поведении диада сменилась триадой: организм – поведение – сознание (психика). Положение о триаде играет немаловажную роль в связи с тем, что человек – это продукт эволюции, имеющий выраженную систему побуждений и инстинктов; благодаря человеческому мозгу возможна их рефлексия и самоуправление; становление целостного «образа Я» целесообразно в соответствии с гендерными и индивидуальными особенностями девушки/юноши. «Отцом» науки о поведении, ученым, обозначившим первые контуры в учении о поведении, стал И.М. Сеченов. Активность организма в предметной внешней среде, с которой он неразлучен, выраженная в реальных действиях, получила название поведения.

Понятие о поведении позволяет объяснить интегральный характер жизненных проявлений, ибо, будучи особой активностью организма (а не бесплотного духа), оно способно реализовать ее в той предметной среде, где ему «приказано выжить». В этом смысле понятие «поведение» можно назвать междисциплинарным, так как оно включает и то, что присуще живому телу, и то, что присуще живой душе, но в то же время несводимо ни к одному, ни к другому. Поэтому, гармонизация поведения двух равноценных и равнозначных половин человечества (гендерное поведение) – одна из важнейших задач современного мирового сообщества.

Отличительными психологическими признаками «мужского» и «женского» поведения почти всегда оказываются не «природные», а социальные качества личности: групповой статус и связанные с ним отношения власти (доминирование/подчинение), исполняемые социальные роли (материнство/отцовство), уровень и вид социальной активности (активность/пассивность; профессиональная деятельность/домашняя работа) и т.д. Поэтому, зачастую гендерное поведение, а также понятия о гендерно-типичном и гендерно-атипичном поведении, формируются под влиянием гендерных стереотипов и гендерных ролей.

Традиционно роль женщины включает в себя роли матери, жены,

домашней хозяйки, хранительницы очага, работницы. Образ «настоящей женщины» включает успешность исполнения бытовой и репродуктивной функций, а женщины, не способные иметь детей, почти неизбежно чувствуют, что они не «настоящие» женщины. Более того, экстраординарное акцентирование культуры на том, что настоящая женщина сексуально привлекательна для мужчины, вынуждает огромное количество немолодых женщин беспокоиться о том, что их статус настоящей женщины исчезнет безнадежно и навсегда. Это заставляет женщин идти на чрезмерные траты времени, энергии и денег в погоне за красотой.

Гендерные роли конструируются социумом, поэтому каждое культурно-историческое сообщество по-своему определяет те специфические функции и роли, которые призваны выполнять мужчина и женщина. Т.е. «проявление в поступках, словах и жестах признаков, характерных для данного пола», в различных культурах заключают в себе противоположные по смыслу понятия, а социальные нормы и ценности существуют лишь постольку, поскольку существует группа людей, признающая их в качестве образца и ориентира деятельности. Следовательно и гендерно-типичное и гендерно-атипичное поведение являются культурно обусловленными.

Гендерные стереотипы достаточно часто зиждутся на предрассудках. Многие предрассудки относительно женщин в настоящее время, с одной стороны, ослабевают, с другой – появляются новые. Говоря об источниках предрассудков, прежде всего называют неравный статус: предрассудки помогают оправдывать экономическое и социальное превосходство тех, у кого в руках богатство и власть. Предрассудки и дискриминация находятся в отношениях взаимной поддержки: дискриминация поддерживает предрассудок, а предрассудок узаконивает дискриминацию[1].

Практически каждая культура обладает набором средств, позволяющих отметить и выделить как мужчину, так и женщину. Так, мальчика воспитывают одним образом, а девочку по-другому, поскольку от мужчины и от женщины ожидаются различные типы

---

[1] Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах //Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 179, 191, 190.

социального поведения.

На это заблуждение обращал внимание О. Вейнингер в начале прошлого столетия: «Как девочки, так и мальчики страдают под давлением всё уравнивающего воспитания... Необходимо, прежде всего, убедиться в ложности распространённого и поддерживаемого авторитетами мнения, что «среди женщин нет различий» и «кто знает одну – знает всех»... Этот ложный взгляд на одинаковость женщин происходит от того что каждый мужчина знакомится ближе всего преимущественно с одной группой женщин, которые, конечно, очень сходны между собой. Часто и от женщин приходится слышать, что «все мужчины на один лад». И это говорит только о том, каких именно мужчин знали эти женщины»[1].

Западные социологи выделяют три основные модели женского поведения: ориентация на дом (традиционная), на профессиональную карьеру, на секс[2].

С некоторыми отличиями все три модели мы имеем и в России, четвертую модель поведения женщины – строящей и карьеру, и семью в равных долях предложила Октябрьская революция – эта модель сохранялась на протяжении всего двадцатого века.

Модель жизни женщины первого типа на протяжении веков была наиболее традиционна и многочисленна. Ее распространенность обусловлена экономическими и социальными правилами и нормами жизни. Женщины второго и третьего типа осуждаются как мужчинами, привыкшими видеть их главным образом «у плиты», не желающими допустить конкуренции, так и женщинами, более ориентированными на первый тип поведения, большую часть времени уделяя дому в ожидании возвращения мужа с работы. Однако, как показывает практика, к женщине первого типа «в обязательном порядке» прилагается любовница – во-первых, подобный «стандарт» является одним из достаточно «старых» стереотипов, а во-вторых, в отсутствии рамок, удерживавших брак на протяжении веков (религия, возможность повторного брака только в крайнем случае, зачастую только после смерти одного из супругов, общественное мнение и т.д.),

---

[1] Вейнигер О. Пол и характер. Ростов н/Д., 1998. С. 24–25.

[2] Воронина О. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. С. 165–175.

от женщины, переставшей быть интересной, запросто можно уйти. А мужчин, интересующихся женщиной, предлагающей информацию только о семье, себе и детях, предстающей перед мужем в стандартной домашней одежде, увы не так уж и много. Однако несомненными достоинствами первой модели являются успешное способствование демографическому росту и сбалансированность воспитания подрастающего поколения.

Ситуация, когда женщина решает посвятить свою жизнь только работе, в России, как правило не так уж распространена (российские женщины достаточно сильно ориентированы на семью) и в первую очередь, связана с желанием женщины раскрыть свои творческие способности.

Третья модель поведения рассматривается как промежуточная, как цель выйти замуж за богатого человека. Четвертая модель женского поведения приживалась в России на протяжении всего двадцатого века и имела зачастую вид, приближенный то ко второй модели (тридцатые годы), то к первой модели (семидесятые годы). Изменению понимания семейных обязанностей мужчин и женщин способствовало равенство (не всегда реальное на практике, но официально провозглашенное в теории) в профессиональной, политической и общественной сферах[1]. В начале двадцать первого века преобладанию четвертой модели способствует изменение мировоззренческих установок и, соответственно, перераспределение хозяйственных обязанностей в семье в пользу мужа (в основном происходит у молодежи). Как правило, на сегодняшний день справедливое разделение домашнего труда более характерно для молодых семей, где супругам не более 24—25 лет, и для семей с уровнем образования не ниже среднего[2]. Кроме того, в настоящее

---

[1] Демкина Е. В. Гендерно–ролевая социализация личности студента в вузе как фактор профессионального воспитания будущего специалиста. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». №3(4). Октябрь 2009 [Электронный ресурс]: www.grani.vspu.ru

[2] Кругликова Г.Г., Хлевнова А. В. Гендерная роль женщины в семье. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». №3(4). Октябрь 2009 [Электронный ресурс]:

время наблюдается отход мужчин и женщин от выполнения строго дифференцированных по признаку пола социальных ролей – достаточно новым для России, но заслуживающим внимания явлением становится выполнение отцами роли воспитателя собственных детей и не только в условиях, когда жена имеет высокооплачиваемую работу.

В связи с демографическим кризисом в стране в последнее время вернулась активная пропаганда (особенно в средствах массовой информации, например, сериал «Воронины», передача «Давай поженимся») первой модели поведения женщины под лозунгом «женщины только для кухни, семьи и постели» и не приветствуются качества, связанные с независимостью женщины, ее активностью, стремлением совмещать и карьеру, и семью, ее требовательностью не номинального участия мужчины в семейных делах. Однако подобное искусственное насаждение лишь усиливает и так глубокое социальное противоречие между значимой ролью, которую играют женщины в обществе, их высокой активностью в различных социальных сферах и традиционным приписыванием им стереотипного гендерного поведения.

Поэтому, в связи с тем, что культура направлена на формирование новых нормативных образцов личностей мужчины и женщины, проблема симметричного конструирования женского и мужского в поведении требует значительных изменений в структуре общественных институтов[1], необходимо глубокое переосмысление проблемы формирования гендерного поведения юношей и девушек.

Е.А. Здравомыслова,
Санкт-Петербург, Европейский Университет в Санкт-Петербурге

ЗАБОТА О ПОЖИЛЫХ ЧЛЕНАХ СЕМЬИ – НЕПРОСТОЙ БАЛАНС ЖЕНСКОЙ РАБОТЫ И ПРИЗВАНИЯ

В 2009–2010 гг. в рамках проекта «Гендерное устройство частной жизни» в трех городах России было проведено исследование, посвященное организации ухода за пожилыми членами семьи (проект

---

[1] Красова Е.Ю. Словарь гендерных терминов. М, 2002.

Гендерной программы ЕУСПб, руководители: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., поддержка Фонда Форда). Массив данных составляют глубинные фокусированные интервью с тремя категориями участников изучаемого процесса: нанятыми сиделками, членами семьи, организующими уход (женщинами) и пожилыми людьми. Основной исследовательский вопрос: как семьи среднего класса организуют заботу о пожилых членах семьи?

В докладе предполагается проанализировать «горячие» результаты исследования, опираясь при этом на феминистские интерпретации феномена внутрисемейной женской заботы.

Категория «заботы» является ключевой и зонтичной для обозначения всего разнообразия форм и видов домашнего ухода о пожилых людях. Эта категория используется самими информантами для описания усилий по поддержанию жизни и быта зависимых членов семьи. Эта категория требует осмысления как совокупность гендеризированных практик, в значительной степени идентифицируемых как женские, независимо от того, осуществляются они на платной основе наемными профессионалами, социальными работниками, волонтерами или составляют часть домашних обязанностей членов семьи (преимущественно женщин).

В современной феминисткой теории предложены различные интерпретации феномена домашней заботы о зависимых других. Ряд авторов настаивают на отождествлении заботы и работы, отмечая при этом особенный характер труда по уходу, трудно оцениваемого в рыночных категориях и связанного с эмоциональными затратами и жесткими моральными предписаниями. Политический смысл такой трактовки связан с борьбой за признание домашнего труда женщин и гендерное равноправие.

Иная и тоже феминистская традиция предлагает анализировать заботу о пожилых как часть символического межпоколенного обмена, структура которого имеет гендерную специфику. Забота о других рассматривается как ядро женской идентичности и неотъемлемая составляющая семейных практик, реализуемых женщинами. В этом случае авторы считают, что категория работы лишь частично схватывает суть практики заботы, оставляя за пределами ее экзистенциальную сущность. Политический смысл такой трактовки заключается в борьбе с тенденцией культурного похолодания – процесса, в результате которого растет отчуждение между близкими

людьми, отношения близости и взаимозависимости подменяются отношениями экономического расчета.

Оба подхода к анализу заботы о зависимых близких кажутся оправданными и подтверждаются эмпирическими исследованиями. Первичный анализ наших данных позволяет вдвинуть следующий тезис, нуждающийся, впрочем, в дальнейшей аргументации. Забота – это совокупность практик, составляющих авторитативный ресурс семейных отношений. Благодаря заботе, в том числе о пожилых членах семьи, формируется женская идентичность хозяйки дома, определяются позиции в структуре родства, которые предполагают труд и любовь, символическое признание и материальное вознаграждение.

О.А. Громашева,
Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге

МАТЕРИ КАК ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ПИТАНИЕ В СЕМЬЕ

В основе доклада лежат материалы исследования, проведенного в двенадцати петербургских семьях среднего класса в августе-октябре 2009 г. и посвященного практикам питания семей с детьми 9–13 лет. Одной из целей исследования было проанализировать организацию питания[1] в семьях в гендерной перспективе. Основным методом исследования были фокусированные полуструктурированные интервью, которые проводились индивидуально с женами и мужьями. Задачами исследования было понять, какова роль женщин в организации питания в семье и какое значение осуществление данной деятельности имеет для их гендерной идентичности. Мы также проанализировали препятствия, которые существуют для равного участия мужчин и женщин в организации питания в семье.

[1] Под организацией практик питания в семье мы понимаем набор разноплановых, но взаимосвязанных друг с другом видов деятельности, направленных на обеспечение членов семьи питанием, создание необходимых условий для принятия пищи, а также обмен знаниями и навыками в этой области.

Мы рассматривали организацию практик питания в контексте домашней работы, которая является неоплачиваемым повседневным трудом, осуществляемым в приватной сфере. Многими исследователями отмечалось, что именно женщины выполняют основной объем как домашней работы в целом[1], так и работы по организации практик питания, в частности, по планированию меню, покупкам продуктов и приготовлению еды[2]. Однако исследователи предостерегали от рассмотрения работы по организации практик питания лишь в качестве бремени труда, ложащегося преимущественно на женские плечи. Некоторые виды работы по организации домашнего питания (в первую очередь, приготовление пищи) являются деятельностью, в которой важную роль играет творческая составляющая, и от осуществления которой многие женщины получают удовольствие[3]. Также ряд исследователей[4] отмечали, что положение ответственной за питание дает женщинам определенные возможности контроля над практиками питания членов семьи. Помимо этого необходимо принимать во внимание множественность значений этой деятельности – в частности, важность организации семейного питания для поддержания гендерной идентичности и воспроизводства семьи как института[5].

---

[1] Например: Hochschild A., Machung A. The second shift. New York, 2003.
[2] Charles N., Kerr M. Women, Food and Families. Manchester, 1988. Murcott A.'It's a pleasure to cook for him': Food, Mealtimes and Gender in some South Wales Households. The Public and the private /Ed. by Eva Gamarnikow ... [et al.] L., 1983. P. 78–90.
[3] Ekström Marianne P., Fürst Elisabeth L. The Gendered Division of Cooking. Eating Patterns: A Day in the Lives of Nordic Peoples. Unni Kjærnes. Oslo: SIFO, Report No 7, 2001. P. 213–233.
[4] В частности, Murcott A. Op.cit.
[5] Bugge Annechen B., Almås Reidar Domestic dinner: Representations and practices of a proper meal among young suburban mothers // Journal of Consumer Culture. 2006. No 6. P. 203–228; Haukanes Haldis Ambivalent Traditions: Transforming Gender Symbols and Food Practices in the Czech Republic // Anthropology of East Europe Review. Special Issue: Food and Foodways in Postsocialist Eurasia. 2003. Vol. 21. No 1.

Рассмотрим сначала, как работа по организации питания распределяется между супругами, а затем проанализируем, какой смысл выполнению этой работы придают наши информанты.

Разделение работы и ответственности за организацию практик питания между супругами

Мы выделили несколько основных видов работ – покупка продуктов, приготовление пищи, мытье посуды, вынос мусора, контроль практик питания детей. На основе проанализированных интервью с мужьями и женами можно сделать вывод о том, что наиболее гендерно-специфичными являются: приготовление пищи, затем мытье посуды и контроль практик питания детей (для женщин), и вынос мусора (для мужчин). Покупка продуктов является относительно гендерно-нейтральной деятельностью. Из данных видов работ мужчины наиболее активно участвуют в выносе мусора и покупке продуктов. Отметим при этом, что вынос мусора, как правило, осуществляется по пути на работу (т.е. не требует дополнительных затрат времени), а участие мужей в покупке продуктов чаще всего подразумевает закупку недельного запаса продуктов, осуществляемую в выходной день совместно женой. Деятельность, которую чаще всего осуществляют жены, – такая как приготовление пищи и мытье посуды – требует гораздо большего времени и выполняется несколько раз в день.

Мужчины чаще выполняют работу, которая не требует большой компетенции, значительной временной и эмоциональной вовлеченности в нее, зато апеллирует к таким «маскулинным» характеристикам как, например, «грязная» и «требующая физической силы». Такая домашняя работа воспринимается, чаще всего, как ситуационная помощь жене, и не рассматривается мужьями как часть постоянной ответственности. Женщины преимущественно участвуют в более сложной деятельности, требующей компетенции, в значительной степени затрагивающей отношения с другими членами семьи. Такая работа выполняется на регулярной основе и требует мониторинга, что воспринимается как обязанность жены, имеющая важнейшее значение для поддержания семьи.

Символическая и инструментальная значимость работы по организации питания в семье

Отметим, что из двенадцати семей информантов в пяти жены являются домохозяйками, в двух работают на условиях частичной

занятости, в пяти – на полной занятости. Все мужья работают на основаниях полной занятости. Практически все информанты рассматривают домашнюю работу как *деятельность, «конкурирующую» по своему значению для семьи и для них лично с профессиональной занятостью.* При этом никто из информанток, являющихся домохозяйками или работающих на условиях частичной занятости, не высказал явного желания изменить сложившуюся ситуацию, а некоторые отметили большую значимость или привлекательность для них домашней работы по сравнению с профессиональной занятостью.

Вот некоторые из смысловых категорий, с которыми наши информанты связывали выполнение работы по организации питания:

Забота. Выполнение работы по организации практик питания довольно часто интерпретируется женами как проявление любви, как заинтересованное личное участие, не сводящееся к нагрузке или необходимости, но являющееся выражением теплых семейных родительских или супружеских отношений.

Поддержание семейного уклада. Некоторые информанты отмечали важнейшую роль, которую играет выполнение женой работы по организации питания для создания и поддержания семьи как таковой.

Поддержание гендерной идентичности. Информантки отмечали значимость качественного выполнения работ, связанных с приготовлением пищи и воспитанием детей, для поддержания образа «правильной» жены и матери (как внутри семьи, так и за ее пределами).

Домашняя работа как сфера «женской власти». В одном из двадцати трех интервью, проведенных с родителями, всплыл аргумент, интерпретирующий приготовление пищи и соответственно компетенцию женщины в этой области в контексте так называемой «женской власти»[1]. Участие мужа (хотя и желанное) в этой деятельности рассматривается информанткой, с одной стороны, как превращение его в конкурента в той области, в которой она хотела бы

[1] Здравомыслова Е, Темкина А. Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход, Коллективная монография. / Под ред Е.Здравомысловой, А.Темкиной СПб., 2007. С. 68–95.

заниматься ключевую позицию, а с другой стороны, как утрату значимого преимущества, позволяющего оставаться привлекательной для мужа и выигрывать в конкурентной борьбе с другими женщинами.

Управление практиками питания. Осуществление женщинами большей части работ по организации практик питания, помимо перечисленных выше, дает им также преимущества, связанные с возможностью эффективного контроля – как над собственным питанием, так и над питанием других членов семьи.

Отметим, что некоторые мужья готовы больше участвовать в организации практик питания, но это участие они хотят по-прежнему воспринимать не как сферу своей постоянной ответственности, а как временное оказание помощи жене. При этом мужья ожидают, что жены не только докажут необходимость их участия в этой сфере бытовых нагрузок, но и осуществят эмоциональную работу, которая позволит мужьям выполнять данную работу без нанесения ущерба их маскулинности.

С другой стороны, не все жены готовы к равному распределению обязанностей по организации практик питания. У некоторых жен это связано с нежеланием отказываться от тех преимуществ, которые дает контроль над этой сферой домашнего быта (женская власть, поддержание гендерной идентичности). Для некоторых жен препятствием для привлечения мужа в качестве полноправного организатора практик питания является то, что они не считают своих мужей способными так же качественно выполнять необходимую работу, как это делают они.

Таким образом, перераспределение нагрузки по организации практик питания от жен к мужьям в сторону равного участия супругов во многих семьях является дилеммой, которую каждая семья пытается решить по-своему, однако как со стороны мужей, так и со стороны жен существуют определенные препятствия для этого. В основном эти препятствия связаны с разделяемыми обоими супругами традиционными представлениями о гендерном разделении обязанностей и стратегией максимальной полезности. Эти препятствия преодолимы, когда женщины готовы настаивать на перераспределении семейных обязанностей.

М.В. Болохова,
Санкт – Петербург, Российский государственный педагогический университет им .А.И. Герцена

ВОСПРИИМЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН К «ГЛЯНЦЕВЫМ» ЭТАЛОНАМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

В рамках гендерного подхода внешность как составляющая личностной идентичности является одним из инструментов, посредством которых общество конструирует представления людей о том, «что значит быть мужчиной или женщиной в данное время, в данном социальном окружении»[1].

Отметим, что эталон физической привлекательности представляет собой один из результатов социализации тела, в процессе которого субъектом осуществляется интернализация существующих в данном обществе значений «физически привлекательного» и категоризация в качестве «привлекательного» или «непривлекательного» собственных телесных особенностей. Одним из значимых, хотя и не единственным способом распространения в обществе данных «значений» являются средства массовой информации, использующие технологию визуализации. Анализ отечественных работ позволяет зафиксировать следующий факт: каждому психологическому типажу женщины, репрезентируемому в прессе в различные исторические эпохи, соответствуют определенные характеристики внешности[2].

---

[1] Тартаковская И.Н. «Сильная женщина плачет у окна»: Гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре // Аспекты социальной теории и современного общества / Под ред.С.Е. Кухтерина и А.Ю. Согомонова. М., 2000. С. 156.

[2] Вайнштейн О.Б. Полные смотрят вниз. Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 49–53; Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских журналах 1920-х – 30-х годов // Культура и власть в условиях коммуникативной революции XX века. Форум немецких и российских исследователей. Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова и И. Гарбовского. М., 2002. С. 103–128; Гусева Ю.Е. Гендерный аспект журнальной политики: отражение

Мы обратились к процессу конструирования эталона физической привлекательности в популярных женских глянцевых журналах, где смещена основная смысловая нагрузка с текстовой информации на визуальные средства, что накладывает своеобразные особенности на функцию печатного издания – создание социальной идентичности. Мы руководствовались тем, что изучение вербальной составляющей женского образа в журналах достаточно широко представлено в научном пространстве, в то время как анализу визуальной составляющей уделено незначительно внимания, особенно в отечественных изданиях.

Выделение именно периодических женских изданий произошло по нескольким причинам:

во-первых, по статистике информационных агентств, количество зарегистрированных в России женских ежемесячных изданий преобладает по численности по сравнению с другими типами ежемесячных журналов[1];

во-вторых, по данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, в 2004 г. глянцевые женские журналы среди прочих типов журналов занимают ведущие позиции по уровню популярности среди читателей;

в-третьих, именно журналы для женщин: «Burda» в 80-х гг., а затем «Cosmopolitan» в 90-х гг. – впервые появились в России с блестящими обложками. Следовательно, история существования женских глянцевых журналов в России длиннее, чем у подобных печатных изданий иной направленности.

В связи с этим приобретает особую актуальность исследование того, что сейчас журналы предлагают современной женщине под термином «красота» и как женщины воспринимают данный конструкт.

реальности или насаждение традиционных патриархатных воззрений? // Гендерные отношения в современном российском обществе. Материалы второй межвузовской студенческой конференции. СПб., 2002. С. 155–158.

[1] Российский рынок периодической печати 2005 год. Состояние, тенденции и перспективы развития // Доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, г. Москва, май 2005 года [электронный ресурс]: http://www.fapmc.ru/document/other/item77.html

С этой целью в 2006 г. было проведено исследование, которое проходило в два этапа:

1) Используя контент-анализ, выделили характеристики внешности, составляющие эталон физической привлекательности, репрезентируемый в женских глянцевых журналах. Визуальным источником анализа стали 12 номеров «Cosmopolitan» и 12 номеров «Крестьянка», опубликованные в 2005 г.

2) При помощи авторской анкеты «Роль внешности в жизни женщины» выделили характеристики эталона физической привлекательности, предпочитаемого женщинами. Вопросы анкеты были идентичны категориям и подкатегориям контент-аналитического исследования журналов. Всего в исследовании приняли участие 252 женщины в возрасте от 20 – 50 лет.

В результате контент-аналитического исследования глянцевых журналов были выделены наиболее часто встречающиеся характеристики внешности, которые мы интерпретировали как собирательный «глянцевый» эталон физической привлекательности (далее по тексту «ЭФП»). А именно: читательницам наиболее часто представлено фотоизображение женщины, которая выглядит на 20–30 лет (44%), обладает стройной фигурой (82%), средним типом телосложения (67%), идеально гладкой (90%) загорелой (86%) кожей, использует умеренный тип макияжа (70%), предпочитает длинные (71%) аккуратно уложенные или распущенные (72%) и обязательно окрашенные (91%) волосы. Кроме того, наиболее часто женщина на фотографиях в журналах выглядит радостной (40%), демонстрирует широкую белоснежную улыбку (34%) и предпочитает романтический, гламурный (неделовой) стиль одежды (42%).

На основании статистического анализа (критерий Хи квадрат Пирсона на уровне $p<0,01$) был сделан вывод о том, что выделенные характеристики внешности встречаются в журналах достоверно чаще других. Это позволило сформулировать следующее положение: эталон физической привлекательности, репрезентируемый в глянцевых женских журналах, является однотипным (узко специфичным) и не учитывает реального многообразия типов внешности. Кроме того, выделенный образ гендерно-стереотипизирован. Мы имеем в виду следующее: относительно

стереотипа «молодости» приведем некоторые цитаты: «женщина ценится, пока она молода…»[1], «старение женщины «некрасиво», поскольку женщины с возрастом становятся сильнее»[2]. По поводу стереотипов женской фигуры: С. Бордо дала определение данному стереотипу как «тирания стройности»[3]. *Романтический* стереотип относительно женского образа, подчеркивающий сексуальность женщины, направленной на соблазнение мужчины, описан в работе В. Лелеко[4]. Обязательное *использование макияжа, окрашивание волос* стереотипно считается важной составляющей физической привлекательности женщины[5].

Таким образом, качественный анализ данных, полученных при анализе фотопубликаций в отдельных номерах глянцевых журналов «Cosmopolitan»и «Крестьянка», свидетельствует о том, что выделенные характеристики ЭФП гендерно–стереотипизированы и соотносятся с гендерными стереотипами женской внешности, зафиксированными разными исследователями.

На втором этапе исследования происходило распределение женщин на 4 группы, различающихся степенью значимости соответствия ЭФП, репрезентируемому в глянцевых журналах. Степень значимости соответствия эталону определялась прямо пропорционально количеству характеристик, предпочитаемых респондентками и совпадающими с характеристиками внешности, составляющими ЭФП в глянцевых журналах.

Вначале приведем обобщенные данные среди выборки, что позволит понять тенденцию, характерную для всех женщин без учета разделения по возрастному признаку и статусному аспекту.

---

[1] Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. С. 56.

[2] Вулф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М., 2001. С. 264.

[3] Bordo S. Unbearable weight: feminism, Western culture, and the body. University of California Press, 1993. P. 9.

[4] Лелеко В.Д. Очарование социальной роли «возлюбленной» // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 91–96.

[5] Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног// Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 14–28.

Достоверно обнаруженные различия (p<0, 01, критерий φ* – угловое преобразование Фишера) свидетельствуют, что доля женщин (13%), стремящихся соответствовать большинству характеристик ЭФП, и доля женщин (16%), считающих важным соответствовать ЭФП лишь небольшому количеству характеристик, менее распространены, чем доля женщин, которые в средне-высокой (36%) и средне-низкой (35%) степени стремятся соответствовать ЭФП, представленному в глянцевых журналах. Это свидетельствует, что, к счастью, лишь небольшое количество женщин в высокой степени подвержено эталонам красоты, предлагаемых глянцевыми журналами. Но, с противоположной стороны, подавляющее число женщин находится в средней степени влияния эталона, предлагаемого глянцем. Следовательно, большинство современных женщин поддаются, пусть и в средней степени, воздействию гендерно–стеретипизированных образов из глянцевых журналов.

При выделении двух социальных статусов (руководители – рядовые сотрудники) статистический анализ данных показал, что среди общей выборки специалистов достоверно больше (p<0,05, критерий φ* – угловое преобразование Фишера) женщин, для которых ЭФП имеет высокую значимость (18,3%), чем аналогичных женщин в группе руководителей (8,7%). Получившееся соотношение свидетельствует о наличии тенденции увеличения социального статуса и уменьшения высокой степени значимости ЭФП для женщин.

При сравнении групп, разделенных по возрастному признаку, обнаружили, что доля женщин в возрасте от 20–29 лет достоверно (p<0,01) более выражена в группе с высокой значимостью ЭФП (65%), чем в группе с низкой значимостью ЭФП (27%). Причем в группе с высокой значимостью ЭФП полностью отсутствуют женщины старше 40–ка лет. Внутри средней возрастной группы женщин (30–39 лет) достоверно больше ($Хи^2$ Пирсона, p<0,01) женщин (45,2%), демонстрирующих средне–низкую степень значимости ЭФП. И в старшей группе (40–50 лет) показатели равномерно распределились между средне–высокой (32%), средне–низкой (34%) и низкой (34%) значимостью ЭФП. Таким образом, при увеличении возраста уменьшается количество женщин, для которых ЭФП обладает высокой значимостью.

В завершении статьи кратко подведем **итоги.** Глянцевый журнал как один из видов «женского» жанра в СМИ важен для социально-

психологического анализа, позволяющего выяснить, какие культурные представления относительно образа женщины репрезентированы в современном обществе и как это отражается на идентичности женщины. Анализ вербальной составляющей женских образов, репрезентируемых в популярных современных отечественных женских журналах, выявил стандартный набор гендерных стереотипов, к которым добавилась идеология потребительской культуры (стройность, гламурный стиль одежды, умеренный, но обязательный макияж, длинные волосы, радостное выражение лица, молодость, загар, белоснежная улыбка). Высокая и средне-высокая степени значимости эталона физической привлекательности, репрезентируемого в глянцевых журналах, наиболее характерна для женщин в возрасте от 20–29 лет, занимающих рядовые, а не руководящие должности. По мере продвижения по карьерной лестнице и по мере увеличения возраста для женщины уменьшается степень стремления быть похожей на «глянцевый» эталон.

В целом, мы надеемся, что полученные выводы будут способствовать критическому восприятию читателями того, какие именно социальные нормы отражены на теле современного человека в глянцевых журналах, и нужно ли их сочетать с индивидуальными личностными особенностями реальной «живой» женщины.

Е.А. Николаева,
Саранск,
Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСАЛИИ «РЕБЕНОК» В ЖЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жизнь женщины неразрывно связана с миром детства. Ее основное, биологическое, отличие – способность выносить и родить ребенка, – нашло отражение во многих сферах деятельности, в том числе и в области литературно–художественного творчества. «Ребенок» – наряду с другими архетипическими универсалиями «Дом» и «Мужчина» – является одной из основополагающих в женской литературе[1]. Ее существование отнюдь не отличается статичностью и развивается в полном соответствии с общим развитием отечественного литературного процесса.

Универсалия «Ребенок» зафиксирована уже в фольклоре[2]. В жанрах, распространенных в фольклоре как девического времени, так и следующего социально-возрастного периода, она практически не отслеживается. Объяснить это, видимо, можно тем, что вся жизнь женщины безоговорочно, априорно подчинена ребенку. Наиболее ярко она проявляется, как правило, в детском фольклоре, где задается своеобразная «программа», нацеленная на то, что ребенку будет сопутствовать удача:

Спи, мой Лешенька, усни,
Угомон тебя возьми!
Вырастешь большой,

[1] Мы определяем женскую литературу как вербальное воплощение женской ментальности посредством системы культурно-опосредованных символов женственности.

[2] Фольклор рассматривается как явление литературного порядка, объединяющим началом которого выступает Слово.

Будешь в золоте ходить,
Нянюшек и мамушек
Златом, серебром дарить.[1]

Одним из основных качеств, которыми мать желала бы наделить свое чадо, выступает трудолюбие, к которому приучать начинают еще в младенчестве:

Баю-бай, баю-бай,
Коля, рано не вставай,
Коля, рано не вставай…
Да обряжаться не мешай.
Коля рано встает –
Обряжаться не дает…
Не дадим Коле спать,
Будем рано разбужать;
Будем рано разбужать,
На работку посылать,
На работу на таку,
Да на веселую страду,
Будем сено косить,
Да будем в кучки носить.[2]

Противоречий, связанных с взрослением ребенка, с его переходом во взрослую жизнь в фольклоре почти не отмечается. Вполне возможно, причина этого содержится в отношении самой женщины: подсознательно она рассматривает его как часть Рода, создаваемого ею, как фундамент, на котором она будет выстраивать собственный Дом. Естественно, она глубоко заинтересована в том, чтобы неукоснительно соблюдались порядки, заведенные ею – поэтому редкое в фольклоре неудовольство своим ребенком отмечено в песнях, посвященных выбору сына или дочери:

Уж как что у нас в терему за шум шумит.
Еще что у нас во высоком за брань идет?
Что журит-бранит матушка своего сына:
«Ты покинь, покинь, мой сын, худы дела,
Перестань любить, дитятко, красну девицу!»[3]

Если сравнивать связь матери и дочери и матери и сына, то отметим, что вторая гораздо сильнее. Это часто подтверждается в фольклоре. Существует немало сюжетов, в которых сын отдает

---

[1] Гой еси вы, добры молодцы: Русское народно-поэтическое творчество / Сост. П.С. Выходцев и Е.П. Холодова.М., 1979. С. 389.
[2] Русский фольклор / Сост.и примеч. В.Аникина. М., 1985. С. 7.
[3] Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып.I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ.статья и коммент. В.Аникина. М., 1991. С.302.

предпочтение сначала женщинам своего Рода (матери, сестре) и лишь потом вспоминает жену. Видимо, поэтому так велико стремление женщины создать собственный Дом, олицетворяющий для нее собственный Род с присущими лишь ему традициями, генератором и транслятором которых будет являться она, выступая таким образом негласным правителем рода и отдавая официальное предпочтение мужчине.

На следующем этапе существования женской литературы[1] – этапе ее официального возникновения в XVIII столетии – универсалия «Ребенок» по-прежнему проявляется в свойственных ей функциях средства и результата. Так же, как и в предшествующие эпохи, женская ценность определялась, прежде всего, ее способностью к материнству. Столь рациональное отношение к избраннице было одинаково понятно и дворянину, и крестьянину. Как пишет Н.Л. Пушкарева, «способность женщины к деторождению волновала отцов, назидавших сыновьям, что жениться надобно на «здоровых» («первое указание – умножить род свой», полагал В.Н. Татищев»)[2]. Поэтому ребенок давал женщине почувствовать если не свободу, но хотя бы свою полноценность.

В женской поэзии этого периода сильны педагогические мотивы, размышления о воспитании детей, об их будущем:

Ах, будьте, дорогие, // Веселием моим;
Есть в свете люди злые – // Не подражайте им[3].

И если воспитательная направленность является продолжением фольклорной традиции, то заявление об особенно тесной связи, существующей между матерью и ребенком, – это уже прерогатива

---

[1] Данный этап в развитии женской литературы возможно определить как фазу инсталляции традиции.
[2] Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской женщины XVIII века // Этнографическое обозрение. 1996. №4. С. 18.
[3] Жукова А.С. Чувства матери… // Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / Сост. Гёпферт Ф., Файнштейн М. Wilhelmshorst, 1998. С. 26.

XVIII столетия. «Или с молоком вливаешь Ты тоску мою в себя?»[1],– вопрошает поэтесса сына, подчеркивая, что эта связь гораздо сильнее, чем союз отца и ребенка. Именно молоко матери придает ребенку силы и возможность не только противостоять злу, но и защитить мать от него (если даже оно выступает в лице родного отца). Восприятие ребенка как защитника, пусть даже и потенциального, так же выступает завоеванием екатерининской эпохи. И если универсалия «Мужчина» воспринимается в некотором отчуждении, то «Ребенок» включается в авторское «Я», являясь конкретным воплощением частицы женщины. Отметим, что данная универсалия является в женском литературном творчестве наиболее четко оформленной по сравнению с остальными.

Следующая фаза развития женской литературы – фаза институционализации традиции (середины XIX и XX в.). Две различные исторические эпохи объединены в общую фазу однородной атмосферой, которой присуще стремление к созданию условий, благоприятных для повышения образовательного уровня женщин. Потому неудивительно, что основной доминантой выделенной эпохи является атмосфера переосмысления, повлекшая за собой известную неустойчивость, неопределенность мировосприятия.

Подобная неопределенность, граничащая с нейтральностью характерна для универсалии «Ребенок». Несмотря на то, что данная фаза в какой-то степени формирует тип женщины, способной передать свою образованность собственному ребенку, материнская любовь в женской литературе этого периода не является доминирующим свойством.

Функционирование универсалии несколько отличается от ее проявления в литературе предшествующих эпох, добавляя к уже существующим особенностям свою специфику. Ее актуализация, во-первых, связана с возникновением в XIX столетии и дальнейшим интенсивным развитием детской литературы, отличающейся известной дидактичностью. Е.М. Фролова-Багреева, М.Б. Даргомыжская, А.А. Фукс, А.В. Зражевская, Е.Ф. Тютчева,

---

[1] Караулова В.А. Разговор матери с маленьким ее сыном // Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / Сост. Гёпферт Ф., Файнштейн М. Wilhelmshorst, 1998. С. 33.

А.Л. Барто, Э.Э. Мошковская, И. Токмакова – список имен детских писательниц окажется довольно внушительным, как и содержание их произведений.

Так, А.П. Зонтаг через свои повести, рассказы и сказки внушала ребенку мысль о необходимости совершать только добрые поступки, поскольку зло обязательно наказывается. Например, героиня рассказа «Софьинька» получает от матери желаемую ею птичку в подарок за то, что отдала свои карманные деньги неимущей женщине. Ею издано немало произведений для детского чтения: «Девица–Березница. Сказка для детей», «Повести и сказки для детей», «Детский рассказчик», «Оленька и бабушка ее Назарьевна», «Три комедии для детей», «Священная история для детей», пользовавшаяся необычайной популярностью. «Для общей пользы» – таков был девиз этой писательницы. А.О. Ишимова, создавшая «Историю России в рассказах для детей», в развлекательном духе повествовала подрастающему поколению о путях становления русской государственности и русской культуры. «Священная история в разговорах для детей», «Чтение для детей первого возраста», «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей», «Рассказы для детей из естественной истории», – вот лишь несколько произведений, созданных ею для детей.XX век подхватывает и развивает полезное начинание, видя в детях новое поколение, способное преобразовать общественный строй. Мы не будем подробно останавливаться на этом феномене отечественного литературного процесса, поскольку обилие литературы для детей, созданной в это время, может выступить своеобразным препятствием для раскрытия нашей цели (заметим, несколько иной направленности). Во-вторых, особенностью функ-ционирования данной универсалии можно назвать восприятия ребенка в пространстве социума, а не только семьи, как это было ранее. Это означало, что дети воспринимались женщиной как равно-правные члены общества, переживающие все происходящие в нем из-менения и события, например, войны, как это отражено в поэзии Ю. Друниной:

И странно, и нестранно
Мне говорит она:
«Меня зовут Татьяна,
Фамилия – Война».

Есть в этом, право, что-то
Мне руку тянет он:
«Фамилия – Пехота,
Зовут меня Семен».[1]

Используются детские образы и для отражения суровых общественных противоречий. Например, А.П. Барыкова сравнивает судьбу нарядной куклы с судьбой девочки: много общего, обе будет выброшены и забыты, потому что обе – игрушки в руках мужчин и общества, живущего по установленным ими законам:

Девочка и кукла! Ах, как вы похожи!
В жизни ожидает вас одно и то же.

Таким образом, универсалия «Ребенок» так же своим функционированием отражает состояние переосмысления, свойственное женской литературе фазе институционализации, поскольку новые социальные отношения предполагают и изменение в восприятии и отношении к детям.

Еще одна фаза, развитие которой мы наблюдаем и в настоящее время, это фаза транслокации традиции, охватывающая рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. Определяющей доминантой атмосферы выступает состояние пограничности, влекущее за собой возникновение поливариативности, во многих областях: в политической жизни, литературно-художественном творчестве, философской мысли и т.д.

Это же свойство характерно и для функционирования универсалии «Ребенок», находящейся или на периферии восприятия, или же, напротив, на пике. Женщина рубежа веков, как правило, стоит перед выбором приоритетов: карьера или дом. Ребенок – продолжение женщины, ее опора, поколение, которое будет воспитываться по традициям, установленным ею. Однако карьера не предусматривает передачи профессиональных навыков по наследству. Потому частой темой женской литературы является тема аборта по соображениям карьеры или резко негативного отношения к детям, раздражающим женщину шумом, непоседливостью или плачем.

---

[1] Друнина Ю.В. Метель: Стихи и поэмы. М., 1988. С. 5.

К счастью, иное восприятие ребенка является более продуктивным и творчески осмысленным. Так, ребенок воплощает в себе весь мир, бескрайнее небо:

Небо и все наслаждения неба я вижу
В личике детском,— и глаз оторвать не могу я...
Ангел безгрешный, случайно попавший на землю,
Сколько ты счастья принес! Как ты мне дорог, дитя!
…Боже! послав мне ребенка. Ты небо открыл мне!
Ум мой очистил от суетных, мелких желаний!
В грудь мне вдохнул непонятные новые силы!
В сердце горячем зажег — пламя бессмертной любви![1]

О ребенке мечтают и люди нетрадиционной ориентации, самим своим существованием подтверждая кризисность времени, в котором они живут. Например, герои Валерии Нарбиковой, юноши Дыл и Кострома мечтают воспитывать собственного ребеночка-гомункула, выведенного из куриного яйца: «Взять яйцо черной курицы и вместо белка влить сперму, заткнуть пергаментом… и в первый день мартовской луны положить его на кучу навоза, через тридцать дней инкубации появится монстр, напоминающий человечка, его нужно кормить земляными червями, и, пока он будет жив, ты будешь счастлив»[2].

И все же наиболее характерным для проявления этой универсалии по-прежнему остается положительный аспект восприятия, дающей женщине силы выстоять в эту сложную эпоху мутации исторической памяти. Таким образом, универсалия «Ребенок» в полной мере демонстрирует социокультурные изменения в восприятии и отражении женского начала в литературном творчестве России.

Ю.А. Иликеева,
Уфа, Уфимский филиал ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

---

[1] Лохвицкая М.А. Мое небо // Прелестницы души. СПб., 1989. С.177.
[2] Нарбикова В. Около эколо // Новые амазонки: Сборник. /Сост. С.В.Василенко. М., 1991.

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА (К ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ ИСТОЧНИКОВ)

К проблеме пола вообще и женщины, в частности, человечество начинает обращаться еще с древности. В первых представлениях о женщине, возникших уже в мифах, она в большинстве случаев занимала почетное место. Это проявилось в многочисленных женских культах: «Великой Матери», «Матери богов», прародительницы кланов, племен, которая почиталась почти у всех народов мира. Включение богини-матери в круг мифологических представлений о вечном возрождении было причиной того, что именно она рассматривалась как источник жизненной силы и бессмертия, основная функция которой – созидание, творение мира[1].

В разные исторические эпохи, в разных культурах и обществах отношение к женщине было далеко неоднозначным, как не было однозначным и ее положение в тот или иной отрезок времени, в том или ином обществе. Если в VI – начале V в. до н. э. в античной натурфилософии мужчина и женщина являлись двумя чередующимися и дополняющими друг друга началами, то уже с середины V в. представителями афинской школы (Сократ, Платон, Аристотель) были сформулированы основополагающие принципы патриархатной философии. Неудивительно поэтому, что положение афинской женщины также было значительно приниженным и зависимым, чем, например, спартанской женщины. В целом, свобода женщины в эпоху эллинизма была такого уровня, который был не известен как в эпоху древности, так и христианства[2].

Древнеримская женщина обладала также достаточно большой свободой, как и женщина Древней Греции. Они отличались высокой

---

[1] Токарев С.А. Религия в истории народов мира. 4 –е изд. М., 1986. С. 33, 36 – 37, 57; Мифы народов мира. Под ред. С.А. Токарева. Т. 2. М., 1992.

[2] Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Харьков, СПб., 2001. С. 390, 392; Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия //Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44 – 62.

образованностью: говорили на греческом языке, занимались литературой, географией, философией и правом. Женщины Древнего Египта владели отдельными дворцами, могли занимать храмовые должности. Женщинам посвящались храмы, и их культы поддерживались столетиями.

В то же время, даже в тех обществах, где женщина была относительно независимой, ее роль расценивалась как второстепенная. И связано это было, главным образом, с тем, что общепринятым в обществе является то, что их опыт, деятельность, и вообще сфера жизнедеятельности (приватная), не представляет жизненного интереса. В традиционном представлении важной считается, прежде всего, публичная сфера, в которой, в свою очередь, доминируют мужчины. Исторический интерес, прежде всего, вызывают глобальные события: политика, войны, революции, перевороты и т.п., где влияние женщины менее всего проявлялось. И те же немногие, кого из женщин упоминали в этой истории, были отмечены за «проявленное мужество»: они вели войска «с мужской храбростью», правили народом и государствами «наравне с мужчинами» и т.п.[1] Вся же тысячелетняя работа по охране и поддержанию жизни, которую преимущественно делали женщины, отходит на второй план развития человечества. Здесь нет места приватной сфере, а, следовательно, и женщинам. Этой идеей пронизана практически вся философская и общественная мысли Запада и Востока.

Как только в западной философии центральной становится антропологическая проблематика-проблематика человеческой субъективности (а космологическая отходит на второй план), пишет С. Жеребкин, в логике философского мышления возникает и ее ведущая оппозиция, а именно бинарная оппозиция разума и тела, в которой разум ассоциируется с рядом позитивных характеристик, таких как духовность, сознание, рациональность, активность, внешнее, а тело – серией негативных характеристик, которые репрезентированы

---

[1] Успенская В.И. Женская история и развитие женского коллективного сознания //Женщины. История. Общество. Сб. науч. трудов. Вып. I. Тверь, 1999. С. V.

женским началом (чувственность, бессознательное, нерациональность, пассивность, внутреннее)[1].

Большинство мыслителей и философов, да и само общество либо просто игнорировали тему женщины и ее проблемы, либо открыто считали ее «существом по сравнению с мужчинами качественно дефектным».

Общепринятым считается, что истоки подчиненного положения женщины по отношению к мужчине кроятся в религиозном мировоззрении. Однако один из наиболее известных исследователей религии М. Вебер пришел к выводу, что на ранних стадиях религиозных общин, когда ценилась духовная харизма, в них наблюдалось равенство полов. В большей степени это было присуще христианству и иудаизму, в меньшей – исламу и буддизму. Но со временем религия, как отражатель ценностей общества, перестраивает свою структуру по образу светской власти, с идеей не только иерархии полов, но и ее вторичности существования и греховности[2]. «Ибо прежде создан Адам, а потом Ева». И потому жена должна быть в безмолвии», ведь мужчина … есть образ и Слава Божия …». На женщину возлагается полная ответственность и за первородный грех, хотя от дерева добра и зла вкусили оба: и мужчина, и женщина[3].

До сих пор бытует мнение, что из всех религиозных верований ислам занимает наиболее жесткую позицию в отношении женщин. Но если обратиться к главной книге мусульман «Корану», оказывается его идеология проникнута уважением и доброжелательностью к женщине. Мусульманская доктрина отнюдь не считает женщин существами низшего сорта и говорит о том, что и женщина, и мужчина были сотворены из той же самой одной души. Всякая заповедь, данная

---

[1] Жеребкин С. Указ. соч. С. 390 – 391; Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (концепция феминизма) //Общественные науки и современность. 1998. № 2; Философия / Под ред. В.Д. Губина. М., 1996. С. 395 – 406.

[2] Вовченко О.М. Гендерное равенство как социально-философская проблема. М., 2000. С.44; Биккулова З. Две половины единого целого // Ватандаш. 2003. № 7. С. 168.

[3] Библия. М., 1992. С. 215, 7.

Кораном мусульманам, равно относится и к мужчинам, и к женщинам. На них возложены одинаковые религиозные обязанности и судимы они будут по одним и тем же критериям: «Истинно, покорный и покорная Богу, верующий и верующая, … получат приготовленную им Богом милость и великую награду». Дифференциация к полам наблюдается практически в одной сфере – имущественной. Мужчинам в плане собственности причитается в два раза больше. Но и это оправдано тем, что именно на мужчин была возложена обязанность по содержанию семьи и ответственность за ее благосостояние. Корень проблемы почти всех религий кроется в специфике понимания и трактования религиозных текстов[1].

Можно предположить, что негативное отношение ислама к общественному положению женщины, ограничение ее социальной и религиозной активности возникли не из самого первоисточника (Корана), а в процессе его искаженного толкования и, прежде всего, его «мужской» интерпретации. В полной мере это положение можно отнести и к другим мировым религиям.

Однако необходимо учесть, что часто негативная оценка ислама базируется не на его идеологических постулатах, а на нормах поведения, которые предписывает женщине шариат, таких, например, как: «Жена должна жить на месте, указанном мужем»; «Жена не должна ходить, стоять и показываться к людям, свидание с которыми ей не дозволяется»; «Если она не имеет необходимости по шариату являться в публичные места, то таковые не должна посещать. Будет необходимо или нет, во всяком случае, она не должна ходить без позволения мужа». Особенно, негодование вызывает у многих элементы затворничества и ритуальное покрывало мусульманки. Но следует отметить, что ограничение в поведении шариат накладывает и на мужчин, например, им нельзя пить спиртное, брить бороду и т.п., то есть мусульманское право налагает запретительные меры в равной степени и на женщин, и на мужчин[2].

---

[1] Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990. Сура 4. Аят 1. (Далее 4:1). С. 81; Максуд Р. Ислам. М., 2001. С. 211; Коран. 33:35, 33:36. С. 346 – 347; 4:12 (11). С. 82; Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность. М., 1978. С. 18; Вовченко О.М. Указ. соч. С. 46.

[2] Пальванова Б.П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения

Кроме того, одна из характерных особенностей мусульманских брачно-семейных отношений является их преемственная связь с доисламскими местными традициями и обычаями. Подобное в полной мере относится к башкирскому обществу. Здесь многие предписания шариата, такие, например, махр, как гарантия воздержания от развода или наследование имущества, затворничество и ритуальное покрывало носили скорее формально-догматический характер. Особенности социально-экономического, политического и правого развития в Башкирии прямо оказали влияние на положение женщины.

Еще в древности возникшее и закрепленное практикой тысячи лет половое разделение труда, при котором «мир женщины – дом, дом мужчины – мир, отчасти продолжает определять существование общества. Например, в традиционном башкирском обществе, как и в любом другом антагонистическом обществе, четко отражается данный диморфизм, где соблюдается разграничение мужской (активной) и женской (пассивной) ролей. Мужчина выступает главой семьи, вотчинником, собственником семейного имущества. Общественная деятельность принадлежит, в основной части, к сфере мужских интересов. Сфера женских интересов ограничена, главным образом, семьей, домом. Однако следует признать, в силу того, что башкирская женщина играла исключительную роль в производстве материальных благ и обладала достаточно обособленным имуществом, как во время брака, так и после его расторжения (неотъемлемое право башкирской женщины), пассивность ее деятельности представляется несколько условной. В пользу условности говорит и некоторое своеобразие во взаимодействии ее с различными общественными институтами, а иногда и непосредственное участие башкирки в общественной жизни, при том не только общины, но и края, и даже страны (участие в башкирских восстаниях, Отечественной войне 1812 года), традиционно относящейся к мужской сфере. Конечно, административная власть находилась в руках мужчин.

Следовательно, в любом обществе возникают свои представления о том, что есть «мужское» и «женское». При гендерном подходе важна не столько экспертиза социально-исторических явлений с учетом фактора пола, но, по мнению Н.Л. Пушкаревой – авторитетного

женщины Сов. Востока. М., 1982. С. 7; Вовченко О.М. Указ. соч. С. 47.

российского исследователя по проблеме женщин, и изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени[1].

Кроме того, необходимо учитывать, что если современное урбанизированное общество по-новому определяет мужские и женские сферы деятельности, подчас уже по другим критериям представляет мужественность и женственность, то следует помнить, что это вовсе не значит, что люди прошлого имели те же чувства и представления[2].

Таким образом, на примере башкирской женщины прошлого особенно отчетливо можно опровергнуть утверждение о том, что есть что-то «данное» (Богом, Природой) и потому существовавшее извечно и не могущее быть измененным в будущем. С одной стороны, можно проследить, как складывалась эта «данность», с другой стороны, как эта «данность» нарушалась.

Е.А. Остренко,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАК ЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Индивидуально-авторский дискурс конкретного поэта является субъективной творческой трактовкой реального мира, и, исходя из этого, можно утверждать, что его поэтическая коммуникация стратегична, поскольку общение, базирующееся на интерпретации, обладает стратегией. Наличие стратегии предполагает реализацию глобальной коммуникативной цели – индивидуально-авторский дискурс обладает стратегией моделирования авторского

---

[1] Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Харьков, СПб., 2001. С. 277.
[2] Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132; Женщина: брак и семья до начала нового времени. М., 1993; Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

мировосприятия у адресата. Несомненно, творческая индивидуальность языковой личности поэта – в нашем случае Веры Павловой, – и личностный смысл влияют на соотношение стратегии индивидуально-авторского дискурса и способа его организации, а также на использование тактик при схожих способах организации. Стратегия индивидуально-авторского дискурса – моделирование авторского мировосприятия, – реализуется посредством тактик выражения авторского мировосприятия. Тактика склонения к субъективному мировосприятию подразумевает наличие таких коммуникативных ходов, как оценивание, детализация, приведение примера, уточнение, подтверждение, сравнение и других, направленных на изменение оценки, а, следовательно, изменение восприятия мира. В исследовании нас интересует индивидуально-авторский дискурс конкретного поэта – Веры Павловой. Опираясь на работы Н.А. Фатеевой, посвященные интертекстуальности в художественном дискурсе, мы выделили следующие функции интертекста в поэтическом дискурсе Веры Павловой:

1. интертекст позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого.
2. Благодаря интертексту, данный текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст.
3. Интертекст, порождая конструкции «текст в тексте» и «текст о тексте», создает подобие тропеических отношений на уровне текста.
4. Интертекст характеризуется конструктивной, текстопорождающей функцией.
5. Тенденция разворачивания вокруг данного текста целого «пучка» соотносимых с ним текстов других авторов позволяет художнику слова определить свое отличие от других авторов, утвердить собственное творческое «Я» среди других и по отношению к другим. По существу, интертекстуальность становится механизмом метаязыковой рефлексии. Функции интертекста в каждом тексте определяются исключительно через «Я» автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла «своего» текста.

Проанализируем один из текстов, который по классификации Н.А. Фатеевой относится к аллюзиям:

Dama@sil.net
Ждать-не дождаться Гурова.
Доктор Апчехов, тебе привет
Из уголка Дурова
От каштанки по кличке Муму
И ее укротительницы.
Dama@um.ru,
Если мы не увидимся.[1]

Многочисленные интертекстуальные элементы включены в данный текст Павловой имплицитно, неявно, поэтому можно говорить о том, что этот пример относится к аллюзии, по классификации Фатеевой. Также интертекстуальные включения здесь дают нам возможность рассматривать данный текст как имеющий признаки стихотворения-центона, так как почти весть текст состоит из прецедентных имен и прецедентных названий разных авторов.

Первая строка текста – Dama@sil.net – это даже не столько языковая игра с прецедентным названием («Дама с собачкой» А.П. Чехова), сколько игра с графическими символами современной системы коммуникации Интернет: символ «@» называется, как всем известно, «собака», а слово «net» традиционно ставится в конце многих интернет-ссылок и адресов. Написанная латинскими буквами и выстроенная определенным образом, первая строка у читателя будет ассоциироваться, конечно, с адресом в Интернете. Но, помимо этого, она вызовет и свою основную ассоциацию – с рассказом Чехова «Дама с собачкой», а вторая строка эту ассоциацию лишь усилит, так как содержит прецедентное имя – Гуров – также герой упомянутого рассказа, возлюбленный той самой Дамы.

Данную аллюзию можно отнести к разряду атрибутированных, что является большой редкостью для аллюзий: в третьей строке Павлова конкретно называет автора текста–источника – «доктор Апчехов», опять же использую прием языковой игры и соединяя инициалы Чехова «А.П.» с его фамилией. К тому же, общеизвестен тот факт, что Чехов был врачом по образованию. Четвертая строка вновь содержит прецедентное имя, но уже другого рассказа Чехова – «Каштанка». Используя перифраз – «уголок Дурова» – «цирк», автор также

[1] Павлова В.А. Вездесь. М., 2002. С. 68.

вызывает ассоциации с данным рассказом, так как по сюжету собака Каштанка как раз выступала в цирке и сюжет рассказа был подсказан Чехову дрессировщиком В. Дуровым. Но в этой же строке вводится дополнительный интертекстуальный элемент – прецедентное имя «Муму», уже атрибутируемое лишь читателем как имя опять же собаки, но уже из одноименного рассказа И.С. Тургенева.

Предпоследняя строка – вновь обыгрывание интернет-символов и обозначений: Dama@um.ru. Приставкой «ru» всегда заканчиваются адреса российских сайтов, но в данном тексте с помощью приемов языковой игры – звуковое объединение стоящих рядом лексем и порождение новой лексемы – получается русское слово «умру».

В анализируемом тексте имплицитно обозначение собаки встречается 4 раза: дважды обозначением «@», и прецедентными именами «Каштанка» и «Муму», и это не может быть случайным. Образ собаки традиционно рассматривается как символ верности и безграничной преданной любви. Привлечение автоинтертекстов Павловой позволяет сделать выводы об имплицитном отождествлении лирической героини с собакой.

Е.О. Бирюкова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОК–ШОУ «ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ»)

Гендерные исследования – относительно новая отрасль гуманитарного знания, ставшая весьма перспективной и активно развивающейся областью междисциплинарных исследований, в том числе и лингвистических. Различные языковедческие дисциплины обращаются к изучению гендерного фактора, дополняя и расширяя общее представление о нем. В нашем случае особое внимание уделяется гендерным особенностям языковой личности в условиях телевизионного дискурса, который дает богатый материал для такого рода исследований, поскольку он не только передает информацию, формирующуюся в обществе, но и сам активно продуцирует стереотипы, связанные с понятиями маскулинности/феминности.

Работая над созданием речевого портрета языковой личности, «т. е. человека в его способности совершать речевые поступки»[1], в условиях медиадискурса, необходимо учитывать следующие аспекты: 1) статусно-ролевой; 2) гендерный и 3) поведенческий. Отметим, что понятие гендер подчеркивает не столько природную, сколько психологическую и социально-культурную причину межполовых различий.

Представим некоторые различительные признаки мужского и женского стиля общения в сводной таблице:

Параметры сравнения	*Особенности ЯЛж*	*Особенности ЯЛм*
Интонационный рисунок	Использование широкого спектра тона и частое изменение тональности; характерно удлинение ударного гласного (доморо-о-щенный); интонационный рисунок более эмоциональный и выразительный	Варьирование в высоте тона не выражено; наряду с удлинением ударного гласного, представлена также растяжка согласного (з-зл-остный)
Лексика	Специальная экспрессивная лексика. Чрезмерное использование определенных наречных форм (неприятно, отвратительно, чересчур и др.) и эвфемизмов	Жаргонная, грубая и табуированная лексика
Синтаксис	Паратаксис (сочинение, перечисление)	Гипотаксис (подчинение)

[1] Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. С. 5.

Вопросы	Чаще задают вопросы, чтобы начать новую тему, смягчить высказывание, вовлечь человека в беседу, получить информацию	Мужчины чаще констатируют, утверждают и требуют
Юмор в ситуации речевого общения	Меньшая свобода, хотя сейчас и среди женщин возможен активный, агрессивный юмор	Большая свобода в использовании юмора, допустимы грубые шутки

К перечисленным сведениям добавим еще то, что мужчины реже соглашаются с критикой, чаще прибегают к иронии, ссылкам на авторитеты, используют меньше речевых средств, выражающих неуверенность, и в результате производят впечатление более компетентных и уверенных в себе и своей правоте специалистов, т. е. более успешно добиваются так называемого «статуса эксперта». Типической чертой построения текста, свойственной женщинам, является включение в ход разговора тематики, которую порождает обстановка речи. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую «психологическую глухоту» – увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики с ней не связанные. В мужской речи отмечается также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия». Особый интерес в гендерном отношении представляет передача «Школа злословия», где гостем был Александр Гордон. Считается, что люди образованные, а все участники разговора – личности интеллектуальной, творческой деятельности (Татьяна Толстая – писательница, ведущая; Авдотья Смирнова – сценарист, ведущая; Александр Гордон – актер, теле– и радиоведущий, режиссер), менее склонны к яркому проявлению гендерных различий, но в условиях ток-шоу «Школа злословия» данная точка зрения не подтверждается. Связано это во многом со спецификой передачи, с ее игровым характером, со стремлением ведущих осуществить психоанализ личности гостя, определить его жизненные принципы, стремления, интересы, и гендер в этом отношении может дать богатый материал для размышлений.

Все аспекты анализа языковой личности в рамках телевизионного дискурса взаимосвязаны между собой. Так, например, статусно–ролевые характеристики напрямую взаимодействуют с гендером. Внешне в передаче лидирующую, значимую роль отводят Александру Гордону. В начале программы ведущие подтверждают «статус эксперта» гостя: *«Меня зовут Дуня Смирнова. Наша программа называется «Школа злословия». В этой школе мы все одновременно и учителя и ученики, но человек, которого мы сегодня пригласили, запросто мог бы быть автором методичек по интересующим нас вопросам»*. И Александр Гордон, в свою очередь, неоднократно подтверждает этот статус, который ярче обозначается на фоне постоянной «женской непонятливости» ведущих, особенно Авдотьи Смирновой. Вот интересный пример коммуникативной игры:

«*Авдотья Смирнова: Минуточку, объясните, пожалуйста, что такое феромоны.*

Татьяна Толстая: Ну, будто есть такие феромоны, которые летают там как бабочки.

Александр Гордон: Не-не, не будто, а точно совершенно. Феромоны – это вещества…

Татьяна Толстая: Это половые аттрактанты.

Александр Гордон: Да, это половые аттрактанты, которые вырабатываются…

Авдотья Смирнова: Ну, теперь-то это и ежу понятно, сказали бы так сразу!»

Комический эффект ситуации заключается в том, что непонятное слово «феромоны» объясняется еще более непонятным словосочетанием «половые аттрактанты».

Обозначим некоторые характерные черты «мужского» стиля общения, проявляющиеся в речи А. Гордона. У него наблюдается ярко выраженная логичность построения высказывания и связанное с этим стремление к точности номинаций, к структурированию высказывания, к фактическому подтверждению информации, склонность к активному использованию терминологии. Все это поддерживается убеждающей интонацией и избираемыми стратегиями объяснения, совета, разъяснения. Приведем пример со стремлением к точности номинации: *«Александр Гордон: Интеллект – это врожденное свойство головного мозга отбирать, организовывать и формулировать информацию…».* Стремление к логически стройному

и безупречному выражению мысли проявляется и в использовании терминов, например: *«А дальше была легкая флуктуация в физическом вакууме. Ну, вот возмущение некое и произошло все, что произошло»*. Отметим, что Александр Гордон склонен к абстрактным размышлениям и обобщениям. Такая излишняя четкость, интеллектуализация изложения вызывает у ведущих своеобразный протест, воплощаясь в различных приемах языковой игры. Например, в беседе ведущих «за кадром» обыгрывается такое сравнение: *«Авдотья Смирнова: А у него все так. У него такое хозяйство, да, умственное хозяйство и там по полочкам с такими табличками»*. Неоднократно обыгрывается и использование Гордоном разнообразных терминов. Так, на слова гостя про флуктуацию Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова во время отступления отреагировали следующим образом: *«Авдотья Смирнова: То есть возник весь этот прекрасный мир…*

Татьяна Толстая: Икнул и…

Авдотья Смирнова: Облака, звезды, угу, деревья (…)

Татьяна Толстая: Весна, феромоны, флукту, флуктуйнулся он и вот и все».

Термин, употребленный А. Гордоном, обыгрывается Т. Толстой. Возникает окказиональный глагол *«флуктуйнулся»*. Вообще, способность к языковой игре является характерной особенностью ведущих программы «Школа злословия». Под языковой игрой мы понимаем те явления, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное»[1]. Способность к языковой игре у А. Гордона не так заметна во многом потому, что ведущие имеют возможность обсуждать беседу за кадром, но все-таки языковой личности А. Гордона свойственна самоирония и ирония как таковая. Например, герой долго и обстоятельно объяснял, что такое эмоции и чувства и в чем их различие. Ни Т. Толстая ни А. Смирнова не могли взять в толк, чем отличаются эмоции от чувств, наконец, А. Смирнова говорит: *«Я прошу прощения, но повторите для тупых,*

---

[1] Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172.

пожалуйста». На что А. Гордон отвечает: *«Ну, я пытаюсь найти формулировку, чтобы самому понятно стало, щас (трет глаза)».* Здесь очевидна самоирония гостя.

Подведем некоторые итоги относительно того, какие гендерные особенности проявляются в речи Т. Толстой, А. Смирновой и А. Гордона.

Гендерные особенности ЯЛ Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой	Гендерные особенности ЯЛ Александра Гордона
1) Специальная экспрессивная лексика, использование определенных наречных форм и эвфемизмов (*жутко обаятельный, совершенно ядерный грипп, вы чуточку перевернули, ой, фу, страшно интересно и т.д.*) 2) Задают вопросы, чтобы вовлечь человека в беседу, получить информацию. Интерес к чувствам и внутреннему миру собеседника, к его деятельности: *«Авдотья Смирнова: Нет, мы очень как раз хотим поговорить, потому что вы, так сказать, умудряетесь поддерживать такой уровень дискуссии и с гуманитариями и с естественниками. Как это делается?»* 3) Больше речевых средств, выражающих неуверенность: *разве, на самом деле, по-моему* 4) Стремление уйти от	1) Стремление к точности номинации: *«Эмоция, с моей точки зрения, это реакция организма на раздражитель…».* 2) Частое использование терминов: *корреляция, феромоны, физический вакуум, флуктуация.* 3) Подтверждение своей точки зрения фактами: *«Цифры, да, у меня есть. Это около 80–120 тысяч в зависимости от рейтинга по Москве ежедневно смотрят и около миллиона по России».* 4) Чаще констатирует, убеждает, требует: *«У него возникает нормальное половое возбуждение, которое тоже чувством не назовете (недоумение на лице Татьяны Толстой). Не назовете (убедительным тоном), у него возникает половая эмоция, он привлечен».* 5) Больше речевых средств, выражающих уверенность, причинно-следственную связь мыслей: *я*

чистой абстракции. Например, во время рассуждений о феромонах: *«Татьяна Толстая: …и вот он ее страстно полюбил, жить без нее не может, сам себе это не может объяснить. Она волнует уже не феромонами, а, я не знаю чем, домашними тапочками».*	*думаю, значит.* 6) Стремление к обобщениям и абстрагированию (рассуждение об ощущении *интеллектуального ужаса*). 7) Злоупотребление временем для вербальной самопрезентации.

А.В. Овруцкий,
Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА

Гендер рассматриваем как целостную систему, в которой эксплицируются аксиологические, онтологические, социальные и иные аспекты половой дифференциации. Полагаем, что в конструировании такой системы ведущая роль принадлежит потребительским практикам. Потребление выступает в этом аспекте специфическим дискурсом, конструирующим гендер. С одной стороны, гендер влияет на потребление, задает формально-содержательные рамки этого процесса. С другой, – само потребление в значительной степени формирует гендер.

На самых ранних этапах истории человечества происходит дифференциация мужских и женских потребительских практик, что становится первым механизмом формирования гендера. Такой процесс детерминирован различными видами деятельности и определяет, в свою очередь, типы хозяйствования и в дальнейшем типы социально-экономической формации.

Как указывает Т. Веблен, особенностью потребительского мира древности является факт восприятия определенной части человечества как товара, который захватывается в военных походах как трофеи, может обмениваться и продаваться, как и любой иной

неодушевленный товар, и к которому автор относит рабов и женщин[1]. Понятие собственности распространятся от женщин как объектов собственности на продукты их труда, и возникает собственность на вещи[2]. С самых ранних периодов общества главной функцией мужчин является потребление того, что произвели женщины, а потребление женщин – это средство продолжить работу.

Отметим, что в рудиментарном виде такая ситуация остается и в современном мире: продукты женского труда (ведение домохозяйства) в социальных представлениях принадлежат мужчине. Например, распространенная традиция собирать приданое (groomwealth) в культурологическом смысле может рассматриваться как «матримониальная компенсация в обмен на услуги будущего мужа»[3].

Т. Веблен также отмечает, что потребление становится маркером высокого статуса, а производство – маркером низкого класса: «непроизводительное потребление материальных ценностей почетно…как знак доблести и необходимое условие сохранения человеческого достоинства…»[4]. С этим связан запрет на потребление некоторых продуктов для женщин, детей, рабов и низших классов, которые должны потреблять лишь самое необходимое для поддержания жизни, например, с давних времен приготовление и поднесение к столу спиртных напитков было прерогативой женщин, а их потребление – исключительно мужчин[5]. Даже женское потребление предметов роскоши детерминировано мужчинами и закреплено в потребительских практиках как признание его высокого социального статуса[6].

Анализируя гендерные дифференциации в потреблении П. Бурдье указывает, что эта оппозиция обнаруживается во всех «телесных практиках» (а также в дискурсах), особенно в самых на вид незначительных, которые в этом качестве служат «памяткой,

---

[1] Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 74.
[2] Там же.
[3] Годелье М. Загадка дара. М., 2007. С 47.
[4] Там же. С. 109.
[5] Там же. С. 110.
[6] Там же. С. 111.

хранящей самые глубинные ценности группы, ее наиболее фундаментальные «верования»[1].

Например, практически во всех кулинарных практиках укоренилось представление о различие мужского и женского пищевого рациона. Первый тип должен отвечать требованию максимальной калорийности и высокому содержанию белков. Это, как правило, мясная пища. «Женский тип» рациона – молочный и углеводный, к нему относится и так называемая десертная, «сладкая пища».

П. Бурдье показал, что в среде французского рабочего класса рыба считается «женской едой», не подходящей для мужчин, т.к. это легкая пища, которую готовят как диетическую, т.е. для больных и для детей, и вместе с фруктами (исключая бананы) она принадлежит к категории тех деликатных вещей, с которыми «не могут управиться руки мужчины» – ее требуется есть небольшими кусочками, слегка пережевывая, используя переднюю часть рта, на кончиках зубов (из-за рыбьих костей)[2]. Вся мужская идентичность (мужественность) ставится под вопрос в этих двух манерах есть: первая – кончиками губ и небольшими кусочками, как женщины, только которым и подходит ковыряться в тарелке; вторая – полным ртом, всеми зубами и большими кусками, как подобает мужчинам[3].

Продукты питания не являются в этом случае исключением, и гендерная дифференциация происходит на всем потребительском поле. Весь массив товаров и услуг в той или иной степени означен гендерным знаком.

Современные гендерные исследования фиксируют все новые различения между мужским и женским потреблением. Например, имеет место дифференциация в принятии решений о потреблении мужчин и женщин в традиционных и нетрадиционных семьях[4]. А в целом мужчина, как правило, является доминирующим началом в

---

[1] Бурдье П. Различение: социальная критика суждения Экономическая социология. Электронный журнал. Том 6. № 3. Май 2005. С. 39 [электронный ресурс]: www.ecsoc.msses.ru

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Kroeber–Riel W., Weinberg P. Konsumentenverhalten, Verlag: Vahlen, 2003. S. 458.

вопросах финансового менеджмента и сберегательном поведении семьи, а также относительно потребления сложных электрических товаров, в тот время как женщина принимает решения относительно повседневного потребления предметов домашнего обихода[1].

Многие исследователи отмечают значительное влияние гендерного фактора на эволюцию потребления. В частности, появление потребительского общества во многом связано с определенными гендерными изменениями. По мнению Дж. Гэлбрейта, индустриализация XVII–XVIII вв., наводнившая рынок качественными и недорогими товарами широкого спроса, приводит женщину к освобождению от традиционного женского семейного труда (прядение, ткачество, изготовление одежды, сельскохозяйственных работ), в силу этого у женщины появляется свободное время[2]. Кроме того, процесс индустриализации совпадает с локальным социальным изменением: в домашних хозяйствах исчезает позиция слуги-лакея, который традиционно занимается вопросами семейного потребления. А возникшая вакансия приводит женщину-домохозяйку к новым обязанностям, и начинается эпоха безграничного потребления[3].

Отметим, что слуга-лакей в осуществлении своих обязанностей ориентировался на оптимальное и экономное расходование ресурсов семьи – именно в этом состоял его профессионализм. Когда же семейным потреблением начинает заниматься хозяйка дома, возникает иной социальный и психологический контекст. Ценность оптимальных трат может уступать место иным ценностям, например, соответствию моде или следованию аффилиативным мотивам.

Автор также подчеркивает, что для домохозяйки социальная жизнь становится «демонстрацией виртуозности в выполнении этих функций, своего рода ярмаркой для демонстрации женских добродетелей»[4]. Для «закрепления» такой роли в общественное сознание активно

---

[1] Kirchler, E. Kaufentscheidungen im privaten Haushalt. Eine sozialpsychologische Analyse des Familienalltags. Hogrefe Verlag, 1989. S. 166.

[2] Гэлбрейт Дж. Экономические теор. и цели общ-ва. М., 1979. С. 59.

[3] Там же. С. 57–66.

[4] Там же. С. 60–61.

имплантируется идея о добродетельности такой женщины, формируется своеобразный стандарт женского поведения.

Иллюстрации положений Дж. Гэлбрейта можно найти в рекламной практике. Американские исследователи отмечают, что в 20-е гг. прошлого века в рекламной картине мира впервые начинается дифференциация общественной «мужской» рабочей зоны в офисе и частной «женской»[1]. Домашняя «женская» зона становится здесь самой важной с точки зрения разнообразия потребительских товаров и услуг, а также готовности целевых групп их интенсивно потреблять.

В этом контексте хорошо объяснимы многочисленные данные о количественном доминировании женского потребления над мужским.

Например, социологический анализ французского общества позволил П. Бурдье сделать вывод, что во всех социальных стратах женщины тратят на одежду больше, чем мужчины, а количество покупок увеличивается с ростом социального статуса потребителя[2].

Анализируя современное западное потребление, американские авторы М. Зальцман, А. Мататиа и Э. О'Райли приходят к выводу, что ориентация экономики на сервис приводит к «неотвратимому и естественному» возрастанию власти женщины[3]. По мнению авторов, «женской природе в наибольшей степени соответствуют» и такие феномены современности, как сетевой маркетинг и разнородность, многофакторность жизни[4].

Вместе с тем, лидирующие роли в потреблении могут меняться. Отечественный исследователь С.А. Ушакин выдвинул гипотезу, согласно которой в периоды общественных трансформаций происходит смена лидирующей роли в потреблении от женщины к мужчине[5]. В проведенном исследовании потребительских репрезентаций современной России он показал, что лидером в

---

[1] О' Гуинн Т.С., Ален К.Т., Семеник Р. Дж. Реклама и продвижение бренда. Пер. с англ. СПб., 2004. С. 102.

[2] Бурдье П. Указ. соч. С. 45.

[3] Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. М., 2007. С. 30.

[4] Там же.

[5] Ушакин С. А. Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // Соц. журнал. 1999. № 3–4. С. 187–214.

потреблении становится мужчина, в отличии, например, от советского периода, где ведущая роль потребителя отводилась женщине.

Как мы уже отмечали раннее, на гендерные потребительские предпочтения оказывается системное маркетинговое воздействие. По мнению Т.С. О'Гуинн и др., с конца 1970-х гг. американские рекламисты открыли для себя работающих женщин, которые стали излюбленной аудиторией для продвижения громадного числа товаров и услуг[1]. Женщины остаются самыми главными потребителями товаров и услуг так называемого HNWI и Ultra HNWI сегментов (High Net Worth Individuals – высшая материальная страта). На этом потребительском уровне сосредоточены главным образом женские бренды (Gucci, Prada, Cartier, Bulgari и др.).

Анализируя гендерное позиционирование товаров и услуг мы выделяем три основных его типа.

1. Усиление гендерной привязки. В этом случае «мужской» товар делается еще более мужским, и наоборот. Например, «Арсенальное – пиво с мужским характером», или «SonyEricsson – он мог бы понравиться мужчинам, но создан специально для женщин».

2. Гендерное репозиционирование. Этот вариант предполагает наделение товаров и услуг определенным гендерным знаком, в какой-либо степени противоречащим традиционной гендерной привязке. Например, шоколад «Nestle – for men», мужская косметика Givenchy Man или «Шпилька – водка для настоящих леди». Такое гендерное расширение позволяет производителю увеличить продажи и, тем самым, свою прибыль.

По мнению отечественного исследователя В. Ильина, со второй половины прошлого века происходит «массированная символическая атака и вторжение женщин на мужские привилегии и веками неприступное пространство мужской субкультуры[2]. Автор приводит в качестве примера потребительского раскрепощения женщин такой, некогда сугубо мужской, вид деятельности как вождение автомобиля.

---

[1] О' Гуинн Т.С., Ален К.Т., Семеник Р.Дж. Указ. соч. С. 187.

[2] Ильин В. Поведение потребителей [электронный ресурс]: http://socnet.narod.ru/libary/authors/Ilyin/consumption/content.htm (10.10.09).

В то же время в последние годы обозначился и обратный процесс: традиционная женская субкультура становится доступной в потреблении определенной категории мужчин (мужская мода, мужская косметика, мужская индустрия красоты и т.д.).

3. Произвольное нивелирование гендерных границ. Примерами такого типа позиционирования являются товары и услуги сегмента унисекс. Унисексуальность в потреблении впервые возникает в 60-е годы прошлого века и активно представлена вплоть до сегодняшнего дня в брендах подростковой и молодежной одежды (например, Pierre, Cardin, Calvin Klein), парфюмерии (тот же Calvin Klein, Gianfranco Ferre, ароматы Jean Claude Ellena), и в несколько меньшей степени на рынке аксессуаров и причесок.

Все описанные типы гендерного позиционирования активно используются в маркетинговой практике и существенно влияют на общую гендерную ситуацию. Таким образом, гендер неразрывно связан с потреблением и выступает одним из его основных качественных измерений, а потребительский дискурс можно рассмотреть одним из важных механизмов конструирования гендера.

Анализ гендерных различий возможно проводить на материале потребительской феноменологии, т.к. в потреблении репрезентируются гендерные взаимодействия, а также формируются новые их виды. Гендерное неравенство закреплено в потреблении, воспроизводящей системой которого является маркетинг и массовая культура, а произвольное и технологичное оперирование гендерными знаками с помощью маркетинговых технологий позволяет экономической системе повышать свою эффективность.

Е.Ю. Брижань,
Симферополь, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

О РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГЕНДЕРА

Общественная ситуация сегодняшнего дня демонстрирует повышение интереса к понятию «гендер», а также к его социально-регулятивной роли. *Целью* данной статьи является определение функции данного феномена. Определение того, в каких условиях

гендер превращается из исследовательского концепта в действующую социально-регулятивную функцию.

В качестве первой *задачи* необходимо произвести разделение между понятиями «гендерное равноправие» и «равноправие полов», а также отдельно остановить внимание на словосочетании «половое равенство». Вычленив гендер из круга смежных понятий, будет легче исследовать условия, в которых обращение к понятию «гендер» является единственным возможным решением социальной проблемы.

В современном обществе тотально распространилась автоматическая замена понятия «гендер» на понятие «пол» с учетом всего спектра представлений об анатомических признаках пола. Однако, отождествление понятия «гендерное право» со словосочетанием «равноправие полов» недопустимо с точки зрения исследовательской практики и общественной пропаганды. Данный факт легко объясняется. Во-первых, пол правом обладать не может**,** поскольку при установлении *равноправия в государстве пол,* наряду с другими признаками, не имеет значения. Употребление словосочетания «равноправие полов» **–** не корректно с точки зрения словарного понятия «равноправие» (граждан). К *юридическому равноправию пол не имеет отношения*.

Во-вторых, необходимо помнить, что пол – прежде всего, биологический признак человека, а значит *действительным* нарушением равноправия полов можно назвать только *тот* случай, когда субъект лишается жизни в связи только с половой принадлежностью. Современный социум демонстрирует полное соблюдение *равноправия полов*.

В свою очередь, довольно распространенная фраза, фигурирующая во многих серьезных исследованиях, «*борьба за половое равноправие*» несет такую смысловую нагрузку, благодаря которой современный социум предстает в виде некой жестокой общины сумасшедших, которые не знают о равноправии полов перед лицом природы. Через призму этого словосочетания одна из половин человечества (чаще всего, именно мужская) представляется в качестве агрессора и даже своевольного палача для другой половины (соответственно, женской). Действительность же – не такова. Представляется верным сегодня открыто предостерегать исследователей и политиков от использования данной формулировки. Опасность её употребления состоит в том, что она представляет собой

название мировоззренческого мифа, способного, благодаря масштабам своего распространения, реально разжигать вражду между представителями разных полов.

Предпринимая попытки при помощи гендерного права регулировать непростые отношения между представителями разных полов в социальной сфере, необходимо ориентировать участников спорных ситуаций на *паритет полов*. Это тот случай, когда две стороны межполовых социальных отношений на уровне коммуникации выказывают взаимное уважение и заявляют об отсутствии претензий к половой принадлежности другого человека.

Хотелось бы отдельно остановить внимание на словосочетании «половое равенство». Большой энциклопедический словарь трактует так: Равенство – в логике и математике – отношение взаимной заменяемости объектов, которые именно в силу этой заменяемости и считаются равными (a = b)[1]. Словосочетание «равенство полов» буквально означает, что если мужской пол не имеет возможности справиться с задачей, то её может выполнить – женский, и наоборот. Бессмыслица заключается в том, что равенство предполагается установить между *полами*, в то время как половые задачи мужского и женского организмов анатомически заданы абсолютно разные, неравные. Мужской организм не может выносить и родить ребенка, женский организм не способен на семяизвержение,– организмы в целом зачастую выполняют различные функции. Благодаря именно половым особенностям организмов у мужчин и женщин различное строение тел (формы, размеры, кожа …). Словосочетание «половое равенство» с точки зрения словарных значений имеет только один смысл – оно представляет собой *образцовое логическое противоречие, оксиморон.* Вполне вероятен характер спекулятивности сведений о виде *социальной* несправедливости под названием «неравенство полов». Неравенство полов – природный факт, оно необходимо для существования человечества. Половое неравенство не имеет отношения к социальному неравенству, и даже не относится к гендерному неравноправию. Действительное неравенство полов находит свой смысл и имеет значение только на уровне личного опыта отдельного человека.

---

[1] http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/249166 ссылка сделана 22.04.10.

Итак, *гендер* – это вид поведения человека, обусловленный теми общественными установками (или ожиданиями), которые лингвистически относят субъект к мужскому или женскому роду. *Гендерное право* можно охарактеризовать как право субъекта на поведение, устанавливаемое для мужчин и право этого же субъекта на поведение, устанавливаемое для женщин. Гендерное право должно реализовываться в независимости от половой принадлежности субъекта.

Нарушением гендерного права можно считать отказ женщинам в гражданском праве на поведение, определяемое социумом как «мужское» или отказ мужчинам в гражданском праве на поведение, определяемое социумом как «женское». Здесь необходимо указать, на чем основаны общественные установки и ожидания, и каковы признаки сугубо мужского и сугубо женского поведения.

Реализация гендерного права дает возможность субъекту свободно осуществлять миграцию в пределах мужского и женского родов, из одной роли – в другую. В условиях постоянной межполовой коммуникации эту возможность человек реализует почти автоматически. Так стирается грань между спецификами поведений, и возникают необходимые для взаимопонимания условия разумного, «бесполого» общения, а значит общения «на равных».

Реалии современного общественного устройства обусловили феномен тесного контакта между представителями разных полов, не ориентированного на половой акт. В процессе развития общества возник новый вид взаимдействия между полами – «неполовое», основанное на «бесполом» контакте. Совместная разработка социального проекта (кроме примера с семьей как социальным проектом) с участием представителей разных полов обуславливает ситуацию, в которой половое различие не играет роли, а половые признаки сведены к формальным отличиям без учета существенных половых признаков. Именно в такой рабочей среде происходит «выход» на понятие о другом виде «пола», социологи склонны называть этот новый вид – «гендером». «Гендер» является чрезвычайно узким понятием, характеризующим человека с точки зрения его одежды и некоторых особенностей поведения. Именно поэтому гендерное право предусматривает лавирование из одной роли в другую и не запрещает мужчинам «быть» женщинами, а женщинам «быть» мужчинами, поскольку сути половых признаков

гендерное право не касается. Например, в решении задач социального характера женщине именно гендерное право позволяет принимать максимально волевые решения, жесткие, быть непоколебимой в отношении сомнений или угроз, даже если их высказывает мужчина. Гендерное право позволяет женщине, например, уйти от страха перед самостоятельным выбором, брать на себя большее количество ответственности – не быть женщиной в традиционном смысле этого слова. В ситуации с мужчинами гендерное право дает возможность, например, без потери половой идентичности добровольно подчиняться женскому решению (например, если женщина руководитель). Однако *гендерное право* работает исключительно в ситуации, когда тесный контакт между представителями разных полов не имеет своей целью половой акт. Социальная сфера не идентифицирует половые порывы, интенции и желания в качестве важных, относя данные особенности в разряд дел «личного характера», оставляя для формального распознания граждан только социальный аспект пола – одежду и поведение.

Необходимо отметить, что областью востребования гендера также становится достаточно узкий круг возможных ситуаций. В случае, если женщине отказано в работе на основании, например того, что она беременна, речь не идет о нарушении гнедерного права, поскольку ущемляются сущностные половые интересы и естественные права, в данном случае, естественное право на вынашивание детей. Такого рода ситуации можно отнести к *нарушению прав человека*. Ситуация, в которой женщине отказано в платеже алиментов на родившегося ребенка также не является нарушением гендерного права, поскольку ситуации, когда человек остается с «ребенком на руках» может оказаться и мужчина. В этом случае речь идет о *нарушении прав гражданина* определенного государства, а также о несоблюдении гражданского права на социальное обеспечение.

Итак, вопрос о том, какова же регулятивная функция гендера, остается открытым. Еще раз необходимо вернуться к определению того, что нарушением гендерного права можно считать отказ женщинам в праве на поведение, определяемое как мужское, и отказ мужчинам в праве на поведение, определяемое в качестве женского. Таким образом, ни женщину, ни мужчину нельзя уволить с работы на основании того, что работник ведет себя «по-женски», или указав причиной слишком крутой мужской нрав. Если женщина ведет себя

«по-женски», её нельзя за это уволить с работы, и если мужчина ведет себя «по-женски», его также нельзя за это увольнять. Также гендерное право не позволяет ущемлять права человека в социальной сфере, если гражданин, не зависимо от пола, ведет себя «по-мужски». Гендерное право позволяет женщинам осваивать так называемые «мужские» и «женские» профессии, так же и мужчинам благодаря существованию гендерного права непредосудительно работать по «женской» или по «мужской» специальности. Ситуация, в которой мужчина работает грузчиком, а женщина секретарем также непредосудительна с точки зрения гендерного права, как ситуация, в которой женщина работает грузчиком, а мужчина – секретарем.

Апеллирование к понятию «гендер» становится чрезвычайно актуальным в моменты производственных конфликтов между разнополыми сотрудниками. Первая задача психолога на производстве в ходе разрешения ситуации, выяснить, не сработал ли в ком-либо из конфликтующих стереотип, запрещающий «слишком мужское» либо «слишком женское» поведение. Возможны ситуации, в которых подчиненные женщины ассоциируют начальника с мужем на основании признака доминирования, перенося отношения из плоскости социальных задач в сферу личной привязанности или, наоборот, неприязни. Такая же психологическая реакция возможна со стороны мужчины, когда оказавшись на месте руководителя, подчиненных женщин он начинает угнетать или превозносить по примеру отношения к собственной жене. В перечисленных ситуациях необходимо применять понятие «социального пола», не обладающего атрибутами биологического и традиционного пола.

Вывод. Сущностная составляющая гендера предполагает новое умение в человеке, а именно «не видеть» в другом его половой детерминанты, не реагировать на половые признаки, не обращаться к теме пола как к объясняющей, а в случае необходимости, воспринимать половые признаки как сугубо описательные понятия. Приведенная выше роль гендера на наш взгляд может претендовать на роль *основной* регулятивной функции гендера.

Т.В. Пахолкова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ В ПАРЕ ЯЗЫКОВ НЕМЕЦКИЙ – РУССКИЙ

Род – грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимыми с признаками пола или их отсутствием[1]. Немецкий и русский языки характеризуются наличием трехродовой системы, т.е. существованием трех классов, а именно, мужского, женского и среднего рода. Семантические основания родовой классификации довольно размыты. Лишь часть существительных, например, отражает реальные половые различия. Это названия людей и некоторых животных: *мать– die Mutter; отец – der Vater; брат– der Bruder; сестра – die Schwester; царь – der Zar; царица – die Zarin; волк – der Wolf; волчица – die Wölfin* и др. Но *сирота* в русском языке относится, как к мужскому, так и к женскому роду, а в немецком, при существовании трех лексических единиц для данной номинации, *die Waise, das Waisenkind, der Waisenknabe* через артикль проявляется грамматическое обозначение всех трех родов. Хотя средний род для характеристики человека вызывает большое недоумение. Тем не менее, в немецком языке слова *das Mädchen, das Weib, das Kind* среднего рода. Что касается слова *ребенок*, то в русском языке, оно также может относиться как к мальчику, так и к девочке, несмотря на грамматически выраженный мужской род (*маленький ребенок пошел*…). Для переводчика важно знать, что в русском языке допустимы оба варианта: *бедный сирота сказал* и *бедная сирота сказала,* а в немецком *die Waise* всегда останется существительным женского рода, *das Waisenkind*– среднего, а *der Waisenknabe*–мужского, какими бы согласованными частями речи мы не окружили эти существительные. То есть функция различения рода через артикль однозначна.

Грамматическое значение рода при его реализации в тексте может быть включено в инвариант содержания теста, и тогда его необходимо передать в точности. В качестве примера можно привести образную систему стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam…»

[1] Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М., 1990. С. 417.

несколько его переводов на русский язык. Как известно, у Гейне описываются романтические отношения между персонажами женского (*die Palme*)и мужского рода (*der Fichtenbaum)*. А в переводе М.Ю. Лермонтова исчезает мужской род, т.к. автор предлагает «*пальму» и «сосну*», в свое время Ф. Тютчев сохраняет аппозицию м.р. – ж.р. («*пальма»–«кедр»*), но при этом жертвует семантикой оригинала[1].

Говорящие имена в народных сказках доставляют переводчику немало проблем. Например, в сказке «*Der Froschkönig*», братьев Гримм оба слова *der Frosch* и *der König* ассоциируются с заколдованным принцем. В русском языке у слова «лягушка» женский род, поэтому переводчикам приходилось искать персонаж мужского рода, чтобы он выбрал в жены лягушку. Переводчик Г. Петников решил проблему через деминутивную форму и назвал сказку «Король-лягушонок», вернув персонажу мужской род. Но против такого приема можно бы и поспорить, так как лягушонку рано бы жениться. В ту же ситуацию попадают сказки «Волк и лиса» –«Der Wolf und der Fuchs», и многие другие сказки, где переводчик самостоятельно принимает решение по трансформации персонажа. Так в «Бременских уличных музыкантах» *die Katze – Кот Котофеич* , а der *Hund Packan – собака Хватай*. В последней ситуации для сюжета пол персонажа не играет существенной роли, поэтому автор перевода принял решение в пользу сохранения семантики. Хотя кличка собаки, представляется, не очень удачная находка переводчика.

Если в художественном произведении имеется право на вымысел в оригинале и право на трансформацию в переводе, то в реальной жизни несовпадение гендерных показателей языковых средств исходного текста и текста перевода является проблематичным. Как известно, суффикс *–in* в немецком языке – присущ лицам женского пола по роду занятий, деятельности, национальной, партийной, территориальной, религиозной и.т.п. принадлежности, как, например, *die Arbeiterin, die Schauspielerin.* Большинство подобных существительных имеют соответствия в русском языке, сохраняя при этом гендерную маркировку (*работница, актриса).* Потенциально возможные русские соответствующие суффиксы *–ица, –ка, –ша.*

---

[1] Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М., 2004. С. 216.

Другое дело, что в русском языке намного разнообразнее представлены словообразовательные элементы для обозначения пола, и нет никакого правила, по которому переводчик мог бы догадаться, какой именно суффикс получит данное лицо в переводе на русский язык. Это и создает проблемы для иностранцев и переводчиков с немецкого на русский. Отсутствие четких словообразовательных моделей приводит к многочисленным переводческим ошибкам, так как: *die Ärztin– врач; die Russin– русская; die Herzogin– герцогиня; die Müllerin – мельничиха; die Kommunistin – коммунистка; die Dichterin– поэтесса; die Zeugin–свидетельница; die Gamahlin– супруга.*

Тем не менее, вышеуказанные примеры поддаются передаче на русский язык и обратно на уровне морфемы. То есть к основе существительного мужского рода прибавляется, как правило, суффикс, (какой именно, переводчику на русский приходится справляться в словаре).

Но главная опасность таится в несовпадающих способах образования женского рода для некоторых лиц. При нарушении выше указанной словообразовательной модели переводчик вынужден прибегать к передаче лексемы не морфемным способом. Это может быть описательный перевод: *die Dozentin– преподавательница высшего учебного заведения.* Но по причине громоздкости описательной конструкции в письменном переводе, да часто и в устном общении, принята вторая форма *die Dozentin –доцент,* несущая отсутствие гендерных показателей. В немецком языке к таким существительным относятся: *der Präsident – die Präsidentin, der Kanzler– die Kanzlerin, der Kollege– die Kollegin, der Genosse– die Genossin, der Ingenieur – die Ingenieurin* и др. При переводе с русского на немецкий игнорирование рода в данных лексемах является типичной ошибкой. Например, вместо *die Bundeskanzlerin Angela Merkel* неверно употребляют *der Bundeskanzler Angela Merkel* под влиянием интерференции норм русского языка *бундесканцлер Ангела Меркель.* Употребление суффикса – *ша*, несмотря на потенциальную возможность здесь недопустимо, т.к. несет стилистическую окраску разговорности (ср. *die Generalin – генеральша).*

По поводу суффикса *–ша* следует упомянуть использование его при основах фамилий. В немецком языке при этом нормативен универсальный «женский» суффикс *–in: die Müllerin – Мюллерша.* Но

как быть с фамилией *Шульц* или *Шмидт?* Здесь переводчику не удастся придать сниженный стиль при номинации этих женщин, но только на русском языке. То есть, по-немецки допустимо *die Schulzin, die Schmidtin*, а по-русски придется передавать их нейтральным стилем: *жена Шульца и жена Шмидта.* Если же контекст предполагает сниженный стиль, следует использовать дополнительные лексические средства, либо прием компенсации для характеристики персонажа.

Данный аспект выражения гендерных показателей преломляется в переводе наименований лиц по месту жительства, профессиональных номинациях, религиозных и некоторых других родовых характеристик. В статье рассмотрены лишь некоторые переводческие проблемы при передаче гендерных различий в паре языков немецкий–русский. И хотя «род считается пережиточной, «палеонтологической» категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления, и потому представляет интерес для исторической лингвистики»[1], языковедам есть еще над чем поработать и сегодня.

Н.П. Сухарева
Череповец, Череповецкий государственный университет,

ВЕРБАЛЬНО-НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЖСКОГО ПОВЕДЕНИЯ С ЖЕНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ S. FRÖHLICH, C. KLEIS «DEUTSCH–MANN, MANN–DEUTSCH»)

Интерес к трактовке поведения с гендерной точки зрения остается актуальным во все времена, поскольку сами половые взаимоотношения представляются вечной темой, пока существует жизнь.

Целью данной статьи является представление интерпретации мужского поведения с женской точки зрения на материале немецкого языка.

В исследованиях, посвященных лингвистике гендера, в настоящее время подробно изучены вербальное поведение мужчин и женщин и гендерные особенности речевого использования языковой системы на

---

[1] Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М., 1990. С. 418.

фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях на материале русского языка[1]. Что касается других языков, следует подчеркнуть, что гендерная концептосфера представляет собой разрозненные исследования, целью которых является представление тех или иных сторон межполовых взаимоотношений (см., напр., Балашова 2007[2], Вильмс 2007[3], Паскова 2007[4] и др.). Данная ситуация обусловливает актуальность предложенного исследования, в частности, изучения вербально-невербальной интерпретации мужского поведения с женской точки зрения на материале немецкого языка.

Что касается немецкой гендерной концептосферы, то следует указать на то, что историко-сопоставительный анализ признаков «любовь», как отмечает Л.Е. Вильмс, в немецкой лексикографии на материале энциклопедический и филологических словарей может быть представлен в трех культурных доминантах. Немецким языковым сознанием однозначно осуждаются такие проявления любви, как безрассудность, открытая демонстрация чувств; отрицается мистический характер любви. Негативно оценивается в немецком культурном социуме назойливость, неумение сдерживать эмоции. Немецкое языковое сознание скорее оценивает поведенческие характеристики в любовных отношениях иронически, чем с осуждением. Немецкое языковое сознание характеризуется определенным консерватизмом и не стремиться вербализовать нюансы любовных переживаний, ограничиваясь новообразованиями от нейтральных глаголов общего типа и широкой семантикой словарного состава. Культурологические признаки в описании понятия «любовь» для носителей немецкого и русского языков частично универсальны, частично специфичны и основаны, прежде всего, на «пламени», «жаре», «огне», «горении». Однако в немецком языке образ любви никак не представлен лексикой «дыхания», «кипения

---

[1] Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
[2] Балашова Е.Ю. Любовь и ненависть // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М., 2007. С. 111 –129.
[3] Вильмс Л.Е. Любовь // Антология концептов… С. 102 – 111.
[4] Паскова Н.А. Женщина // Антология концептов… С. 346 – 356.

жидкости», практически отсутствуют ассоциации с колдовством, чародейством, волшебством, которые отражены в русском языке[1].

Взаимоотношения мужчин и женщин в Германии, в частности, их равноправие закреплено в основном законе страны, как и во многих современных обществах. Так во многих сферах женщины не только догнали, но и перегнали мужчин, например, в сфере образования. В гимназиях, по данным международного издания «Tatsachen über Deutschland» за 2008 г., девушки составили 56% выпускников, число молодых женщин, зачисленных в различные университеты, составляет 54%. Из числа обучающихся, которые в 2006 г. успешно сдали государственные экзамены, 43% – молодые женщины. Все больше женщин в Германии успешны в профессиональной жизни: в западной Германии 67% женщин работают, а в восточной – 73%. Правда, в то время как мужчины в большинстве своем заняты целый день, женщины, зачастую в особенности с малолетними детьми работают неполный рабочий день.

Что касается заработных плат, как и раньше, существуют различия между полами, в частности женщины зарабатывают только 74% заработной платы своих коллег-мужчин, а женщины-служащие только лишь 71%. Это зачастую связано с тем, что женщины занимают более низкие должности, чем мужчины и работают на менее оплачиваемых должностях. И даже если они пробиваются на ведущие позиции, то сталкиваются, как и прежде, с препятствиями в карьерном росте. Так, к примеру, половина выпускников вузов, только треть научных работников, и лишь 15% профессоров женщины.

Главным препятствием для профессионального роста, как отмечает издание «Tatsachen über Deutschland», является то, что сеть дошкольных учреждений по сравнению с другими европейскими странами незначительно развита и что распределение домашних обязанностей относительно мало изменилось. От 75% до 90% домашних обязанностей лежит на женских плечах, хотя 80% мужчин признаются, что охотно бы провели время со своими детьми, в то время как работающие женщины проводят в два раза больше времени со своими детьми. До сих пор только женщины уходили в отпуск по уходу за ребенком. Однако в первые девять месяцев после введения

[1] Вильмс Л.Е. Указ. соч. С. 102 – 111.

оплачиваемого отпуска для второго родителя в январе 2007 года процент числа отцов, делающих перерыв в профессиональной деятельности, чтобы ухаживать за новорожденным наряду с матерью, вырос с почти 10% до 30%. Но половина мужчин, правда, остаются дома только два месяца.

В политике женщины между тем преуспели. В обеих партиях СПГ и ХДС каждый третий и соответственно четвертый член партии – женщина. Примечательно и то, что число женщин в немецком бундестаге увеличилось с 8% в 1980 г. до 30% в 2005 г. И в том же году первым бундесканцлером Германии стала женщина[1].

Проанализировав практический материал издания Langenscheidt авторов С. Фролих и К. Кляйс «Deutsch–Mann/ Mann–Deutsch. Männerverstehen leicht machen»[2], можно выделить следующие области интерпретации мужского поведения с женской (авторской) точки зрения: *Geräusche und Nonverbales, Kennenelernen, Alltag, Kinder, Shoppen, Job.*

Что касается первой группы *Geräusche und Nonverbales* авторами отмечается, что пантомима является одним из преобладающих мужских достоинств. Вместо большого количества слов мужчины используют предпочтительнее язык тела в противовес женщинам, пользующимся чаще вербальными средствами общения. Например: *Armlehnen–Okkupation* означает *alles meins. Seit die Möglichkeiten, ganze Kontinente zu entdecken, eher gering geworden sind, muss sich der Mann eben mit solchen Ersatzhandlungen begnügen. Schneuzen oder Spucken* интерпретируется женским сознанием как *symbolische Befreiung von Blokaden*.

В ситуации знакомства *Kennenelernen* мужчины активнее используют вербальные средства общения, чтобы пригласить в кино, в кафе, сделать комплимент. Они замечают даже новую прическу своей партнерши. Но, как отмечают С. Фролих и К. Кляйс, в 75% это начальные инвестиции, переходные явления, поэтому самую важную информацию нужно донести до мужчины в начале формирующихся отношений. Если мужчина говорит: *Zu mir!* он думает: *Jetzt habe ich*

---

[1] Tatsachen über Deutschland. Frankfurt am Main, 2008.

[2] Fröhlich S., Kleis C. Deutsch–Mann, Mann–Deutsch. Männerverstehen leicht machen. Berlin, München, 2005.

extra für sie zwei Tage lang aufgeräumt und sogar das Klo geputzt! Das darf nicht unsonst gewesen sein. Если он говорит: *Zu dir*, то думает: *Daheim wartet meine Frau oder Meine Wohnung ist eine Müllkippe*. Или слова мужчины *Ich kann mich noch nicht binden* следует интерпретировать как *Ich werde mich nie binden.*

В повседневном общении *Alltag* необходимо иметь не меньше терпения и сострадания по отношению к мужчинам. Например, если он говорит*: Ich glaube, ich habe Temperatur* значит у него *...im Hochsommer mal wieder die Baumwoll– mit den Wollsocken verwechselt.* Или *Mir geht es gar nicht gut* следует интерпретировать как *…am Vorabend zuviel getrunken.* При ведении домашнего хозяйства нередко можно услышать от мужчины *Was machst du eigentlich den ganzen Tag?* При этом он думает *herabwürdigen, damit sie gar nicht erst auf die Idee kommt, dass sie viel leistet, und es etwa mit dem zu vergleichen, was er so Arbeit nennt*. Но ничего не спорится так искусно, что касается домашнего хозяйства в руках мужчины как навигация телевизионных каналов с помощью пульта дистанционного управления.

Для детей *Kinder* никогда не бывает подходящего времени. Мужчины в большинстве своем боятся появления детей. Дети для них синоним абсолютного и радикального ограничения их личной свободы, так как мужчинам нужно еще делать карьеру, открывать мир, наслаждаться временем, проводимым вдвоем. Поэтому, если он говорит *Wir werden keine Zeit mehr für uns haben*, то он думает *Ich stehe nicht gern an zweiter Stelle*. Когда дети появляется на свет, не редкость услышать *Elternzeit – ich? In diesen Zeiten?*, а думает *Wer ist denn hier die Frau?* С другой стороны, проявляя положительные эмоции по отношению к ребенку и говоря: *So ein kräftiges Kind!*, мужчина думает: *Meine Gene!*

Особый интерес с точки зрения интерпретации мужского поведения с позиции женщины представляет собой ситуация ходьбы по магазинам *Shoppen* с целью приобрести что-либо для мужчины. Здесь женщине необходимо проявить чудеса терпения и выдержки, чтобы достичь поставленной цели. Если мужчина говорит: *Ich nehme den Anzug*, то женщине следует насторожиться, поскольку он может при этом думать: *Mir doch egal, dass der vier Nummer zu groß ist. Hauptsache, wir kommen endlich nach Hause.* В ситуации, когда женщина себе что-либо приобретает и при этом присутствует мужчина, необходимо верно интерпретировать его высказывания. Например:

Das steht dir überhaupt nicht! Скорее всего, думает: *Viel zu teuer!* Или говоря: *Das hast du doch schon!,* задается вопросом: *Wozu braucht eine Frau eigentlich gleich zwei schwarze Hosen?*

Не менее интересной является ситуация «Мужчина на работе» *Job*. В этой сфере необходимо правильно интерпретировать то, что говорит и как ведет себя мужчина. Например, если мужчина говорит: *Ich kann jetzt nicht*, то подразумевает *Ich kann nie.* Если на вопрос, когда он будет свободен, он говорит: *Mal sehen, ob ich da noch ein Zeitfenster habe*, то при этом думает: *Arbeit? Sind die denn verrückt!* Если он особенно расположен и говорит, что *Wir sind doch ein Team!*, то это следует интерпретировать как: *Ich delegiere, sie macht die Arbeit*, а если предупреждает: *Ich bin dann mal kurz in der Mittagspause!*, то скорее всего имеется ввиду: *Dann bis morgen!*

Таким образом, проблема интерпретации мужского поведения с женской точки зрения, как впрочем, и наоборот, вызывает интерес исследователей не только с психологических, но и с лингвистических позиций. Мы должны постоянно учиться понимать друг друга, разбираться и анализировать тот или иной тип поведения, с тем, чтобы выстраивать ровные, доброжелательные отношения с противоположным полом не только в семье, но и на работе.

Л.М. Пахолкова,
Череповец, Череповецкий государственный университет

ГЕНДЕР В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Язык является социальным феноменом, отражая результаты социального развития общества. Язык выступает инструментом социальных процессов в обществе, средством выражения социальных протестов. Это находит свое отражение в институциональном политическом дискурсе. До сегодняшнего дня институциональный политический дискурс является преимущественно мужским. Языковым отражением является отсутствие обозначений женского рода в английском, немецком и русском языках: политик, politician, der Politiker, депутат, deputy, der Abgeordnete.

Этот факт находит отражение в морфологическом строе языка – в английском языке отсутствует категория рода. Поэтому американских

политиков трудно упрекнуть в языковом пренебрежении относительно номинации официальных должностных полномочий женщин. Наличие категории рода в русском и немецком языках ярко демонстрируют дискриминацию женщин в политическом дискурсе, хотя социальное развитие общества, развитие демократии дают женщинам все больше возможностей для самореализации в политике. Самым амбициозным удается многое.

Немецкий политический дискурс можно назвать в этом отношении самым продвинутым – второй срок самый главный пост в стране занимает женщина – федеральный канцлер Ангела Меркель. В связи с этим в немецкое словообразование обогатилось еще одним словом: die Bundeskanzlerin, не отраженным в современных словарных дефинициях. Активно употребляет эту номинацию сама госпожа Федеральный канцлер:

«Hier auf der Westerplatte gedenke ich als deutsche Bundeskanzlerin aller Polen, denen unter den Verbrechen der deutschen Besatzungsmacht unsägliches Leid zugefügt wurde»[1].

«Das Einzige, das man sagen kann, ist, dass es letztes Jahr besser gelaufen ist, als viele erwartet haben; durch ein sehr harmonisch abgestimmtes Handeln auf der internationalen Bühne und – ich glaube, ich darf das auch sagen, auch wenn ich mit Freude heute einer neuen Bundesregierung als Bundeskanzlerin vorstehe – durch in engster Abstimmung mit den Bundesländern erfolgtes kluges Handeln der vorherigen Bundesregierung, was die Fragen der Konjunkturhilfen, was die Fragen der Finanzhilfen anbelangt»[2].

Не только лексема «Bundeskanzlerin» получила гендерную окраску у госпожи Ангелы Меркель:

«Das sage ich gerade auch vor dem Hintergrund meiner Ausbildung als theoretische Physikerin»[3].

«Dann kann man Prognostiker oder Agnostiker werden oder depressiv oder was weiß ich – ich werde nichts von alldem; ich bin Politikerin und will für den Wohlstand dieses Landes sorgen»[4].

---

[1] http//www.bundeskanzlerin.de (01.09.2009)
[2] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.01.2010:1
[3] http//www.bundeskanzlerin.de: 19.02.2009:1
[4] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.01.2010:4

Госпожа федеральный канцлер, говоря о себе, не всегда последовательна при употреблении суффикса – in – маркера женского рода в немецком языке.

«Es werden Wirtschaftsprognosen gemacht, es werden Steuerschätzungen gemacht, aber Fehlergrenzen werden nicht angegeben. Man kennt das in der Politik und ist aber als Physiker irgendwie schockiert»[1].

В своем выступлении перед американским конгрессом А. Меркель обозначает себя то как der deutsche Bundeskanzler, то как die Bundeskanzlerin:

«Ich bin der zweite deutsche Kanzler, dem diese Ehre zuteil wird. Konrad Adenauer war der erste, als er im Jahre 1957 nacheinander vor beiden Häusern des Kongresses gesprochen hat…

Meine Damen und Herren, es ist wunderbar, dass die Geschichte es wollte, dass wir – der aus Deutschland verjagte, damals 12–jährige Junge und ich, die in der DDR aufgewachsene Bundeskanzlerin des heute wieder vereinten Deutschlands – heute gemeinsam in diesem Hohen Haus sein können. Das erfüllt mich mit großer Freude und großer Dankbarkeit. Das hätte ich mir vor 20 Jahren, bevor die Mauer fiel, in meinen kühnsten Träumen nicht ausmalen können. Denn damals war es außerhalb meiner Vorstellungskraft, überhaupt in die Vereinigten Staaten von Amerika reisen zu dürfen, geschweige denn eines Tages hier zu stehen»[2].

Это связано, скорее всего, с нежеланием противопоставить себя каким-то образом одной из величайших фигур немецкой современной истории – Первому Федеральному канцлеру послевоенной Германии К. Аденауру.

Анализ выступлений свидетельствует о том, что Канцлер Германии А. Меркель, обращаясь к аудитории, старается сохранить гендерный баланс в номинации обращений: «meine Damen und Herren»; « liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger»[3]; «liebe Soldatinnen und Soldaten aus Frankreich und Deutschland»[4], «liebe Kolleginnen und Kollegen aus dem

---

[1] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.10.2010:1
[2] http//www.bundeskanzlerin.de: 03.11.2009:1
[3] http//www.bundeskanzlerin.de: 31.12.2008
[4] http//www.bundeskanzlerin.de: 09.06.2008

Bundestag, den Landttagen, aus dem Europäischen Union»[1], «…liebe Frau Präsidentin Johnson–Sirleaf»[2]. «Sehr geehrter Herr Ministerpräsident, lieber Jürgen Rüttgers, sehr geehrte Frau Wirtschaftsministerin, liebe Christa Thoben, meine Damen und Herren…»[3].

A. Меркель употребляет в своих речах существительные с суффиксом женского рода не только в качестве обращений: «Unser Schatz in Deutschland sind gut ausgebildete Facharbeiter. Deshalb müssen wir auch eine Brücke für Beschäftigung bauen, was wir durch bestimmte Kombinationen von Kurzarbeit und Qualifizierung der Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter in besonderer Weise durchsetzen wollen»[4].

При оценке исторического наследия Меркель отдает дань с учетом гендера:

«Die Präambel unseres Grundgesetzes bringt es prägnant auf den Punkt: «Im Bewusstsein seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen». In diesen Tagen – vor allem um den 23. Mai herum – habe ich sowieso sehr häufig daran gedacht, was für eine Weisheit und was für eine tiefe Demut die Väter und Mütter des Grundgesetzes geleitet haben, als sie es geschrieben haben. Wenn wir heute ein neues Grundgesetz zu schreiben hätten, weiß ich nicht, ob wir noch eine Mehrheit dafür bekämen, zu sagen: “Im Bewusstsein seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen“»[5].

Но как политический деятель крупного масштаба, получившая воспитание в религиозной семье, верной традициям церкви, A. Меркель избегает языковых инноваций, когда речь идет о вечном, о человеке как создании Божьем. Der Mensch остается существительным мужского рода, олицетворяя всех живущих:

«Für mich ist es wichtig, dass ich versuche, mich vom christlichen Menschenbild leiten zu lassen; das heißt, von einem Menschenbild, demnach dem Menschen als Ebenbild Gottes die Freiheit zusteht, sich nach eigenen Fähigkeiten und Neigungen zu entfalten. Aber – jetzt kommen wir zu dem spannenden Punkt – es ist eine Freiheit, die

---

[1] http//www.bundeskanzlerin.de: 28.01.2009:1
[2] http//www.bundeskanzlerin.de: 08.01.2009
[3] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.01.2010
[4] http//www.bundeskanzlerin.de: 30.01.2009:2
[5] http//www.bundeskanzlerin.de: 21.07.2009:3,4

keineswegs grenzenlos ist. Es ist keine rücksichtslose Freiheit, denn der Mensch ist kein isoliertes Individuum, sondern er ist im christlichen Menschenbild nur in der Eingebundenheit in die Gemeinschaft denkbar – eine Gemeinschaft von Individuen natürlich, mit jeweils eigenen Interessen, mit eigenen Fähigkeiten, mit eigenen Schwächen»[1].

Германия определяется персонифицированным существительным мужского рода, олицетворяющим силу страны:

«Deutschland als mehrmaliger Exportweltmeister, als eine in der Welt zutiefst vernetzte Volkswirtschaft, hat natürlich besonders drastisch unter den Auswirkungen dieser Krise zu leiden»[2].

Собирательные существительные мужского рода служат номинацией представителей разных слоев населения: «Wir müssen schauen, dass unsere Facharbeiter, unsere Meister, unsere Ingenieure – der eigentliche Rohstoff und Schatz Deutschlands – auf der langen Strecke nicht noch in eine große Gefahr kommen. Diese Gefahr sehe ich noch nicht gebannt; ich sage das ganz deutlich… Wenn jeder Mittelständler hier im Saal sich an alle Kriterien von Basel II halten muss, dann wissen Sie, was das für die Kreditvergabe bedeutet»[3].

Неопределенно-личные местоимения с собирательным значением употребляются А. Меркель в форме мужского рода:

«Natürlich wird jeder, der sich als Politiker auf das christliche Menschenbild beruft, in Kauf nehmen müssen, dass an ihn besondere Maßstäbe gelegt werden. Das heißt also, Politik aus christlichem Glauben heraus muss sich beschränken. Das empfinde ich in meiner politischen Arbeit als etwas sehr Begütigendes. Geschöpfe Gottes und wir sind sozusagen dazu verpflichtet, nicht in staatliche Allmachtsansprüche zu verfallen, sondern unser Werk zu tun – aber auch in dem klaren Wissen darum, dass wir unvollkommen sind und dass wir an dieser Unvollkommenheit nicht zerbrechen müssen, weil die Liebe Gottes gegenwärtig ist und jeden, der in dieser Welt agiert – auch die Politiker; so verstehe ich es jedenfalls –, umfängt»[4].

---

[1] http//www.bundeskanzlerin.de: 21.07.2009:2
[2] http//www.bundeskanzlerin.de: 21.07.2009:1
[3] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.10.2010:2,4
[4] http//www.bundeskanzlerin.de: 21.07.2009:3

«Jeder, der sich mit dem Verhältnis von Wachstum und Beschäftigung auskennt, der weiß, was das bedeutet und was für eine anspruchsvolle Aufgabe gerade in Bezug auf die Beschäftigung vor uns liegt»[1].

Говоря о семье, воспитании детей, необходимости финансовой поддержки семьи, госпожа Федеральный канцлер употребляет преимущественно номинации женского рода, что отражает действительное положение дел в Германии – воспитание и забота о детях в повседневной жизни в турецких семьях возложена на матерей:

«Wie kann man nun Eltern stärken? Drei Personen – eine Grundschullehrerin, eine Erzieherin und eine Mutter – haben einen Prozess in Gang gesetzt, von dem auch in Zukunft, wie ich mir gut vorstellen kann, noch viele Familien profitieren werden. Bei den regelmäßigen Treffen mit Müttern werden allgemeine Erziehungsaufgaben und –fragen, eine passende Struktur für den Tagesablauf oder etwa der Umgang mit den Medien besprochen, wobei die aus der Türkei stammende Erzieherin die zentrale Aufgabe der Dolmetscherin übernimmt, denn gerade an der Verständigung mangelt es ja sehr häufig. Es hat sich gezeigt, dass sich viele Mütter nicht in der Lage sehen, ihre Kinder bei den Hausaufgaben zu unterstützen. Also versucht man es mit einer gemeinsamen Hausaufgabenhilfe für Mütter und Kinder»[2].

Вышесказанное, однако, не означает, что введение парных обозначений в институциональном политическом дискурсе Германии началось с вступлением А. Меркель в должность Федерального канцлера. В Нижней Саксонии в 1991 г. было введено предписание для официальных административных документов, которое гласит, что обозначения лиц по признаку пола должны указываться параллельно, а союзы допускаются только «и, или», а не «соотвественно, «и/или»:

«Die Bezeichnungen für natürliche Personen sollen „auf Parallelformulierungen umgestellt werden“: die Studentin oder der Student. Dabei soll die feminine Bezeichnung der maskulinen vorangehen…Als Konjunktionen sind nur *und* oder *oder* zugelassen, nicht aber *beziehungsweise* oder *und/oder*. – Auf diese Weise soll einerseits geschlechtergerecht, andererseits eindeutig formuliert werden»[3].

---

[1] http//www.bundeskanzlerin.de: 18.10.2010:2

[2] http//www.bundeskanzlerin.de: 08.03.2010:2

[3] Dietrich M. „Gerechtigkeit gegenüber jedermann“ – „Gerechtigkeit

В качестве выводов к вышесказанному нам представляются логичными следующие:

1. Значения слов, сами по себе не являющиеся дискриминирующими, отражают и обозначают современные социальные процессы в обществе. Они определяются дискурсом в рамках конкретного исторического периода.

2. Специфические особенности языка не позволяют обозначить корректно денотат, а общество толерантно относится к отсутствию соответствующих лексических средств, за исключением достаточно небольшого числа радикально настроенных представительниц феминизма.

3. Институциональный политический дискурс отражает гендер на уровне, который соответствует социальному развитию общества, поэтому речь идет скорее не о наличии или отсутствии словообразовательных моделей, а о том, что сегодняшнее общество остается обществом мужского рода.

4. Употребление в институциональном политическом дискурсе в качестве номинации преимущественно существительных мужского рода не рассматривается в качестве дискриминирующего фактора, так как это связано с языковой традицией.

О.В. БОЛЬШАКОВА,
Москва, ИНИОН РАН

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ РУСИСТИКЕ

Одной из первостепенных задач, выдвинутых в свое время первым поколением женских историков на Западе, был пересмотр схем исторической периодизации, которая прежде основывалась исключительно, как считалось, на истории мужчин. Неудивительно, что к этой проблеме обратились и русисты, поскольку «новая хронология», будучи наиболее общим мерилом научных достижений, неизбежно

---

gegenüber allen Menschen“, S. 193 in: „Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende“ Verlag: GfdS: Gesellschaft für deutsche Sprache. Wiesbaden, 2000.

придает вес любой отрасли исторического знания, особенно такой «вызывающей» с точки зрения научного истеблишмента, как женская история. Кроме того, сама задача создания хронологической схемы побуждает к осмыслению того, что уже сделано предшественниками, и дает необходимую опору для последующих исследований.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в сборнике «Русские женщины»[1] который подвел определенную черту под тем, что было сделано в области женской истории в 1970–80-е гг. В центре предложенной авторами-составителями Б. Клеменц, Б. Энгель и К. Воробек концепции находился социальный опыт женщин, и основанием для нее служили ключевые для социальной истории категории приспособления, сопротивления и трансформации. По мнению этих исследовательниц, в истории русских женщин просматриваются два крупных периода. Первый соответствует эпохе традиционного общества, он характеризуется преимущественно «приспособлением» женщин к существующей патриархальной системе. Формы женского сопротивления патриархальной власти проявлялись в этот период на микроуровне отдельной семьи или общины и часто трудно отличимы от успешного приспособления. Сущность второго периода, соответствующего эпохе индустриального, вестернизованного общества, составляет «трансформация» – процесс превращения женщины в независимую личность, который начался в России после петровских реформ и первоначально коснулся только столичной элиты. В провинции дворянки сохраняли традиционный образ жизни приблизительно до середины XIX в., а для крестьянок эпоха глубоких социальных изменений началась не ранее 1880-х годов. Таким образом, хронологическая граница между двумя периодами оказывается весьма подвижной. Что касается форм женского сопротивления, то в XIX–XX вв. центральное место занимает социальный протест[2].

---

[1] Russia's women: Accommodation, resistance, transformation / Ed. by Clements B.E, Engel B.A, Worobec Ch.D. Berkeley, 1991.

[2] Russian women, 1698–1917: Experience and expression, an anthology of sources / Comp., ed., annot., a. introd. by Bisha R. et al. Bloomington, 2002. P. 2, 7.

Зарубежные русисты сходятся во мнении, что XVIII в. был ключевым периодом в изменении статуса женщины как в обществе, так и в семье, и важнейшую роль здесь сыграли реформы Петра I, которые считаются переломным моментом, водоразделом в гендерной истории России. Изучение ближайших и отдаленных последствий петровских преобразований осуществляется в западной русистике в рамках исследований так называемого «длинного XVIII века» (1700–1825). Однако здесь наблюдается определенная гибкость: в ряде случаев хронологическая граница этого периода отодвигается к 1830–40–м годам, а иногда и к 1860 г. Это имеет под собой серьезные основания, поскольку другой важной вехой в области женской истории изначально считалась эпоха Великих реформ, когда произошли серьезные изменения в социальном положении женщин (они получают доступ к образованию, значительно расширяется их участие в общественной жизни). Кроме того, отмена крепостного права внесла решающие изменения в образ жизни представителей высших и средних слоев общества.

Эпоха реформ поставила на повестку дня так называемый «женский вопрос». В эти годы – значительно позднее, чем в Западной Европе и Америке – в Российской империи возникает движение женщин за свои права, хотя круг требований был тогда еще значительно ограничен. Урбанизация, а затем форсированная индустриализация явились важнейшими факторами, не только ускорившими трансформации в социальном положении женщин, но и значительно расширившими их масштабы; они способствовали вовлечению в этот процесс крестьянок и работниц. Как отмечают исследователи, низшие слои общества совершенно иначе ощущали на себе воздействие петровских преобразований, Великих реформ и индустриализации. Их переход от традиционной патриархальности к буржуазным социальным моделям происходил гораздо медленнее, и к 1917 г. еще далеко не был закончен. Декреты Временного правительства и Советской власти, даровавшие женщинам все мыслимые гражданские свободы, легли, таким образом, на достаточно неоднородную социальную почву, где патриархальные структуры сочетались с ростками нового[1].

---

[1] Russian women… P. 12–13.

Советская эпоха, казалось бы, вполне отвечает всем критериям периода «трансформации», когда происходил процесс освобождения женщины и формирование ее как независимого социального субъекта. Тем не менее, сам факт обретения женщинами всей полноты гражданских прав заставляет социальных историков проводить четкую границу между дореволюционной и советской эпохами и считать революцию «разрывом», переломным моментом в периоде трансформации. Ключевую роль здесь играет избранная точка отсчета – социальный опыт женщин. Немалую роль играют и убеждение, что в основе этого опыта лежат юридически закрепленные права, и привычка опираться в своей работе в первую очередь на правовые акты и только затем «поверять» их практикой. Исследования, уделяющие большее внимание повседневной жизни и микроистории, обнаруживают в советской эпохе многие явления, корнями уходящие в дореволюционное прошлое, а правовые нормы выступают в них в качестве механизмов, закрепляющих уже существующую практику. И все же в основе выделения отдельного советского периода в гендерной истории чаще всего лежит убеждение в уникальности «социалистического эксперимента».

Предложенная социальными историками периодизация, основанная на категориях опыта и статуса, не во всем совпадает с общепринятой. Более того, она предлагает иное понимание исторической эволюции, поскольку совершенно определенно демонстрирует, что проводившиеся «сверху» изменения очень медленно достигали низов общества, для которых периодизация оказывается иной. Эта многослойность требует более гибкого и одновременно строгого подхода к хронологии, который учитывал бы одновременное существование «разных реальностей» на разных уровнях социальной иерархии.

Исследования маскулинности, к которым зарубежные русисты подключились совсем недавно, также вносят свой вклад в новое понимание исторической эволюции России и осмысление периодизации ее гендерной истории. Здесь также наблюдаются определенные несовпадения как с общепринятой хронологией, так и с европейской линией развития. Хотя исследования маскулинности проводятся главным образом в русле культурной, а не социальной истории, петровская «революция сверху» является и в данном случае важным водоразделом. Именно тогда на передний план выходит

новый тип мужественности, освобожденный от православного смирения и аскетизма, наполненный новым светским содержанием[1].

Избрав в качестве опоры изменения в гендерных стереотипах и нормах, «новая культурная история» выделяет переходный период от «эгалитаризма» эпохи раннего Просвещения, когда женщины и мужчины считались (относительно) равными, к иерархическому дискурсу романтизма 1830-х годов с его гипертрофией маскулинности. Переход начался в 1790-х годах и был связан с утверждением в России идеологии «разделенных сфер», отводившей женщине роль «хранительницы очага». Эта идеология способствовала возникновению нового, буржуазного идеала семьи (который парадоксальным образом утвердился сначала в императорской фамилии) и затем – индивидуалистического буржуазного типа маскулинности.

Так же как и в истории женщин, изменения здесь идут сверху вниз, и 1880-е годы, а в особенности рубеж веков оказываются периодом общего ускорения трансформаций в статусе и образе жизни мужчин всех социальных слоев. Однако современные гендерные исследования выделяют в данном случае особый хронологический период – наступление эпохи модерности (1980-е – 1930-е гг.). Характерные для этой эпохи глубокие кризисные явления затронули не только социальные, но и гендерные идентичности, вызвав, в частности, кризис маскулинности, который начался в Европе в конце XIX в. и в полной мере проявился в России перед Первой мировой войной. В этот период возникает новый тип «милитаризованной мужественности», переходный по отношению к гипермаскулинному образу «нового советского человека»[2]. Исследователи единодушно отмечают глубинный характер мощных трансформаций, протекавших в российском обществе в эпоху модерности, а Дж. Санборн говорит даже о «гендерной революции», которая имела место между 1905 г. и сталинской «революцией сверху» и была направлена на

---

[1] Kollmann N.Sh. ‘What’s love got to do with it?’: Changing models of masculinity in Muscovite and Petrine Russia // Russian masculinities in history and culture. Basingstoke (Hants.), N. Y., 2002. P. 18.

[2] Russian masculinities in history and culture / Ed. by Clements B.E. et al. Basingstoke (Hunts); N.Y., 2002. P. 194.

освобождение юношей от оков патриархальной власти[1]. Выделение отдельной эпохи модерности, стирающее водораздел 1917 г., позволяет рассматривать формирование гендерных идентичностей, не замыкаясь в узких рамках советского периода.

В целом ряде недавно опубликованных зарубежных работ, выполненных в рамках «новой культурной истории», а также в русле «нового историзма», пересматриваются общепринятые хронологические границы, а иногда предлагается и альтернативная периодизация, как, например, в работе Дж. Гейт. Выделив два поколения женщин–писательниц, которые пришли в литературу в 1830-е и в 1850-е годы, автор ставит под вопрос традиционную «мужскую» периодизацию, для которой важны эпохи 1840-х и 1860-х годов[2]. Откровенный вызов общепринятым представлениям заметен в работах К. Келли, которая выделяет совершенно непривычные для нас исторические периоды 1760–1830 гг., 1840–80-х и 1890–1920-х годов и фактически игнорирует эпоху Великих реформ[3]. Выдвигая свою периодизацию, основанную на ином понимании исторической эволюции, свойственном эпохе постмодерна, гендерная история отказывается от так называемого «нарратива прогресса» и ключевую роль отводит преемственности, а не разрывам.

Новое понимание исторической эволюции, предложенное уже социальной историей женщин (которая зафиксировала постепенное движение трансформаций «сверху вниз» и сосуществование «разных реальностей» на разных уровнях социума) и получившее дальнейшее развитие в «новой культурной истории», позволяет пересмотреть многие казавшиеся ранее незыблемыми истины. В частности, оно окончательно лишает объяснительной силы давно переживший себя постулат о «культурной пропасти», которая в результате петровских реформ «трагически» разделила народ и элиту (интеллигенцию) в России. Становится понятно, что этот тезис имел под собой основания

---

[1] Sanborn J. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb, 2003. P. 161.

[2] Gheith J.M. Women of the 1830s and 1850s: alternative periodizations // A history of women's writing in Russia. Cambridge, UK; N.Y., 2002. P .97.

[3] Kelly C. Refining Russia: Advice literature, polite culture, and gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.

во второй половине XIX в., когда общество стало проявлять озабоченность проблемой крестьянской «отсталости». Однако в начале XX в., когда все более широкие массы крестьянства стали приобщаться к городской культуре и когда в период глубоких кризисных изменений эпохи модерности рождается культура массовая, он годился уже скорее для публицистов, а не для серьезного исторического анализа.

Е.И. Трофимова,
Москва, ИППК МГУ

ГЕНДЕРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В предлагаемом докладе будет рассмотрена ситуация, когда при накопленном гендерном опыте в высшей школе гендерное просвещение общества едва продвигается.

Ж.Лакан пишет о том, что человек созидается в языке, который всегда принадлежит другому, следовательно, язык как главный способ коммуникации должен отражать, фиксировать и закреплять в сознании и общества, и индивида накопленные гендерные знания и объяснять способы их применения. Теоретики, работающие в области ГИ, не столько хотят создать особенное поле исследования, сколько сформулировать новые способы размышления. Современное образование, ориентированное на новую модель человека и на формирование конкретно востребованных знаний и навыков индивида, неизбежно выходит на проблему адресно-направленных образовательных программ. Новые подходы, и в первую очередь, гендерные, акцентируют внимание, прежде всего, на социокультурных доминантах, влияние которых определяет статус человека, формы его реализации, способность быстро ориентироваться в постоянно меняющемся мире.

Во-первых, гендерная проблема должна грамотно и внятно отражаться в СМИ, чего, к сожалению, совсем не происходит.

Во-вторых, гендерное образование должно строиться системно, через деконструкцию всех его элементов, начиная от уровня начального образования вплоть до высшей школы. Особое внимание следует уделять переработке канонических списков, репрезентирующих культуру, и ликвидации «гендерной неграмотности» среди журналистов и публицистов.

В-третьих, надо смело опираться на русский язык, который является гендерно-сбалансированным, и в нём легко образуются мужские и женские формы, и проводить идеи гендерного равенства.

Всё сказанное выше заставляет задуматься о роли СМИ в гендерном образовании общества. Несомненно, сегодня телевидение, радио и пресса играют ключевую роль во внедрении в массовое сознание тех или иных идей. Из-за того, что средства информации контролируют всё культурное пространство отдельной личности, практически невозможно избежать такого влияния. Эта мировая сеть управляется конкретными людьми, обладающими конкретными взглядами и идеями, и не все они сторонники патриархатных взглядов, но и у сторонников равноправия полов, гендерные понятия фрагментарны, случайны, неглубоки. Следовательно, без системного гендерного образования работников СМИ достижения в ГИ так и останутся достоянием узкого круга специалистов. Поэтому гендерное научное сообщество должно понять, что необходимо искать пути влияния на систему образования, вводить гендерные курсы на различных уровнях и в различных формах, особенно для специальностей, напрямую влияющих на общественное мнение – журналистики, социологии.